

TERRA EURASICA

к 60-летию академика

Б. В. Базарова

**Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения Российской академии наук**

TERRA EURASICA:
к 60-летию академика Б. В. Базарова

Иркутск
Оттиск
2020

УДК 94(5)
ББК 63.3(5)
Т35

Утверждено к печати Ученым советом
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
«Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН»

Ответственные редакторы:

чл.-корр. РАН Н. Н. Крадин,
д-р ист. наук, проф. Л. В. Курас

Рецензенты:

д-р ист. наук А. М. Плеханова
д-р ист. наук, проф. В. Д. Дугаров
д-р ист. наук, проф. Е. И. Лиштованный

Т35 Terra Eurasica: к 60-летию академика Б. В. Базарова: Сборник научных статей / отв. ред. Н. Н. Крадин, Л. В. Курас. – Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2020. – 300 с.

В сборник включены статьи, подготовленные к 60-летию юбилею академика Б. В. Базарова. Рассматривается широкий круг проблем всемирной и отечественной истории, начиная от первобытной археологии до современных вопросов экономической интеграции на евразийском пространстве. Большое внимание уделено Байкальской Азии, истории Монголии.

Книга предназначена для историков, специалистов в области общественных и гуманитарных наук, а также всех интересующихся вопросами отечественной и всемирной истории.

ISBN 978-5-6045121-3-5

© ИМБТ СО РАН, 2020
© Б. В. Базаров, 2020
© Н. Н. Крадин, 2020
© Л. В. Курас, 2020

Вместо введения

Дело, которому ты служишь : К 60-летию академика Бориса Вандановича Базарова

10 октября исполняется 60 лет доктору исторических наук, профессору, академику РАН, директору Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН Борису Вандановичу Базарову. В настоящее время Б. В. Базаров – академик РАН, видный российский ученый-востоковед, крупный организатор науки, директор Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (ИМБТ СО РАН). С 2007 г. по 2016 г. он возглавлял Президиум Бурятского научного центра СО РАН (БНЦ СО РАН), а в настоящее время – научный руководитель БНЦ СО РАН. Он является автором трех сотен научных работ, в том числе 39 авторских и коллективных монографий, сборников документов по социально-политической и этнокультурной истории Центрально-Азиатского региона.

Его звания, государственные награды, общественные должности, даже выведенные убористым почерком, могут занять не одну страницу. Между тем о нем написано не так много. О Б. В. Базарове имеются небольшие справки в справочных изданиях Российской академии наук¹ российских биобиблиографических словарях²,

¹ Российская академия наук. Сибирское отделение. Персональный состав. Новосибирск: Наука, 2007. С. 592; Нотман Р.К. Восток – дело тонкое // Преемственность. Научные школы СО РАН/отв. ред. академик В.И. Молодин. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2007. С. 249–262; Базаров Борис Ванданович // Справочник. 2008. Часть I. Члены Российской академии наук. М.: Наука, 2008. С. 117.

² Базаров Борис Ванданович // Историки России. Кто есть кто в изучении Отечественной истории. Биобиблиографический словарь. 2-е изд., исправленное и дополненное/под ред. В.А. Динеса. Саратов: Изд. Центр Саратовского государственного социально-экономического у-та; Изд-во «ЛЕТОПИСЬ», 2000. С. 45; Базаров Борис Ванданович // Чернобаев А.А. Историки России XX века: Биобиблиографический словарь. Т. 1/под ред. В.А. Динеса. Саратов: Изд. Центр

справочных изданиях Бурятского государственного университета¹, ИМБТ СО РАН², в юбилейном издании Народного Хурала³, официальное сообщение об избрании членом Российской академии наук⁴, а также статьи в периодике⁵, в том числе опубликованные к 50-летию со дня рождения академика⁶.

Борис Ванданович родился 10 октября 1960 г. в селе Курумкан Курумканского района Бурятской АССР. Его отец, Вандан Бадмаевич, был партийным руководителем и в течение нескольких десятилетий был первым секретарем Селенгинского (дважды), Тункинского, Баргузинского (дважды) райкомов КПСС Бурятской АССР, Советского райкома г. Улан-Удэ, заведующим отделом Областного комитета партии. С распадом СССР именно он сумел из разрозненных организаций социалистической и коммунистической ориентации создать в 1990 г. Бурятское отделение КПрФ. Почетный гражданин Республики Бурятия. Вандан Бадмаевич автор ряда монографий, посвященных партийному руководству развитием сельского хозяйства в СССР, кандидат исторических наук. Его диссертация была защищена в диссертационном совете Академии общественных наук при ЦК КПСС под руководством академика Академии наук Казахской ССР, чл.-корр. АН СССР Б. А. Тулепбаева⁷.

Саратовского государственного социально-экономического у-та, 2005. С. 74–75.

¹ Научный потенциал Бурятского государственного университета. Аннотированный список докторов и кандидатов наук/сост. Доржиев Ц.З., Хасаранов Б.Ц. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 1996. С. 9; Базаров Борис Ванданович // Доктора наук и профессора БГПИ-БГУ (1932–2012)/Бурятский государственный университет; науч. ред. С.В. Калмыков; сост. С.В. Калмыков, Ц.З. Доржиев, С.М. Бабушкин, А.Г. Малгатаева. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2012. С. 113–114.

² Базаров Борис Ванданович // Ученые-исследователи Бурятского института общественных наук СО РАН. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1997. С. 23–24; Базаров Борис Ванданович // Ученые-исследователи Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (к 80-летию института): библиографический справочник. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2002. Ч. 2. С. 17–18.

³ Кальмина Л.В. Главное достижение – стабильность // Народный Хурал Республики Бурятия – 25 лет. Улан-Удэ: ЭКОС, 2019. С. 90–91.

⁴ Официальное сообщение // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2016. № 4 (24). С. 9.

⁵ Кальмина Л. Азарт академизма/Л. Кальмина // АиФ в Бурятии. 2016. № 45 (9 нояб.); Она же. Центр востоковедения переместился в Бурятию/Л.В. Кальмина // МК в Бурятии. 2006. № 5.

⁶ Курас Л.В. Лидер бурятской науки // Аргументы и факты в Бурятии. 2010. № 38. С. 3; Он же. Флагман бурятской науки/Л.В. Курас // Власть: Общенациональный научно-политический журнал. М., 2010. № 10. С. 4; Он же. Флагман бурятской науки/Л.В. Курас // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2011. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2011. С. 417–420.

⁷ Натаев П.Л. О жизни и о времени/П.Л. Натаев. Улан-Удэ: Республиканская

Мама – Вера Малановна – учитель русского языка национальных школ. Она занималась не только практическим преподаванием, но и разработкой методических вопросов. Причем проблема школьного образования и обучение русскому языку в национальных школах стала темой ее научного интереса и ряда научных публикаций, подготовленных под руководством д. пед. н., проректора НИИ национальных школ Академии педагогических наук, академика АПН РСФСР, главного редактора журнала «Русский язык в национальных школах» И.В. Баранникова. Последнее место работы – инспектор народного образования Селенгинского района Бурятской АССР.

В 1977 г. Борис окончил среднюю школу №1 г. Улан-Удэ и поступил на историко-филологическое отделение Бурятского государственного педагогического института, по окончании которого, в течение 1981–1983 гг., был на комсомольской работе: секретарь Гусиноозерского горкома ВЛКСМ, заведующий отделом студенческой молодежи Областного комитета комсомола.

С 1983 г. он перешел на преподавательскую работу в Восточно-Сибирский государственный институт культуры, где под чутким руководством д. и. н., проф. Бато Бадмаевича Батуева прошел путь ассистента – старшего преподавателя – доцента – заведующего кафедрой.

В 1984–1987 гг. – аспирантура Иркутского государственного университета, где под руководством профессора Б.Б. Батуева была защищена кандидатская диссертация, а в 1995 г. в диссертационном совете при Иркутском государственном университете защитил докторскую диссертацию (научный консультант – д. и. н., проф. Н.Н. Щербаков).

Становлению Бориса Вандановича как вузовского преподавателя и ученого во многом способствовали профессора Б.Б. Батуев, Б.С. Санжиев, В.Т. Агалаков, И.И. Кузнецов, Н.Н. Щербаков. С особой теплотой Б.В. Базаров вспоминает своих вузовских преподавателей доктора исторических наук, профессора Н.П. Егунова, кандидатов исторических наук, доцентов Б.П. Крянева, Е.Л. Бадмаева и С.В. Евдокимову, которой недавно исполнилось 80 лет.

Одновременно с работой в институте культуры Борис Ванданович преподавал в Бурятском государственном университете, где создал кафедру истории Бурятии, став ее первым заведующим.

Тем самым с именем академика Б.В. Базарова связано создание базового компонента для изучения истории республики и подготовки специалистов по истории национального субъекта, многие из которых затем защитили кандидатские и докторские диссертации под руководством ученого.

В 1995 г. Б.В. Базаров перешел на работу в Бурятский институт общественных наук (БИОН) СО РАН. В 1997 г. он становится директором БИОНа, одним из самых молодых директоров академических институтов в стране. Б.В. Базаров очень тонко уловил новые направления развития гуманитарной науки и по предложению руководства СО РАН не только реформативировал научные направления работы института, но и вывел их на новые тренды мирового развития. С этого времени Институт стал называться Институтом монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, а его научные исследования сконцентрированы в рамках комплексного изучения проблем тибетологии, буддологии, монголоведения и закономерностей социально-экономического, исторического и культурного развития народов Байкальского региона и Центральной (Внутренней) Азии, которые являются наиболее оптимальными и приоритетными, обеспечивающимися высоким уровнем высококвалифицированных специалистов.

Молодой директор не только нацелил коллег на изучение наиболее актуальных фундаментальных проблем общественных и гуманитарных наук, но и привлек в институт молодежь, что способствовало активизации различных сторон деятельности института. Одним из первых шагов включения института в международное научное пространство стал проект ЮНЕСКО «Трансформация кочевых цивилизаций», в котором приняли участие ученые Китая, Монголии и России. В ходе трехлетних исследований были проведены масштабные экспедиции по территории почти всех аймаков Монголии, Китая и сибирских субъектов Российской Федерации. Б.В. Базаров участвовал практически во всех экспедиционных поездках и объехал большинство из вышеперечисленных стран и регионов. Итогом реализации проекта стали несколько крупных международных конференций, на которых были обсуждены различные стороны трансформации культурного наследия кочевых обществ в постиндустриальную эпоху, показан широкий спектр самых разнообразных вариантов и следствий современных процессов в государствах Внутренней Азии. Это придало институту статус крупного международного научного центра. Не менее

важным итогом стало формирование сети коммуникаций научных институтов и отдельных исследователей, принявших участие в разных этапах реализации проекта. Шаг за шагом, год за годом, постепенно институт получил признание на широком евразийском пространстве от Англии до Японии. Не случайно Борису Вандановичу была вручена Золотая медаль Академии наук Монголии. На Всероссийском съезде востоковедов в 2006 году он был избран Президентом общества востоковедов Российской академии наук и возглавлял его до 2008 г. С 1998 г. Б. В. Базаров постоянный член Всемирной ассоциации монголоведов (Всемирный конгресса монголоведов), а с 2011 г. он вице-президент Международной ассоциации монголоведов и председатель Российского общества монголоведов,

Неуемность, стремление двигаться вперед позволили ему расширить тематику исследований, установить научные, творческие контакты с Академией наук Монголии, рядом академических институтов Китая и Автономного района Внутренняя Монголия КНР, усилить интеграцию с другими востоковедными центрами России. Эта деятельность Б. В. Базарова, нацелившая и сплотившая коллектив института на достижение новых вершин, позволила ИМБТ СО РАН стать крупнейшим монголоведческим институтом в Российской Федерации и одним из наиболее влиятельных центров монголистики в мире.

За крупный вклад в развитие востоковедения, эффективную организацию современных гуманитарных исследований по проблемам социально-экономического и межкультурного взаимодействия в Центральной (Внутренней) и Восточной Азии, подготовку кадров высшей квалификации и плодотворную научную деятельность Б. В. Базаров в 2003 г. был избран членом-корреспондентом РАН по Отделению историко-филологических наук по специальности «История, востоковедение», а в 2016 г. академиком РАН. Это результат его огромного личного вклада в развитие российского и мирового монголоведения, а также следствие высокого авторитета среди академического сообщества. Подтверждением этого стало избрание его в 2011 г. иностранным членом Академии наук Монголии и награждение в том же году высшим орденом Монголии – орденом Полярной Звезды.

Б. В. Базаров внес огромный вклад в сохранение культурного наследия – огромного корпуса нарративных источников, сосредоточенных в Хранилище восточных рукописей и ксилографов

ИМБТ СО РАН, представляющих уникальное собрание печатных и рукописных сочинений на восточных языках, старообрядческую литературу, архив фотографий и аудиозаписей. Под непосредственным руководством Б.В. Базарова была проделана огромная работа по созданию современных условий хранения рукописей и ксилографов, их современному научному описанию, оцифровке и комментированным переводам. Эта работа востребована учеными разных стран.

Он уделяет особое внимание вопросам сохранения, реставрации и изучения архивных материалов, письменных памятников народов Внутренней Азии. Институт гордится богатейшим собранием уникальных документов и текстов на восточных языках, хранящихся в Центре восточных рукописей и ксилографов, коллекции которого включают более 10 комплектов Ганджура и Данджура, уникальных собраний буддистского канона на тибетском и старописьменном монгольском языках, являющихся квинтэссенцией наследия восточной культуры, технологий управления знаниями, восходящими к Древней Индии, одной из отраслей которых является индо-тибетская медицина, изучение наследия которой было начато П. Б. Балданжаповым еще в 1968 г. в Институте общественных наук (с 1997 г. ИМБТ). По инициативе академика Б.В. Базарова было продолжено изучение и исследование письменного наследия в нашем институте. Под непосредственным руководством Бориса Вандановича был издан ряд коллективных монографий, в которых были опубликованы результаты нескольких крупных проектов и переводы наиболее важных трактатов тибетской медицины. Учитывая ценность уникальных коллекций ЦВРК, особенно комплектов буддистского канона, Б.В. Базаров уделяет пристальное внимание работе по оцифровке единственного в мире письменного комплекта Ганджура на старописьменном монгольском языке, изыскивает разные возможности его публикации и выборочного перевода наиболее ценных сочинений из этого многотомного собрания текстов.

Постепенно ИМБТ СО РАН стал ведущим и базовым центром российского востоковедения на рубеже геополитического взаимодействия России с Центральной (Внутренней) и Восточной Азией. За два десятилетия руководства Б.В. Базаровым институтом значительно расширилась география международных контактов института с зарубежными академическими учреждениями. На карте сотрудничества отмечены Монголия, Китай, Индия, Япония, Тай-

вань, Южная Корея, Германия, Франция, Великобритания, Украина и многие другие страны. Большинство из зарубежных партнерств имеют форму долгосрочных научных перспектив, основываются на партнерских и дружеских взаимоотношениях, а научные интересы реализуются как в рамках совместных соглашений и проектов, так и путем прямых научных связей с зарубежными партнерами. Сотрудники института принимают участие в международных конференциях, экспедициях, в подготовке совместных научных трудов, проходят стажировку в рамках различных международных программ с целью расширения научных связей, обмена опытом, чтения лекций, работы в библиотеках, архивах.

Б. В. Базаров был одним из основных инициаторов организации совместных конкурсов научных проектов Российского гуманитарного научного фонда и Российского фонда фундаментальных исследований с Министерством образования, культуры, науки и спорта Монголии, основной целью которых стала консолидация усилий российских фондов и МинОКН Монголии для финансирования научных исследований, выполняемых совместно учеными Российской Федерации и Монголии.

Помимо коллективных международных проектов, изданий научных трудов успешно продолжается практика защиты кандидатских и докторских диссертаций ученых Монголии в Улан-Удэ. Ежегодно с 2003 г. в «Летней школе молодых монголоведов» в г. Улан-Батор проходят стажировку молодые сотрудники института. Они, вместе с другими участниками школы со всего мира, получают бесценный опыт общения с учеными-монголоведами, на лекциях знакомятся с историей, археологией, этнографией, культурой, литературой, фольклором, языком, экономикой и другими сферами жизни Монголии.

С 2000-х годов под руководством Б. В. Базарова развернулись наиболее масштабные исследовательские проекты. Он – руководитель программ фундаментальных исследований СО РАН: «Взаимодействие кочевых, земледельческих и индустриальных цивилизаций Северной, Восточной и Центральной Азии» (2003–2009), «Кочевые, земледельческие и индустриальные цивилизации Северной, Восточной и Центральной Азии: традиции и преемственность в современных взаимодействиях» (2010–2012); «Исторический опыт социально-экономического и межкультурного взаимодействия России в трансграничье Центральной и Восточной Азии» (2013–2016).

Б. В. Базаровым проведены комплексные исследования геополитических и социокультурных процессов, происходящих в Центральной и Восточной Азии. На основе полученных результатов были скорректированы сложившиеся в науке концепции и взгляды на роль и значение кочевых обществ и современных государств Центральной (Внутренней) и Восточной Азии в мировом историческом процессе.

В многогранной научной деятельности Б. В. Базарова значительное место занимают около 65 грантовых, экспедиционных и международных научных проектов в области монголоведения и тибетологии, инициатором, идеологом и руководителем которых он был. Среди них: «Трансформация кочевых цивилизаций Центральной Азии» (2000–2002), «Внутренняя Азия: монгольские народы в условиях трансформации общества» (2003–2005), «Культурное наследие миноритарных групп населения северо-запада Китая» (2008), «Тибетологические центры в Пекине и Лхасе» (2008), «Археографическое исследование письменного наследия тибетцев Кхама и Амдо (Восточный Тибет)» (2010), «Наследие культуры Трансгималаев» (2010–2012), «Монгольские народы: исторический опыт трансформации кочевых сообществ Азии» (2014–2016). В результате проведенных экспедиционных исследований и осуществленных научных проектов впервые удалось синхронно проследить динамику межкультурного и межконфессионального взаимодействия на обширных пространствах Центрально-Азиатского региона и прилегающих территориях Южной, Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока. Особенностью востоковедных проектов, руководимых Б. В. Базаровым, является комплексность, интеграционность, междисциплинарное взаимодействие вовлекаемых в них ученых разных специальностей. Практически все проекты получили реализацию через коллективные монографии и статьи, опубликованные в научной периодике.

Одной из центральных проблем современного гуманитарного знания является поиск цивилизационных истоков современных социальных сообществ и сохранение культурного многообразия в условиях развивающегося взаимодействия. Результаты исследований динамики развития цивилизаций в Центрально-Азиатском регионе, проведенных под руководством Б. В. Базарова, нашли отражение в 70 крупных международных конференциях, организованных по его инициативе и при его непосредственном руководстве. На конференциях и в многочисленных публикациях

в российской и зарубежной периодике были переосмыслены положения мировой монголоведной науки о месте и роли монголоязычных народов в истории России, потенциале развития Сибири и Дальнего Востока в современном экономическом и социокультурном развитии, а также были сформулированы новые задачи, получившие воплощение в ряде научных проектов, в том числе и международных.

С 2014 г. под руководством академика РАН Базарова Б. В. реализуется крупный источниковедческий проект по переводу и изучению многолетнего исторического источника «Правдивые записи о монголах Цинской империи» (п.-монг. *Daicing ulus-un mongyuul-un maγad qauli*), составленный на основе монгольского варианта «Правдивых записей о правлении династии Великая Цин» (кит. Да Цин личао шилу). Этот вариант был впервые опубликован Исследовательским центром по своду древних письменных памятников малочисленных народов АРВМ КНР в 2013 г. в Хух-Хото в шести томах.

Исследование и перевод со старописьменного монгольского языка этого уникального памятника, несомненно, позволят по-новому взглянуть не только на переломные моменты и ключевые события в истории Внутренней Азии нового времени, но и, в силу многоаспектности источника, осветить вопросы истории и культуры монгольских народов в период становления маньчжурского государства и господства династии Цин в Китае. В своде «Правдивые записи о монголах Цинской империи» освещены такие вопросы, как политика, военное дело, экономика, культура, образование, право, религия, этнография, взаимоотношения Цинской империи с Российской империей глазами маньчжурских и китайских чиновников. Безусловный интерес представляют проблема расселения монгольских народов, вовлеченных в систему воинских знамен в границах Цинской империи, этапы и мотивы миграций, а также лингвистический материал, зафиксированные в данном источнике. Широкий круг проблем, рассматриваемых в данном труде, представляют ценнейшие материалы, касающиеся не только истории маньчжуров и монголов Цинского периода, но и маньчжуров, дагуров, эвенков, солонов – этнических групп, с которыми непосредственно связана история Российской империи, ее становление на восточных рубежах. Ввод в научный оборот русскоязычного издания внесет не только крупный вклад в отечественную монголистику и шире в российское востоковедение, но и придаст

дополнительный импульс по всем направлениям монголоведных исследований. На основе материалов памятника впервые детально изучаются особенности монгольского языка XVII века, единая тематика и связность текста дают большие возможности при выявлении лексических, стилистических, грамматических (морфологических и синтаксических) особенностей как языка памятника, так и языка того периода.

Русскоязычное издание, первый том которого увидел свет в 2019 году, включает перевод «Правдивых записей», отражающих эпоху первых трех правителей маньчжурской династии: Нурхацы (годы правления: 1616–1626), Хун-тайджи, или Абахая (годы правления: 1626–1643) и Фулиня (годы правления: 1643–1661).

Еще одним важным направлением деятельности академика Б. В. Базарова стало участие в формировании международной сети экспертов Китая, Монголии и России «Новый шелковый путь». Результатом этой деятельности явилось создание представительной площадки для обсуждения различных вопросов, связанных с созданием экономических коридоров «Китай – Монголия – Россия» и обсуждением различных аспектов сотрудничества. На ежегодных форумах происходит обсуждение наиболее значимых проблем представителями госструктур, бизнеса, учеными и экспертами из разных стран, в результате чего вырабатываются рекомендации, которые могли бы быть полезны для делового и политического сотрудничества.

Важное место в организационной и творческой работе академика Б. В. Базарова занимает «сибирский» компонент. Это исследования, осуществленные под его руководством, которые нашли отражение в издании ряда крупных академических работ, таких как «Историко-культурный атлас Бурятии» (2001), трехтомная «История Бурятии» (2011), «Бурятия: история, культура, современное общество» (2003), «Российско-монгольское военное сотрудничество (1911–1946)» в двух частях (2008; 2019), «Российско-монгольское военное сотрудничество от Халхин-Гола до линкора «Миссури» (1939–1946 гг.). Сборник документов» (2011), «Монголия в документах Коминтерна (1919–1934)» в двух частях (2012), в которых он выступил руководителем проектов и главным редактором. Следует отметить, что «Историко-культурный атлас Бурятии», трехтомная «История Бурятии» и двухтомный «Бурятско-русский словарь» были удостоены Государственной премии

Республики Бурятия в области науки и техники. А сам Б. В. Базаров был удостоен этой премии в 2001 г.

Под руководством Б. В. Базарова был подготовлен фундаментальный трехтомник «Монгольская империя и кочевой мир» (2004, 2005, 2008), который объединил результаты двух крупных международных конференций.

К работе над книгами были привлечены выдающиеся российские (С. Г. Кляшторный, Е. И. Кычанов, Д. Г. Савинов, Т. Д. Скрынникова и др.) и зарубежные (Т. Барфилд, П. Голден, Н. Ди Космо, Г. Франке, А. Хазанов, К. Хэмфри) исследователи. В трех книгах на широком сравнительном материале рассмотрены вопросы социально-политической организации, структуры власти, идеологической и правовой системы Монгольской империи в сравнении с другими кочевыми империями. Большое внимание было уделено рассмотрению таких тем, как отношения кочевников и земледельцев, типология кочевых обществ, конструирование исторических и мифологических образов империи Чингисхана в наши дни.

Б. В. Базаров ведет огромную научно-организационную работу в области подготовки научных кадров. Он способствовал вдумчивому и грамотному омоложению коллектива, в результате чего институт представляет собой сплав опыта и молодости. Б. В. Базаров создатель авторитетной научной школы. В 1998 г. он создал и является бессменным председателем диссертационного совета (Д 003.027.01) при ИМБТ СО РАН по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора наук по историческим наукам, а также членом Диссертационного совета (Д 212.074.05) при Иркутском государственном университете. Под его непосредственным руководством защитили диссертации 10 докторов и 26 кандидатов исторических наук.

Б. В. Базаров – член Президиума Сибирского отделения РАН, член Совета по координации деятельности региональных отделений и региональных научных центров РАН, член бюро Объединенного ученого совета СО РАН по гуманитарным наукам, член архивного совета РАН.

В полной мере талант Б. В. Базарова реализовался на другом административном посту. Уже будучи директором института и членом-корреспондентом РАН, он был избран Председателем БНЦ СО РАН. Именно с его приходом центр преобразился: здания институтов и Президиума заблистали яркими красками после капитального ремонта, жизнь институтов закипела с новой силой, активно

развернулось строительство жилья для молодых ученых и сотрудников БНЦ. Будучи гуманитарием по образованию, Б.В. Базаров оказался и прочным хозяйственником, дотошно разбирающимся в вопросах капитального строительства, и дальновидным организатором науки, видящим перспективы самых разных наук и технологий – от кремниевых кристаллов для солнечных батарей до тибетской медицины, и предприимчивым организатором, сумевшим установить связи с промышленными предприятиями: Улан-Удэнский авиазавод, приборостроительное объединение, РЖД.

Академик Б. В. Базаров ведет огромную редакторскую деятельность. Он – член редакционных коллегий и редсоветов ряда российских научных журналов: «Восток» (член редсовета), «Гуманитарные науки в Сибири» (член редсовета), «Власть» (заместитель председателя редсовета), «Вестник российской нации» (член редсовета), «Проблемы востоковедения» (член редколлегии), «Наука из первых рук» (член редколлегии и редсовета), «Вестник БНЦ СО РАН» (главный редактор, председатель редсовета), «Гуманитарный вектор» (член редколлегии).

Значительное место в деятельности Б.В. Базарова занимает депутатская деятельность. Он дважды избирался депутатом Народного Хурала Республики Бурятия. Природная коммуникабельность, открытость, огромный организационный опыт давали возможность найти выход в самой сложной финансовой ситуации, аккумулировать средства для поддержания образовательных и дошкольных учреждений, домов культуры, развития спорта, туризма и общественной и культурной жизни населения, оказавшего доверие Б.В. Базарову на избирательных округах. Большое место он уделял проведению этнических фестивалей. Как однажды рассказывал сам юбиляр: «Это способствует сохранению национального духа в противовес излишней аккультурации, губящей душу современного человека вестернизации современной культуры».

В качестве народного избранника Б.В. Базаров активно участвует в разработке политических и законодательных документов республики: он один из авторов «Концепции государственной национальной политики Республики Бурятия»; при его участии разрабатываются законы и подзаконные акты в рамках реализации федеральной целевой программы «Охрана озера Байкал и социально-экономическое развитие Байкальской природной территории на 2012–2020 гг.»; им осуществляется экспертная работа по инвестиционным проектам из Восточной Азии (Китай, Кореи, Монго-

лии). Б. В. Базаров – член Совета по науке и инновациям при Главе Республики Бурятия, член Общественного совета при полномочном представителе в Сибирском федеральном округе.

Вследствие высокого научного авторитета ИМБТ СО РАН в 2017 г. институту был выделен мегагрант Правительства РФ на тему «Динамика народов и империй Внутренней Азии», который успешно реализуется в течение четырех лет. В результате исследований сформирована новая лаборатория археологии, этнологии и антропологии, проведены масштабные экспедиционные полевые археологические и этнографические исследования, ведется комплексное изучение полученных материалов с помощью самых современных естественнонаучных методов, проведены представительные международные конференции и изданы их труды, опубликовано большое количество статей в ведущих международных и российских журналах, опубликована серия книг, и среди них такие фундаментальные монографии, как «Кочевые империи Евразии» (2019), «Великая киданьская стена: Северо-Восточный вал Чингис-хана». В настоящее время идет работа над обобщающей коллективной монографией «Динамика народов и империй Внутренней Азии».

Б. В. Базарову присвоены почетные звания: «Заслуженный деятель науки Республики Бурятия» (1998), лауреат Государственной премии Республики Бурятия в области науки и техники (2001), «Заслуженный деятель науки Монголии» (2013). Он избран почетным членом Международной ассоциации монголоведческих исследований (2006), почетным профессором Института общественных и гуманитарных наук Китайского нефтяного университета (2006), почетным профессором Университета Ланьчжоу (2012), почетным членом Академии кочевых цивилизаций Монголии (2014). Он награжден Орденом Дружбы (2007), золотой медалью Академии наук Монголии (2006), высшим орденом Монголии – орденом Полярной Звезды (2011), медалью Хубилай-хана (2012).

В настоящее время академик Б. В. Базаров находится на пике своего научного творчества. Хочется пожелать ему новых интересных работ, недюжинного здоровья, верных учеников, твердой капитанской руки за штурвалом, а институтскому кораблю – попутного ветра и семи футов под килем! Мы убеждены, что несмотря на огромный пройденный путь и выдающиеся результаты, – новые открытия и достижения еще впереди!

Н. Н. Крадин, Л. В. Курас

УДК 93
ББК 63.3 (0) 4

П. Ю. Уваров

**Хартленд средневековья
(особенности исторической динамики
средневекового мира)**

Аннотация. В самом конце 2019 г. из печати вышло новое, исправленное и дополненное издание «Всемирной истории в 6 томах». В статье анализируется второй том этого издания, посвященный Средним векам. Синхронизация социально-экономических, политических и культурных процессов, происходивших в различных регионах Азии, Европы и Африки, позволяет усмотреть в многообразии региональных различий определенное единство средневековой Мир-Системы или же Ойкумены средневекового мира. По сравнению с аналогичными изданиями подобного типа данный проект отличается особым вниманием к проблемам сосуществования оседлых и кочевых народов, к путям формирования и развития средневековых государств, судьбам старых и новых империй, кочевых каганатов, халифатов, королевств и княжеств. «Европейское чудо», конечно, остается в центре внимания и получает новое объяснение. Политический плюрализм в сочетании с определенным культурным единством региона создал благоприятные условия для развития Запада. Важнейшие социальные и правовые институты возникли и окрепли здесь раньше того, как были созданы сильные государства. Взлет Европы произошел не вопреки, а благодаря феодализму. Феодализм был своеобразной роскошью, которую мало кто во всей Ойкумене мог себе позволить. Чтобы понять природу «европейского исключения», стоит взглянуть на него из Хартленда Евразии, где зарождались кочевые империи, вступавшие в неоднозначные отношения в оседлыми соседями.

Ключевые слова: Всемирная история, синхронизация исторических процессов, историческая динамика, средневековая Мир-система, историческая динамика, кочевые империи, Хартленд, феодализм, «Европейское чудо»

В самом конце 2019 г., 17 декабря, было подписано в печать научное издание «Кочевые империи Евразии: особенности исторической динамики») под редакцией академика Б. В. Базарова и чле-

на-корреспондента РАН Н. Н. Крадина¹. Незадолго перед этим, 31 октября, в печать была подписана книга «Мир в Средние века», представлявшая собой исправленное и дополненное издание второго тома «Всемирной истории в шести томах» под общей редакцией академика А. О. Чубарьяна².

Оба труда были отпечатаны в одной и той же московской типографии издательства «Наука» в Шубинском переулке. Оба стали «книгами трудной судьбы», поскольку их путь не то, что к читателям, но даже к авторам и редакторам был чрезвычайно затруднен мировой пандемией.

В обоих трудах большое участие принял один из редакторов настоящего издания Н. Н. Крадин, который взял на себя весь «кочевой блок» второго тома «Всемирки». На этом сходство не исчерпывается, что уже не столь очевидно. Ведь ответственность за оба издания второго (а заодно и третьего) тома была возложена на отдел истории Западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени ИВИ РАН. Поэтому логично было бы ожидать, что предпочтение будет отдано материалу западноевропейского феодализма, Восток же, как Дальний, так и Ближний, займет место экзотической периферии, а кочевой мир будет описан сугубо негативно, разве что с вынужденным реверансом в сторону его роли «моста между цивилизациями».

Вышло совсем иначе. Но чтобы понять, насколько и почему иначе, надо сделать пространный экскурс в «историю вопроса». Когда А. О. Чубарьян, директор Института Всеобщей истории Российской академии наук, в самом конце 2006 г. объявил на Ученом совете, что мы будем издавать «Всемирную историю в шести томах», это не вызвало энтузиазма у присутствующих. Все привыкли считать, что большие коллективные труды давно канули в Лету, что всяк сам себе историк, а лучше – микроисторик. Неужели сейчас, в век гибели «больших нарративов», можно писать глобальную историю, да еще в форме истории-нарратива, с рассказом о событиях? Несколько успокоило умы резонное замечание начальства о том, что если Институт Всеобщей истории не может

¹ Кочевые империи Евразии: особенности исторической динамики/отв. ред. Б. В. Базаров, Н. И. Крадин; Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН; Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. М.: Наука – Вост. лит., 2019.

² Всемирная история: В 6 т./гл. ред. А. О. Чубарьян; Ин-т всеобщ. истории РАН. 2-е изд., испр. и доп. М.: Наука, 2019. Т. 2: Мир в Средние века/отв. ред. П. Ю. Уваров. 2019.

и не хочет писать Всеобщую историю, то зачем такой институт вообще нужен? Но важнее было то, что в мировой историографии в ту пору уже намечался и витал в воздухе повышенный интерес ко всеобщим или глобальным историям. Достаточно было ознакомиться с анонсированной программой МКИН, который должен был состояться в Амстердаме в 2010 г¹.

Предыдущая «Всемирная история в десяти томах» издавалась в СССР в 1955–1965 гг. (позже были допечатаны еще три тома, посвященные современности)². На этот проект были брошены лучшие историки Советской империи. В условиях советской системы задание по «Всемирной истории» было обязательным для исполнения всеми академическими институтами и университетским центрами. Статьи проходили согласование на разных уровнях. В целом издание считалось триумфом марксистской концепции закономерной смены общественно-экономических формаций и их универсального характера. Темно-зеленые тома, изданные громадными по нашим сегодняшним меркам тиражами (от 100 до 135 тысяч экземпляров), до сих пор украшают все библиотеки – от самых крупных до районных.

Все это ушло в прошлое вместе с эпохой и страной. В постсоветское время историки иногда брались писать «Всемирные истории», но именно как индивидуальные начинания³, которые, как правило, не воспринимались профессиональным сообществом всерьез. Скорее всего – напрасно, но ничего не поделаешь.

О том, надо ли каждой эпохе писать свою «Всемирную историю», можно долго спорить, особенно теперь, когда есть безграничные ресурсы интернета, есть возможность скачать, например, «Кембриджскую средневековую историю» и т. д. Но время показало, что запрос на новые издания «Всемирных историй» чрезвычайно велик, причем именно их национальных версий⁴. Хотя тогда, зимой 2006–2007 годов, это было совсем не очевидно.

¹ См. Бибиков М. В. XXI международный конгресс исторических наук в Амстердаме // Новая и Новейшая история. 2011. № 1. С. 115–120.

² Всемирная история: в 10 т./гл. ред. Е. М. Жуков. М.: Гос. изд. полит. лит-ры – Мысль, 1955–1965.

³ Дьяконов И. М. Пути истории: от древнейшего человека до наших дней. М.: Восточная литература, 1994; Семенов Ю. И. Введение во всемирную историю. Вып. 1–3. М.: МФТИ, 1997–2003; Вильчек В. М. Алгоритмы истории. М., Аллегро пресс, 2004; Васильев Л. С. Всеобщая история в 6 томах. М.: КДУ, 2012–2013 (есть более ранние издания); Нефедов С. А. Факторный анализ исторического процесса. История Востока. М.: Территория будущего, 2008.

⁴ Применительно к средневековому периоду см. например: Histoire du monde au XVe siècle/dir. P. Boucheron. Paris: Fayard, 2009; The Global Middle Ages/eds. Catherine Holmes

Наше начинание разительно отличалось от советского гиганта. Прежде всего – отсутствием ресурсов: административных, материальных, идеологических. Никого из исследователей нельзя было обязать участвовать в этом проекте. Финансирование было весьма скромным. К тому же в идеологии, в методологии и даже в деонтологии профессии царил ситуация полной неопределенности. Это было неплохо для индивидуального творчества, обеспечивая ему большую степень свободы, но, мягко говоря, затрудняло работу над коллективными проектами. Во всяком случае, никакой единой концепции издания всех томов не было, да и после она так и не появилась.

Спецификой нашего института (ИВИ РАН) в ту пору было обилие медиевистов-западников. Никакого функционального объяснения этому нет, так сложилось исторически. Кроме нашего отдела «Западноевропейского Средневековья и Раннего Нового времени» существовало еще полдюжины структур, в которых работали медиевисты. Это не говоря о тех, кто работал в МГУ, РГГУ, многочисленных педвузах и других академических институтах. Многие сами предлагали свои услуги: один хотел написать про Кастилию, другой про Прованс, третий про графство Гелдерн. Но только про это и не про что иное. Появился и у меня готовый текст про средневековый город. Хороший текст. Но он занимал свыше 10% объема, выделенного на весь наш том, и, разумеется, никакого иного материала, кроме Западной Европы, в нем не было. Все эти предложения приходилось отклонять, обостряя отношения с коллегами. От европоцентризма надо было отказываться не по идеологическим соображениям, но по практическим: иначе нельзя было показать весь мир в его единстве и синхронном развитии.

С востоковедами трудности были иные. В советское время они часто вступали в диалог с историками, занимавшимися Западом. Поскольку марксистская теория исторического развития, несмотря на все идеологические реверансы, оставалась европоцентричной, то востоковедам и африканистам в спорах с коллегами, изучавшими Европу, приходилось либо отстаивать право на свою специфику, или же осмеливаться корректировать формационную схему, говоря об «азиатском способе производства». Теперь такой необходимости не было, но и интерес к диалогу пропал¹. По тем или иным причинам востоковеды по большей

& Naomi Standen, Past & Present, Supplement 13: 2018.

¹ Приятное исключение составляли лишь Л. Б. Алвев и С. Л. Рябинин.

части отказывались от участия в нашем томе. Китаисты, например, ссылались на свою занятость в издании 10-томной истории Китая, работа над которой развернулась как раз в эти годы¹. Кто-то предполагал, что план, предложенный отделом Западного Средневековья, будет заведомо дискриминационным в отношении Востока. Те тексты, которые все же удавалось получить у востоковедов, зачастую оказывались слишком уж специфичными по стилю и никак не сочетались с нашим томом. И тогда приходилось самим переписывать эти разделы. Но это, конечном счете, имело свои плюсы ...

Проблемы всплыли позже. Главной трудностью поначалу было отсутствие общего сценария нашего тома. В советской «Всемирке» такой сценарий был: становление, триумфальное шествие и последующее разложение феодальной общественно-экономической формации от Японии и Вьетнама до Ирландии и Португалии. Теперь же понятие «формация» утратило очевидность, а термином «феодализм» если и продолжали по инерции пользоваться, то понимали под ним заведомо разные вещи.

Нашим сценарием стал сам принцип синхронизации. Сейчас уже трудно сказать, в какой именно мере на нас повлияла известная книга И. В. Можейко про 1185 год². Вроде бы и прежняя «Всемирка», как и любое подобное издание, делилась на соответствующие «сквозные» хронологические разделы. Но в книге талантливого востоковеда (а по совместительству и прекрасного писателя-фантаста) главным было показать связанность мира, синхронность протекания процессов, причем без особого упрощения. Он давал рассказ о событиях, при необходимости отступая на полвека назад или забегая вперед по отношению к стержневой дате, соединял характеристику уровня развития общества с демонстрацией его культурной самобытности и своеобразия через знакомство с некоторыми шедеврами культуры. При этом он не сортировал материал по отдельным «ящикам комода» (политика, экономика, социальные отношения, культура), а каким-то образом добивался увлекательного синтеза в своем повествовании. Конечно, в коллективном труде достичь такого эффекта было невозможно, но сам принцип синхронизации привлекал не только как форма организации материала, но как средство познания.

¹ История Китая с древнейших времен до начала XXI в.: в 10 т./Гл. ред. С. Л. Тихвинский. М.: Наука – Вост. лит., 2013–2018.

² Можейко И. В. 1185 (Восток – Запад). М.: Наука, 1988.

Итак, нашей целью было дать хронологические срезы, позволявшие охватить все регионы, находившиеся во взаимодействии в данный отрезок времени. Ради этого и стоило писать наши тексты, поневоле слишком краткие, но ведь во всем богатстве цивилизационной специфики регионов можно теперь с легкостью убедиться при помощи интернета.

Ключевой вопрос заключался в том, обладает ли период «мирового Средневековья» каким-то онтологическим содержанием или же является искусственным делением, проекцией западной хронологии на большую часть мира? Для этого надо было уловить своеобразие Средневековья по отношению к другим периодам. Качественное отличие Средних веков от Новой истории вполне очевидно, причем для всего мира, а не только для Европы. Но что отличало Средневековье от предшествующего периода? Советская «Всемирка» настаивала на отличии «рабовладельческой» формации от формации «феодальной», но применение этого критерия сегодня малопродуктивно. Если среди медиевистов еще можно найти тех, кто говорит о феодализме, то среди антиковедов поборников рабовладельческой формации мне встречать давно не приходилось.

При сравнении периода Древности и Средневековья в масштабах всего Старого света бросается в глаза качественно новая роль «мировых религий» (или «квази-религий», если говорить, например, о конфуцианстве). За исключением ислама, они возникли задолго до общепринятой даты начала Средневековья, но их последующее распространение придавало отдельным регионам гораздо большую связанность, чем прежде, открывая новые возможности для взаимодействия на глобальном уровне. Но эта особенность средневекового периода никак не является новостью для историков. А вот такая черта, как исключительно высокая роль кочевников в Средние века и, в особенности, роль «кочевых империй», если и отмечается во «Всеобщих историях», то лишь как внешний (чаще всего – негативный) фактор по отношению к главным действующим лицам – великим цивилизациям оседлых земледельцев. А ведь кочевые империи вполне можно считать «визитной карточкой» средневекового периода. Их исчезновение (скажем мягче, исчезновение в качестве межрегионального фактора) совпадает с началом Нового времени. Но служит ли их возникновение маркером начала Средневековья?

Античные цивилизации лишь в самом конце своего существования столкнулись с чем-то подобным кочевым империям. В упомянутой новой книге, посвященной кочевым империям Евразии, говорится и о скифах, и о сарматах, но делается вывод о том, что империй они не создали, да и процесс складывания у них политий не продвинулся дальше уровня сложного вожества. Даже и без достижений политической антропологии видно, что эти ираноязычные номады не стали для соседских крупных государств угрозой, требовавшей мобилизации всех ресурсов, и сами не образовывали относительно устойчивых объединений, далеко выходящих за привычный ареал обитания. И только хунну заявили о себе настолько громко, что вынудили молодую империю Цинь приступить к возведению Великой стены. С этой поры дуализм империи кочевой и империи оседлой будет приводить в движение этнополитические качели Евразии. На «вызов» кочевников ответом станет укрепление оседлых империй, на что, в свою очередь, номады порой будут отвечать созданием «теневых империй» по терминологии Бартфилда¹. Круги от этой пульсации, зарождавшейся в недрах Хартленда, будут расходиться все шире по всей Ойкумене средневекового мира. Кочевые империи сменяли друг друга, трансформировался и способ их взаимодействия с оседлыми соседями – от «дистанционной» эксплуатации и торгово-данических отношений до завоевания и различных форм симбиоза с покоренным населением. Главное, что степной пояс Евразии становится осью, вокруг которой вращается колесо истории средневековой Евразии.

Для понимания работы этого механизма мало указать на климатические изменения (увлажнение или усыхание степи), надо понять одновременную хрупкость и высокую производительность кочевого хозяйства, особенности социально-политических связей и природу поражающей современников боеспособности номадов. Соотношение внутренних и внешних факторов социального развития, некогда трактовавшихся теоретиками от истории в категориях необходимости и случайности, готово было поменяться местами по мере изменения угла зрения исследователя. Только доступ к внешним ресурсам создавал у кочевников условия для политогенеза. У их оседлых соседей кочевой вызов определял формы политической эволюции.

¹ Барфилд Т. Дж. Опасная граница: кочевые империи и Китай (221 г. до н. э. – 1757 г. н. э.). СПб.: Нестор-история, 2009.

Не только в Евразии соседство с воинственными номадами степных и аридных зон формировало ритмы существования оседлых народов. Влияние кочевого фактора на жителей Магриба и Леванта обычно иллюстрируется пассажами из Ибн-Хальдуна¹, ставшего столь популярным у политических антропологов и макросоциологов. Он описывает, как номады или горцы, наделенные высокой воинской сплоченностью «ассабией», завоевывают страны, в которых элита, привыкшая к роскоши, была занята междоусобной борьбой за раздел доходов, поступающих с все более обедневшего населения. Воинственные пришельцы без труда завоевывают ослабленную страну, сметая старую элиту и облегчая участь народа. Однако постепенно завоеватели утрачивают свою воинскую доблесть, и через три поколения они сами становятся добычей более воинственного племени. Ибн-Хальдун, конечно, знал об успехах тюрок и монголов, но в первую очередь опирался на пример арабо-бедуинских завоевателей: хилалитов, альморавидов, альмохадов, волнами накатывавших на Магриб и Аль-Андалус.

Иногда «циклы Ибн-Хальдуна» распространяют и на всю Евразию. Отчасти это справедливо, поскольку государства (политии), основанные кочевниками на завоеванных территориях, развивались по этой схеме. Недаром существовала китайская поговорка: «Счастье варваров редко длится более ста лет». Но была и существенная разница. Кочевники Аравийской пустыни и Сахары не основывали империй. То ли потому, что не позволяли природные условия, то ли потому, что средством эффективной надплеменной консолидации вместо имперской политической системы успешно служили разные течения ислама, то ли средневековым бедуинам и берберам не требовалось создавать свои «теневые империи» за неимением достойного противника в виде империи «настоящей». Во всяком случае, Ибн-Хальдун не рассматривал вариант, при котором на вызов кочевников оседлые жители находили достойный имперский ответ.

Евразийские империи нуждались в ресурсах: нужно было строить укрепления, содержать сильную армию, предпринимать эффективные, но затратные дипломатические усилия. Империям важно было сохранить свободное крестьянство в качестве основ-

¹ Ибн Халдун. Введение (ал-Мукаддима)/Составление, перевод с арабского и примечания А. В. Смирнова // Историко-философский ежегодник 2007. М.: Наука, 2008. С. 187–217.

ного налогоплательщика и резервуара для пополнения войска. Надо было следить за регулярным сбором налогов, составлять кадастры, препятствовать закабалению крестьян крупными земледельцами. Для всего этого требовалась сильная бюрократия, порождавшая особую политическую культуру. Старые империи, чья традиция уходила в далекое прошлое, – Китай, Византия, Иран¹ – демонстрировали на удивление много общего в своем развитии. Они сохраняли и развивали высочайшую культуру, помогавшую возродить страну после упадка или даже временной утраты независимости.

Принцип синхронизации позволял обнаружить удивительные совпадения. Приведу лишь два примера. Так, система *фубин* и военные округа *цзеду* возникают в империи Тан синхронно с *фемами* и поселениями *стратиотов* в Византии. В одном случае эти меры помогли обезопасить границы от наследников Тюркского каганата и перейти в наступление, в другом – остановить натиск арабов и отвоевать часть утраченных территорий. Еще одной общей чертой была важная роль евнухов. В условиях, когда аристократы и чиновники претендовали на соучастие в управлении, императорам нужны были абсолютно преданные и при этом достаточно эффективные исполнители. Евнухам, вырванным из своей среды, не имеющим семей и презираемым придворными и чиновниками, доверяли даже самые мнительные правители. Любопытно, что на них пытались опереться не только полигамные монархи, чьи гаремы немислимы были без евнухов (китайские императоры, шахи, ханы, султаны), но даже моногамные византийские базилиевсы. Пока власть находилась в сильных руках, кастраты были лишь тенью правителя, исполняя его волю, но когда власть слабела, их роль многократно возрастала.

У «имперского чуда» была своя цена. Империя слишком дорого обходилась населению, что было чревато мощными народными восстаниями, она постоянно вела войны и не была гарантирована от военных неудач и вторжений неприятеля. В случае своего максимального успеха, когда непосредственная угроза ее существованию казалась ликвидированной, империя могла приостановить

¹ Речь идет, прежде всего, о Сасанидском Иране. Однако и после арабского завоевания, и после завоеваний сельджукских, монгольских, и прочих иранская самобытность постоянно восстанавливалась. В этом заслуга местной бюрократической традиции, быстро восстанавливающей персидское делопроизводство и литературно-историческую традицию, приспосабливаясь ко все новым завоевателям, пока, наконец, Иранская империя не возродится в Сефевидский период.

развитие с целью «заморозить» общество, сохраняя стабильность. Обрубать ненужные ветви, чтобы лучше рос ствол, (угнетать корни, чтобы лучше рос стебель) – эта китайская политическая максима предписывала отказываться от всего, что казалось «ненужным». Китай в XV веке отказывается от экспедиций в Индийский океан, вводит запреты на морские путешествия. Уже в другую эпоху сёгуны Токугава, после того, как империи в эпоху Эдо перестали угрожать внутренние и внешние войны, запрещают производство знаменитого японского огнестрельного оружия.

Однако каким бы тяжким ни было бремя империи, отсутствие имперской традиции или отказ от нее оборачивались более тяжелыми последствиями при контактах с номадами. Некоторые из стран, лишенных сильной центральной власти, превратились в пустыню, другие напрямую управлялись завоевателями, третьи эксплуатировались дистанционно – как, например, русские земли в составе улуса Джучи. Часто кочевники, проникая в страну, занимали в ней место военной элиты. В странах Ближнего, да и Среднего Востока военная элита была в целом тюркоязычной, а основное население и уцелевшая часть старой элиты говорили на арабском, фарси и других языках.

Важно, что взаимодействие с кочевым миром и его традициями не было делом лишь стран, непосредственно окаймлявших «Великую степь» или Сахару. Импульсы, порождаемые взаимодействием кочевой и оседлой культур, распространялись на все новые территории. Одни страны стремились подражать имперской бюрократической модели (Япония, Аннам, Корея, но также Болгария и Сербия), другие попадали под управление носителей кочевого воинского искусства – наемников и гулямов, захвативших власть (Делийский султанат, мамлюкский Египет). Наследие кочевых традиций могло быть большим или меньшим: держава Тимура ни в коей мере не была кочевой империей, но для современников и для себя самого он был наследником монгольской славы. Некоторые государства, сложившиеся либо как наследники, либо как наследные противники номадов, усваивали военные и политические традиции, выкованные в горниле взаимодействий кочевых и оседлых империй. Достаточно убедительными примерами могут служить Османская империя и Русское государство Московского периода.

Таким образом, регионы соприкосновения кочевого мира с оседлым были центрами, от которых расходились «сейсмические

волны». Но, разумеется, они не достигали в равной мере всех регионов Старого света. Были зоны, в силу своего географического положения защищенные или хотя бы на какое-то время защищенные¹ от импульсов, исходящих из Хартленда: Япония, до поры до времени, Юго-Восточная Азия (в особенности – островная ее часть), Южная Индия, африканское побережье Индийского океана, не говоря уже об Африке южнее Сахары. И, конечно же, к числу таких регионов относится Западная Европа.

Отдельным племенам номадов удавалось, перевалив через Карпаты, обосноваться на берегах Дуная, но речь не шла о кочевых империях. Включившись в европейский плавильный котел, они отказывались от номадических традиций. Немаловажно, что авары, болгары и даже венгры появлялись здесь еще до того, как западная Европа окончательно обрела свою историческую самобытность. Трудно отрицать, что географический фактор в судьбах Европы чрезвычайно важен, но нельзя забывать и об ее феноменальном везении. Пройдя как нож сквозь масло по Центральной Европе, круша по пути польские, немецкие, чешские и венгерские воинства, войска Бату-хана и Субэдэй-баатура вышли к Адриатике. А затем ушли в Степь, узнав о смерти Угэдея. Проживи третий сын Чингисхана подольше, Западная Европа могла бы стать улусом с ярлыком на княжение, выданным какому-нибудь Людовику Святому. Но «Христианский мир» вполне мог бы, объединившись хотя бы под эгидой того же Людовика, противостоять утомленному монгольскому войску, как смогли это сделать мамлюки в Сирии. Только это была бы уже совсем другая, имперская Европа.

Есть привычный и нескончаемый набор объяснений успеха Запада, увенчавшегося тем, что иногда называют «Великой дивергенцией», «взлетом» (*take off*) Запада: открытость морю, благоприятный климат, богатая античная традиция, сильные города, особая роль права. Сюда же можно отнести набор причин и предпосылок, связанных со сдвигами «Тысячного года»: усиление раздробленности Западно-франкского королевства, клюнийская реформа, последующая за ней папская революция, «объячеивание» (*l'encelullement*) по Роберу Фоссе и «озамкование»

¹ Примечательно, что термин «защищенные территории» родился в нашем издании сам собой, без влияния Виктора Либермана, с его принципиально важным для нас вторым томом мы познакомились лишь по завершении работы над нашим первым изданием. Lieberman V. *Strange Parallels: Southeast Asia in Global Context, c. 800–1830*. Volume 2. *Mainland Mirrors: Europe, Japan, China, South Asia, and the Islands*. (Studies in Comparative World History.) New York: Cambridge University Press, 2009.

(*l'incastellamento*) по Пьеру Туберу. Эти процессы закрепили политический партикуляризм, сделали невозможным усиление старой или складывание новой общеевропейской Империи. Конечно, особенности европейской культуры и система ценностных ориентаций также были важны. «Культура имеет значение» – так в переводе назывался ставший классическим сборник под редакцией Харрисона и Хантингтона¹. В этом смысле Запад дает прекрасный пример регулирования численности элиты. Краеугольным камнем наблюдений современных последователей Ибн-Хальдуна являются опережающие темпы роста численности элиты по отношению к основной массе населения. Но речь идет об обществах, где для элиты была свойственна полигамия и как следствие – большое число детей (несколько десятков сыновей для китайского императора были делом привычным, а марокканский султан Мулай Исмаил произвел на свет свыше 800 одних только сыновей). Установление целибата в Европе, достаточно строгая моногамия, принципы привилегированного наследования, имеющие тенденции к майорату, снимали эту проблему.

Конечно, удаленность от Великой Степи и историческое везение сами по себе не были причиной «Европейского чуда», но они сделали его возможным. Вспоминается фраза, приписываемая Феликсу Эдмундовичу Дзержинскому: «Отсутствие у вас судимости – это не ваша заслуга, а наша недоработка».

С тех пор динамика развития Запада отличалась от остальных регионов тем, что период подъема не сменялся периодом упадка. Феодализм в «узком» (политико-юридическом) значении, совместившись с феодализмом в «широком» (экономическом) смысле, создал вполне благоприятные условия для развития хозяйства. С точки зрения советского марксизма – феодализм в «широком» смысле (сочетание крупной земельной собственности с мелким крестьянским землепользованием) – универсальная черта всякой средневековой экономики. Это сомнительный тезис, однако аналогии держаниям земли за службу (часто речь шла о праве взимать доходы в свою пользу с определенной территории) как форма землевладения встречались и в Китае, и в Индии, и в арабских странах, в тюркских и в славянских землях. Чаще всего не они являлись мотором экономики², что вполне понятно, ведь благосостояние

¹ Culture Matters: How Values Shape Human Progress/eds. Harrison, Lawrence E., and Samuel Huntington. New York: Basic Books. 2001.

² В странах Дальнего Востока хозяйственные инновации часто свергались в хозяйствах буддийских монастырей, вкладывавших немалые средства в подаренные им земли,

какого-нибудь *иктадара* зависело от благосклонности правителя. Поэтому центром приложения всех сил и надежд такого условного землевладельца был двор султана, эмира, хана, раджи, князя, императора. Если землевладелец в фаворе – он получит новые земли, если нет, то лишится старых земель, а то и головы. На Западе в период XI–XIII веков представители «верховой» власти, как правило, не обладали ни фондами новых земель, ни возможностью свободно перераспределять старые. Землевладельцу-сеньору приходилось рассчитывать на то, что он имеет, заключать писанные или неписанные договоры с крестьянами, искать новые пути для повышения доходности своих земель, договариваться с окружающими. Отсюда и удивительная динамика развития «феодального общества», общества по определению раздробленного.

Политическая раздробленность возникала не только в Европе, но политическая фрагментация, как правило, благотворная для развития экономики и культуры, превращала страну в легкую добычу завоевателей. Заключительная глава тома названа «Роскошь феодализма». И Запад мог себе эту роскошь позволить. Укрепление центральной власти, рост мощи государства здесь, конечно, будет, но лишь после того, как сложились сильные социальные институты (от коллеганцы, нотариата и страхового права до университетских корпораций и городских коммун). Власть не давила их «асфальтовым катком», но вынуждена была вступать с ними в диалог. Политический плюрализм не давал остановить прогресс. Так, например, если бы король европейской страны внял призывам защитников рыцарства и старины и запретил огнестрельное оружие, как это сделал Токугава Иэмицу, то он был бы разбит своими менее щепетильными соседями. Когда король слишком ретиво начинал рубить головы банкирам или просто отбирать у них деньги, нажитые несправедливым трудом, он рисковал остаться без денег, а следовательно, и без войска. Примеры можно приводить до бесконечности.

Возникновение и беспрепятственное развитие институтов на Западе до того, как сложились сильные государства (какой бы смысл ни вкладывать в это слово) – не общеисторическая закономерность, а историческая аномалия, возведенная затем в принцип.

угроза отчуждений которых была неочевидной. В ареале действия мусульманского права урожайность существенно выше средней была характерна на вакуфных землях, переданных в неотчуждаемое управление мечетям, медресе, больницам. Понимание того, что земля находится в долговременной собственности владельца, поощряло к заботливому к ней отношению.

Но это становится очевидным, лишь если выйти за пределы одного региона. Уже ради одного этого стоило браться за «Всемирную историю»¹.

Через семь лет вышло второе издание, исправленное и дополненное. Его действительно удалось сделать исправленным. Пришлось приложить немало усилий, чтобы устранить последствия той жуткой спешки, в которой выпускался том в начале 2012 года. Тексты основательно отредактировали, уменьшили путаницу и закрыли лакуны в библиографии и в указателях, хронологической таблице. Заменяли ряд иллюстраций. Особенно много хлопот доставила практически полная переработка карт. Дополнения также вполне очевидны – том увеличился на сто страниц. Полностью заменили главу по доколумбовой Америке и три главы по истории Византии. Появилась новая глава, посвященная империи Юань (в предыдущем издании этот материал был распределен между рассказом о Монгольской империи и ее улусах и главой о династии Мин).

Изменилось и название. Если в издании 2012 года том именовался «Средневековые цивилизации Запада и Востока», то теперь проще – «Мир в Средние века». Первый вариант возник исключительно как попытка выбиться из монотонного ряда наименований других томов: «Древний Мир», «Мир в Раннее Новое время», «Мир в XVIII веке» и т. д. Но попытку следует признать неудачной. Мы как-то не учли, что вполне очевидное название сразу отсылает к цивилизационному подходу, столь популярному в нашей стране лет двадцать-тридцать назад. Тогда в нем видели замену марксизму, и завышенные ожидания сразу же возвели его в статус научного метода, создав массу адептов, придерживавшихся различных толкований термина «цивилизации», пытавшихся конструировать строгие классификации. Поскольку мы не давали точного определения цивилизаций, причем даже не занимались их подсчетом, то сразу же подставлялись под огонь критики. Пришлось отказать от оригинальности ради того, чтобы избежать наклейки методологического ярлыка.

По этой же причине в обобщающих главах во втором издании я реже стал использовать термин «средневековая Мир-Система». Ничего не имею против Мир-Системного подхода, да и опре-

¹ Всемирная история: В 6 т./гл. ред. А. О. Чубарьян; Ин-т всеобщ. истории РАН. М.: Наука, 2011–2018. Т. 2: Средневековые цивилизации Запада и Востока/отв. ред. П. Ю. Уваров. 2012.

деление понятия «Мир-Система» в нашем томе появилось. Этот подход, на мой взгляд, наиболее удобен для изучения взаимного влияния различных регионов (чуть было не назвал их по привычке «цивилизациями»). Но, во-первых, далеко не все авторы нашего коллективного труда придерживаются именно этого подхода, а во-вторых, между самими «мирсистемщиками» ведутся споры о том, что именно считать «Мир-Системами» и когда они (или она) возникают? А разброс мнений здесь солидный – одни говорят, что не ранее XX века, Иммануил Валлерстайн полагает, что она складывается в период Великих географических открытий, но другие отодвигают ее начало в эпоху Неолитической революции. Поэтому, не отказываясь от «Мир-Системы», я чаще стал использовать более нейтральный и менее определенный термин «Ойкумена Средневековья». В целом не хотелось быть причисленным к числу убежденных последователей некоего универсального метода. Метод – это не «наше все», а полезный инструмент, лежащий на верстаке историка, не более того. То же можно сказать и о политической антропологии, чьи подходы активно применялись в нашем томе. Некоторые назовут такую позицию методологической эклектикой, но я предпочитаю в духе Рэндала Коллинза говорить о кумулятивном накоплении способов объяснения социального мира.

Между двумя изданиями нашего тома есть еще одно отличие, поистине эпохального значения. Парадоксально, но факт – человек, не знакомый с кириллическим алфавитом, был лишен возможности оценить то, о чем говорилось в увесистых томах «Всемирной истории», – там не было ни английского контртитла, ни Summary. Когда начиналось это издание, академическое руководство как-то не подумало об этом. А зачем? Ведь в советской десятилетней «Всемирке» этого не было, ну и у нас не будет.

Не хотелось бы считать, что погром Академии, учиненный в 2013 году, или «Скопусобесие» последующих годов имели и свою позитивную сторону. Лучше отнесем сдвиги за счет изменения общего духа времени. Как бы то ни было, в нашем новом томе появился и английский контртитул, и перевод «Содержания» на трех страницах. Теперь хоть понять можно, о чем идет речь в томе и какова его структура. Английская аннотация, конечно, очень краткая, но насколько большей она должна быть, чтобы познакомить с основными идеями, заложенными в наше издание?

Новое наше начальство поговаривало даже об издании английского дайджеста, призванного донести до иностранного читателя достижения российских историков. Идея была одобрена на высочайшем уровне. Но, как и следовало ожидать, в итоге решили ограничиться лишь историей XX века.

Как и во времена моей научной молодости, изучаемая нами эпоха сочтена неактуальной. Это ничего. Главное ведь в том, что авторы обеих книг, почти одновременно явившихся на свет в Шубинском переулке в конце прошлого года, понимают, что занимаются самой что ни на есть актуальной темой.

Pavel Uvarov

Medieval hartland (about the features of the historical dynamics of the medieval world)

At the end of 2019, a new, revised and enlarged edition of «World History in 6 Volumes» was published. The article introduces the second volume of this edition, dedicated to the Middle Ages. Synchronization of socio-economic, political and cultural processes that took place in various regions of Asia, Europe and Africa, allows us to see in the variety of regional differences a certain unity of the medieval World-System or the medieval *Oecumene*. In comparison with similar publications of this type, the project under consideration is distinguished by special attention to the problems of coexistence of sedentary and nomadic peoples, on which the paths of the formation and development of medieval states, the fate of old and new empires, nomadic khaganates, caliphates, kingdoms and principalities largely depended. The «European miracle», of course, remains in the spotlight, but gets a new explanation.

Political particularism or pluralism, combined with a certain stable cultural unity of the region, created favorable conditions for the development of the West. The most important social and legal institutions arose and became stronger here before strong states were created. The rise of Europe took place not in spite of, but thanks to feudalism. Feudalism was a kind of luxury that few people in the whole *Oecumene* could afford. To understand the nature of the «European exclusion» it is worth taking a look at his Heartland of Eurasia, where nomadic empires arose, entering into ambiguous relations with their settled neighbors.

Key words: World history, synchronization of historical processes, historical dynamics, medieval World-system, historical dynamics, nomadic empires, Heartland, feudalism, «European miracle».

УДК 94(571.54)/.55
ББК 63.529(253)

Н. Н. Крадин

Гетерархия и иерархия в обществах древних кочевников Забайкалья

Аннотация. В статье обсуждается взаимосвязь стратегий иерархии и гетерархии у скотоводов и кочевников Забайкалья. Показано, что культура плиточных могил имела среднемасштабную гетерархическую организацию, тогда как в Хуннской державе была развитая иерархия. При этом гетерархия и иерархия кочевников-скотоводов не обязательно должны рассматриваться как две отдельные стратегии-направления, а вместо этого следует рассматривать два разных уровня политической централизации и два следствия политического взаимодействия между оседлыми и кочевыми обществами. Среди кочевников возможно множество комбинаций и дихотомий как гетерархических, так и иерархических политий. Когда личная власть вождя слаба, кочевые общества структурируются в гетерархическое племя, объединение племен или имперскую конфедерацию. По мере роста личной власти они могут трансформироваться в иерархическое вожжество, сложное вожжество и кочевую империю.

Ключевые слова: Кочевники, Забайкалье, плиточные могилы, хунну, гетерархия.

Одним из важных достижений исторической науки в Бурятии стало издание трехтомной истории республики под редакцией академика Б. В. Базарова. В этой фундаментальной работе обстоятельно рассмотрены основные вехи истории региона от каменного века до наших дней¹. Большая часть первого тома посвящена изучению древних и средневековых кочевников. В настоящей статье будут рассмотрены две археологические культуры древности – культура плиточных могил и культура хунну. На их примере мы попытаемся рассмотреть эвристическую ценность применительно к обществам кочевников-скотоводов одной из самых популярных концепций политогенеза последних десятилетий – выделения стратегий *гетерархии* и *иерархии*.

¹ История Бурятии. Отв. ред. Б. В. Базаров. Улан-Удэ, 2011. Т. 1–3.

Культура плиточных могил – это одна из самых известных археологических культур периода бронзового века Монголии и Забайкалья. Памятники этой культуры хорошо видны на поверхности. Они представляют собой обычно четырехугольные каменные конструкции из вертикально поставленных плоских плит. По краям конструкции вкопаны высокие угловые камни. Внутри данной конструкции была расположена могила, которая сверху обычно засыпалась песком и закладывалась камнями и большими плоскими плитами. В некоторых случаях около могильников были найдены поминальники, на которых были найдены остатки тризны.

Поскольку плиточные могилы хорошо видны на поверхности степи, это облегчает для археологов работы по их выявлению и картографии. Обратной стороной является то, что из-за своей легкой видимости практически все они были ограблены. Некоторые могилы ограблены несколько раз. Поэтому при раскопках обычно находят незначительное число артефактов, кости усопших, а также остатки тризны. Территориально культура распространена в Центральной и Восточной Монголии, в Забайкалье и немного в Предбайкалье. В Забайкалье памятники культуры сосредоточены в долинах р. Селенги и ее притоков Итанцы, Уды, Хилка, Чикоя, Джиды, а также в долинах рек Ингоды, Онона, Аги, Шилки. Как правило, они приурочены к скальным породам, где содержатся выходы камня – материала, необходимого для сооружения памятников.

Чаще всего могильники и одиночные могилы располагались на южной стороне горных склонов. Умершего укладывали головой на восток. Хронология культуры между 1100–400/300 гг. до н. э. Самые ранние калиброванные даты ранее 1500 г. до н. э.¹ Поздние даты обычно раньше на 100–200 лет культуры хунну. Вследствие этого принято считать, что культура плиточных могил существовала раньше культуры хунну. Только в одном случае дата плиточной могилы совпадает со временем создания империи Хунну².

Наиболее значимый вклад в изучение культуры плиточных могил сделали отечественные специалисты³. Самая полная свод-

¹ Excavations at Daram and Tevsh Sites: A Report on Joint Mongolian-Japanese Excavations in Outer Mongolia. Ed. by Miyamoto Kazuo, Obata Hiroki. Fukuoka, 2016. P. 83.

² Ibid. P. 64.

³ Сосновский Г.П. Плиточные могилы Забайкалья // Труды Отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа. Л., 1941. Т. 1. С. 273–309; Диков Н.Н. Бронзовый век Забайкалья. Улан-Удэ, 1958; Гришин Ю.С. Бронзовый и ранний железный век Восточного Забайкалья. М., 1975; он же. Памятники неолита, бронзового и раннего железного века лесостепного Забайкалья. М., 1981;

ка данных содержится в книге А.Д. Цыбиктарова, которая стала основой его докторской диссертации¹. Он обобщил сведения всех предшествующих исследователей, а также в течение многих лет сам проводил раскопки плиточных могил. В монографии подробно рассмотрены многие вопросы атрибуции культуры плиточных могил – классификация могил и различных категорий артефактов, хронология, происхождение культуры, экономика, связи с другими культурами. В книге много таблиц, рисунков и статистических данных. Несмотря на то, что книга была опубликована более двадцати лет назад, это до сих пор самая полная обобщающая книга о культуре плиточных могил. Всего в книге есть информация о 542 погребениях. Вне всякого сомнения, это надежная выборка для информации о структуре общества.

Несмотря на наличие большого количества работ по данной культуре, вопрос об общественном устройстве носителей данной культуры почти не изучался. Есть только два небольших доклада – автора этих строк и А.Д. Цыбиктарова – главного исследователя данной культуры, по рассматриваемой теме, которые были представлены в прошлом году на IV международном конгрессе средневековой археологии евразийских степей в Улан-Удэ². Это удивительно, поскольку проблематика социальной археологии скотоводов и кочевников бронзового и раннего железного века Евразии является важным и одним из активно разрабатываемых вопросов в мировой археологии³.

Данная статья посвящена исследованию общественного строя носителей культуры плиточных могил в сравнении с динамикой социальной иерархии древних кочевников более позднего времени – периода Хуннской державы. Методология исследования ос-

Окладников А. П., Кириллов И. И. Юго-Восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы. Новосибирск, 1980; Членова Н.Л. Культура плиточных могил // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М., 1992 и др.

¹ Цыбиктаров А. Д. Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья. Улан-Удэ, 1998.

² Kradin N.N. Social complexity in Slab Graves Culture // Кочевые империи Евразии в свете археологических и междисциплинарных исследований: Сб. науч. ст. IV межд. конгресса средневековой археологии евразийских степей. Кн. 2. Улан-Удэ, 2019. С. 46–48; Цыбиктаров А. Д. Источниковедческие возможности материалов плиточных могил для изучения социальной структуры носителей культуры // Там же. С. 107–111.

³ Anthony D. The horse, the wheel, and language: how Bronze-Age riders from the Eurasian Steppes shaped the modern world. Princeton, 2007; Koryakova L. N., Epimakhov A. E. The Urals and Western Siberia in the Bronze and Iron Ages. Cambridge, 2007; Social complexity in prehistoric Eurasia: Monuments, Metals, and Mobility. Ed. by B. Hanks, K. Linduff. Cambridge, 2009; Honeychurch W. Inner Asia and the spatial politics of empire. New York, Springer. 2015 etc.

нована на допущении, согласно которому ранг и статус усопшего можно проследить по количеству труда, вложенного в возведение могильного сооружения, а также различных категорий сопроводительного инвентаря – оружия, сбури, престижных товаров и др.¹ К сожалению, из-за плохой сохранности костных останков носителей культуры плиточных могил не представляется возможным реконструировать пол и возраст умершего – обязательные процедуры, которые нужно выполнить перед проведением социального анализа. По этой причине мы будем вынуждены анализировать структуру общества без разбиения на совокупности захоронений на мужские, женские и детские, что в определенной степени снижает степень достоверности полученных результатов. Вместе с тем, если в обществе существовало разделение на социальные группы или ранги, некоторая совокупность кластеров все равно должна быть выделена. Касательно хуннского времени были выполнены все обязательные процедуры: возрастной анализ и разделение совокупности на взрослые и детские; анализ по полу и разделение взрослых захоронений на мужскую и женскую совокупности.

Поскольку первичная информация из отчетов раскопок плиточных могил, которую собрал А. Д. Цыбиктаров, для нас была недоступна, мы были вынуждены использовать в качестве источников его сводные таблицы №№ 26, 28, 30, 32, 34, 36, 38 о размерах могил и разных категориях артефактов, представленные в монографии². Представленные статистические данные были объединены вместе, что дало возможность получить принципиально новую информацию и реконструировать структуру общества носителей культуры плиточных могил. Полученные результаты суммированы в Табл. 1.

В разных колонках таблицы представлены некоторые важные общие данные о плиточных могилах. Если посмотреть на колонку «размер» и сравнить ее со следующей колонкой, то видно, что по размеру могилы делятся на три или четыре группы: маленькие (12,7%), средние – 2–3х³–4м (72,1%) и большие (5,2%). Все маленькие могилы не содержат сопроводительного инвентаря. Возможно, это показатель самого низкого социального ранга (например, рабы). Большие могилы можно делить на два ранга

¹ Подробнее см.: Социальная структура ранних кочевников Евразии. Отв. ред. Н. Н. Крадин, А. А. Тишкин, А. В. Харинский. Иркутск, 2005.

² Цыбиктаров А. Д. Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья. С. 74–78.

или считать как один ранг. Самое главное, что различия в размерах в принципе не очень велики. Это наводит на мысль, что граница между социальными рангами не была резкой, и у нас нет оснований говорить о стратифицированном обществе, каковым было, например, вождество.

Другой важный вывод можно сделать о распределении артефактов в колонках «орудия труда» и «сбруя». Нужно помнить, что все могилы ограблены. Поэтому, скорее всего, количество артефактов в погребениях должно соотноситься с числом могил разных размеров. Так, могилы размером 2х3 м составляют 42,1%. В них найдено 54,5% орудий труда. В могилах 3х4 м (30%) найдено 27,3% орудий труда. В могилах 4х5 м (8,5%) обнаружено 18,2% орудий труда. Количество артефактов категории «сбруя» в погребениях примерно одинаково. Их отсутствие в больших могилах, возможно, объясняется случайностью. Все это, вероятно, свидетельствует, что лица всех рангов занимались трудом и имели отношение к езде на лошадях. Большое значение лошади в обществе подтверждается тем, что в погребальных ритуалах чаще всего приносились в жертву лошади. Археологи находят их кости при раскопках плиточных могил чаще, чем других животных¹.

Таблица 1.

Ранги плиточных могил²

РАНГ	Размер	Кол-во (%)	Орудия труда	Оружие	Сбруя	Сторожевой камень	Охра	Престижные товары
1	2х1	12,7%						
2	2х3	42,1%	54,5%	20,2%	50,0%	30,4%	20,0%	20,0%
3	3х4	30,0%	27,3%	48,0%	50,0%	43,5%	40,0%	33,5%
4	4х5	8,5%	18,2%	28,0%		26,1%	40,0%	46,6%
4	5х6	1,9%		4,0%				
4	6х7	0,5%						
4	7х8	0,25%						
4	8х9	0,25%						

Интересно, что пропорция категории «сторожевой камень» в могилах разных рангов иная. Чем больше размер могилы, тем чаще встречается сторожевой камень. Еще больше разница

¹ Цыбиктаров А. Д. Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья. С. 51.

² Источник информации: Цыбиктаров А. Д. Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья. С. 74–78.

между могилами разных рангов и наличием артефактов категории «оружие». Здесь можно сделать прямой вывод: чем выше был статус индивида в культуре плиточных могил, тем большее отношение он имел к оружию и войне. Поскольку у нас нет данных по полу и возрасту умерших, то, вероятно, выводы о рангах могли бы быть несколько иными. Однако главные выводы остаются верными: статус и военная функция коррелируют между собой.

Наконец, последняя колонка из таблицы («престижные товары») показывает, что по мере увеличения размера захоронений, увеличивается количество престижных товаров. В могилах размером 2х3 м найдено 20% престижных товаров, в могилах 3х4 м обнаружено 33,5% престижных товаров, а в могилах 4х5 м зафиксировано 46,6% престижных товаров.

В результате изучения корреляции между размером плиточных могил и разными категориями артефактов можно выделить несколько социальных рангов:

1. Индивиды низшего ранга (например, рабы). Их хоронили в маленьких могилах без инвентаря (12,7%)

2. Обычные скотоводы, которые пасли скот, обладали навыками верховой езды, участвовали в военных походах. Их хоронили в плиточных могилах средних размеров. У некоторых в могилах были сторожевые камни, ритуалы с использованием охры, престижные товары. Возможно, было несколько социальных рангов кочевников-скотоводов. Повышение статуса данной группы было связано с военными функциями (42,1%).

3. Кочевники-скотоводы более высокого статуса. Они одновременно являлись воинами. Их хоронили в могилах чуть больше средних размеров. Во всех могилах были оружие, сторожевые камни, охра и различные категории престижных товаров (40,4%).

4. Высшие социальные группы, которых хоронили в могилах больших размеров – 5х6 м и более (4,8%). К сожалению, все эти погребения полностью ограблены. Странно, что в них нет сторожевых камней и охры. Отсутствие артефактов не позволяет связать эти захоронения с различными функциями элиты – военные вожди, жрецы, старые оракулы и др. Можно также допустить, что эта группа должна входить в предыдущий, третий ранг.

Нужно отметить еще несколько дополнительных важных деталей:

во-первых, границы между рангами очень условны. Они имеют количественный, но не качественный характер. Это, возможно,

указывает на то, что резкой социальной дифференциации в обществе не было. Пожалуй, только самая низшая группа сильно отличается от всех остальных;

во-вторых, социальная структура не имеет пирамидальный или ромбовидный характер. Индивидов с высоким статусом почти столько же, сколько и лиц со средним статусом. Это свидетельствует о том, что в обществе разные группы имели одинаковый (или почти одинаковый) доступ к ресурсам (пастбища и животные) и не сформировалось сильное социальное неравенство;

в-третьих, было бы интересно исследовать пространственное распределение захоронений разных рангов на больших могильниках. Распределение могил разных рангов может дать новую информацию о структуре среднemasштабного общества;

в-четвертых, строительство плиточных могил требовало интеграции и сотрудничества нескольких индивидов, укрепляло солидарность региональной общины. Необходимо изучать в будущем сети регионального взаимодействия в бронзовом веке;

в-пятых, совершенно очевидно, что это была иная модель общества, отличная от вождеств¹. Вождества – это общества, основанные на иерархии и отстранении большинства населения от ресурсов и управления. Граница между статусом простолюдинов и элитой в вождествах более или менее четко прочерчена. Ничего подобного мы не видим в культуре плиточных могил. Скорее всего, плиточников следует отнести к так называемым *гетерархическим* обществам.

Термин *гетерархия* обозначает способ взаимоотношений элементов в сложной системе, когда они не ранжированы иерархически или связаны сетями сложных связей². Судя по всему, первым, кто пришел к этой идее, был К. Ренфрю³. Однако он писал о двух вариантах вождеств, и далеко не все сразу осознали важность данной идеи. Только позднее стало ясно, что это был важный подход, который примерно в одно время, но на разных исторических материалах и в разной терминологии разрабатывали М. Агларов (Кавказ), Ю. Е. Березкин (Передний Восток и Средняя Азия), А. В. Ко-

¹ Подробнее о вождествах: Крадин Н.Н. Вождество: современное состояние и проблемы изучения // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. Отв. ред. В. А. Попов. М., 1995.

² Crumley C. Communication, Holism, and the Evolution of Sociopolitical Complexity // From leaders to rulers. Ed. by J. Haas. New York: Kluwer Academic, 2001. P. 24.

³ Renfrew C. Beyond a subsistence economy, the evolution of social organization in prehistoric Europe // Reconstructing Complex Societies. Ed. by C. B. Moore. Ann Arbor, 1974.

ротаев (горцы), К. Крэмли (железный век Западной Европы), Г. Фэйрман и С. Ковалевски (Мезоамерика) и др.¹

Речь идет о выделении двух разнонаправленных стратегий, которые могут быть выделены в разных типах общества. Первая (*иерархическая* или *сетевая*) стратегия основана на вертикали власти и централизации. Для нее характерны концентрация богатства у элиты, наличие сетей зависимости и патронажа, отражение социальной дифференциации в погребальной обрядности, контроль элиты над торговлей предметами престижного потребления, развитие ремесла для потребностей верхов, наличие культов вождей, их предков, отражение статусов и иерархии в идеологической системе и архитектуре. В классическом виде примерами подобных обществ являются *вождества*, *ранние государства* в виде централизованных монархий, доиндустриальные *империи*. Для второй (*гетерархической* или *корпоративной*) стратегии характерно большее распределение богатства и власти, более умеренное накопление, сегментарная социальная организация, экономические усилия общества, направленные на решение коллективных целей (производство пищи, строительство фортификации, храмов и др.), универсализирующая космология, религиозные культы и обряды. Архитектура подчеркивает стандартизированный образ жизни. По большому счету это как раз и есть альтернативы

¹ Агларов М. А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в. М., 1988; Березкин Ю. Е. Вождества и акефальные сложные общества: данные археологии и этнографические параллели // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. Отв. ред. В. А. Попов. М.: Наука, 1995; Кортаев А. В. Горы и демократия // Альтернативные пути к ранней государственности. Отв. ред. Н. Н. Крадин, В. А. Лынша. Владивосток, 1995; Crumley C. Heterarchy and the Analysis of Complex Societies // Heterarchy and the Analysis of Complex Societies. Ed. by R. M. Ehrenreich, C. L. Crumley, and J. E. Levy. Washington, 1995; Blanton R. E., Fienman G. M., Kowalewski S. A. and Peregrine P. N. A Dual-Process Theory for the Evolution of Mesoamerican Civilization // Current Anthropology. Vol. 37. 1996. № 1; Бондаренко Д. М., Кортаев А. В. Политогенез, «гомологические ряды» и нелинейные модели социальной эволюции // Общественные науки и современность. 1999. № 5; Берент М. Безгосударственный полис. Раннее государство и древнегреческое общество // Альтернативные пути к цивилизации. Отв. ред. Н. Н. Крадин, А. В. Кортаев и др. М., 2000; Ковалевски С. Циклические трансформации в Северо-Американской доистории // Там же; Уасон П., Балди М. Религия, коммуникация и генезис сложной социальной организации в неолитической Европе // Там же; Feinman G. Mesoamerican Political Complexity: The Corporate-Network Dimension // From leaders to rulers. Ed. by J. Haas. New York, 2001; Бондаренко Д. М. Гомоархия как принцип построения социально-политической организации // Раннее государство, его альтернативы и аналоги. Отв. ред. Л. Е. Гринин и др. Волгоград, 2006; Гринин Л. Е. Государство и исторический процесс. Кн. 1–3. М., 2007; Pathways to Power. Ed. by T. D. Price, G. Feinman. New York, 2010; Feast, Famine or Fighting? Multiple Pathways to Social Complexity. Ed. by R. Chacon, R. Mendoza New York, 2017 etc.

вождеству в виде компактных по размеру горских *общин, полисов*, вольных пиратских, казачьих, крестьянских, торговых и др. подобных сообществ.

Примером *иерархического* общества кочевников является Хуннская держава. Она возникла на рубеже III–II вв. до н. э. Северные границы империи достигали Байкала, южные – упирались в Великую китайскую стену, западные – достигали Восточного Туркестана, включая Хакасию, Туву и Алтай, восточные – доходили до Хингана и р. Ляохэ. В отличие от культуры плиточных могил, о хунну есть много сведений в китайских письменных источниках. Можно выделить четыре этапа истории Хуннской империи. Первый этап (209–133 гг. до н. э.) – это время наибольшего расцвета степной державы. В этот период номады практиковали политику чередования набегов и вымогания «подарков» в отношении Китая. Следующий этап (129–58 гг. до н. э.) связан с изменением китайской внешней политики и началом длительной кровопролитной войны между Хунну и китайской династией Хань. Война не принесла победы ни одной из сторон, однако хуннское общество «взорвалось» изнутри. Началась кровопролитная гражданская война. Третий этап (56 г. до н. э. – 9 г. н. э.) – это период мирных отношений между кочевниками и китайцами. Правивший в тот период шаньюю Хуханье постепенно расправился со своими внутренними противниками, принял юридический вассалитет от Китая, за что южане высылали в степь регулярные и намного более богатые, чем ранее, подарки. Четвертый этап (9–48 гг.) характеризуется очередной сменной внешней политики Китая по отношению к Хунну, из-за чего возобновилось противостояние между номадами и земледельцами, начались периодические набеги кочевников на Китай. Данный этап продлился до 48 г. н. э., когда в результате новых внутренних конфликтов Хуннская империя распалась на «северную» и «южную» конфедерации. К сожалению, касательно более позднего времени в китайских источниках отсутствуют надежные сведения¹.

Выдающийся китайский историк Сыма Цянь оставил подробное описание административной системы Хуннской державы на рубеже III–II вв. до н. э. По его свидетельству Модэ разделил империю на три части: центр, левое и правое крылья. Крылья, в свою очередь, делились на подкрылья. Вся высшая власть была сосредоточена у шаньюя. Параллельно он управлял центром – племенами «метрополии» степной державы. Ему подчинялись 24

¹ Крадин Н. Н. Империя Хунну. 4-е изд. СПб., 2020.

высших должностных лица, которые руководили крупными племенными объединениями и одновременно имели воинское звание «*ваньци*» (т. е. темников – десятитысячников). Левым крылом командовал, как правило, старший сын шаньюя – наследник престола. Его соправителем, руководителем и соправителем правого крыла являлись три наиболее близких родственника правителя степной империи. Только они имели высшие титулы «князей» (ванов). «Князья» и еще шесть наиболее знатных темников считались «сильными» и имели в своем подчинении не менее 10 тыс. всадников. Остальные темники реально имели менее 10 тыс. конников¹.

Во главе хуннского общества находился шаньюй. В официальных документах периода расцвета Хуннской империи шаньюй именовался не иначе, как «Небом и землей рожденный, солнцем и луной поставленный, великий шаньюй сюнну». Его власть, как и власть правителей других степных империй Евразии, основывалась не на внутренних, а на внешних источниках. Шаньюй использовал набеги для получения политической поддержки со стороны племен-членов «имперской конфедерации». Далее, используя угрозы набегов, он вымогал от Хань «подарки» (для раздачи родственникам, вождям племени и дружине) и право на ведение приграничной торговли (для всех подданных). Самое большое оскорбление, которое мог заслужить степной правитель, это обвинение в скупости. Поэтому для шаньюев военные трофеи, подарки ханьских императоров и международная торговля являлись основными источниками политической власти в степи. Следовательно, протекающие через их руки «подарки» не только не ослабляли, а, напротив, усиливали власть и влияние правителя в «имперской конфедерации»².

На локальном уровне административной иерархии находились местные племенные вожди и старейшины. Официально они подчинялись 24 наместникам из центра. Однако на практике зависимость племенных лидеров была ограничена. Ставка находилась достаточно далеко, а местные вожди располагали поддержкой родственных им племенных групп. Поэтому влияние на местную власть имперских наместников было в известной степени ограничено, и они были вынуждены считаться с интересами подчиненных им племен. Каково же было общее число данных племенных

¹ Таскин В. С. Материалы по истории сюнну. Вып. 1. М., 1968. С. 40.

² Крадин Н. Н. Империя Хунну.

групп в пределах хуннской имперской конфедерации, источникам не известно.

Использование китайским историком для описания административно-политической структуры хуннского общества как военных (темники, тысячники, сотники), так и традиционных (князья разных рангов, дувэи, данху и пр.) терминов дает основание предположить, что системы военной и гражданской иерархии существовали параллельно. Каждая из них имела отличные функции. Система недесятичных рангов использовалась для гражданского управления племенами. Система десятичных рангов применялась во время войны, когда большое количество воинов из разных частей степи объединялись в одну или несколько армий.

Власть шаньюя, высших военачальников и племенных вождей на местах поддерживалась строгими, но простыми традиционными нормами. В целом, как оценивали хуннские законы китайские хронисты, наказания у номадов были «просты и легко осуществимы» и сводились, главным образом, палочным наказаниям, ссылке и смертной казни. Это давало возможность быстро разрешать на разных уровнях иерархической пирамиды конфликтные ситуации и сохранять стабильность политической системы в целом. Не случайно, что для китайцев, с детства привыкших к громоздкой и неповоротливой бюрократической машине, система управления хуннской конфедерации казалась предельно простой: «управление целым государством подобно управлению своим телом»¹. Центр империи Хунну находился на территории современной Монголии. Однако первые археологические памятники хунну были открыты и начали исследоваться на территории России в Забайкалье. Это произошло в конце XIX в. Первые сборы археологических материалов на поселении у села Дурены осуществил учитель школы П. С. Михно. Чуть позже врач и ученый польского происхождения из Кяхты Ю. Д. Талько-Грынцевич начал раскопки могильников хунну. Именно с его именем связывается начало археологии хунну. Он раскопал более 100 могил, в том числе более 50 могил в Ильмовой пади и Дырестуйском Култуке².

На территории Бурятии хуннские памятники расположены внутри большого степного массива, связанного с долиной Селенги и вклинивающегося в лесостепные и таежные зоны Байкальской Сибири. С экологической точки зрения – это доста-

¹ Таскин В. С. Указ. соч. С. 40, 46.

² Талько-Грынцевич Ю. Д. Материалы к палеоэтнографии Забайкалья. СПб., 1999.

точно обособленный район. Общее количество кочевников, кочевавших на территории современной степной Бурятии, исходя из продуктивности пастбищных ресурсов, могло быть от 12000 до 26000 человек. Можно предполагать, что данная территория не только имела самостоятельное экономическое значение как зона потенциального земледелия и торговых контактов с культурами охотников забайкальской тайги и рыболовов Байкала. На настоящий момент известно два городища, несколько поселений, три элитных и около ста обычных могильников хунну. По всей видимости, кочевники Западного Забайкалья входили в одну административно-территориальную единицу империи Хунну. Она возглавлялась местным вождем или наместником, присланным из центра, в ранге ваньци (десятитысячника). В военном отношении данная общность представляла собой подразделение численностью до 5000 лучников.

Особенный интерес представляют элитные или, как их называли раньше, «княжеские» курганы. На территории Забайкалья имеются три элитных могильника (Ильмовая падь или Суджи, Оргойтон и Царам). Впервые элитная могила была раскопана в конце XIX века Ю. Д. Талько-Грынцевичем. После него подобные курганы раскапывались другими исследователями. Внешне элитная могила представляет собой прямоугольную насыпь высотой чуть более 1 метра со сторонами 15–30 м. С южной стороны от насыпи обычно имеется пологий дромос, обрамленный каменной кладкой длиной около 20 м. Могильная яма уходит крутыми уступами на глубину 10–15 м. Она представляет собой нечто похожее на ступенчатую пирамиду, только наоборот. Внутри могильного сооружения обычно имеются сложные каменные конструкции. На самом дне имеется могильная яма, глубиной несколько метров. Внизу, обычно в двух срубках, располагается гроб, покрытый лаком и росписью. Внутренняя поверхность срубов задрапирована изысканными шерстяными коврами и шелковыми тканями. В могилах находился богатый сопроводительный инвентарь – золотые украшения, ковры, шелковые одеяния, оружие, китайские колесницы и др. На сооружение таких могил привлекалось большое количество людей, требовались грандиозные затраты (в десятки и даже сотни тысяч кубометров земли), возведение курганов растягивалось подчас на длительный период. Однако большинство элитных могил было ограблено еще в древно-

сти и до исследователей доходят только остатки былой роскоши¹. Захоронения других социальных групп выглядят не столько впечатляюще. Наземные конструкции простых курганов имели вид каменных кладок, обычно округлой или квадратной или прямоугольной формы. Погребение часто сопровождалось жертвенной пищей (мясо, сосуды с другой едой). В некоторых погребениях есть следы ритуального очищения огнем. Ориентация большинства погребений на север или на северо-восток. При этом встречаются отклонения. На дно ямы ставили обычно сруб из бревен лиственницы. Внутри сруба помещали деревянный гроб. В богатых могилах гроб мог быть в двух срубках. Небогатых лиц могли положить в простой гроб без сруба, деревянную раму в могиле, каменный ящик, простую яму. Кроме того, на Иволгинском могильнике есть особые захоронения грудных младенцев в сосудах. В могилах могут встречаться самые различные артефакты – орудия труда и предметы быта, оружие, посуда, конская сбруя, украшения, монеты, шелковые ткани, пояс с железными, бронзовыми и даже золотыми бляхами.

Изучение погребальных памятников хунну Западного Забайкалья выявило сложную социальную структуру, наличие иерархической системы рангов, прослеживаемой в различных половозрастных и этнокультурных группах общества². Общая совокупность исследованных погребений составила 426 захоронений. Представленная выборка дает возможность получить вполне объективные результаты. Проведенные исследования показывают, что мужские погребения разбиваются на несколько рангов, резко отличающихся между собой. Могильники выстраиваются в иерархическую лестницу. Самый верхний «этаж» занимают три кургана (№ 10, 40, 54) кластера 2 комплекса Ильмовая падь, который относится к так называемым элитным или «княжеским» курганам. Далее расположены захоронения субкластеров (1А и 1В) Ильмовой пади. Между ними имеются некоторые отличия. Погребения субкластера 1А, возможно, несколько «богаче». За ними по близости погребального обряда и количеству сопроводительного инвентаря

¹ Коновалов П. Б. Хунну в Забайкалье. Улан-Удэ, 1976; он же. Усыпальница хуннского князя в Суджи. Улан-Удэ, 2008; Миняев С. С., Сахаровская Л. М. Элитный комплекс захоронений сюнну в пади Царам // Российская археология. 2007. № 1.

² Крадин Н. Н., Данилов С. В., Коновалов П. Б. Социальная структура хунну Забайкалья. Владивосток, 2004; они же. Хуннская культура Забайкалья // Социальная структура ранних кочевников Евразии. С. 183–199.

следуют погребения Черемуховой пади и Дырестуйского Култука. По всей видимости, мы должны говорить о полноправном населении общества хунну. В последнем могильнике выделяется три группы примерно одного общественного ранга. В Иволгинском грунтовом могильнике выделено четыре общественных ранга. Самый низший – безынварные погребения кластера 1. Другие три группы сопровождаются различными категориями инвентаря. Вторая подгруппа (субкластер 2АВ) отличается от первой (субкластер 2АА) дополнительно наличием пояса, а третья (субкластер 2В) от второй наличием конского снаряжения.

Таблица 2.

Мужские погребения хунну Забайкалья

Могильник	Кластер	сопроводительный инвентарь
Иволгинский Могильник	1	безынварные погребения
	2АА	погребения с инвентарем
	2АВ	инвентарь + пояс
	2В	инвентарь + пояс + конское снаряжение
Дырестуйский Кулдук	1В	разнообразный инвентарь
	1А	более разнообразный инвентарь
	2	более разнообразный инвентарь с украшениями
Черемуховая падь	1	<i>дифференциации не выявлено</i>
	2	
Ильмовая падь	1В	разнообразный инвентарь
	1А	еще более разнообразный инвентарь (+ зеркала, золотые украшения)
	2	курганы элиты (№ 10, 40, 54)

Можно было бы попытаться привязать эти прослойки к конкретным социальным группам, известным по летописным источникам. Однако, на наш взгляд, это слишком преждевременно. Всегда необходимо помнить то, что археология имеет дело лишь с фрагментарными остатками некогда существовавшей культуры, как и то, что в нашем распоряжении имеется только лишь небольшая выборка фактических данных, и с каждым новым полевым сезоном наши знания о прошлом могут существенно корректироваться. По всей видимости, только при значительном расширении источниковой базы можно будет более определенно связать

те или иные кластеры погребений с конкретными социальными группами общества хунну.

Различия между отдельными курганными могильниками могли быть обусловлены разным статусом племенных и родовых коллективов, воздвигнувших эти погребальные комплексы, внутриэтнической (межплеменной) спецификой и хронологическими отличиями разных этапов истории хунну. Количество труда, вложенное в захоронения курганных могильников Ильмовая и Черемуховая падь, Дырестуйский Култук, в целом больше, чем затраты на погребения грунтового Иволгинского могильника. Это дает основания предположить, что статус кочевников-скотоводов был явно выше статуса жителей оседлых земледельческих поселений. Дифференциация отдельных субкластеров внутри могильников отражает отличия между различными социальными рангами общества. Здесь по сопроводительному инвентарю особенно выделяются самые «богатые» захоронения (кластер 2, Ильмовая падь). Гораздо труднее решить, представителям каких общественных рангов хунну (старейшинам, простымномадам, рабам и т. д.) принадлежат погребения того или иного кластера (субкластера). Однако это не означает, что подобная интерпретация в будущем останется невозможной. В частности, вряд ли мы сильно ошибемся, если свяжем самые бедные погребения кластера 1 Иволгинского могильника с населением, имевшим рабский или полурабский статус.

Исследование совокупности женских захоронений показывает наличие иерархии и у представительниц слабого пола. Необходимо также отметить, что почти в половине из выделенных кластеров (субкластеров) женских захоронений встречаются предметы вооружения. Это вроде подтверждает хорошо известный по письменным и археологическим источникам факт об активном участии женщин в военной жизни степняков¹. Однако не находит объяснения факт, что среди оседлого населения (в трех из пяти субкластерах Иволгинского могильника) предметы вооружения встречались несколько чаще, чем среди спутниц кочевников-мужчин.

¹ Смирнов К.Ф. Савроматы. М., 1964. С. 201; Хазанов А.М. Социальная история скифов. М., 1975. С. 85–86; Бунятян Е.П. Методика социальных реконструкций в археологии (на материале скифских могильников IV–III вв. до н. э.). Киев, 1985. С. 71; Полосьмак Н.В. «Стережущие золото грифы» (ак-алахинские курганы). Новосибирск, 1994. С. 42; она же. Всадники Укока. Новосибирск, 2001. С. 276–277.

Таблица 3.

Женские погребения хунну Забайкалья

Могильник	Кластер	сопроводительный инвентарь
Иволгинский могильник	1В	безынвентарные погребения
	1АА	Керамика
	1АВ	инвентарь (в т. ч. керамика)
	2А	более разнообразный инвентарь (в том числе конское снаряжение, монеты, украшения)
	2В	еще более разнообразный инвентарь, заупокойная тризна
Дырестуйский Култук	1В	разнообразный инвентарь, тризна
	2	разнообразный инвентарь, тризна+КРС ¹ , вооружение
	1А	еще более разнообразные украшения, тризна+КРС
Черемуховая падь	2	более разнообразный инвентарь
	1	разнообразный инвентарь
Ильмовая падь	1В	бедный инвентарь
	2	разнообразный инвентарь
	1А	еще более разнообразный инвентарь (+ зеркала, золотые украшения)

В захоронениях наиболее знатного могильника Ильмовой пади выделяются три социальных ранга: наиболее «богатые» погребения относятся к субкластеру 1А. Более бедные погребения относятся к кластеру 2. Погребения женщин с самым низким статусом относятся к субкластеру 1В. В женских захоронениях Черемуховой пади, в отличие от мужских, выделено два общественных слоя: несколько более «богатые» погребения кластера 2 и несколько более «бедные» могилы кластера 1. Анализ погребений могильника Дырестуйский Култук выявил существование трех социальных подгрупп. Группа 1В сопровождается обычным для простых захоронений инвентарем. Она более бедна, чем группы 1А и 2. Однако между последними группами также есть некоторые отличия. В кластере 2 найдено оружие, кластер 1А отличается большим количеством и разнообразием украшений.

Гораздо более сложная иерархия прослеживается в женских захоронениях Иволгинского могильника. Там выявлено пять рангов. Первая группа погребений (1В) – безынвентарная, во второй

(1АА) встречается только керамика, в третьей (1АВ) появляется сопроводительный инвентарь, в четвертой (2А) он становится разнообразнее (в том числе фиксируются пояс, монеты, разнообразные украшения), в пятой (2В) данные признаки уже массовые, заупокойная тризна более разнообразна.

Как и в погребениях взрослых, в детских захоронениях фиксируется отчетливая разница между курганными (Ильмовая падь, Дырестуйский Култук) и грунтовыми (Иволгинский могильник) погребальными комплексами. Лучше всего социальная дифференциация прослеживается в Иволгинском могильнике, где совокупность детских погребений распределяется на три группы: безынвентарных погребений (субкластер 2ААВ), захоронений с керамикой (субкластер 2ААА), погребений с разнообразным сопроводительным инвентарем (субкластер 2АВ). Отдельно следует рассматривать погребения в сосуде кластера 1, которые условно обозначены как «младенческие».

Таблица 4.

Детские погребения хунну Забайкалья

Могильник	Кластер	сопроводительный инвентарь
Иволгинский могильник	1	<i>погребения в сосуде</i>
	2ААВ	безынвентарные погребения
	2ААА	Керамика
	2АВ	инвентарь (в т. ч. керамика)
Дырестуйский Култук	1А	инвентарь (девочки?)
	2	инвентарь (мальчики?)
Ильмовая падь		<i>дифференциации не выявлено</i>

При сопоставлении различных кластеров погребений детей разных могильников выясняется, что по разнообразию сопроводительного инвентаря, они могут быть объединены в две группы: 1) безынвентарные и «бедные» погребения Иволгинского могильника (кластер 1, субкластеры 2ААА, 2ААВ, 2В); 2) погребения Дырестуйского Култука и Ильмовой пади, к которым примыкает субкластер 2АВ Иволгинского могильника. В целом это дает основание проследить определенную дифференциацию среди захоронений детей, выделение «богатых» и «бедных» погребений.

Таким образом, изучение общественной структуры хуннского общества по данным археологии значительно дополняет информацию, полученную из письменных источников. Иссле-

дование погребальных комплектов хуннской археологической культуры показывает более глубокий уровень социальной дифференциации, наличие меж- и внутриэтнического (вероятно, опосредованного генеалогией) неравенства, существование большого числа промежуточных статусов и социальных прослоек. Все это свидетельствует о существовании в Хуннской державе сложной, многоуровневой иерархии статусов, которая лишь частично отражена в древнекитайских летописных текстах.

Еще одна важная составляющая северных хунну на территории Западного Забайкалья – это наличие городищ и поселений. Из хуннских поселений самое большое – Дурены на левом берегу Чикоя. Общая протяженность памятника около 5 км. В результате раскопок были обнаружены остатки полуземлянок с канами (отопительная система), много предметов материальной культуры. Жители поселения занимались сельским хозяйством, о чем свидетельствуют многочисленные находки сошников¹. Из других памятников, изучавшихся в последние годы, – поселение Нижний Мангиртуй. Здесь раскопаны жилища с каном, получено большое количество материалов, свидетельствующих о хозяйственной деятельности населения.

Хуннских городищ на территории Бурятии всего два. Первое из них – Баян-Ундэр, по всей видимости, представляло собой административную или военную или резиденцию. Городище расположено на высоком правом берегу Джиды. Оно окружено двумя валами. Невысокий внешний вал имеет скругленные углы. Его размеры приблизительно 115x105 м. Южный вал частично разрушен берегом реки. Размеры внутреннего вала примерно 60x60 м. Вал сделан из плотной глины, его высота около 1 м, снаружи ров. В северо-западном углу вала зафиксированы следы частокола. По центру основного южного вала имеется проход. Напротив него снаружи привратное укрепление округлой формы диаметром около 20 м. В северо-западному углу было раскопано здание подквадратной формы размером приблизительно 8x8 м. Были обнаружены остатки отопительной системы – кана с очагом и дымоходными каналами.²

¹ Давыдова А. В., Миняев С. С. Комплекс археологических памятников у села Дурены. СПб., 2003.

² Данилов С. В. Раскопки здания на хуннском городище Баян-Ундэр в Джидинском районе Республики Бурятия // Археология и этнология Дальнего Востока и Центральной Азии. Владивосток, 1998.

Гораздо лучше изучено Иволгинское городище, расположенное в окрестностях Улан-Удэ. Оно представляло собой неправильный прямоугольник со сторонами примерно 228 на 335 м. С трех сторон было защищено фортификационными сооружениями (4 вала и 3 рва между ними), с четвертой стороны городище примыкало к старице Селенги. Вал хорошо сохранился только с южной и юго-западной стороны. Их современная высота 0,8 м от дневной поверхности, а ширина 7–8 м. Многолетними археологическими исследованиями исследовано более 50 жилищ, а также много иных хозяйственных и прочих сооружений. Городище, а также найденный неподалеку синхронный ему могильник (216 погребений), являются наиболее изученными памятниками хуннской эпохи. Здесь могли одновременно проживать несколько тысяч человек.¹

Основное население городища вело оседлый образ жизни и занималось земледелием. Это подтверждается находками земледельческих орудий труда и большим количеством зерен проса. Жители городища разводили крупный рогатый скот, овец, немного коз, свиней. Помимо этого, они употребляли в пищу собак. Охота не играла для них большой роли. А вот рыболовство имело большое значение. Селенга замерзает в конце октября – начале ноября, вскрывается в конце апреля – первой декаде мая. С этого времени и до конца лета длится период активного рыболовства. После зимы рыба являлась важным дополнением диеты населения городища. По всей видимости, ближе к осени производились массовые заготовки рыбы на зиму. На памятнике обнаружены кости различных видов рыб: тайменя, ленка, хариуса, леща, щуки и др.²

Определенная часть жителей городища занималась и ремесленным производством. Хунну имели черную и цветную металлургию. Встречаются как кузнечные горны, так и многочисленные изделия ремесленников. Судя по всему, ремесленники Хуннской державы наладили массовое изготовление железных изделий: орудий труда и кинжалов, наконечников стрел и копий, упряжи и предметов быта. Искусство хунну сочетало самобытные местные традиции с мотивами так называемого «звериного стиля» скифо-сибирских степных культур Евразии. Преобладали зооморфные мотивы: изображения различных диких, домашних и мифологических живот-

¹ Давыдова А. В. Иволгинский археологический комплекс. Т. I. Иволгинское городище. СПб., 1995; Т. II. Иволгинский могильник. СПб., 1996.

² Khenzykhenova F.I., Kradin N.N., Danukalova G.A. et al. The human environment of the Xiongnu Ivolga Fortress (West Trans-Baikal area, Russia): initial data // Quaternary International. Vol. 546. 2020. P. 216–228.

ных (грифон, козел, баран, тигр, олень, лошадь и т. д.) Изучение химического состава хуннских бронз показало, что для их отливки использовались сложные сплавы, незнакомые соседним с хунну культурам, что также свидетельствует о самостоятельном очаге хуннской ремесленной традиции. Оседлые жители занимались земледелием и ремеслом, обеспечивая результатами своего труда кочевников-скотоводов.

Среди ученых существуют разные точки зрения относительно роли городищ и поселений у хунну. В этой связи важно отметить, что количество затрат и богатство курганных могильников Ильмовая и Черемуховая падь, Дырестуйский Култук больше, чем затраты на погребения грунтового Иволгинского могильника. Это дает основание предположить, что статус кочевников-скотоводов был выше статуса жителей оседлых земледельческих поселений. Однако, скорее всего, в Хуннской державе существовал достаточно широкий спектр отношений между кочевниками и земледельцами. Это могли быть как поселения, заселенные пленниками-рабами, так и населенные пункты, жители которых имели статус полувассальных данников, обязанных поставлятьномадам определенное количество земледельческой и ремесленной продукции, или даже общины земледельцев, поддерживавшие дружеские экономические и торговые связи с кочевой частью населения степной империи при условии общего военного и политического доминирования кочевников. В последнем случае номады могли поставлять оседлым жителям скот и продукты скотоводческого хозяйства, частично компенсируя земледельцам недостаток в мясе, овчинах, шерсти, войлоке и т. д. Однако, так или иначе, нельзя не признать, что Иволгинское городище являлось настоящим городом. Оно полностью соответствует всем признакам города – компактная застройка, большая численность и плотность населения, ремесленное производство. Учитывая, что все на настоящий момент известные на территории Монголии хуннские городища не соответствовали данным характеристикам, можно смело констатировать, что Иволгинское городище является единственным на настоящий момент известным городом в Хуннской империи. Жители города занимались земледелием и ремеслом, обеспечивали кочевников скотоводов результатами своей деятельности.

Как известно, Хуннская империя просуществовала до середины I в. н. э. В 48 г. она распалась на северную и южную конфедерации, которые были похожи между собой по социальному

устройству. У тех и у других существовало деление на два крыла (западное и восточное), система аналогичных высших и прочих рангов, одинаковый порядок наследования. Правда, северная хуннская конфедерация изначально была раза в два – три крупнее. Согласно отрывочным данным китайских летописей северный шаньюй пытался следовать традиционной дистанционной политике кочевников в отношении Китая. В 51, 52 и 55 гг. он тщетно пытался заключить «Договор о мире, основанном на родстве». Императорский двор упорно не шел на заключение договора, а ханьские «подарки» были ничтожно малы в сравнении с демонастративно щедрыми дарами южному шаньюю. Это существенно снижало престиж северного шаньюя в глазах подданных; алчные до шелка, изысканных продуктов и иных диковинок кочевники понемногу стали откочевывать в пределы южной конфедерации. Южные хунну перекрыли и другой канал поступления нескотоводческой продукции в степь; они активно мешали приграничной торговле между ханьцами и северными хунну. В конце 70-х гг. I в. н. э. «северные варвары ослабли, их сообщники отложились»¹.

Логика древних хроник подсказывает, что I в. н. э. был периодом необратимой деградации власти в хуннском обществе. Между тем данные археологии рисуют несколько иную картину. Исследование датировок элитных курганов показывает, что все они относятся к узкому хронологическому периоду – не ранее середины I тыс. до н. э. и не позднее I в. н. э.² Ученые находят в курганах изысканные ковры, одежды, шелковые ткани, золотые и бронзовые украшения, колесницы, предметы труда и быта. Роскошные сокровища указывают на высокий уровень производства престижных товаров, развитие торговли с Китаем и другими странами. В этот период хуннский погребальный обряд становится стандартизованным. Наличие однотипных престижных товаров в захоронениях элиты свидетельствует о наличии общей идентичности, разделяемой большинством представителей центральных и локальных элитных групп. Есть все основания полагать, что в этот период Хуннская держава все еще представляла собой мощную иерархическую державу, как и конфедерации ее преемницы, что косвенно отразилось в огромных монументальных погребальных сооружениях, воздвигнутых в память об усопших представителях хунн-

¹ Таскин В. С. Материалы по истории сюнну. Вып. 2. М., 1973. С. 80.

² Brosseder, U. Xiongnu Terrace Tombs and their Interpretation as Elite Burials // Current Archaeological Research in Mongolia. Bonn, 2009. P. 247–280.

ской элиты, формировании единого стиля форм и орнаментации керамических изделий, общих традиций погребальной обрядности. Не исключено, что это был период расцвета позднехуннского общества, который по тем или иным причинам не нашел отражения в китайских династических хрониках¹.

Резонно задать вопрос, в какой степени стратегии *гетерархии* и *иерархии* применимы для анализа обществ кочевников-скотоводов? В контексте базисной теории политогенеза традиционно они рассматриваются как две альтернативные стратегии власти. Очевидно, что Хуннская империя представляла классический пример политики с развитой иерархией. Выше было показано наличие развитой дифференциации и множества статусов, выделяемых по данным археологии и нарративных источников. Совсем иную ситуацию мы видим при анализе погребений культуры плиточных могил. Исследование погребений данной культуры показывает наличие не более трех – четырех социальных рангов, между которыми не было резких границ. Различные социальные группы имели одинаковый (или почти идентичный) доступ к ресурсам (пастбищам и животным), резкое социальное неравенство не сформировалось. Экономические усилия общества были направлены на решение коллективных целей, общих религиозных культов и обрядов. Наверное, для данной культуры были характерна универсальная космология и стандартизированный образ жизни.

Вместе с тем *гетерархию* и *иерархию* у кочевников и скотоводов можно рассматривать не только как два полюса организации системы власть, но и как два уровня сложности политической централизации. На уровне слабой власти лидеров номады могут быть структурированы в *гетерархическое* общество, которое могло быть близко описанию *племенного* общества Э. Эванса-Причарда². По мере усиления персональной власти данное объединение может быть переконфигурировано в иерархическое *вождество*. На уровне объединений большего масштаба альтернативы могли быть в форме иерархических *кочевых империй* и гетерархических *имперских конфедераций*. В качестве примера первой формы можно назвать раннюю Хуннскую империю времени шаньюя Модэ

¹ Миллер Б. Империя Хунну // Кочевые империи Евразии: особенности исторической динамики. Отв. ред. Б. В. Базаров, Н. Н. Крадин. М., 2019. С. 82, 85.

² Evans-Pritchard E. The Nuer: A Description of the Modes of Livelihood and Political Institutions of a Nilotic People. London, 1940.

и его преемников. В качестве примера второй формы – конфедерации хунну, описанную китайским историком Фань Е¹.

Возможно множество комбинаций и дихотомии гетерархических и иерархических политий у кочевников на надплеменном и мперском уровнях. Группа гетерархических племен может быть объединена в акефальную политику или слабое вождество. В свою очередь, простые вождества могут быть структурированы в сложное вождество или в гетерархическую конфедерацию вождеств. Примером последней может быть конфедерация «восьми владений» у киданей в доимперский период².

Скорее всего, подобные формирования были нестабильны и в зависимости от разных обстоятельств могли изменяться как по количеству сегментов, так и по характеру внутренних связей. Нередко дихотомия *гетерархия* – *иерархия* зависела от различных факторов, в том числе от индивидуальных качеств политических лидеров. При удачливом харизматическом вожде, например, могла быть выстроена иерархия сложного вождества, однако после его смерти она могла трансформироваться в гетерархическую конфедерацию вождеств.

Понять, как могли соотноситься *гетерархия* и *иерархия* в доисторических и древних обществах кочевников-скотоводов, позволяют компаративные данные. Многочисленные этноисторические исследования подтверждают существование двух форм сетей коммуникаций и социальной организации у пасторальных номадов. У африканских скотоводов были горизонтальные реципрокные сети брачных компенсаций, обмен животными для групповых коммуникаций, для поддержки пострадавших в периоды кризисов и голода³. На Ближнем Востоке и в Средней Азии были более распространены иерархические патрон-клиентные отношения, при которых богатые скотоводы обеспечивали ресурсами малоимущих и неимущих⁴. При этом богатые домохозяйства были более стабильны и являлись источником сетей неравенства, тогда как больше рисков потерять стадо имелось у бедных. Однако мобильность препятствовала установлению среди ското-

¹ Крадин Н. Н. Империя Хунну. Гл. 6.

² Крадин Н. Н., Ивлиев А. Л. История киданьской империи Ляо (907–1125). М., 2014.

³ Evans-Pritchard E. The Nuer; Gulliver P. H. The Family Herds: A Study of Two Pastoral Tribes in East Africa the Jie and Turkana. London, 1955; Spencer P. Nomads in Alliance: Symbiosis and Growth among the Rendille and Samburu of Kenya. London, 1973.

⁴ Barth F. Nomads of South Persia. Boston, 1961; Irons W. The Yomut Turkmen: A Study of Social Organization among Central Asian Turkic-Speaking Population. Ann Arbor, 1975.

водов развитой иерархии, поскольку от жестокого вождя всегда можно откочевать на другую территорию. Доступ к оружию каждого мужчины также способствовал развитию независимого поведения кочевников. В целом подвижный образ жизни больше соответствует децентрализации и гетерархии, чем объединению и созданию иерархии.

Стимулом к консолидации и формированию внутренней иерархии является наличие оседлых соседей. Борьба за доступ к скотоводческим ресурсам вынуждает кочевников объединиться. Что бы ни говорили историки – сторонники того, что причинами формирования степных империй было внутреннее развитие, антропологи давно подметили, что вероятность создания эгалитарных и децентрализованных обществ присутствует в отдаленных от цивилизации регионах, а вождества и конфедерации появляются там, где по соседству есть оседлые аграрные поселения и города, рынки и власть¹. Именно поэтому конфедерации кочевников с внутренней иерархией возникают в тех регионах, где есть конфронтация с оседлыми². Следовательно, *гетерархия* и *иерархия* среди кочевников это не только два разных вектора эволюционных процессов и не столько две формы сложности надплеменной организации, но в немалой степени результат действия двух разных полей социальных коммуникаций между различными типами обществ. Первое состояние характерно для скотоводческих обществ, которые не имеют развитых контактов с аграрными обществами. Вторым вариантом встречается у тех кочевников-скотоводов, которые имеют постоянные коммуникации с оседлыми. При этом чем выше масштаб сложности оседлого аграрного общества, тем более мощной и иерархически организованной должна быть конфедерация кочевников. Для контактов с небольшими оазисами достаточно конфедерации племен или вождества, но для взаимодействия с аграрной цивилизацией необходима кочевая империя.

¹ Irons W. 1979. Political Stratification among Pastoral Nomads // Pastoral Production and Society, Cambridge, 1979. P. 361–374; Salzman P.C. Pastoral Nomads: Some General Observations Based on Research in Iran // Journal of Anthropological Research. Vol. 58. 2002. № 2. P. 253–254.

² Khazanov A.M. Nomads and the Outside World. Cambridge, 1984; Fletcher J. The Mongols: Ecological and Social Perspectives // Harvard Journal of Asiatic Studies. Vol. 46, 1986. № 1; Barfield T. The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China, 221 BC to AD 1757. Cambridge, 1989; Golden P. An Introduction to the History of the Turkic Peoples: Ethnogenesis and State Formation in Mediaeval and early Modern Eurasia and the Middle East. Wiesbaden, 1992; Крадин Н.Н. Кочевые общества. М., 1992; он же. Кочевники и всемирная история. СПб., 2020.

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Правительства Российской Федерации № 14. W03.31.0016 «Динамика народов и империй в истории Внутренней Азии».

N. N. Kradin

Heterarchy and Hierarchy in ancient nomadic societies of Transbaikalia

Abstract. This article discusses the relationship between hierarchy and heterarchy among Transbaikalian pastoralists and nomads. We theorize that in the case studies on the two examples (slab graves culture and Xiongnu) of pastoral nomads» heterarchy and hierarchy should not necessarily be considered two separate strategies-directions, but instead two different levels of political centralization, and two results of political interaction between settled and nomadic societies. A multitude of combinations and dichotomies of both heterarchical and hierarchical polities are possible among nomads. While personal authority remains weak, nomadic societies organize as a heterarchical tribes, chieftainship or imperial confederation. As personal authority grows, those are transformed into a hierarchical chiefdom, complex chiefdom, and nomadic empire.

Keywords. Nomads, Transbaikalia, Slab graves, Xiongnu, Heterarchy.

УДК 94 (315)

ББК 63.3 (5)

И. Ф. Попова

**Управление окраинными территориями
Западного края в китайской империи при династии
Ранняя Хань (206 до н. э. – 9 н. э.)**

Аннотация: В статье рассматриваются идеологические установки и практические методы управления огромными территориями Центральной Азии, которые упоминаются в китайских источниках как западные регионы. В традиционной китайской идеологии вселенная рассматривалась как единое политическое целое во главе с императором Поднебесной. Тем самым возможность Китая захватывать дальние территории теоретически была неограниченной. Все народы и племена, проживающие в разной степени удаленности от Китая, рассматривались как фактические или потенциальные вассалы Срединного государства, а государственная доктрина Китая объясняла попытки империи включить новые земли в свою административно-территориальную структуру либо как покровительство этническим перифериям, либо как необходимое наказание за невыполнение обязательств вассалов. Тем не менее методы руководства окраинными территориями во времена империи Хань были не ограничены дихотомией «варварство-цивилизация», а принимали различные формы полувоенного управления, которые были наиболее приемлемыми для местной жизни.

Ключевые слова: Ранняя (Западная) империя Хань, западные регионы, окраинные территории, имперское управление окраинными территориями.

В круг вопросов, исследуемых Борисом Вандановичем Базаровым, всегда входили проблемы центральноазиатской политики, пограничья, взаимоотношений этносов, формировавших историческую действительность на обширных пространствах Евразии. Эти отношения берут начало в самой отдаленной древности, о чем повествуют китайские источники, и мы обращаемся сегодня к ним, чтобы их сведениями попытаться поддержать научные выводы нашего Юбиляра о глубокой исторической интегрированности процессов регионального взаимодействия.

Обширные пространства Внутренней Азии, населенные многочисленными разноязыкими народами, соединяющими в своей культуре черты кочевой и оседлой цивилизаций, становятся объектом геополитической стратегии Китая уже с II в. до н. э. Этот регион именовался в китайских источниках Западным краем (Си юй 西域). При династии Хань (206 г. до н. э. – 220 г. н. э.) название Си юй относилось ко всем территориям к западу от застав Юймэнь и Янгуань, включая не только современный Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР, но и Среднюю Азию, Афганистан и северную Индию. С развитием торговых трасс Великого Шелкового пути Западным краем стали именовать все пространство от Китая до Ирана и Византии или вплоть до Каспийского и Средиземного морей.

Рассмотрение традиционной китайской идеологией универсального пространства как единого политического целого во главе с императором Поднебесной формировало внешнеполитическую доктрину и «международную» практику Китая. Государственная идеология отождествлялась с вселенской, а фактором межэтнического сплочения были идеи распространения культуры и защиты «варваров», ищущих опору в китайском монархе. Имперская китайская идеология связывала основные функции по разделению и организации пространства со сверхъестественной индивидуальной добродетельной силой-дэ правителя Поднебесной. Основной ее функцией считалось «возращивание» всего живого. Как посредник между Небом и людьми государь был обязан заботиться о своем народе, создавать условия для его мирной жизни и спокойного труда.

При этом считалось, что благотворное влияние силы-дэ монарха испытывают на себе не только ханьцы, но и «дальние» народы, которые сами покоряются и прибывают ко двору с данью. В связи с этим все народы и племена, находившиеся в разной степени удаленности от Китая (т. е. от китайского хартленда, Великой Китайской равнины), рассматривались как реальные либо потенциальные вассалы китайского государства, и поэтому возможности присоединения новых территорий к Китаю теоретически полагались безграничными.

Во внешнеполитической идеологии контуры Китая или Среднего государства очерчивались условно как центр, к которому примыкает структурированная периферия или «территория пространства в четырех направлениях» (сы фан 四方), заселенного

восточными «варварами» и 夷, северными ди 狄, западными жун 戎 и южными мань 蠻. Это пространство рассматривалось как строго иерархичная и неоднородная структура, включавшая три пространственных уровня или зоны: 1) внутренние территории, именуемые «внутри от застав» (Гуаньчжун 關中, Гуаньнэй 關內), где исконно обитали ханьцы¹; 2) окраинные территории, населенные народами и племенами, изъявившими покорность императору Поднебесной, где были учреждены административно-территориальные единицы «губернаторства и области, [создаваемые] для удержания в узде и направления браздами» (羈縻府州цзими фучжоу); 3) территории, расположенные вовне (вай 外), которые потенциально могли быть присоединены к Срединной империи.

Хотя имперская «мироустроительная» доктрина по определению подразумевала вассальное подчинение «варваров» Китаю, действительность, естественно, была далеко не однозначна. Отношения Китая с сопредельными народами редко сводились к простой дихотомии «цивилизация – варварство», а принимали очень сложные, многообразные формы. М. В. Крюков выделил четыре возможные позиции для партнера, участвующего в «международных» отношениях Китая: «во-первых, он мог добиться от противоположной стороны признания ею фактического (а не номинального) вассалитета; во-вторых, он мог заключить «договор о мире и родстве» (хэцинь 和親) или «родственный союз», сохранив за собой положение старшего родственника; в-третьих, не исключалось вынужденное признание своего статуса как младшего родственника; наконец, в-четвертых, обстоятельства могли заставить признать себя вассалом»². В связи с этим М. В. Крюков пришел к выводу о существовании двух «моделей» во взаимоотношениях Китая с приграничными этносами в древности и средневековье, выделив наряду с «мироустроительной» традицию «равной дипломатии», воплощенной в термине «государство равной силы» или «враждебное государство» (диго 敵國). Практика диго подразумевала закрепленное договорными отношениями признание законности одновременного существования «двух государств», не пред-

¹ Центром этой территории являлись «три [столичных округа или подразделения столичной области под началом] «трех помощников» (сань фу 三輔): Страны и народы Востока/под общ. ред. М. Н. Боголюбова. Вып. XXXII. Дальний Восток. Книга 4. Проблемы географии и внешней политики в «Истории Хань» Бань Гу: исследования и переводы. М.: Издательская фирма «Восточная литература», 2005. С. 18.

² Крюков М. В. Китай и соседи: две традиционные модели взаимоотношений // Одиннадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Ч. 2. М.: «Наука» – ГРВЛ, 1980. С. 8.

усматривавшего отношений типа «сюзерен – вассал». При этом и М. В. Крюков, и поддержавшие эту идею в отечественной синологии С. Н. Гончаров и Ю. Л. Крель признают, что полного равенства концепция диго не предусматривала, так как изначально исходила из неравноправия участвующих сторон¹. Подтверждение этому дают условия заключения «договоров о мире и родстве», в терминологии которых всегда присутствовали «старший» и «младший» родственники. По мнению А. С. Мартынова, заключение договоров хэцинь, которые китайская сторона всегда воспринимала как «печальные и позорные», никак не смогло изменить систему представлений «Китай – варвары» (хуа и 华夷) и представлялось как «вынужденная деформация» единственно возможной имперской модели².

На практике задача соединения всех частей вселенского (имперского) пространства воедино должна была воплощаться в конкретных формах государственной исполнительной власти. Основой китайской цивилизации было земледелие как наиболее почитаемое занятие народа. Земледельческое освоение предполагало и главным подходом реализации имперской миссии Китая в отношении новых территорий.

В повествования о ближних и дальних государствах в династических историях обычно входило: описание столицы (местопребывания) правителя; данные о расстоянии до китайской столицы и численности населения и армии, иногда информация исторического и этнографического свойства. Все это представляло набор данных практического характера, необходимых для эффективно управления народом или местностью.

В китайских исторических источниках применительно к другим народам обычно использовалась китайская титулатура, названия государств иногда указывались по собственному или родовому имени местного правителя, иногда фиксировались по-китайски, иногда воспроизводились в соответствии с местным

¹ Крюков М. В. Указ. соч. С. 4–7; Гончаров С. Н. Китайская средневековая дипломатия: отношения между империями Цзинь и Сун (1127–1142). М.: Наука, 1986. С. 5–24; Страны и народы Востока/под общ. ред. М. Н. Боголюбова. Вып. XXXII. Дальний Восток. Книга 4. Проблемы географии и внешней политики в «Истории Хань» Бань Гу: исследования и переводы. М.: Издательская фирма «Восточная литература», 2005. С. 168–175.

² Мартынов А. С. О различных подходах к проблеме взаимоотношений императорского Китая с внешним миром // Двенадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. М., 1981. Ч. 2. С. 10–11.

наречием, а иногда на языке третьих народов. Сложность местной топонимики веками затрудняла работу исследователей региона. С. Ф. Ольденбург (1863–1934), посетивший Восточный Туркестан в 1909–1910 гг., писал: «Считаем нужным здесь же предостеречь от излишнего доверия к именам местностей, сообщаемых проезжими: туземцы в Китайском Туркестане в большинстве случаев не придают значения названиям местностей, и постоянно приходится слышать от разных лиц разные названия одного и того же места. Необходимо долговременное пребывание и очень тщательные перекрестные вопросы, чтобы удостовериться в правильности того или другого названия местности. Еще одно обстоятельство влияет на появление неправильных названий: большинство путешественников не владеют местными языками и потому должны полагаться на своих переводчиков. Часто эти переводчики киргизы, монголы или дунгане, и тогда названия указываются не в местном произношении, а с особенностями наречия переводчика; отсюда происходят поражающие специалиста названия местностей на наших картах, отражающие особенности чуждых местным жителям наречий. Существующая географическая номенклатура Китайского Туркестана нуждается в настоящее время в самой тщательной проверке и исправлении специалистами»¹.

С глубокой древности Китай как государство обычно именовался по названию правящей династии. Наряду с этим использовались общие названия Поднебесная (Тянься), и Срединное государство (Чжунго). Наименование Чжунго вошло в употребление, видимо, в середине периода Чжоу (XI в. – 221 г. до н. э.) как «столица», место пребывания правителя-вана. Со времени династий Цинь (221–207 гг. до н. э.) и Хань (206 г. до н. э. – 220 г. н. э.) так стали называть владения князей-чжухоу. Затем оно распространилось на всю территорию Центрального Китая².

Военное противостояние Китая с северными соседями, кочевыми племенами, населявшими Западный край, оформилось

¹ Русская Туркестанская экспедиция 1909–1910 гг. Снаряженная по Высочайшему повелению состоящим под Высочайшим Его Имп. Величества правительством Русским Комитетом для изучения Средней и Восточной Азии. Краткий предварительный отчет. Сост. С. Ф. Ольденбург. С 53 таблицами, 1 планом вне текста и 73 рисунками и планами в тексте по фотографиям и рисункам художника С. М. Дудина и планам инженера Д. А. Смирнова. Издание Имп. АН. СПб., 1914. С. 3.

² Ду Вэньчжун 杜文忠. Бяньцзын дэ гайнянь юй бяньцзын дэ фалюй 邊疆的概念與邊疆的法律 [Понятие «граница» и приграничное законодательство] // Чжунго бяньцзын ши ди яньцзю 中國邊疆史地研究 [Исследования по исторической географии китайских приграничных территорий]. 2003. № 4. С. 1–2.

во время династий Шан (XVI–XI вв. до н. э.) и Западная Чжоу (XI в. – 770 г. до н. э.). К началу периода Чуньцю (770–476 гг. до н. э.) отношения между чжоусцами и «варварами» характеризовались двумя параллельными тенденциями: во-первых, попытками экспансии на территорию жунов и ди, и, во-вторых, использованием «варваров» в качестве вспомогательных (обычно наемных) войск во внутренних междоусобных войнах¹. В целом же в отношении к сопредельным народам китайцы применяли две тактики: их вытеснения (чжунь) и их изменения (бянь) (變)². Но если вытеснение осуществлялось в основном военными насильственными методами, то для изменения надлежало прибегать к самым разным мерам политического, административного, юридического, социального и общекультурного характера.

При Ранней Хань методы внешней политики Китая стали предметом рассуждений сановников Цзя И賈誼 (200–168 гг. до н. э.), Чао Цо晁錯 (200/205–154 гг. до н. э.), Дун Чжуншу董仲舒; (179? – 104 до н. э.) и др. В их докладах трону получили уточнение и развитие основополагающие для китайской дипломатии принципы «мира и родства» (хэцинь)³ и «старшего и младшего братьев»

¹ Cosmo, Nicola, di. *Ancient China and its Enemies. The Rise of Nomadic Power in East Asian History*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 155.

² Ду Вэньчжун 杜文忠. Бяньцзян дэ гайнянь юй бяньцзян дэ фалюй 邊疆的概念與邊疆的法律 [Понятие «граница» и приграничное законодательство] // Чжунго бяньцзян ши ди яньцзю 中國邊疆史地研究 [Исследования по исторической географии китайских приграничных территорий]. 2003. №4. С. 2.

³ В данной связи небезынтересно процитировать оценку политики хэцинь в «Синь Тан шу» («Новой истории Тан»): «Варвары-и и ди были несчастьем для Китая с незапамятных времен. Прежде историки всегда могли сказать об этом. С начала [Тан] [в отношениях] с варварами-мань и и переживали то взлеты, то падения, а из тех, кто противостоял Китаю, было четыре [государства]: тюрк-туцзюэ, тибетцев, уйгуров и Юньнань (Наньчжао – И. П.). В те времена мнения сановников [об управлении варварами] были представляемы двору во множестве. К некоторым прислушивались, некоторые откладывали в сторону, но все [они] рассматривались с одинаковым [вниманием]. Лю Куан劉凱полагал: «[Историк] Янь Ю 嚴尤был красноречив, но не обладал точностью, Бань Гу 班固был точен, но не до конца. Вполне учитывая это, [скажем], что Чжоу достигла наилучшей политики [в обращении с варварами], Цинь – средней, а Хань не имела [таковой] политики [вообще]». Почему [Лю Куан] так говорил? Потому что [при Чжоу] строго поддерживали сторожевую службу на границах, создавали пограничные укрепления, делали так, что [варвары] не могли грабить [китайские земли], но и не могли стать подданными [Чжоу]. «Ниспосылая милость на наш Китай, так умиротворяем [пространство] в четырех направлениях». В этом состоял Путь-Дао [династии] Чжоу. В «И [цзин]» говорится: «Князья-ваны и хоу стали строить укрепления, чтобы защитить свои владения». Стали возводить крепостные стены и создавать заграждения, поэтому [и сказано] «стали строить укрепления». Чжаоский [князь] Цзянь-цзы 簡子возвел крепостную стену, чтобы защититься от варваров-ху. [Уделы] Янь и Цинь также соорудили стены, чтобы установить границы Китая и внешних [территорий]. [Они]

(сюнди 兄弟)¹. Тогда же приобрели более четкий характер «технологии», направленные на включение новых земель в административно-территориальную структуру китайской империи. Это сформировало и основной географический вектор военной и политической экспансии Китая, вплоть до XX в. направленный на северо-запад, в обширный регион Центральной Азии.

Пространный раздел «Си юй чжуань» («Повествование о Западном крае»), приведенный в «Хань шу» («Цянь Хань шу», «Истории династии Ранняя Хань») Бань Гу (32–92), давал подробную географическую характеристику этой территории, а также представлял описание 50 расположенных здесь государств: «Сообщение с Западным краем началось со времен [императора] Сяо-у- [ди] (140–87 гг. до н. э.). Первоначально [там располагалось] 36 владений, впоследствии от постепенного разделения [их число] повысилось до 50². Все [владения] были расположены от сюнну к западу

очень много строили стен и крепостных рвов; [строительство] стен было завершено, но государства-уделы погибли, и люди обвинили в этом самих [князей]. Поздняя Вэй построила крепостную стену, и те, кто рассуждал [об этом], сочли, что один шаг правителя вызывает подражание [живущих от него на расстоянии] в 1000 ли, накладывает повинности на 300 тысяч человек и не на 10 дней или один месяц, на долгое время отвлечает [их от основного труда], поэтому и говорят, что Цинь имела среднюю политику [по отношению к варварам]. [Дом] Хань отдавал женщин из правящего рода замуж за сюнну <...>. К тому же Маодунь 冒頓 [собственной] рукой убил своих родственников, полагая, что это не приведет к войне с его старшим внешним родственником на границах. Разве это не вызвало беспорядки? В таком случае, тот, кто, зная, что отношения «мира и родства» (хэцинъ) не являются стратегией для долгого спокойствия, и [все равно] устанавливает их, умиротворяет Поднебесную не надолго и предотвращает бедствия лишь на время. Во времена У-ди (140–85 гг. до н. э.) в Китае установился порядок, и набеги варваров-ху стали реже, [варваров] разделили и остановили. Это произошло в его время. Но как раз тогда траты Китая стали больше, постоянные войны продолжались по несколько лет, поэтому Ян Ю и считает, что [у Хань] была самая худшая политика по отношению к варварам» [Синь Тан шу 新唐書 [Новая история династии Тан]. Сост. Оуян Сю 歐陽修. Пекин: Чжунхуа шущзюй, 1986. С. 6023–6024]. Такая оценка была дана видным неоконфуцианцем Оуян Сю 歐陽修 (1007–1072), под руководством которого был составлен текст «Синь Тан шу». Жесткая оценка и самих варваров, и любых «послаблений» в их отношении со стороны китайских властей была обусловлена тем, что наиболее важными для неоконфуцианского историописания, по выражению, Д. Райта, были не точность, а идеологическая выверенность и передача истины, а не фактов.

¹ Страны и народы Востока. Под общ. ред. М.Н. Боголюбова. Вып. XXXII. Дальний Восток. Книга 4. Проблемы географии и внешней политики в «Истории Хань» Бань Гу: исследования и переводы. М.: Издательская фирма «Восточная литература», 2005. С. 126–361.

² В комментарии Янь Шигу 顏師古 (581–645) со ссылкой на «Сюй Хань шу» («Дополнения к Истории Хань») Сыма Бяо 司馬彪 (238/246–306) сообщается, что количество владений в Западном крае доходило до 55 [Цянь Хань шу 前漢書 [История династии Ранняя Хань]. Сост. Бань Гу 班固. Сер. Сы бу бэй яо. Шанхай: Шанъу иньшугуань,

и от усуней к югу. С юга и севера [от Западного края] лежат большие горы, в центральной части протекает река¹. [Протяженность Западного края] с востока на запад составляет более 6000 ли, с юга на север – более 1000 ли. На востоке [он] примыкает к [землям государства] Хань, от которого отделяется [заставами] Юймэнь и Янгуань²; на западе граничит с Луковым хребтом³. Южные горы [Куньлунь] простираются на восток до Цзиньчэн⁴ [на китайской границе] и соединяются с Южными горами в китайских [владениях]. Река [Тарим] имеет два источника, один из которых выходит из Лукового хребта, другой из Юйтянь⁵. Юйтянь находится у подножия Южных гор. Река, выходящая [из Юйтянь], простирается на север, соединяется с рекой из Лукового хребта и на востоке впадает в [озеро] Пучанхай. Пучанхай иначе называется Солёным озером⁶. От [застав] Юймэнь и Янгуань [оно] отстоит более чем на 300 ли, в ширину и длину содержит по 300 ли. Вода в нём стоячая: летом и зимой не имеет ни прибыли, ни убыли. Пробираясь под землей, [она] выходит на юге у [подножия хребта] Цзиши⁷ и даёт источник Китайской реки [Хуанхэ]. От [застав] Юймэнь и Янгуань в Западный край ведут две дороги. Та, которая лежит

1936. Цз. 96.1. С. 1а]. Число 36, обозначающее первоначальное количество государств, А. Хулсвэ считает «псевдоцифрой» (pseudo number), несущим исключительно символическое значение и мифологические коннотации [Hulsewé, Anthony, F. P. China in Central Asia: the early stage: 125 B. C. – A. D. 23, with an introduction by M. A. N. Loewe. Leiden: E. J. Brill. С. 71].

¹ Как видно, при Хань Западным краем считали не бесконечное пространство, а определенный регион, с государствами которого были установлены определенные отношения. Естественными границами Западного края на севере были горы Тяньшаня, на юге – Куньлунь; река, расположенная в его центральной части – Тарим.

² Юймэнь 玉門 и Янгуань 陽關 – названия застав, расположенных к западу от уездного центра Дуньхуан (нынешняя провинция Ганьсу, КНР). Их именовали также «две заставы» (лян гуань 兩關). Сооруженные при императоре У-ди (156–87 гг. до н. э.), Юймэнь и Янгуань были важнейшими форпостами Китая.

³ Луковыми горами в китайских источниках именовался Памир. В комментарии Янь Шигу к «Хань шу»: говорится: «Горы Лукового хребта высоки и громадны, на них везде растет лук (каменный лук – И. П.), поэтому они так и называются» [Цянь Хань шу 前漢書 [История династии Ранняя Хань]. Сост. Бань Гу 班固. Сер. Сы бу бэй яо. Шанхай: Шаньчунь иньшугуань, 1936. Цз. 96.1. С. 1а].

⁴ Область Цзиньчэн, Цзиньчэнцзюнь 金城郡 была основана в 81 г. до н. э., располагалась на территории современного г. Ланьчжоу в провинции Ганьсу.

⁵ Юйтянь 于闐 (Хотан) – одно из крупнейших оазисных государств Таримской котловины, расположенное на южной окраине пустыни Такламакан.

⁶ Под названиями Пучан, Пучанхай 蒲昌海 и Солёное озеро (Яньцзэ 鹽澤) в китайских источниках упоминается оз. Лобнор, расположенное в восточной части Таримской впадины.

⁷ Хребет Цзиши 積石, другое название Амне-мачин, находится в юго-восточной части провинции Цинхай КНР, его огибает р. Хуанхэ, образуя здесь большую излучину.

через Шаньшань¹ севернее Южных гор и западнее реки Бохэ, доходит до Шачэ² и считается Южной дорогой. Южная дорога ведет через Луковый хребет на запад [во владения] Большое Юэчжи³ и Аньси⁴. Другая дорога, которая от местопребывания правителя Западного Чэши⁵ ведет в сторону Северных гор западнее реки Бохэ до Шулэ⁶, считается Северной дорогой. Северная дорога проходит через Луковый хребет на запад [во владения] Давань⁷, Канцзюй⁸, Яньцай⁹ и Яньци¹⁰. Во всех государствах Западного края ведут оседлую жизнь, имеют города, земледелие и скотоводство и в обычаях отличаются от сюнну и усуньцев»¹¹.

Территориальная экспансия Китая в Западный край стала продолжением и результатом войн с могучей державой сюнну, созданной около 200 г. до н. э. шаньюем Маодунем (Модэ). Империя сюнну, сумевшая интегрировать в единый военно-политический механизм множество кочевых племен от Маньчжурии до Ордоса, на протяжении почти 250 лет оставалась основным внешнеполитическим соперником Китая. До II в. до н. э. сюнну доминировала

¹ Шаньшань 鄯善 – государство Лоулань 樓蘭, Чарклык, Крорайна находилось к югу от оз. Лобнор, столица его называлась Юйни 扞犏. Этот город был расположен в районе современного небольшого пункта Милань 米蘭 (Миран, СУАР КНР).

² Шачэ 莎車, Сочэ, Яркенд, Согуй – обширный оазис в долине р. Яркенд в предгорьях Куньлуня. Ныне уезд в СУАР КНР.

³ Большое Юэчжи (Да Юэчжи 大月氏) – государство народа большие юэчжи, которые изначально жили на западе нынешней пров. Ганьсу КНР. В 176–150 гг. до н. э. значительная часть юэчжи под натиском сюнну переместилась в Среднюю Азию. Эта группа стала именоваться большие юэчжи, в отличие от оставшихся на прежнем месте малых юэчжи (сяо юэчжи 小月氏). В последней трети II в. до н. э. большие юэчжи расселились на правобережье р. Амударья.

⁴ Аньси 安息 – китайское наименование Парфянского государства (250–224 гг. до н. э.), являющееся иероглифической транскрипцией названия династии Аршакидов, правителей Парфии.

⁵ Западное (Переднее) Чэши (Цянь Чэши 前車師) было расположено к северу от Восточного Тяньшаня.

⁶ Шулэ 疏勒 (Кашгар) – обширное оазисное государство в северо-западной части Кашгарии с центром в современном г. Кашгар (Каши 喀什, СУАР КНР).

⁷ Давань 大宛 (Даюань) – Фергана.

⁸ Государство Канцзюй 康居 (Кангуй), Кангха, было основано во II в. до н. э. кочевниками, очевидно, тюркоязычными, и было расположено в Присырдарьинской географической провинции (Южный Казахстан). В период наивысшего расцвета оно занимало значительную территорию в верхнем и нижнем течении р. Амударья, в том числе и район Хорезма. В III–IV вв. н. э. Канцзюй пережил период упадка и исчез с исторической карты в V в.

⁹ Государство Яньцай 奄蔡 (Хэсу, Кызыл-Орда, Сутэ) граничило с Канцзюем на западе.

¹⁰ Яньци 焉耆 (Карашар) – оазисное государство в Кашгарии, иногда в китайских источниках именовалось Уци 烏耆.

¹¹ Цянь Хань шу 前漢書 [История династии Ранняя Хань]. Сост. Бань Гу 班固. Сер. Сы бу бэй ю. Шанхай: Шаньбу иньшугуань, 1936. Цз. 96.1. С. 1а–1б; Бичурин Н. Я. (Иакинф). Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана. СПб: тип. Карла Крайя. 1829. С. 1–3.

ли в Западном крае, служившем им экономическим плацдармом для набегов в китайские пределы. Государства Западного края платили им дань; «правивший на западе [владений] сюнну жичжу-ван 日逐王 установил для управления Западным краем должность пристава (тунпу дувэй 僮僕都尉), который обычно жил около Яньци, Вэйсюй, Юйли и налагал подати на владения [Западного края], собирая [их] с зажиточных»¹. Долгое время Китай, не обладавший достаточной военной мощью для активной экспансии на северо-запад, прибегал к дипломатической тактике умиротворения или сдерживания сюнну: заключал договоры о «мире и родстве», разрабатывал стратегию подкупа «варваров» и обучения их ханьским обычаям². В 139–138 гг. до н. э. император У-ди (140–87 гг. до н. э.) направил на запад сановника Чжан Цяня 張騫 (ум. 114 г. до н. э.) с миссией установления союзнических отношений с государствами Центральной Азии, в первую очередь с Большим Юэчжи, против сюнну. И хотя миссия не принесла желаемого результата, доставленные Чжан Цянем сведения о Западном крае способствовали принятию императором У-ди решения о начале войны с сюнну.

В ходе кампании 133–119 гг. до н. э. Китаю удалось вернуть прежде завоеванные у него кочевниками земли (Ордос), захватить ряд пограничных территорий за Великой стеной и значительно расширить свое политическое влияние в Западном крае. В целом же вплоть до признания правителем сюнну шаньюем Хуханьбе 呼韓邪 официального вассалитета от Ханьской империи в 53 г. до н. э. военная борьба Китая с сюнну за доминирование в Центральной Азии велась с переменным успехом. В дальних западных странах авторитет сюнну был все еще велик, и поэтому там отказывались принимать китайские посольства, не давали им продовольствия и даже грабили³. Период относительной стабильности в отношениях Китая и сюнну (56 г. до н. э. – 9 г. н. э.) сменился периодом конфронтации в царствование Ван Мана 王莽 (9–23 г. н. э.). В 48 г. н. э., распавшись на северную и южную конфедерации, империя сюнну прекратила свое существование.

¹ Цянь Хань шу 前漢書 [История династии Ранняя Хань]. Сост. Бань Гу 班固. Сер. Сы бу бэй яо. Шанхай: Шанъу иньшугуань, 1936. Цз. 96.1. С. 16.

² Ши цзи 史記 [Исторические записки]. Сост. Сыма Цянь 司馬遷. Сер. Сы бу бэй яо. Шанхай: Шанъу иньшугуань, 1936. Цз. 99. С. 36; Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Вып. I. Введ, пер. и коммент. В. С. Таскина. М.: Наука, 1968. С. 71–72.

³ Крадин Н. Н. Империя хунну. 2-е изд. М.: «Логос», 2001. Ч. 122.

Китай расширял свое военное и экономическое присутствие в Центральной Азии, развивая там систему укреплений и дорог, а также направляя солдат-земледельцев (тяньцзу 田卒, туньтянь 屯田). С подробными планами создания военных поселений выступал сановник Чао Цо, подавший на имя императора Вэнь-ди (179–155 гг. до н. э.) два доклада с изложением планов организации военных поселений для защиты китайских границ¹. Предложенное Чао Цо военно-административное деление и номенклатура должностей для пограничных поселений, по всей вероятности, остались нереализованными, поскольку ни одна из них не была упомянута в «Си юй чжуань».

Первое упоминание о военнопоселянах (тяньцзу) содержится в «Исторических записках» Сыма Цяня, в разделе «Давань чжуань» («Повествование о Давани»). Там сказано, что после похода генерала Ли Гуанли 李廣利 (ум. 89 до н. э.) на Давань были к западу от Яньшуй повсеместно учреждены караулы, а в Луньтоу имелось военнопоселенцев несколько сотен человек². Очевидно, название тяньцзу относилось только к военнопоселянам, направленным за пределы Срединного государства для обороны укреплений и обработки земель. Следует отметить, что в описании кампании генерала Мэн Тяня 蒙恬 (ум. 210 г. до н. э.) в «Ши цзи» упоминаются не военные поселенцы-тяньцзу, а ссыльные преступники и осужденные (чжэшу 適戍). Мэн Тянь был послан Цинь Ши-хуаном в 215 г. до н. э. «во главе десятитысячной армии на север атаковать сюнну. [Он] полностью отвоевал земли к югу от Хуанхэ (Ордос), создал укрепления (сай塞) вдоль Хуанхэ, построил вдоль Хуанхэ 44 уездных укрепленных города (сянь чэн 縣城), заселив их ссыльными преступниками и осужденными (чжэшу 適戍), и проложил прямую дорогу от Цзююань до Юньяна»³.

Активное создание военных поселений в Центральной Азии началось при императорах У-ди и Сюань-ди (73–47 гг. до н. э.). Об этом в «Си юй чжуань» сказано: «После похода Эршиского ге-

¹ Страны и народы Востока. Под общ. ред. М.Н. Боголюбова. Вып. XXXII. Дальний Восток. Книга 4. Проблемы географии и внешней политики в «Истории Хань» Бань Гу: исследования и переводы. М.: Издательская фирма «Восточная литература», 2005. С. 383–414.

² Ши цзи 史記 [Исторические записки]. Сост. Сыма Цянь 司馬遷. Сер. Сы бу бэй яо. Шанхай: Шанъу иньшугуань, 1936. Цз. 123. С. 156.

³ Ши цзи 史記 [Исторические записки]. Сост. Сыма Цянь 司馬遷. Сер. Сы бу бэй яо. Шанхай: Шанъу иньшугуань, 1936. Цз. 99. С. 5а – 5б; Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Том IX. Пер. с кит., коммент. Под ред. А.Р. Вяткина. Вступ. ст. А.Р. Вяткина. М.: Издательская фирма «Восточная литература», 2010. С. 327.

нерала [Ли Гуанли] на Давань Западный край пришел в трепет, и многие [владельцы] направили [в Китай] посланцев с данью и подношениями. Ханьские послы, отправившиеся в Западный край, многие получили должности. И таким образом от Дуньхуана к западу до [озера] Яньцзэ везде были учреждены сторожевые посты (тин 亭, ям, станция), а в Луньтай и Цюйли было поселено по несколько сот военнопоселян. Для руководства и защиты [ими] были учреждены должности приставов (сяовэй 校尉), которые содержались доходами с внешних владений. Ко времени [царствования] императора Сюань-ди направили гарнизонного воеводу (вэй сыма 衛司馬) [Чжэн Цзи 鄭吉 (ум. 49 г. до н. э.)] защищать владения, расположенные к западу от Шаньшань. К тому же [государство] Гуши потерпело [от Китая] поражение, но еще не было уничтожено. [Оно также] было отдано [воеводе], а еще владения Западное (Переднее) и Восточное (Заднее) Чэши и шесть княжеств по северную сторону гор. В то время у Китая в подчинении находилась Южная дорога, но еще полностью могли установить контроль над Северной. Поэтому сюнну были беспокойны. После этого жичжу-ван, отложившись от шаньюя, со своим народом пришел, чтобы подчиниться Чжэн Цзи, опекающему земли к западу от Шаньшань, и [Чжэн Цзи] его принял. Когда [они вместе] прибыли [в Китай], [дом] Хань пожаловал жичжу-вана [титолом] Гуйдэ-хоу, а [Чжэн Цзи] [титолом] Аньюань-хоу. Это произошло в 3-й год [правления под девизом] Шэнь-цзюэ (59 г. до н. э.). И поскольку [Чжэн Цзи] получил также под [свою] опеку и Северную дорогу, [он] стал именоваться наместник (духу 都護). Назначение наместников началось с [Чжэн Цзи]. В связи с этими [событиями должность] пристава (тунпу дувэй) была упразднена, и сюнну, приведенные в большее бессилие, не смогли приближаться к Западному краю»¹.

В биографии Чжэн Цзи в «Хань шу» приведены другие подробности назначения наместника Западного края: «Когда Чжан Цянь установил связи с Западным краем, а Ли Гуанли пошел туда походом, прежде всего учредили [должность] пристава (сяовэй) и военные поселения в Цюйли. До правления императора Сюань-ди [Чжэн Цзи], будучи в [должности] помощника министра (шилан 使郎), управлял поселенцами в Цюйли и создавал [там] казенные

¹ Ши цзи 史記 [Исторические записки]. Сост. Сыма Цянь 司馬遷. Сер. Сы бу бэй яо. Шанхай: Шаньгу иньшугуань, 1936. Цз. 99. С. 96.1. С. 2а – 2б; Бичурин Н. Я. (Иакинф). Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана. СПб: тип. Карла Крайя, 1829. С. 4–6.

запасы зерна. После того, как [Чжэн Цзи] выступил с [объединенными] войсками [разных] владений, атаковал и нанес поражение Чэши, [он] был перемещен [на должность] гарнизонного воеводы (вэй сыма 衛司馬), и [ему] было поручено защищать Южную дорогу к западу от Шаньшань. В середине [периода правления под девизом] Шэнь-цзюэ (61–58 гг. до н. э.) у сюнну началась смута. Жичжу-ван, идя против воли шаньюя, [решил] поддаться Хань. [Он] послал человека, чтобы обсудить [это] с [Чжэн] Цзи. [Чжэн Цзи] направил пятьдесят тысяч человек из Цюйли, Кучи и других государств встретить жичжу-вана. <...> Затем [он] вместе с жичжу-ваном] прибыл в столицу. [Дом] Хань пожаловал жичжу-вана [титулом] Гуйдэ-хоу, а [Чжэн] Цзи, поскольку [он] покорил Чэши, принял покорность жичжу- [вана], привел в трепет Западный край, получил в дополнение [к имеющимся] должность] Опекающего Северную дорогу к западу от Чэши (Ху Чэши и си Бэй дао 護車師以西北道). Поэтому [он] стал называться наместник (духу), (т. е. «повсеместно опекающий» – И. П.). Назначение наместников началось, таким образом, с [Чжэн] Цзи. Государь во хвалу его за слуг издал такой указ: «Наместник Западного края, кавалерийский пристав (ци дувэй 騎都尉) Чжэн Цзи, усмирив внешних варваров-мань, заслужил великое имя. [Он] принял жичжу-вана, двоюродного брата шаньюя сюнну, вместе с ним атаковал и разгромил Чэши и Доуцзычэн. Заслуги [его] превосходны и прославлены! За это жалуем [Чжэн] Цзи [титулом] Аньюань-хоу и в кормление даем одну тысячу дворов». После этого [Чжэн] Цзи обосновался в Западном крае в средней удаленности [от столицы] и учредил ставку. [Он] управлял из крепости Улэй 烏壘, опекал владения [Западного края], карал и собирал их [под свою высокую руку]. В Китае его именовали Повелевающий и управляющий Западным краем (Лин бань Си юй 令班西域)»¹.

Учреждение наместничества и системы аванпостов не привело к долговременному сохранению контроля Китая над Западным краем. Ханьская администрация не накопила для этого достаточно сил и опыта. Китайские военные гарнизоны и поселения размещались на «почтительном удалении» от крупных оазисов и не были связаны цепью сторожевых башен с внутренней фортификационной системой, начинавшейся в Дуньхуане². До назначения намест-

¹ Цянь Хань шу 前漢書 [История династии Ранняя Хань]. Сост. Бань Гу 班固. Сер. Сы бу бэй яо. Шанхай: Шаньгу иньшугуань, 1936. Цз. 70.40. С. 36 – 4а.

² История народов Восточной и Центральной Азии с древнейших времен до наших дней. М.: Наука, 1986. С. 50.

ника в Улэй в ханьской номенклатуре не было регулярных должностей по делам Западного края. С первых лет правления У-ди в Западный край вместе с военными поселенцами направлялись упоминавшиеся выше приставы или, как называет их Н. Я. Бичурин, «военные начальники для землепашества» (сяовэй)¹. Впервые должность пристава была введена во внутреннем Китае при династии Цинь для чиновников, занимавшихся военными делами области. При Хань приставов стали назначать только в приграничные территории². В 120 г. до н. э. в покорившиеся государства (шуго屬國) было назначено приставов и чэнхоу 丞侯 одна тысяча человек³. Содержание должности чэнхоу остается неясным, возможный вариант перевода ее названия: «помогающий князю». Кроме того, в аппарате Ранней Хань было девять сановников, начальствующих над переводчиками (илин 譯令). Император Чэн-ди (32–7 гг. до н. э.) упразднил должности илин в 28 г. до н. э., а их функции передал советнику, ответственному за прием инородцев (дахунлу 大鴻臚)⁴. В «Хань шу» упоминается дахунлу Сяо Ванчжи 蕭望之, который в 64 г. до н. э. пытался отговорить императора Сюань-ди (73–47 гг. до н. э.) от намерения отдать в жены усуньскому наследнику китайскую принцессу⁵. В повествовании о Цюйли упоминается без каких-либо подробностей генерал-губернатор города (чэн дувэй 城都尉) или «китайский правитель»⁶.

Управление окраинными территориями относилось также к сфере деятельности военного эмиссара по земледелию (соусу дувэй 搜粟都尉). Сан Хунъян 桑弘羊, занимавший эту должность в 90 г. до н. э., писал императору У-ди: «Лежащие к востоку от Луньгай земли Цзечжи и Цюйли издавна являются казенными (гу ди故國), территории [их] обширны, вода и трава имеются

¹ Бичурин Н. Я. (Иакинф). Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана. СПб: тип. Карла Крайя, 1829. С. 60.

² Кычанов Е. И. Кочевые государства от гунов до маньчжуров. М.: Издательская фирма «Восточная литература», 1997. С. 49.

³ Цянь Хань шу 前漢書 [История династии Ранняя Хань]. Сост. Бань Гу 班固. Сер. Сы бу бэй яо. Шанхай: Шаньгу иньшугуань, 1936. Цз. 19.1. С. 96.

⁴ Цянь Хань шу 前漢書 [История династии Ранняя Хань]. Сост. Бань Гу 班固. Сер. Сы бу бэй яо. Шанхай: Шаньгу иньшугуань, 1936. Цз. 19.1. С. 96.

⁵ Цянь Хань шу 前漢書 [История династии Ранняя Хань]. Сост. Бань Гу 班固. Сер. Сы бу бэй яо. Шанхай: Шаньгу иньшугуань, 1936. Цз. 19.1. С. 96.2. С. 36; Бичурин Н. Я. (Иакинф). Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана. СПб: тип. Карла Крайя, 1829. С. 49.

⁶ Цянь Хань шу 前漢書 [История династии Ранняя Хань]. Сост. Бань Гу 班固. Сер. Сы бу бэй яо. Шанхай: Шаньгу иньшугуань, 1936. Цз. 96.2. С. 8а; Бичурин Н. Я. (Иакинф). Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана. СПб: тип. Карла Крайя. 1829. С. 60.

[в изобилии]. Орошаемых полей [здесь] более пяти тысяч цин. <...> Я, ваш подданный, всенижайше полагаю, что нужно послать военных поселенцев (туньяньцзу 屯田卒) к востоку от древнего [караула] Луньтай, учредить приставов в трех местах для управления [ими], чтобы [они] составили план местности, проложили каналы и усиленно пеклись своевременно более засеять хлеба. Из Чжанъе и Цзюцюань [нужно] послать для несения патрульной службы конницу под командованием кавалерийских воевод (сыма) и подчинить [ее] приставам. Создание почтовых станций будет удобно для сообщения [с Китаем]. От годового урожая будут оставаться излишки. [Нужно] вербовать здоровых и крепких крестьян с семьями, которые согласятся отправиться [в эти места] и обзавестись хозяйством. [Нужно] накапливать запасы [зерна] для поддержания [здесь] сельского хозяйства, ускорить распашку [новых] земель, постепенно построить караулы и ряд крепостей, для того чтобы устрашать Западный край и лучше поддерживать усуньцев. Я, ваш подданный, радею о том, чтобы были посланы дельные чиновники по частям обозреть границы. [Нужно] строго указать начальникам округов (тайшоу 太守) и приставам привести в порядок сигнальные огни, отобрать людей и лошадей, внимательно следить за дозорами, запастись сеном. Хотелось, чтобы Вы, Ваше величество, направили посланцев в западные владения для их успокоения»¹.

По восшествии на престол Ван Мана вместо наместника (духу) был назначен Великий князь Западного края (Си юй Тайбо 西域太伯), в 10 г. н. э. эту должность занял Гуансинь-гун Чжэнь Фэн 甄豐². Главной обязанностью оазисов Западного края, подчинившихся Ханьской державе, было снабжать китайских посланцев «рогатым скотом, зерном и фуражом, проводниками и переводчиками»³. Помимо этого по приказу наместника правители Западного края были обязаны выставлять войска для участия в военных кампаниях Китая. За нарушение обязанности платить «дань кровью»

¹ Цянь Хань шу 前漢書 [История династии Ранняя Хань]. Сост. Бань Гу 班固. Сер. Сы бу бэй яо. Шанхай: Шанъу иньшугуань, 1936. Цз. 96.2. С. 8а – 8б; Бичурин Н. Я. (Иакинф). Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана. СПб: тип. Карла Крайя, 1829. С. 61–62; Малявкин А. Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии. Тексты и исследования. Отв. ред. Ю. М. Бутин. Новосибирск: «Наука» – Сибирское отделение, 1989. С. 48–49.

² Цянь Хань шу 前漢書 [История династии Ранняя Хань]. Сост. Бань Гу 班固. Сер. Сы бу бэй яо. Шанхай: Шанъу иньшугуань, 1936. Цз. 96.2. С. 17а.

³ Цянь Хань шу 前漢書 [История династии Ранняя Хань]. Сост. Бань Гу 班固. Сер. Сы бу бэй яо. Шанхай: Шанъу иньшугуань, 1936. Цз. 96.2. С. 17а.

китайцы строго карали. В 59 г. до н. э. Чжэн Цзи разорил владение Хэцю, правитель которого, имея населения две тысячи человек, привел в объединенное войско наместника только 12¹.

Помимо наместника и приставов, в Западном крае постоянно могли находиться посланники (ши使), офицеры и чиновники-китайцы, входившие в их свиту, а также сановники и гвардейцы, сопровождавшие в Западный край ханьских принцесс, выдаваемых замуж. Однажды в «Си юй чжуань» без пояснений упоминаются чиновники или офицеры военных поселений (хань тянь гуань 漢田官)².

Остальные должности, упоминаемые в «Си юй цзи», очевидно, относились к местной аристократии, хотя полностью не исключено, что они были введены ханьской администрацией³. Китайские источники передают их названия в титулах своего государства, т. о. формально включая местные титулы и должности в китайскую бюрократическую систему. Н. Я. Бичурин отмечал: «Китайский двор по покорении Восточного Туркестана и большие и малые владения – в знак взаимной их независимости друг от друга – называл царствами го; а их владетелей разными княжескими титулами. Различие в степенях между ними состояло только в неравном числе княжеских чиновников, утверждаемых императором»⁴.

Китай использовал любые возможности для того, чтобы закрепить подчиненный статус местного чиновничества по отношению к Хань. Важное значение придавалось атрибутам бюрократической власти – печатям, колесницам, верительным биркам. В 107 г. до н. э. император У-ди, жалуя усуньскому гуньмо в супруги дочь Цзянду-вана [Лю] Цзяня принцессу Цзянду-гунчжу 江都公主, «пожаловал ей колесницы, одеяние, царские вещи, чиновников и несколько сот евнухов; в напутствие одарил весьма щедро»⁵. В 49 г. до н. э. высшим усуньским сановникам были даны «золотые

¹ Цянь Хань шу 前漢書 [История династии Ранняя Хань]. Сост. Бань Гу 班固. Сер. Сы бу бэй яо. Шанхай: Шаньбу иньшугуань, 1936. Цз. 70.40. С. 36 – 4а.

² Цянь Хань шу 前漢書 [История династии Ранняя Хань]. Сост. Бань Гу 班固. Сер. Сы бу бэй яо. Шанхай: Шаньбу иньшугуань, 1936. Цз. 96.2. С. 156; Бичурин Н. Я. (Иакинф). Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана. СПб: тип. Карла Крайя, 1829. С. 76.

³ Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерки истории. Под ред. С. Л. Тихвинского и Б. А. Литвинского. М.: Наука, 1988. С. 254.

⁴ Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Том II. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 172, коммент.

⁵ Цянь Хань шу 前漢書 [История династии Ранняя Хань]. Сост. Бань Гу 班固. Сер. Сы бу бэй яо. Шанхай: Шаньбу иньшугуань, 1936. Цз. 96.2. С. 26.

печати с пурпурными шнурами (цзинь инь цзы шоу金印紫綬)¹, чтобы придать важность и силу большому гуньмо»².

Из 50 описанных в «Си юй чжуань» государств Западного края 15 сохраняли полную независимость от китайского наместника: Чжибинь (Кашмир), Угэшаньли, Аньси, Большое Юэчжи, Кангюй (Канцзюй), Жоцян, Жунлу, Цюйлэ, Ячжа, Сие, Инай, Улэй, Наньду, Сюсюнь Гуаньду³. В остальных местное чиновничество и аристократия, как считалось, имели пожалованные китайским императором должности и титулы. По каждому из владений Западного края в «Си юй чжуань» приводятся подробные сведения, включающие число дворов, численность населения, строевого войска, и список чиновничьих должностей, введенных для местного управления. Численность собственных войск в оазисных государствах в среднем составляла около 2 тысяч человек и в целом значительно превышала китайское военное присутствие в регионе⁴.

Довольно многочисленная администрация зафиксирована в Шаньшань (население 14100, строевого войска 2912 человек) – 9 человек: один князь-опора государству (фуго хоу輔國侯)⁵, один князь, покоривший варваров-ху (цюэ ху хоу卻胡侯); один генерал-губернатор Шаньшань Шаньшань дувэй鄯善都尉⁶), один ге-

¹ Регалии власти высших чиновников китайского государства, право на золотую печать в период, начиная с Чжоу, имели министры (сян相), помощники министров (чэнсян丞相), три гуна, наставники наследников престола, генералы, а также дворцовые дамы высших рангов.

² Цянь Хань шу 前漢書 [История династии Ранняя Хань]. Сост. Бань Гу 班固. Сер. Сы бу бэй яо. Шанхай: Шангъу иньшугуань, 1936. Цз. 96.2. С. 56.

³ Сведения посланника Чжан Цяня о хозяйственном укладе и армиях некоторых государств Западного края приведены в «Давань чжуань» («Повествовании о Давани»), цз. 123 «Исторических записок» (рус. пер. см. Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Том IX. Пер. с кит., коммент. Под ред. А. Р. Вяткина. Вступ. ст. А. Р. Вяткина. М.: Издательская фирма «Восточная литература», 2010. С. 199–216. См. также Боровкова Л. А. Царства «Западного края» во II–I веках до н. э. Восточный Туркестан и Средняя Азия по сведениям из «Ши цзи» и «Хань шу». М.: ИВ РАН – КРАФТ, 2001. С. 90–117.

⁴ История народов Восточной и Центральной Азии с древнейших времен до наших дней. М.: Наука, 1986. С. 49.

⁵ В ханьское время этот титул присваивался главам покорившихся племен и государств. В период Мин (1368–1644) и Цин (1644–1911) формула фуго стала частью титулатуры князей императорской крови [Hucker, Charles O. A Dictionary of Official Titles in Imperial China. Taipei: SMS Publishing Inc. 2004. 1995. С. 218]. Должность фуго-гун 輔國公 Ч. О. Хакер переводит как Bulwark Duke, т. е. «князь-защитник» [Hucker, Charles O. A Dictionary of Official Titles in Imperial China. Taipei: SMS Publishing Inc. 2004. P. 218].

⁶ Название должности дувэй 都尉 (у Н. Я. Бичурина ду-юй) переводится Ч. О. Хакером как Commandant или Commander-in-chief, при Хань как Defender [Hucker 1995. P. 545]. Главной задачей генерал-губернатора было командование военными силами на определенной территории, подвластной китайскому императору.

нерал-губернатор, атакующий Чэши (Чэши дувэй 擊車師都尉); один левый (старший) цзюцзюй; один правый (младший) цзюцзюй 左右且桀¹; один князь, атакующий Чэши (Цзи Чэши цзюнь 擊車師君); два переводчика (ичжан 譯長)².

Цемо 且末, Черчен (население 1610, строевого войска 320) – администрация 4 человека: один князь-опора государству; один левый (старший) генерал и один правый (младший) генерал (цзо ю цзян 左右將); один переводчик³.

Сяовань 小宛 (население 1050, войска 200) – администрация 3 человека: один князь-опора государству; один левый (старший) генерал-губернатор; один правый (младший) генерал-губернатор (цзо ю дувэй) 左右都尉⁴.

Цзинцзюэ 精絕 (население 3360, войска 500) – администрация 4 человека: один генерал-губернатор Цзинцзюэ (Цзинцзюэ дувэй 精絕都尉); один левый (старший) генерал-губернатор; один правый (младший) генерал-губернатор; один переводчик⁵.

Уми 扞彌 (население 20040, войска 3540) – администрация 9 человек: один князь-опора государству; один левый (старший) генерал; один правый (младший) генерал; один левый (старший) генерал-губернатор; один правый (младший) генерал-губернатор; один левый (старший) князь, начальствующий над кавалерией; один правый (младший) князь, начальствующий над кавалерией (цзо ю ци цзюнь 左右騎君); два переводчика⁶.

Юйтянь 于闐 (население 19300, войска 2400) – администрация 8 человек: один князь-опора государству; один левый (старший) генерал; один правый (младший) генерал; один левый (старший) князь, начальствующий над кавалерией; один правый (младший) князь, начальствующий над кавалерией; один начальник над восточными укреплениями (дун чэн чжан 東城長); один начальник

¹ Название этой должности было воспринято от сюнну. Позже в китайских источниках она превратилась в фамилию, которую носили представители народа юэджи [Мальвкин 1989. С. 279].

² Цянь Хань шу 前漢書 [История династии Ранняя Хань]. Сост. Бань Гу 班固. Сер. Сы бу бэй яо. Шанхай: Шаньбу иньшугуань, 1936. Цз. 96.1. С. 3а – 3б.

³ Цянь Хань шу 前漢書 [История династии Ранняя Хань]. Сост. Бань Гу 班固. Сер. Сы бу бэй яо. Шанхай: Шаньбу иньшугуань, 1936. Цз. 96.1. С. 5б.

⁴ Цянь Хань шу 前漢書 [История династии Ранняя Хань]. Сост. Бань Гу 班固. Сер. Сы бу бэй яо. Шанхай: Шаньбу иньшугуань, 1936. Цз. 96.1. С. 5б – 6а.

⁵ Цянь Хань шу 前漢書 [История династии Ранняя Хань]. Сост. Бань Гу 班固. Сер. Сы бу бэй яо. Шанхай: Шаньбу иньшугуань, 1936. Цз. 96.1. С. 6а.

⁶ Цянь Хань шу 前漢書 [История династии Ранняя Хань]. Сост. Бань Гу 班固. Сер. Сы бу бэй яо. Шанхай: Шаньбу иньшугуань, 1936. Цз. 96.1. С. 6а – 6б.

над западными укреплениями (си чэн чжан 西城長); один переводчик¹.

Пули 蒲犁 (население 5000 человек, войска 2000) – 2 человека: один князь (хоу 候) и один генерал-губернатор².

Давань 大宛 (население 300000, войска – 60000) – 2 человека: помогающий правителю (фу ван 副王) и правитель-опора государству (фуго ван 輔國王)³.

Яркенд, Шачэ 莎車 (население 16373, войска 3049) – 12 человек: один князь-опора государству, один левый (старший) генерал; один правый (младший) генерал; один левый (старший) князь, начальствующий над кавалерией; один правый (младший) князь, начальствующий над кавалерией; один бэй си е цзюнь⁴, два генерал-губернатора; четыре переводчика⁵.

Кашгар, Шулэ 疏勒 (население 18647, войска 2000) – 10 человек: один Кашгарский князь (Шулэ-хоу 疏勒侯); один князь, атакующий варваров-ху (цзи ху хоу 擊胡侯); один князь-опора государству; один генерал-губернатор; один левый (старший) генерал; один правый (младший) генерал; один левый (старший) князь, начальствующий над кавалерией; один правый (младший) князь, начальствующий над кавалерией (цзо ю ци-цзюнь 左右騎君); один левый (старший) переводчик; один правый (младший) переводчик (цзо ю ичжан 左右譯長)⁶.

Юйту, Юйтоу 尉頭 (население 2300, войска 800) – 4 человека: один левый (старший) генерал-губернатор; один правый (младший) генерал-губернатор; один левый (старший) князь, начальствующий над кавалерией; один правый (младший) князь, начальствующий над кавалерией⁷.

¹ Цянь Хань шу 前漢書 [История династии Ранняя Хань]. Сост. Бань Гу 班固. Сер. Сы бу бэй яо. Шанхай: Шаньгу иньшугуань, 1936. Цз. 96.1. С. 66.

² Цянь Хань шу 前漢書 [История династии Ранняя Хань]. Сост. Бань Гу 班固. Сер. Сы бу бэй яо. Шанхай: Шаньгу иньшугуань, 1936. Цз. 96.1. С. 8а.

³ Цянь Хань шу 前漢書 [История династии Ранняя Хань]. Сост. Бань Гу 班固. Сер. Сы бу бэй яо. Шанхай: Шаньгу иньшугуань, 1936. Цз. 96.1. С. 14а.

⁴ Бэй си е цзюнь 備西夜君. Содержание этой должности не вполне ясно: бэй 備 в ряде названий означает «помощник, заместитель»; си – «запад», е – «ночь», цзюнь – «господин», «правитель». Возможно, происходит от местного титула.

⁵ Цянь Хань шу 前漢書 [История династии Ранняя Хань]. Сост. Бань Гу 班固. Сер. Сы бу бэй яо. Шанхай: Шаньгу иньшугуань, 1936. Цз. 96.1. С. 16а.

⁶ Цянь Хань шу 前漢書 [История династии Ранняя Хань]. Сост. Бань Гу 班固. Сер. Сы бу бэй яо. Шанхай: Шаньгу иньшугуань, 1936. Цз. 96.1. С. 16б.

⁷ Цянь Хань шу 前漢書 [История династии Ранняя Хань]. Сост. Бань Гу 班固. Сер. Сы бу бэй яо. Шанхай: Шаньгу иньшугуань, 1936. Цз. 96.1. С. 16б.

Усунь 烏孫 (население 630000, войска 188800) – 14 человек: один министр, богато жалуемый (сян да лу 相大祿); один левый (старший) командующий; один правый (младший) командующий (цзо ю да цзян 左右大將); три князя-хоу; один старший генерал (да цзянцзюнь 大將軍); один генерал-губернатор; два старших инспектора (тай цзянь 大監); один старший посланник (тай ли 大吏); два свитских старших посланника (шэ чжун тай ли 舍中大吏); один князь, начальствующий над кавалерией¹.

Гумо 姑墨 (население 24500, войска 4500) – администрация 9 человек: один князь-опора государству; один генерал-губернатор; один левый (старший) генерал; один правый (младший) генерал; один левый (старший) князь, начальствующий над кавалерией; один правый (младший) князь, начальствующий над кавалерией; два переводчика².

Вэньсу 溫宿 (население 8400, войска 1500) – администрация 9 человек: два князя-опоры государству; один левый (старший) генерал-губернатор; один правый (младший) генерал-губернатор; один левый (старший) генерал; один правый (младший) генерал; один левый (старший) князь, начальствующий над кавалерией; один правый (младший) князь, начальствующий над кавалерией; два переводчика³.

Куча, Гуйцы, Цюцы 龜茲 (население 81317, войска 21076) – администрация 11 человек: один помощник великого генерал-губернатора (да дувэй чэн 大都尉丞); один князь-опора государству; один князь-усмиритель государства (аньго хоу 安國侯); один князь, атаковавший варваров-ху (цзи ху хоу 擊胡侯); один генерал-губернатор, остановивший варваров-ху (цюэ ху дувэй 卻胡都尉); один генерал-губернатор, атаковавший Чэши (цзи Чэши дувэй 擊車師都尉); один левый (старший) генерал; один правый (младший) генерал; один левый (старший) генерал-губернатор; один правый (младший) генерал-губернатор; один левый (старший) князь, начальствующий над кавалерией; один правый (младший) князь, начальствующий над кавалерией; один левый (старший) князь-могучая опора; один правый (младший) князь-могучая опора (цзо ю ли фу цзюнь 左右力輔君). Кроме того,

¹ Цянь Хань шу 前漢書 [История династии Ранняя Хань]. Сост. Бань Гу 班固. Сер. Сы бу бэй яо. Шанхай: Шаньгу иньшугуань, 1936. Цз. 96.2. С. 1а.

² Цянь Хань шу 前漢書 [История династии Ранняя Хань]. Сост. Бань Гу 班固. Сер. Сы бу бэй яо. Шанхай: Шаньгу иньшугуань, 1936. Цз. 96.2. С. 7а.

³ Цянь Хань шу 前漢書 [История династии Ранняя Хань]. Сост. Бань Гу 班固. Сер. Сы бу бэй яо. Шанхай: Шаньгу иньшугуань, 1936. Цз. 96.2. С. 7а.

в каждом из племенных союзов (бу部) было по 8 чинов; по одному тысячнику (цяньчжан 千長); по три владельца, остановивших варваров-ху (цюэ ху цзюнь 卻胡君); по четыре переводчика¹.

Улэй 烏壘 (население 1200, войска 300) – администрация 2 человека: один генерал-губернатор города (чэн дувэй 城都尉), один переводчик. В Улэй находилась ставка китайского наместника².

Цюйли 渠犁 (население 1480, войска 150) – администрация 1 человек: один генерал-губернатор города³. С начала правления У-ди сюда был направлен пристав (сяовэй)⁴.

Юйли 尉犁 (население 9600, войска 2000) – администрация 9 человек: один князь Юйли (Юйли хоу尉犁侯), один князь Аньши (Аньши хоу, 安世侯); один левый (старший) командующий и один правый (младший) командующий; один левый (старший) генерал-губернатор; один правый (младший) генерал-губернатор; один владелец поражающий варваров-ху (цзи ху цзюнь); два переводчика⁵.

Вэйсуй 危須 (население 4900, войска 2000) – администрация 10 человек: один князь, поражающий варваров-ху (цзи ху хоу); один генерал-губернатор, поражающий варваров-ху (цзи ху дувэй); один левый (старший) командующий; один правый (младший) командующий; один левый (старший) генерал-губернатор; один правый (младший) генерал-губернатор; один левый (старший) князь, начальствующий над кавалерией; один правый (младший) князь, начальствующий над кавалерией; один владелец, поражающий варваров-ху; один переводчик⁶.

Карашар, Яньци 焉耆 (население 32 100, войска 6000) – администрация 19 человек: один князь, поражающий варваров-ху (цзи ху хоу); один князь, останавливающий варваров-ху (цюэ ху хоу); один князь, опора государству; один левый (старший) командующий; один правый (младший) командующий; один левый (старший)

¹ Цянь Хань шу 前漢書 [История династии Ранняя Хань]. Сост. Бань Гу 班固. Сер. Сы бу бэй яо. Шанхай: Шаньфу иньшугуань, 1936. Цз. 96.2. С. 76.

² Цянь Хань шу 前漢書 [История династии Ранняя Хань]. Сост. Бань Гу 班固. Сер. Сы бу бэй яо. Шанхай: Шаньфу иньшугуань, 1936. Цз. 96.2. С. 76 – 8а.

³ Н. Я. Бичурин делает в скобках уточнение: «китайский правитель» [Бичурин Н. Я. (Иакинф). Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана. СПб: тип. Карла Крайя, 1829. С. 60].

⁴ Цянь Хань шу 前漢書 [История династии Ранняя Хань]. Сост. Бань Гу 班固. Сер. Сы бу бэй яо. Шанхай: Шаньфу иньшугуань, 1936. Цз. 96.2. С. 76.

⁵ Цянь Хань шу 前漢書 [История династии Ранняя Хань]. Сост. Бань Гу 班固. Сер. Сы бу бэй яо. Шанхай: Шаньфу иньшугуань, 1936. Цз. 96.2. С. 11а – 11б.

⁶ Цянь Хань шу 前漢書 [История династии Ранняя Хань]. Сост. Бань Гу 班固. Сер. Сы бу бэй яо. Шанхай: Шаньфу иньшугуань, 1936. Цз. 96.2. С. 11б.

генерал-губернатор; один правый (младший) генерал-губернатор; один левый (старший) владетель, поражающий варваров-ху; один правый (младший) владетель, поражающий варваров-ху; один владетель, атаковавший Чэши (цзи Чэши цзюнь 擊車師君); один владетель, вернувшийся к справедливости и атаковавший Чэши (гуй и Чэши цзюнь 歸義擊車師君); два генерал-губернатора, поражающих варваров-ху; два владетеля, поражающих варваров-ху; четыре переводчика¹.

Утаньцзыли 烏貪訾離 (население 231, войска 57 человек) – администрация 3 человека: один князь-опора государству; один левый (старший) генерал-губернатор; один правый (младший) генерал-губернатор².

Билу Западный 卑陸 [前] (население 1387, войска 422) – администрация 7 человек: один князь-опора государству; один левый (старший) командующий; один правый (старший) командующий; один левый (старший) генерал-губернатор; один правый (младший) генерал-губернатор; два переводчика³.

Билу Восточный 卑陸後 (население 1137, войска 350) – администрация 3 человека: один князь-опора государству; один генерал-губернатор; один переводчик⁴.

Юйлиши 郁立師 (население 1445, войска 331) – администрация 4 человека: один князь-опора государству; один левый (старший) генерал-губернатор; один правый (младший) генерал-губернатор; один переводчик⁵.

Даньхуань 單桓 (население 194, войска 45 человек) – администрация 5 человек: один князь-опора государству; один командующий; один левый (старший) генерал-губернатор; один правый (младший) генерал-губернатор; один переводчик⁶.

Пулэй Западный 蒲類 (население 2035, войска 799) – администрация 5 человек: один князь-опора государству; один левый (старший) командующий; один правый (младший) командующий;

¹ Цянь Хань шу 前漢書 [История династии Ранняя Хань]. Сост. Бань Гу 班固. Сер. Сы бу бэй яо. Шанхай: Шаньбу иньшугуань, 1936. Цз. 96.2. С. 116.

² Цянь Хань шу 前漢書 [История династии Ранняя Хань]. Сост. Бань Гу 班固. Сер. Сы бу бэй яо. Шанхай: Шаньбу иньшугуань, 1936. Цз. 96.2. С. 12а.

³ Цянь Хань шу 前漢書 [История династии Ранняя Хань]. Сост. Бань Гу 班固. Сер. Сы бу бэй яо. Шанхай: Шаньбу иньшугуань, 1936. Цз. 96.2. С. 12а.

⁴ Цянь Хань шу 前漢書 [История династии Ранняя Хань]. Сост. Бань Гу 班固. Сер. Сы бу бэй яо. Шанхай: Шаньбу иньшугуань, 1936. Цз. 96.2. С. 12а.

⁵ Цянь Хань шу 前漢書 [История династии Ранняя Хань]. Сост. Бань Гу 班固. Сер. Сы бу бэй яо. Шанхай: Шаньбу иньшугуань, 1936. Цз. 96.2. С. 12б.

⁶ Цянь Хань шу 前漢書 [История династии Ранняя Хань]. Сост. Бань Гу 班固. Сер. Сы бу бэй яо. Шанхай: Шаньбу иньшугуань, 1936. Цз. 96.2. С. 12б.

один левый (старший) генерал-губернатор; один правый (младший) генерал-губернатор¹.

Пулэй Восточный 蒲類後 (население 1070, войска 334) – администрация 5 человек: один князь-опора государству; один командующий; один левый (старший) генерал-губернатор; один правый (младший) генерал-губернатор; один переводчик².

Западный Цзюйми 西且彌 (население 1926, войска 738) – администрация 5 человек: один князь Западного Цзюйми (Си Цзюйми хоу 西且彌後); один левый (старший) командующий; один правый (младший) командующий; один левый (старший) князь, начальствующий над кавалерией; один правый (младший) князь, начальствующий над кавалерией³.

Восточный Цзюйми 東且彌 (население 1948, войска 572) – администрация 3 человека: один князь Восточного Цзюйми (Дун Цзюйми хоу 東且彌); один левый (старший) генерал-губернатор; один правый (младший) генерал-губернатор⁴.

Цзего 劫國 (население 500, войска 150) – администрация 3 человека: один князь-опора государству; один генерал-губернатор; один переводчик⁵.

Хуху 狐胡 (население 264, войска 45 человек) – администрация 3 человека: один князь-опора государству; один левый (старший) генерал-губернатор; один правый (младший) генерал-губернатор⁶.

Шаньго 山國 (население 5000, войска 1000) – администрация 6 человек: один князь-опора государству; один левый (старший) командующий; один правый (младший) командующий; один левый (старший) генерал-губернатор; один правый (младший) генерал-губернатор; один переводчик⁷.

Чэши Западный (Передний) 車師前 (население 6050, войска 1865) – администрация 11 человек: один князь-опора государ-

¹ Цянь Хань шу 前漢書 [История династии Ранняя Хань]. Сост. Бань Гу 班固. Сер. Сы бу бэй яо. Шанхай: Шанъу иньшугуань, 1936. Цз. 96.2. С. 126.

² Цянь Хань шу 前漢書 [История династии Ранняя Хань]. Сост. Бань Гу 班固. Сер. Сы бу бэй яо. Шанхай: Шанъу иньшугуань, 1936. Цз. 96.2. С. 126.

³ Цянь Хань шу 前漢書 [История династии Ранняя Хань]. Сост. Бань Гу 班固. Сер. Сы бу бэй яо. Шанхай: Шанъу иньшугуань, 1936. Цз. 96.2. С. 13а.

⁴ Цянь Хань шу 前漢書 [История династии Ранняя Хань]. Сост. Бань Гу 班固. Сер. Сы бу бэй яо. Шанхай: Шанъу иньшугуань, 1936. Цз. 96.2. С. 13а.

⁵ Цянь Хань шу 前漢書 [История династии Ранняя Хань]. Сост. Бань Гу 班固. Сер. Сы бу бэй яо. Шанхай: Шанъу иньшугуань, 1936. Цз. 96.2. С. 13а.

⁶ Цянь Хань шу 前漢書 [История династии Ранняя Хань]. Сост. Бань Гу 班固. Сер. Сы бу бэй яо. Шанхай: Шанъу иньшугуань, 1936. Цз. 96.2. С. 13а – 13б.

⁷ Цянь Хань шу 前漢書 [История династии Ранняя Хань]. Сост. Бань Гу 班固. Сер. Сы бу бэй яо. Шанхай: Шанъу иньшугуань, 1936. Цз. 96.2. С. 13б.

ству; один князь-усмиритель государства; один левый (старший) командующий; один правый (младший) командующий; один обратившийся к Китаю генерал-губернатор (гу хань дувэй 歸漢都尉); один владетель Чэши (Чэши цзюнь 車師君); один владетель совершенной доброты (тун шань цзюнь 通善君); один владетель устремляющийся к добру (сян шань цзюнь 鄉善君); два переводчика.

Чэши Восточный (Задний) 車師後 (население 4774, войска 1890) – администрация 7 человек: один князь, атакующий варваров-ху; один левый (старший) командующий; один правый (младший) командующий; один князь над добродетельным народом (дао минь цзюнь 道民君); один переводчик¹.

Таким образом, обширный регион Западного края при Ранней Хань формально стал объектом административного управления китайской империи. Ненавязчивое и казавшееся поверхностным китайское присутствие в регионе, хотя заметно не влияло на этнический состав и культуру оазисов, оставалось в это время постоянным политическим фактором. Важной задачей Китай полагал защиту земледельческих оазисов на граничивших с ним территориях от разорительных набегов кочевников, что, собственно, и обеспечило экономическую основу местной ханьской полувоенной администрации.

Постепенно с распространением земледелия и развитием караванной торговли экономика стала играть еще более существенную роль. Главным товаром, провозимым по караванным путям на запад, стал шелк, в связи с чем значительно позже с легкой руки немецкого географа Ф. фон Рихтхофена (1833–1905) трансконтинентальный торговый маршрут из Китая через Центральную Азию в Переднюю Азию и далее в Европу получил условное название Шелковый путь². Под видом «дани, поставляемой двору» (чао гун 朝貢) в Китай с Запада привозили потокровных лошадей (хань сюэ ма 汗血馬), асбестовую огнеупорную ткань (хо хуань бу 火浣布), горбатых быков, павлинов и прочие редкости. Помимо экзотических товаров в Китай доставлялись ткани, меха, кожи, лекарства, пряности, красители, овцы, лошади, изделия из металла, книги и т. д.

¹ Цянь Хань шу 前漢書 [История династии Ранняя Хань]. Сост. Бань Гу 班固. Сер. Сы бу бэй яо. Шанхай: Шань юньшугуань, 1936. Цз. 96.2. С. 14а.

² Richthofen, Ferdinand, v. China: Ergebnisse eigener reisen und darauf gegründeter studien. Berlin: Dietrich Reimer. 1877. P. 499.

После распада Ханьской империи китайская система управления Западным краем пришла в упадок, поселения и гарнизоны ушли. В эпоху Троецарствия (220–280) на территории Китая одновременно существовали государства Вэй (220–280), Шу (221–263) и У (222–280). Страдавшие от постоянных набегов кочевников владения Шаньшань, Куча и Хотан решили найти защиту в Китае и направили своих посланцев в Лоян, столицу северного царства Вэй, для выражения покорности. Правящий в Вэй дом Цао учредил должность Управляющего Западным краем (Сиюй чжанши 西域長史) со ставкой в городе Хайтоу (ныне Лобубо, западнее древней Лоулани) и восстановил существовавшую при Хань должность пристава (уцзи сяовэй 戊己校尉) со ставкой в Гаочане (к юго-востоку от нынешнего Турфана)¹. В период Тайхэ (227–232) вэйский Мин-ди учредил должность наместника (тайшоу 太守) в Дуньхуане, значение которого на торговых путях из Китая на запад значительно возросло именно в этот период². Государства Западное Цзинь (265–317) и Раннее Лян (пров. Ганьсу КНР) сохраняли в своем аппарате должности Управляющего Западным краем и пристава-уцзи, а в 327 г. государство Ранняя Лян учредило в Западном крае уездный центр в Гаочане. Политические изменения в Китае и в Центральной Азии в этот период не могли помешать развитию торговли. Активную политику в отношении Западного края проводило государство Северная Вэй (386–534), которое активно торговало с государствами Таримского бассейна и установило военно-политический контроль над Шаньшанью и Карашаром.

Маршруты магистральных путей караванной торговли корректировались в зависимости от политической ситуации в регионе. Некоторые участки хирели, взамен возникали альтернативные направления, но вплоть до конца правления династии Тан (618–907) караванный сухопутный путь, проходивший через Западный край, не терял своего значения. Впоследствии Китай, то усиливавший свое влияние в этих землях, то утрачивавший над ними контроль, неизменно вплоть до XX в. сохранял здесь главное направление геополитического движения империи.

¹ См. Цзи Дачунь 紀大椿. Синьцзян цзинь ши ши луньгао 新疆近世史論稿 [Очерк истории Синьцзяна в новое время]. Харбин: Хэйлунцзян цзяоюй чубаньшэ. 2002.

² См. Цзи Дачунь 紀大椿. Синьцзян цзинь ши ши луньгао 新疆近世史論稿 [Очерк истории Синьцзяна в новое время]. Харбин: Хэйлунцзян цзяоюй чубаньшэ. Б. м., 1777.

I. F. Popova

**The Administration of the Outlying Territories of the
Western Regions of the Chinese Empire under the Early
Han Dynasty (206 BC – 9 A. D.)**

Abstract: The paper focuses on the ideological ways and practical methods of the administration of the vast regions of Central Asia called the Western Regions in the Chinese sources. The official Chinese ideology viewed the universe as a single political whole headed by the supreme ruler, the Celestial Emperor (*Tianzi*). China's ability to annexe further territories was therefore theoretically unlimited. All peoples and tribes living at various degrees of remoteness from China were viewed as actual or potential vassals of the Middle Kingdom, and Chinese state doctrine explained the empire's efforts to incorporate new lands into its administrative and territorial structure either as patronage of the ethnic peripheries or necessary punishment for neglecting the obligations of vassals. Still, the methods of the Han Empire to rule the border territories were not limited to a simple dichotomy «barbarity-civilization», but took various shapes of semi-military administration, which were the most available to the local life.

Keywords: Early (Western) Han Dynasty, Western Regions, border territories, outlying territories empire administration.

УДК 353 (470) (091)

ББК Х81(2)

Л. М. Дамешек, И. Л. Дамешек

Российские окраины в системе внутренней политики империи XVIII – начала XX вв.: концепты, закон и практика

Рассматриваются особенности формирования бурятского этноса и на этой основе анализируется политика империи в национальных районах, отмечается появление новых теоретических конструкций империи, связанных с осмыслением идеи «единой и неделимой России» и теорией «внутреннего империализма», появление русских анклавов, своего рода островков среди обширного азиатского мира, что неизбежно повлекло появление теорий «мирного завоевания», «оживления» окраин, «водворения русской гражданственности», а в конечном итоге идеи обрусения народов. Анализируются проекты центральной и местной администрации на этот счет, концептуальные предложения и конкретные решения.

Ключевые слова: академик Б. В. Базаров, юбилей, история Бурятии национальные окраины, имперская политика, концепты, закон, практика.

Одной из величайших территорий, которую когда либо осваивал человек за всю свою историю, была Сибирь. Процесс освоения Сибири, начавшийся в XVII в., сопровождался колоссальными усилиями русского народа и имел длительную историческую перспективу. Для народов Сибири, среди которых на первом месте по численности были буряты, процесс вхождения в состав России означал начало новой исторической цивилизации, каждый из этапов которой имел свои отличительные черты: полиэтничность, региональные, в том числе внешнеполитические особенности, личностный фактор, взаимодействие культур, формирование единого социокультурного пространства. Большое влияние на формирование бурятского этноса оказало чрезвычайно выгодное геополитическое положение – соседство с древнейшими культурами центральной Азии – Монголией и Китаем, пересечение миграционных потоков и торговых путей и, как следствие, знакомство с буддизмом, который оказал несомненное значительное влияние на фор-

мирование не только религиозных представлений, но и многих иных сторон жизни бурятского общества. Хронологически это явление совпало с началом распространения православия среди бурят, знакомством их с русской письменностью. Влияние этих двух мировых религий легко прослеживается и на примере современного бурятского общества.

Освоение Сибири, ее земледельческая колонизация и инкорпорация в состав России на всех этапах сопровождались ее изучением, а сам процесс познания, поднимаясь от примитивных «отписок» и «сказок» первопроходцев, на каждом этапе имел свои особенности, пока не принял современный вид. Характерной особенностью этого явления стало появление разнообразных проблем, диктуемых условиями времени. Одной из наиболее значимых на всех этапах освоения и инкорпорации Сибири в состав России стало осмысление судеб народов Сибири в составе России. Последнее обстоятельство отмечено отнюдь не случайно. Продвижение землепроходцев в глубь Сибири не было каким-то исключительным явлением, свойственным только для Русского государства. Аналогичные тенденции можно наблюдать на примере многих европейских государств. Сопоставима и типология этого процесса. Однако начало массовой миграции крестьян в Сибирь в XIX в., появление теоретических конструкций империи, связанных с осмыслением идеи «единой и неделимой России» и теорией «внутреннего империализма», появление русских анклавов, своего рода островков среди обширного азиатского мира неизбежно повлекло появление теорий «мирного завоевания», «оживления» окраин, «водворения русской гражданственности», а в конечном итоге идеи обрусения народов Сибири. Сценарные планы осуществления этих теорий были различны. Но все они предусматривали поглощение азиатских окраин империи русским национальным ядром, что вполне вписывалось в планы правительства по политическому и территориальному конструированию империи. Предлагаемые теоретические концепты не ограничивались тишиной кабинетов, а широко тиражировались в различных газетах и журналах, становясь тем самым важным фактором формирования общественного мнения. Вполне закономерно поэтому, что обострение национального вопроса на имперских окраинах породило и встречное движение в лице национальной интеллигенции, руководителей органов национального самоуправления, которые к тому времени зачастую выступали в виде авторитетных научных экспертов. В этнической

Бурятии, а сегодня это территория трех субъектов Российской Федерации – Республики Бурятия, Забайкальского края и Иркутской области, это были первый бурятский ученый Д. Банзаров, известный фольклорист и этнограф М. Н. Ханалов, видный деятель бурятского национального движения и историк М. Н. Богданов, главный родоначальник идинских бурят И. Пирожков, тайша хоринсокого ведомства Э. Вамбоцыренов, ученый-монголовед и общественный деятель Ц. Ж. Жацарано, депутат Государственной думы II созыва Б-Д. Очиров др. Интерес к истории своего родного края, народа, его истории и культуре, накопление знаний о них – в высшей степени благородное, а с точки зрения общества – весьма значимое дело. В этом смысле первые постсоветские годы в истории современной России ознаменовались появлением целой серии различного рода изданий – от популярных брошюр, отдельных книг до фундаментальных академических трудов, посвященных истории субъектов федерации современной России. Не вдаваясь в анализ этих изданий – это совершенно специальная тема – выделим одно из них – трехтомную историю Бурятии, осуществленную по инициативе и при научном руководстве академика РАН Б. В. Базарова. Это издание – своего рода выражение сыновьего долга Б. В. Базарова перед историей своего народа, его исторической памятью, а вместе с тем и наизидание потомкам, призыв к ним понимать и любить свой родной край, как это делает идеолог упомянутого издания. Предлагаемая вниманию читателей статья двух профессоров исторического факультета Иркутского государственного университета находится в тренде основных идей трехтомной истории Бурятии и, как надеются авторы, позволяет подвести некоторые итоги изучения положения национальных окраин в составе российской империи и то же время понять, что тема эта еще далеко не исчерпана. В основу статьи положены нормативные акты романовской империи и делопроизводственные материалы, извлеченные авторами из бывших императорских архивов.

Одной из важнейших особенностей исторического развития России был фактор ее «огромности». Раскинувшись на территории двух материков – Европы и Азии – общая площадь Российской империи в результате территориальной экспансии увеличилась с 14,1 в 1649 г. до 21,8 млн кв. км к началу Первой мировой войны, т. е. в 1,55 раза. Романовская империя по площади стала крупнейшим государством мира. Все европейские страны по это-

му показателю существенно отставали от России. За это же время численность населения возросла с 6,7 до 178,4 млн человек. Весь период истории империи характеризуется возрастанием удельного веса населения России в мире. Если к середине XVIII в. доля населения России в Европе составляла примерно 18%, то к началу XIX в. она возросла до 22, к середине XIX в. до 27, к началу XX в. до 32%. Россия стала самым населенным государством Европы. Каждый третий житель Европы был подданным российского монарха.

Еще одной важной исторической особенностью России стал фактор ее многонациональности. Территориальная экспансия России на протяжении XVI–XIX вв., включение в ее состав народов Поволжья, Сибири, Дальнего Востока, Польши, Финляндии, Кавказа, Средней Азии превратили ее в многонациональную империю. В начале XX в. на территории России проживало около 200 больших и малых народов, отличных по языку, культуре, религии, менталитету и т.д. Постепенно Российская империя стала своеобразным союзом этносов, в котором различные народы и культуры научились жить вместе. На первом месте по численности находились русские, составляющие в 1915 г. примерно 44,6%, далее следовали украинцы – 18,1, затем поляки – 4,2 процента, евреи и белорусы – 4 процента. Как видим, в отличие от середины XVII в., когда русские составляли 95% населения государства, в романовской империи к началу XX в. титульная нация оказалась в меньшинстве. Данное обстоятельство накладывало существенный отпечаток на этническую структуру государства. Национальный вопрос был отнюдь не простым для российского правительства. Россию периодически сотрясали мощные национальные конфликты. С учетом того обстоятельства, что нерусское население в большинстве своем проживало на инкорпорированных в XVIII и XIX вв. окраинных и сопредельных с иностранными государствами территориях империи, окраинная политика становилась важным фактором политической стабильности российского государства.

Здесь следует отметить, что Россия со времени своего возникновения была страной многонациональной. Уже в Древней Руси славянские племена, проживавшие в районе Новгорода, были тесно связаны с племенами неславянского происхождения, такими как чудь, карела, меря, весь... Именно с ними славяне и «ходили» за морем, «к варягам, к Руси», приглашать Рюрика и его

братьев Синеуса и Трувора на княжение. Дальнейшее развитие российской государственности, эволюция сословно-представительной монархии в империю происходили на протяжении длительного времени и не были результатом случайных процессов. Одним из наиболее характерных явлений этого периода стал процесс «собирания земель», а его важнейшей формой – внешняя политика, со времен Олега и Святослава направленная на укрепление и расширение границ государства. Стремление России к расширению своих границ не было каким-то исключительным явлением, характерным только для русского государства. Этот процесс можно наблюдать на примере многих цивилизаций Европы и США. В большинстве случаев типология данного явления вполне сопоставима. Как правило, для территориального роста того или иного государства характерно многообразие методов – от прямого завоевания до добровольного присоединения и подписания официальных документов. В Европе период складывания единых государств ознаменовался резким усилением борьбы за новые земли. Существующее до сих пор Британское содружество или, к примеру, Франция с ее заморскими департаментами являются в известной мере наследниками этой борьбы. Не являются исключением и США, территория которых создавалась не только в результате подписания договоров с индейскими племенами, но и путем откровенного насилия, военной экспансии. Сопоставляя процесс формирования территориальных границ на примере европейских государств, США и России, нельзя не прийти к заключению о том, что зачастую сложно отделить понятие экспансии, как насильственного присоединения земель, от мирной колонизации, как, прежде всего, земледельческого освоения, хозяйственного вовлечения в оборот новых территорий. На практике эти процессы тесно переплетались и усиливались интеграционной политикой, направленной на скорейшую ассимиляцию новых территорий с «основным» историческим ядром государства. Территориальная экспансия России на всех этапах ее истории в первую очередь объяснялась геополитическими факторами, связанными со стремлением обеспечить прочность границ государства. Разумеется, в этом колонизационном движении присутствовали и экономические мотивы. В то же время, созная всю непрочность и сиюминутность насильственных мероприятий, российские власти вслед за военной экспансией начинали властное, в первую очередь, политико-административ-

ное освоение новых территорий, затем наступала очередь экономической интеграции. Это было одно из проявлений взаимосвязей между внутренней и внешней политикой, присущих каждой стране на любом этапе ее истории. В качестве рубежа (одного из этапов) этого процесса следует выделить период середины XV–XVI вв. – время, когда произошли резкие изменения политического порядка Евразии. В данном случае подразумевается падение империй Византии и Золотой Орды. Именно эта постимперская ситуация представляла собой исходный пункт для возникновения Российской империи¹. Второй немаловажной составляющей рассматриваемой проблемы явилось взятие Казани в 1552 г. С Казанским ханством Московское государство впервые включило в свой состав вполне суверенное государство с неславянским и нехристианским населением. Именно опыт завоевания и включения Казанского ханства в Россию имел ключевое значение для имперской политики после 1552 г. Не случайно, таким образом, взятие Казани некоторые исследователи считают отправной точкой расширения границ России². Однако определяющим, в терминологическом смысле, этапом возникновения Российской империи явилось правление Петра Великого. Именно Петр построил империю. Для Петра, который в 1721 г. принял титул императора, завоевание новых земель представлялось естественной обязанностью монарха, не нуждающейся, таким образом, в каких-либо оправданиях. Изменение статуса монарха и государства, им представляемого, наглядно демонстрируют титулы Великого князя и императора, соответственно. «Се яз Князь великий Василей Васильевич, Московский и Новгородский и ростовский и Пермский и иных». Таков был титул Московского князя середины XV в. Официальный титул императора Петра первого уже включал в себя перечисления многих земель, которые в тот период уже входили в состав России: «...Император и самодержец Всероссийский, Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский. Царь Казанский, Царь Астраханский, Царь Сибирский, Государь Псковский и Великий Князь Смоленский, Князь Лифляндский, Корельский, Тверской, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных. Государь и ве-

¹ Андреас Каппелер. Формирование Российской империи в 15 – начале 18 вв.: Наследство Руси, Византии и Орды. // Российская империя в сравнительной перспективе. М.: Новое издательство, 2004. С. 94–115.

² Лысенко Л.М. Губернаторы и генерал-губернаторы Российской Империи (XVIII – начало XX века). М.: Изд-во МПГУ, 2001. С. 138.

ликий князь Новагорода Низовския земли, Черниговский, Рязанский, Ростовский, Ярославский, Белоозерский, Удорский, Обдорский, Кондийский и вся Северная страна Повелитель и Государь Иверские земли, Карталинских и Грузинских царей, и Кабардинския земли, Черкасских и Горских князей и иных наследный Государь и Обладатель»¹. Сравнение этих титулов демонстрирует, как за сравнительно короткий промежуток времени из Великого княжества Московского образовалась огромная империя, которая раскинулась на двух континентах – Европе и Азии, от берегов Балтийского моря до Тихого океана. В результате активной внешней политики к началу XIX в. Российская империя заняла одну шестую часть суши и подчинила себе целый ряд территорий и народов, стоявших значительно выше ее по уровню экономического и политического развития.

Таким образом, под окраинами Российской империи понимаются территории Восточной Европы, Кавказа, Сибири и Дальнего Востока, Средней Азии, присоединенные к России с 1552 до 1905 гг., не принадлежавшие к зоне формирования великорусского этноса на Восточно-Европейской равнине². Между тем изменение политической и административной карты выступало только внешним признаком динамического развития слагающегося государства. За изменениями на административной карте России стоял процесс ее внутреннего строения. Создание империи, равно как и трансформация ее политической системы, происходили в параллели и одновременной связи с административно-территориальными преобразованиями как в центре, так и на окраинах. При этом следует учитывать то обстоятельство, что в силу вариативности геополитических характеристик окраинных территорий имперские процессы не могли протекать в них по единой, унифицированной схеме. В конечном итоге это обстоятельство обусловило столь длительное вполне устойчивое положение империи в целом. Именно мобильность, поливариантность управленческих моделей в различных регионах (окраинах) являлась мощным стабилизирующим фактором для Российской империи.

В течение всего рассматриваемого периода задача, стоявшая перед правительством, отнюдь не ограничивалась рамками административного устройства новых территорий. Параллельно

¹ Акты, относящиеся к истории Западной России, собрание и издание Археографической Комиссией. СПб., 1846. Т. 1. С. 42; Полное собрание законов-1. Т. 6. № 3850.

² Лысенко Л. М. Указ. соч. С. 138.

с имперским административным строительством на окраинах шел процесс вербального освоения новых территорий, осмысления их в привычных имперских терминах и образах¹.

Таким образом, к началу XIX столетия Российская империя представляла собой многонациональное государство, располагающееся на двух континентах – Европе и Азии. В политическом отношении она являлась конгломератом множества регионов, как внутренних, так и окраинных. При этом следует отметить то обстоятельство, что процесс включения регионов в имперское пространство имел неоднородную типологию. Традиционно территории присоединялись либо посредством военной силы (в результате военного конфликта), как было с Финляндией, либо путем добровольного вхождения в состав империи. Примером последнему служит манифест о добровольном вхождении Грузии в состав России².

В конечном итоге в основе территориального расширения лежали, прежде всего, имперские военно-стратегические и экономические интересы. Однако задача заключалась не только в территориальном увеличении государства, но и прежде всего в интеграции новых земель в имперское политико-административное пространство. Процесс этот был сложен и длителен. Преобладающее влияние на него оказывало место и значение той или иной окраинной территории в имперском механизме (экономическом, политическом и пр.) Это обстоятельство обусловило появление в процессе освоения окраин элементов имперского регионализма³.

Таким образом, при выработке основ окраинной политики по отношению к конкретной территории правительство, прежде всего, руководствовалось значением региона для государства, а в конечном итоге, его статусом в составе империи. Понятие статуса отнюдь не являлось аморфным. Оно определялось целым рядом позиций, объективных и субъективных. Окраины различались, прежде всего, по уровню социально-экономического и политического развития, а также по национальному составу.

Процесс «оцентрирования границ» завершился во второй половине XIX в., когда окончательно устанавливаются границы империи. К осени 1917 г. российская монархия представляла собой

¹ Сибирь в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 18.

² ПСЗ-1. Т. 30. № 22991; Т. 26. № 19721, 20009.

³ Дамешек И.Л. Российские окраины в имперской стратегии власти (начало XIX – начало XX вв.). Иркутск: Изд-во ИГПУ, 2005.

унитарное централизованное государство, единство которого обеспечивалось и олицетворялось императором. На практике же Россия являла собой конгломерат административных единиц, неравнозначных по экономическому и политическому развитию, далеко не однородных по этническому и конфессиональному составу населения. Еще раз подчеркнем, что к 1917 г. большую часть населения империи составляли нерусские народы, проживающие преимущественно на окраинах государства. На протяжении всей истории существования империи национальный вопрос оставался весьма сложной проблемой для правительства. Поэтому центральные власти были вынуждены учитывать национальный фактор в своей политике.

Развитие отношений центра с национальными окраинами неотделимо от процесса формирования политико-административной системы империи. Именно в рамках этой системы определялись конкретные модели взаимоотношения с этносами. Однако одним из наиболее важных принципов выстраивания дискурса центр – национальная окраина (периферия) был вопрос о характере вхождения той или иной территории в Россию, о существовании или наоборот отсутствии в ней государственности, общепризнанных в Европе норм права и т. д. Именно это обстоятельство предопределило появление своеобразных политических автономий на карте Российского государства, какими, например, были Польша и Финляндия.

Этнический фактор накладывал несомненный отпечаток на формирование административной инфраструктуры государства. Она была вынуждена учитывать определенные национальные традиции и особенности вплоть до названия административно-территориальных единиц и должностных лиц, традиционного «национального» законодательства. На окраинах допускалось даже «инородческое» самоуправление на низшем уровне. Разумеется, эта система неоднократно трансформировалась в соответствии с изменениями административно-территориального устройства империи в целом. Однако общим для всех национальных окраин оставалась концентрация основных властных полномочий в руках центра и лишь определенная трансляция этих полномочий местным органам власти. Соотношение полномочий центра и периферии было просто несопоставимо.

На национальных окраинах влияние этносоциального фактора особенно рельефно проявилось на начальных этапах инкорпора-

ции территорий. Во всех регионах – Польша, Финляндия, Кавказ, Сибирь – наблюдается стремление царизма опереться на национальную элиту. После взятия Казани привилегии и земли лояльной татарской аристократии были сохранены, на национальных окраинах Урала, Сибири, Дальнего Востока шел процесс формирование местных элит, состоящих из представителей родовой знати и старшин местных народов, представители родоплеменной знати в «массовом порядке» принимались на русскую службу, им присваивались русские классные чины, вручались именные подарки и т. д.¹. Более того, в регионах, коренное население которых до прихода русских не знало письменных законов, центральные власти официально предписывали при разборе «маловажных дел» руководствоваться нормами обычного права коренных народов². Предпринимались даже попытки их кодификации³.

В истории России при выстраивании взаимоотношений центральных властей с национальными окраинами имели место случаи протекционистской политики по отношению к этим регионам и их населению, предоставления им существенных налоговых льгот по сравнению с населением «внутренних» губерний империи. Сибирские инородцы, к примеру, освобождались от отбывания воинской повинности⁴, «своя» финансовая система существовала в Финляндии. Без одобрения сейма вводить новые налоги в Финляндии было нельзя. Княжество имело свою таможенную границу, а таможенное законодательство предоставляло право беспошлинной торговли с Россией, в то время как российские товары облагались пошлиной. Денежные средства княжество имело право хранить в зарубежных банках. Для другой западной окраины – Польши – конституция 1815 г. гарантировала

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1281. Оп. 11. Д. 45. Л. 282; Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 7. Оп. 1. Д. 24.

² Дамешек Л. М. Потестарные институты власти народов Сибири и их эволюция в административную систему империи в XVIII в. (к 280-летию со дня издания инструкции пограничным дозорщикам С. Л. Владиславича-Рагузинского и 250-летия именного указа Сенату «Об отправлении капитана Щербачева в Сибирь...» // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2013. №2 (10). С. 68–77.

³ Дамешек Л. М. Избранное. В трех томах. Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2018. Том I. Сибирские инородцы в имперской стратегии власти. С. 211–223.

⁴ Дамешек Л. М. Потестарные институты власти народов Сибири... С. 68–77; Дамешек Л. М. Мобилизация сибирских инородцев на тыловые работы в годы первой мировой войны // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2014. Т. 7. С. 79–87.

несомненную самостоятельность в области финансов. Именно в этой важнейшей экономической сфере деятельности государства правительство Царства обладало наибольшей независимостью. В 1815–1830 гг. Царство Польское было наделено важнейшими атрибутами финансовой самостоятельности: бюджетной автономией, казной и самостоятельной ответственностью по государственному долгу.

Применительно к народам Сибири на первых порах процесс имперского строительства сопровождался обложением их данью (ясаком) в пользу государства. По мере втягивания аборигенов в общероссийскую систему государственных, экономических и иных связей на них были распространены и другие виды податных обязанностей, например, земские, мало или ничем не отличающиеся от обычного крестьянского тягла¹. Следовательно, и сибирские аборигены, и русские крестьяне рассматривались как подданные государства и должны были уплачивать соответствующие налоги на его содержание.

Это обстоятельство принципиально отличало колонизационную политику России в Сибири от политики США по отношению к индейцам, которые не платили налоги и, в соответствии с конституцией США, не считались гражданами государства. США, продвигаясь с Востока на Запад, новые территориальные приобретения осуществляли путем покупки по договорам индейских земель, или же путем насильственного лишения индейцев их охотничьих угодий. В России, по мере ее продвижения с Запада на Восток, правительственные указы наоборот требовали не допускать столкновения колонистов и аборигенов из-за земли, что обеспечивало сибирским народностям возможность выполнения их основной обязанности по отношению к государству – уплаты ясака. Кроме того, в условиях малочисленности русского населения, огромной территориальной разбросанности и слабости русских административных и военных центров, потенциальной угрозы столкновения интересов России с государствами Центральной Азии и решения стратегической задачи – закрепления Сибири за Российским государством – московские, а впоследствии петербургские Романовы аборигенному фактору изначально отводили немаловажную роль. Характер взаимоотношений между абориге-

¹ Дамешек Л. М. Налоги и повинности народов Сибири в пореформенный период // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2015. Т. 11. С. 51–57.

нами и русскими пришельцами оказал серьезное влияние на темпы продвижения русских к Тихому океану.

Продвижение русских на Восток не было исключительно русским явлением. Хронологически оно совпало со временем основания ангlosаксами первых европейских колоний на Североамериканском континенте. Рождающимся нациям было тесно в своих прежних границах. Однако темпы продвижения, методы освоения новых территорий, взаимоотношения с аборигенным населением в Сибири и на американском Западе существенно различались между собой. В России этот процесс сопровождался распространением на новые территории общенационального политико-административного, хозяйственного и социокультурного уклада, «втягиванием», подчас противоречивым, но тем не менее, в общенациональную экономическую, политическую и социокультурную систему этих народов. В США же наоборот, складывающаяся рыночная экономика молодого государства поглощала индейские племена.

Анализируя влияние этнического фактора на формирование окраинной политики, следует заметить, что, как правило, действие его проявлялось не изолированно, а в сочетании с иными обстоятельствами. Наиболее значимыми из них были естественно-географические особенности территории. Географический фактор оказывал непосредственное влияние на административно-территориальное устройство регионов, функции органов власти и управления, полномочия должностных лиц. В империи существовали специальные органы по управлению этими территориями. Такими, например, были Кавказский, Польский и Сибирские комитеты в центре¹ и институты наместников, генерал-губернаторов и главных управлений на местах. В этой структуре окраинного управления особое значение имел институт генерал-губернаторов как «главных блюстителей неприкосновенности верховных прав самодержавия, ... и точного исполнения законов и распоряжений правительства»². Наряду с генерал-губернаторами в ряде терри-

¹ Дамешек Л. М., Дамешек И. Л. Особые комитеты как органы управления окраинами империи. XIX – начала XX вв. Palmarium Akademik Publishing is a trademark of: LAP LAMBERT Akademik Publishing GmbH 8 Co. KG Heinrich – Bochkh. Str. 8, 66121 Saarbruchkn, Germanu. 2012. 441 с.; они же. Особые комитеты как органы управления окраинами империи XVIII – первой половины XX вв. // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2014. № 3 (15). С. 85–100.

² Дамешек Л. М., Дамешек И. Л. Институт генерал-губернаторов Азиатской России: люди и структура // Вестник Бурятского научного центра. 2019. № 1 (13). С. 10–22; Дамешек Л. М., Дамешек И. Л. Социальный портрет генерал-губернаторского корпуса Азиатской России в свете одного юбилея. (К 210-летию со дня рождения генерал-

торий, как, например, на Кавказе, существовал институт наместников, обладающих широкими военными и административными правами по управлению регионом. Несмотря на стремление к централизации, петербургские власти реально сознавали невозможность концентрации всех властных функций по управлению окраинными территориями в столице и были вынуждены делиться частью из них с высшими должностными лицами регионов.

Небезынтересно отметить, что зачастую функциональный характер и компетенция главных органов местного управления были тем шире, чем дальше находилась от центра подведомственная территория. Известное значение в данном случае играл и внешнеполитический фактор. Эта особенность хорошо прослеживается на примере сопоставления должностных функций и обязанностей генерал-губернаторов Западной и Восточной Сибири. Так, генерал-губернатор Восточной Сибири, начиная со времени Н. Н. Муравьева (впоследствии графа Амурского), обладал известными дипломатическими полномочиями, специальной дипломатической канцелярией, чего не было у его западносибирского коллеги¹. Характерно, что местная власть зачастую была далеко не безгрешна в использовании и истолковании этих полномочий. Исследование корпоративной этики чиновничества свидетельствует о том, что масштабы злоупотреблений по службе в немалой степени зависели от удаленности от центра и, как следствие, отсутствия действенного контроля².

Структура местных органов управления и их функциональный характер в известной степени определялись и ресурсными факторами, экономическими потребностями по инкорпорации окраинных территорий в общероссийские экономические процессы. В Сибири, например, были открыты Алтайский и Нерчинский горные округа, в связи с началом активной добычи золота в структурах Главных управлений Западной и Восточной Сибири были учреждены специальные горные отделения, с началом массового переселения на местах начали действовать специальные переселенческие отделы.

губернатора Восточной Сибири графа Н. Н. Муравьева-Амурского) // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2019 № 3 (35). С. 10–24.

¹ Дамешек Л. М., Дамешек И. Л. Азиатское приграничье и внешнеполитические полномочия генерал-губернаторов Азиатской России // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 61. С. 21–25.

² Ситов В. И. Корпоративная этика чиновничества Восточной Сибири в царствование императора Николая I. Автореферат дис. канд. ист. наук. Иркутск. 2001. 23 с.

Влияние ресурсного фактора находило выражение и в законодательной политике. На протяжении XVIII и XIX вв. был принят ряд законов по охране сибирских лесов, временном прекращении добычи соболей для восстановления популяции этого ценного промыслового зверя и т. д.

На характер взаимоотношений центра и окраинных регионов несомненное влияние оказало и интенсивное железнодорожное строительство, в частности развитие средств связи, системы коммуникаций в целом, что открывало перспективу активной экономической эксплуатации окраин империи. В конце XIX в., в связи с усилившейся интеграцией окраинных земель в общероссийское экономическое и политико-административное пространство, значение этнического и географического фактора во внутренней политике трансформируется. Стремление к экономической интеграции, которая стала рассматриваться как важнейший стимул к политической консолидации империи и изживанию национального сепаратизма, становится преобладающим. Это повлекло изменения в административной и социокультурной политике центра по отношению к периферии и, как следствие, разработку единого законодательства, исключающего какие-либо местные особенности. Не случайно, что именно в это время появляется такое понятие, как Азиатская Россия. Несмотря на определенный географизм, оно отражало те важные изменения, которые происходили во взаимоотношениях между модернизирующейся империей и обширным зауральским краем во всех сферах – экономической, административной, социокультурной. Итогом этого стало превращение Сибири в часть России. Единство государственных учреждений с единым государственным языком и единой религией, развитие коммуникаций, распространение русской земледельческой колонизации, строительство Транссиба способствовали не только укреплению связей окраин и центра, но и дальнейшей интеграции восточных окраин в состав империи, «превращению» Сибири в Россию. Образование единого административно-правового, экономического и культурно-языкового пространства способствовало тому, что Россия как бы передвинулась за Урал.

Понятие «окраина» давно присутствует в российской административной практике, однако внутреннее содержание его менялось. Процесс содержательного насыщения понятий «центр», «периферия», «окраина» неразрывно связан с периодом формирования единого российского государства второй половины

XV – начала XVI в., когда под окраиной стали пониматься земли, не только удаленные от «центра», но и находящиеся в подчиненном к нему положении.

При выработке доктрины окраинной политики правительство пыталось руководствоваться тремя принципами: увеличение налоговых поступлений, удобство управления и безопасность границ. Однако реализация только одного из названных принципов – доходности края – применительно к столь различным по уровню экономического развития и другим параметрам территориям, как Польша и Сибирь, Кавказ и Финляндия, со всей очевидностью свидетельствовала о невозможности проведения единых мероприятий.

Включение в состав Российской империи территорий с иноязычным населением каждый раз ставило перед правительством проблему включения его в общую правовую и административную систему¹. Постоянная борьба в правительственных сферах между сторонниками жесткой регламентации управления окраинами, с одной стороны, и приверженцами идеи особого статуса окраинных территорий, с другой, порождала непоследовательность и противоречивость этой политики на протяжении всего периода существования романовской империи., Особенно это стало заметно в XIX в., когда во внутренней политике правительства можно отчетливо наблюдать тенденцию к административно-финансовой унификации и в то же время необходимости учета территориальных и национальных особенностей окраин империи. Первым и основным принципом окраинной политики на вновь присоединенных территориях стало сохранение существующего порядка землепользования, верования, и культуры в целом. В качестве примера укажем на восток страны, где эти противоречия проявились в правительственном подходе по отношению к вопросам землевладения государства и коренного населения. Со времени вхождения Сибири в состав России она стала предметом эксплуатации, организованной самой центральной властью. Правительственная позиция в отношении коренного населения определялась на первых порах фискальными интересами. Объявив себя сувереном и собственником земли, московские власти вместе с тем стремились сохранить значительную часть сибирских терри-

¹ Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX в.) // Вопросы истории. 1995. №9. С. 131.

торий в пользовании местного населения, обеспечивая этой мерой выполнение ими основной обязанности – уплаты ясака пушной. Поэтому центральная власть по мере возможности пыталась не нарушать традиционных форм землепользования аборигенов и не допускать столкновений коренного населения и колонистов из-за земли. Именно финансовые соображения предопределили позиции центральной власти в вопросах землепользования аборигенов. Уже первые правительственные указы требовали не допускать столкновения колонистов и «иноверцев» из-за земли. Когда в 1639 г. татарские жители волостей Ермолаевой, Колмаковой и др. в Западной Сибири пожаловались государю, что «русские крестьяне... поселились дворами своими на их землях», отняли пашни и покосы, а в «наших угодьях промышляют бобров, лисиц и соболей», местные воеводы немедленно «приняли сторону» иноверцев и со своей стороны обратились в Москву с просьбой «свести» русских крестьян с «иноверческих» земель, что и было сделано¹. Аналогичные принципы правительственного подхода к «иноверческим делам» можно наблюдать и на Дальнем Востоке на примере действия там отряда Е. П. Хабарова в 1649 г. На Амуре Хабаров вместо того, чтобы призывать «иноверцев» в русское подданство «ласкою и приветом», как требовали того царские инструкции от Начальничков всех отрядов землепроходцев, грабил, жег, насиловал и убивал. Именно поэтому в сентябре 1653 г. он был отстранен от должности прибывшим с инспекционной поездкой из Москвы дворянином Д. И. Зиновьевым, а новым приказным человеком на Амуре назначен О. Степанов². В XVII в. для московских Романовых Сибирь была неисчерпаемым источником ценной «мягкой рухляди». Правительственные указы требовали взимать ясак исключительно мехами³. Однако к началу XVIII в. правильность такой политики оказалась под сомнением. Соболю был почти повсеместно выбит, и у многих «иноверцев» охота стала

¹ Буцинский П. Н. Заселение Сибири и быт ее первых насельников. Харьков, 1889. С. 330–332.

² Артемьев А. Р. Формирование геополитических интересов России на Дальнем Востоке и присоединение к ней Приамурья и Приморья (середина XVIII – 1860 г.) // Русская Америка и Дальний Восток. Конец XVIII – 1867 г.: К 200-летию образования Российско-Американской компании: материалы междунар. науч. конф. (Владивосток, 11–13 окт. 1999 г.) / Рос. акад. наук, Дальневост. отд-ние, Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дал. Востока; отв. ред. А. Р. Артемьев. Владивосток, 2001. С. 287.

³ О ясачной политике самодержавия в Сибири подробнее см.: Дамешек Л. М., Дамешек И. Л. Ясак в Сибири в XVIII – начале XX веков. Иркутск. Изд-во ИГУ, 2014. 303 с.

превращаться в подсобное занятие – с одной стороны. С другой, интенсивный приток русского населения, потребности в развитии надежной продовольственной базы на Востоке заставили правительство взглянуть на народы Сибири не только как на плательщиков ясака, но и как на потенциальных хлебопашцев. Правда, до конца XVIII в. поощрительные меры к занятию земледелием чередовались с попытками побудить аборигенов к занятию исключительно пушным промыслом. Однако в XIX в. попытки обеспечить приоритет звероловства над хлебопашеством были уже нежизненными, тем более, что развитие в Сибири горной промышленности, начало массовой золотодобычи, рост численности городов и русского населения в целом порождали все возрастающий спрос на продукты земледелия. Экономические потребности, воздействие русской деревни, мероприятия администрации послужили толчком к развитию пашенного земледелия у народов Сибири и, как результат, возрастанию оседлости. В хозяйственном отношении возникновение земледелия и возрастание оседлости у аборигенов стали важнейшими результатами прихода русских в Сибирь¹.

Здесь необходимо отметить, что распространение пашенного земледелия у народов Сибири имело целью не только экономическую, но и их социокультурную инкорпорацию в составе империи, а в конечном итоге превращение Сибири в Россию. В этом плане особая роль отводилась православному русскому крестьянину-земледельцу, который должен был духовно сплотить империю, научить сибирского «инородца» не только пахать, косить, строить дома, но даже молиться и думать по-русски. В этом смысле проблемы имперского и национального строительства тесно переплетались и были призваны обеспечить стабильность империи на перспективу. Именно такую задачу колонизации Сибири видели современники, отстаивающие идею «поглощения» русским национальным ядром восточных окраин империи. Эта особенность прослеживается в решениях первого и второго сибирских комитетов, иных властных органов конца XIX в.

Следующим важным принципом окраинной политики стало широкое сотрудничество имперской администрации с местными элитами. Эта тенденция отчетливо прослеживается не только на примере анализа соответствующих разделов «Устава об управлении инородцев» М. М. Сперанского 1822 г., но и на материале

¹ История Усть-Ордынского бурятского автономного округа. М.: Прогресс, 1995. С. 118.

лах польской конституции 1815 г., в политике на Кавказе, выразившейся в приравнении грузинского дворянства к русскому, на левобережной Украине.

Но если главной целью российской политики на Кавказе была его инкорпорация в империю, то при разработке модели окраинного управления в Финляндском княжестве столичные чиновники руководствовались иными соображениями. Присоединением Финляндии Россия стремилась достичь двух целей: во-первых, прочно гарантировать мир на северо-западе империи, выйдя к морскому побережью и обезопасив себя Ботническим заливом, как вром, от любых попыток нападения со стороны Швеции; во-вторых, гарантировать безопасность своей северной столицы, отодвинув от нее как можно дальше государственную границу. Обе указанные задачи носили исключительно оборонительный характер и полностью решались присоединением Финляндии. Заметим, что в исследуемый период времени царское правительство не делало секрета из того, что Финляндия была необходима империи из военно-стратегических соображений. Присоединение Финляндии, по мнению современников этого события, являлось одним из «драгоценнейших приобретений» императора Александра I. Таким образом, Финляндия официально рассматривалась как территория, основное назначение которой – прикрывать Россию и особенно ее столицу с запада, служить гигантской оборонительной полосой. В то же время бывшая шведская провинция получила автономный статус Великого княжества Финляндского. Она приобрела привилегированное положение, причем не только по сравнению с другими национальными окраинами России, но и в первую очередь по сравнению с коренными областями империи. Такое положение новой окраины объяснялось довольно просто: чтобы привлечь бывших шведских подданных на свою сторону, царское правительство пошло на ряд уступок. Русские власти сохранили в княжестве сословное собрание (сейм) и оставили в силе шведскую законодательную систему. Находясь в составе Российской империи, Финляндия была абсолютно автономна – как в политическом, так и в экономическом плане: ее бюджет не сливался с общероссийским, общим с империей у нее оставался лишь глава государства – монарх.

Поливариантность российской окраинной политики можно наблюдать и на примере Польши. На Венском конгрессе 3 мая 1815 г. фактически произошел новый, четвертый раздел Польши. В ре-

зультате Россия, удерживая за собой польские земли, полученные ею по предыдущим разделам, получила большую часть княжества с городом Варшавой под названием Царства Польского. Захватив большую часть Польши, Александр I и его преемники сделали фактически вершителями судеб польского народа вплоть до начала XX в.¹ В декабре того же 1815 г. Царство Польское получило конституцию, в соответствии с которой польскому народу гарантировались представительство на двухпалатном сейме и национальные государственные учреждения, согласно «с образом существования, который правителем будет признан полезнейшим и приличнейшим для них»². В конституции поляки видели базу дальнейшего развития польской государственности. Фактически в период 1815–1830 гг. Польша являлась автономной провинцией Российской империи. Кроме общего монарха, русского закона о престолонаследии, Царство Польское имело с Россией лишь общие органы для внешних сношений: Министерство иностранных дел и консулов. Даже официальная переписка шла на французском языке. При этом трактаты, заключенные Россией, только тогда были обязательны для Царства Польского, когда в них о том особо оговаривалось³.

Польское восстание 1830–1831 гг. положило конец конституции 1815 г. – ее упразднили. Взамен 26 февраля 1832 г. явился на свет «Органический статут», согласно которому Царство объявлялось частью России, упразднялись сейм и польское войско. Старое административное деление на воеводства было заменено делением на губернии. По сути это означало принятие курса на превращение Царства Польского в русскую провинцию – на территорию Королевства распространялись действовавшие во всей России монетная система, система мер и весов.

С определенными проблемами сталкивалось самодержавие и при выработке региональной политики в Сибири. Блеск первых пудов сибирского золота привел к возрождению в правительственных кругах интереса к этой восточной окраине, заставил предпринять усилия по улучшению ситуации в области управления, налоговых поступлений и др. Однако проекты хозяйственно-

¹ Друнин В. П. Польша. Россия и СССР: Исторические очерки. Москва; Ленинград: Гос. изд-во, 1928. С. 102.

² ПСЗ-II. Т. 23. № 25824.

³ Саломон А. П. Ссылка в Сибирь: Очерк ее истории и соврем. положения: Для... Комис. о мероприятиях по отмене ссылки. СПб.: тип. С.-Петербур. торьмы, 1900. С. 26.

го развития края 20–40-х гг. XIX в. были, как и в случае с Кавказом, весьма противоречивы. Применительно к Сибири единство взглядов проявлялось лишь в понимании значения переселения служилого и земледельческого населения в Зауральский край как основного средства обеспечения военно-стратегического присутствия России на Востоке.

Таким образом, в первой половине XIX в. правительство не смогло выработать универсальную модель управления окраинами. Политика унификации этой системы наталкивалась на неприятие и явную оппозицию противников такого подхода. На практике самодержавие было вынуждено учитывать различное геополитическое и экономическое значение окраинных территорий для судеб государства. Исходя из этого, понимались и определялись конкретные подходы к организации управления и административного устройства окраин империи. Эта политика, получившая в последнее время название «политики имперского регионализма», способствовала устойчивости империи¹. Во второй половине XIX в. правительственная политика в отношении окраин империи формировалась и развивалась как составная часть внутренней политики самодержавия в целом. По сути она была производной от внутривластных и внешнеполитических задач, решаемых центром. Несмотря на неоднократные попытки, правительству не удалось сконструировать единую модель окраинной политики. В основе таких явлений лежали различия взглядов правительственных чиновников на судьбы окраинных земель в составе России и геополитические особенности самих территорий. Поэтому на примере западных и юго-западных окраин – Финляндии, Польши, Кавказа – можно наблюдать поливариантность российской политики по отношению к окраинным территориям, ее достаточную гибкость: от абсолютной унификации с Россией до предоставления полной автономии. При этом российские автономии не были едины в своей внутренней структуре. Финляндия представляла собой форму политической автономии в составе Российского государства, польская автономия являла пример трансформации конституционно-монархического устройства в обычную административную автономию².

¹ Дамешек Л. М., Дамешек И. Л., Перцева Т. А. Сибирские реформы М. М. Сперанского 1822 г.: опыт административного регулирования интересов центра и региона. Иркутск, 2017. 341 с.

² Дамешек И. Л. Российские окраины в имперской стратегии власти (начало XIX–начало XX вв.). Иркутск: Изд-во ИГПУ, 2005. С. 230.

Эпоха контрреформ¹ начала 80-х гг. охарактеризовалась изменением имперских подходов к управлению всеми российскими окраинами. По характеристике известного американского русиста Марка Раева, «правительство Александра III вступило на путь воинствующего шовинизма», когда в остзейских губерниях, в Польше, на Кавказе, даже в Финляндии началась политика беспощадной русификации². Одним из направлений внутривосточной деятельности российского правительства в период конца XIX – начала XX вв. было завершение инкорпорации окраин в империю. Ее осуществление предполагалось посредством постепенной «русификации-унификации» окраин с остальной территорией государства. Единая Россия должна была стать унифицированной не только в административном, но и в культурном, а значит, языковом смысле³. В остзейских губерниях, в Польше, на Кавказе, даже в Финляндии началась политика беспощадной русификации. Русский язык становится обязательным в административных учреждениях, а местные чиновники постепенно замещаются русскоговорящими. В отличие от первой половины века, когда в основе окраинной политики лежали принципы регионализма, со второй половины столетия в основе имперских подходов к управлению окраинами преобладающим стал жесткий централизм, подразумевающий унификацию и стандартизацию форм управления и государственно-административной структуры.

L. M. Dameshek, I. L. Dameshek

Russian outskirts in the system of inner policy by empire of XVIII – beginning of XX cc.: concepts, law and practice

Abstract: The article examines the features of formation of Buryat ethnos, on this basis of which the Empire's policy in national regions is analyzed. So, it has been noted the emergence of new ideology of the Empire, which connected with comprehension of idea about «united and undivided Russia» and theory of «inner imperialism». Also, the article shows the appearance of Russian enclaves, so-called islands

¹ Авторы вполне сознают условность этого понятия и разделяют точку зрения, высказанную в новейших исторических исследованиях. См. Реформы в России с древнейших времен до конца XX в. в 4 томах. М.: РОССПЭН, 2016. Т. 3: Вторая половина XIX – начало XX в. С. 185–186.

² Раев М. Понять дореволюционную Россию (Государство и общество в Российской империи). Лондон: Overseas Publications Interchange Ltd, 1990. С. 225.

³ Дякин В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX в.) // Вопросы истории. 1995. № 9. С. 133.

among vast Asian world. This has arisen formation of theories such as «peaceful conquer», «revival» of the outskirts, «establishment of Russian civicism», that lead to having the idea of Russification of peoples. The projects of central and local governments, their conceptual proposals and concrete decisions are analyzed.

Key words: academician B. V. Bazarov, jubilee, history of Buryatia, national outskirts, imperial policy, concepts, law, practice.

УДК 930 (571.54)

ББК 63 (2Р54)

Л. В. Курас, Б. Ц. Жалсанова

**Бурятские Степные думы
в имперской системе власти и степень их изученности
в современной российской историографии**

Аннотация. В статье показана степень изученности истории органов местного самоуправления бурят в XIX в., которые заняли прочное место в имперской системе власти. Особое внимание уделено месту и роли академика Б. В. Базарова в изучении этой проблемы, который инициировал создание творческого союза ученых Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН и Государственного архива Республики Бурятия, а также является постоянным научным редактором исследовательских и документальных публикаций по истории Бурятских Степных дум.

Ключевые слова: академик Б. В. Базаров, Российская империя, органы местного самоуправления бурят, российская историография.

Байкальский регион, его история, в том числе и этническая история, всегда были в поле зрения академика Б. В. Базарова. Это обусловлено как личным пристрастием ученого, так и идеологией развития Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, ареалом научного интереса которого стала Внутренняя Азия, куда органично вошла и Байкальская Сибирь и народы, проживающие на ее территории. Не случайно в рубрике «От ответственного редактора» к монографии авторов статьи Б. В. Базаров подчеркивает, что исследователи делают «упор на национальный фактор в окраинной политике царизма и зарождении российского патернализма»¹. Поэтому история органов местного самоуправления бурят в XIX в. органично легла в тематику исследований института. Есть и еще одна причина, которая способствовала тому, что в начале XXI в. тема истории бурятских Степных дум становится одной из самых востребованных и разработанных в истории Байкальского региона: принятие Федерального закона № 131-ФЗ

¹ Базаров Б. В. От ответственного редактора. В кн.: Дамешек Л. М., Жалсанова Б. Ц., Курас Л. В. Бурятский этнос в имперской системе власти (XIX – начало XX вв.). Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2020. 740 с. С. 3.

«Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 6 октября 2003 г., который буквально подвиг ученых не только Бурятии, но и других национальных субъектов Российской Федерации начать многолетнюю исследовательскую работу по теме истории органов местного самоуправления автохтонного населения Сибири и развития отношений центра с национальными окраинами, неотделимого от процесса формирования политико-административной системы империи.

В 2010 г. выходят две первые документальные публикации Национального архива Республики Бурятия по истории Кударинской и Ольхонской Степных дум¹. В сборник документов по истории Кударинской Степной думы вошли 94 архивных документа за 1827–1902 гг. в хронологической последовательности, раскрывающие деятельность местного самоуправления кударинских бурят. Кроме документов, в сборнике были опубликованы 57 комментариев к документам и тематический перечень из 797 выявленных документов. Характерным отличием сборника является публикация документов о распространении православия среди кударинских бурят, о борьбе местной администрации с шаманизмом, которые свидетельствуют о том, что именно в Кударинском ведомстве были достигнуты значительные успехи по крещению бурят: если в 1826 г. было 16 крещеных, что составляло 0,4% населения, то в 1902 г. крещеные составили 50% населения.

Интересный источниковый материал представлен в публикации по Ольхонской Степной думе, в которой дается историческая справка о деятельности учреждения в 1824–1890 гг. и тематический перечень фонда из 714 документов. Издания ввели в научный оборот целый комплекс архивных документов, расширяющих источниковую базу по истории местного самоуправления бурят.

Начиная с 2012 г., Государственный архив Республики Бурятия совместно с Институтом монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН начали планомерную, серьезную работу по выявлению и публикации документов фондов Степных дум – органов местного самоуправления бурят в XIX – начале XX вв., а также монографических исследований, которые были объе-

¹ История Кударинской Степной думы в документах Национального архива Республики Бурятия (1825–1903)/автор-составитель Б.Ц. Жалсанова. Улан-Удэ: Изд-во «Новаяпечать», 2010. 248 с.; История Ольхонской Степной думы в документах Национального архива Республики Бурятия (1824–1890)/составители Б.Ц. Жалсанова, О.И. Прокопьева, А.Т. Дадаева. Улан-Удэ: Изд-во «Новаяпечать», 2010. 120 с.

динены в серию: «М. М. Сперанский. Устав об управлении инородцев 1822 г.». В настоящее время в рамках этой серией издано шесть томов сборников документов по истории четырех бурятских Степных дум¹ и несколько монографий².

На определенном этапе к творческому коллективу подключился заведующий кафедрой истории России Иркутского государственного университета, профессор Л. М. Дамешек, что позволило сделать достоянием общественности две обобщающие монографии по истории бурятского этноса: «История органов местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в.» и «Бурятский этнос в имперской системе власти (XIX – начало XX вв.)»³.

Инициатором развития этой актуальной исследовательской темы, научным редактором и одновременно одним из авторов-соавторов серии по истории бурятских Степных дум является академик Борис Ванданович Базаров.

¹ Жалсанова Б.Ц. Курас Л.В. История Баргузинской Степной думы в документах Баргузинской Степной думы (1824–1903). Иркутск: Отгиск, 2012. 352 с.; они же. История Аларской Степной думы в документах Государственного архива Республики Бурятия (1824–1889 гг.): [сб. документов, перечень документов]/авт.-сост. Б.Ц. Жалсанова, Л.В. Курас; науч. ред. Б.В. Базаров. Иркутск: Отгиск, 2015. 352 с.; они же. История Хоринской Степной думы в документах Государственного архива Республики Бурятия (1825–1904 гг.): [сб. документов, перечень документов]/авт.-сост. Б.Ц. Жалсанова, Л.В. Курас; науч. ред. Б.В. Базаров. Иркутск: Отгиск, 2016. 592 с.; Базаров Б.В., Жалсанова Б.Ц., Курас Л.В. История Агинской Степной думы в документах Государственного архива Республики Бурятия (1839–1904 гг.). Часть I. Формулярные и послужные списки должностных лиц Агинской Степной думы/авторы-составители Б.В. Базаров, Б.Ц. Жалсанова, Л.В. Курас/науч. ред. Н.Н. Крадин. Иркутск: Отгиск, 2017. 676 с.; они же. История Агинской Степной думы в документах Государственного архива Республики Бурятия (1839–1904 гг.). Часть II. Делопроизводственные документы Агинской Степной думы/авторы-составители Б.В. Базаров, Б.Ц. Жалсанова, Л.В. Курас/науч. ред. Н.Н. Крадин. Иркутск: Отгиск, 2019. 368 с.; они же. История Агинской Степной думы в документах Государственного архива Республики Бурятия (1839–1904 гг.). Часть III. Ревизские сказки, посемейные списки агинских бурят Галзотского и Саганского родов/авторы-составители Б.В. Базаров, Б.Ц. Жалсанова, Л.В. Курас/науч. ред. Н.Н. Крадин. Иркутск: Отгиск, 2018. 368 с.

² Жалсанова Б. Ц. История формирования и развития органов местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в./Б.Ц. Жалсанова/науч. ред. Л.В. Курас. Иркутск: Отгиск, 2012. 364 с.; она же. Источники и историография истории местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в./Б.Ц. Жалсанова/науч. ред. Л.В. Курас. Иркутск: Отгиск, 2012. 138 с.; Жалсанова Б.Ц. Место Баргузинской Степной думы в истории местного самоуправления бурят (XIX – начало XX в.)/Б.Ц. Жалсанова, Л.В. Курас/науч. ред. Б.В. Базаров. Иркутск: Отгиск, 2013. 160 с.

³ Дамешек Л. М., Жалсанова Б. Ц., Курас Л. В. История органов местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в./Дамешек Л. М., Жалсанова Б. Ц., Курас Л. В./отв. ред. Б. В. Базаров. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. 503 с.; они же. Бурятский этнос в имперской системе власти (XIX – начало XX вв.)/Дамешек Л. М., Жалсанова Б. Ц., Курас Л. В./отв. ред. Б. В. Базаров. Иркутск: Изд-во «Отгиск», 2020. 740 с.

Актуальность изучения темы обусловлена несколькими факторами:

во-первых, в связи с процессами глобализации, происходящими в мире, имперская система управления, вопросы взаимоотношения империи и окраинных национальных регионов приобретают особую актуальность. Среди прочего это обусловлено тем, что на формирование административной структуры государства накладывает отпечаток этнический фактор, и государство учитывало национальные особенности и традиции, включая нормы обычного права вплоть до названия административных лиц и административно-территориальных единиц. А решая стратегические задачи закрепления за Российской империей сибирских территорий, расположенных на границе с Китаем и Монголией, имперский центр отводил этническому фактору немалое значение;

во-вторых, принятие Федерального закона № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 6 октября 2003 г., которое активизировало исследователей к изучению исторического опыта традиций местного самоуправления, сыгравшего значительную роль в развитии российской государственности.

Надо отметить, что местное самоуправление в тех или иных формах существовало в России на протяжении всей ее истории и неоднократно пережило разные реформы. Территориальная протяженность, многонациональный состав, разнообразие культур и хозяйственных укладов, различный социальный и экономический потенциал регионов, характерные для Российской Федерации, повлекли за собой поиск оптимальной модели организации современного управления Российской Федерации и выстраивания «вертикали власти». Не случайно в предисловии к монографии авторов статьи депутат Государственной Думы А.В. Дамдинов подчеркивает: «Вертикаль государственных органов, связующая все государство, образует собой единую систему, звенья которой взаимосвязаны и взаимозависимы. Вся совокупность государственных органов и органов самоуправления находится в непрерывном развитии, которое диктуется самой жизнью, ибо стратегия развития государства должна отвечать требованиям, которые предъявляет время»¹. И в этом отношении история органов местного само-

¹ Дамдинов А.В. О задачах монографии. В кн.: Дамешек Л.М., Жалсанова Б.Ц., Курас Л.В. Бурятский этнос в имперской системе власти (XIX – начало XX вв.). Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2020. 740 с. С. 6.

управления и выстраивания взаимоотношений на уровне «центр – национальная окраина (периферия)» становится для современной России поистине бесценной;

в-третьих, история Степных дум кочевых народов Сибири хронологически охватывает почти 80-летний период (XIX – начало XX вв.). Степные думы, как высший орган трехступенчатой системы местного самоуправления, были учреждены согласно Уставу об управлении инородцев Сибири 1822 г. М. М. Сперанского у сибирских кочевых народов: бурят, хакасов, эвенков и якутов и действовали вплоть до проведения волостной реформы в начале XX в. У бурят было учреждено 12 Степных дум: Аларская, Балаганская, Идинская, Кудинская, Верхоленская, Ольхонская, Тункинская, Кударинская, Баргузинская, Селенгинская, Хоринская и Агинская; у хакасов – 4 думы: Кызыльская, Койбальская, Качинская, Сагайская, у эвенков – Урульгинская Степная дума; у якутов – Якутская Степная дума. Всего в Сибири, в соответствии с Уставом об управлении инородцев 1822 г. М. М. Сперанского, было образовано 18 Степных дум;

в-четвертых, в силу идеологических причин долгие годы неизученным оставался комплекс документов архивов Байкальского региона по истории бурятских Степных дум. В то же время в Государственном архиве Республики Бурятия хранится богатейший корпус документов по истории органов местного самоуправления бурят (11 фондов Степных дум, 21 фонд инородных управ и 11 фондов родовых управлений, насчитывающий в общей сложности более 37000 единиц хранения); в Государственном архиве Иркутской области девять фондов органов местного самоуправления бурят, а также фонды «Главного управления Восточной Сибири, «Канцелярии Приамурского генерал-губернатора»; в Государственном архиве Забайкальского края, где особое внимание для исследования привлекают пять фондов, в которых сосредоточен обширный комплекс документов по истории органов местного самоуправления тунгусов и бурят Восточного Забайкалья (фонды «Забайкальского областного правления», Агинской Степной думы, тунгусской Урульгинской Степной думы, инородных управ).

И при всей важности проблемы, и при таком уникальном корпусе документов региональное источниковедение в Байкальской Сибири находилось в зачаточном состоянии, хотя логика развития исторической науки показывает, что именно разработка вопросов источниковедения является приоритетным направлением

в исторических исследованиях в дореволюционный период, делает актуальной публикацию архивных документов.

Первый профессиональный историк Сибири, архивист В. П. Гирченко, первым исследовавший архивы бурятских ведомств в 1920–1930-е гг., отмечает их огромную ценность, считая архивные материалы «главным, если не единственным, источником», из которых мы можем почерпнуть все ценные исторические сведения¹.

Неоценимый вклад в разработку и исследование фондов бурятских Степных дум и ввод их в научный оборот внес профессор Ф. А. Кудрявцев, чей труд, изданный в 1940 г., и по сей день считается классическим².

Академик Б. В. Базаров, принимая во внимание все эти факторы, обусловившие как научную, так и социальную значимость темы, определил магистральное направление в изучении истории Бурятии: изучение и введение в научный оборот корпуса письменных источников по истории местного самоуправления бурят XIX – начала XX вв.

Перед исследовательской группой, в которую вошли Б. Ц. Жалсанова (Государственный архив Республики Бурятия) и Л. В. Курас (Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН), были поставлены следующие задачи:

Исследовать историографию вопроса в российской исторической науке, в которой можно выделить три периода, соответствующие общей периодизации отечественной исторической науки: дореволюционный (XIX в. – 1917 г.), советский (1918–1991 гг.) и постсоветский (с 1992 г. – по настоящее время).

Выявить документальные письменные источники, содержащие информацию по теме исследования.

Исследовать различные виды письменных источников: законодательные документы Российского государства, архивные документы, статистические материалы, бурятские летописи, памятники обычного права бурят, материалы региональной периодической печати, источники личного происхождения, энциклопедические издания, фотодокументы, картографические документы.

Первыми результатами работы по данной тематике становятся монографии Б. Ц. Жалсановой, вышедшие под научной редакцией

¹ Сборник материалов по истории Бурятии XVIII-го и первой половины XIX века. Вып. 1/под ред. и с примеч. В. П. Гирченко. Верхнеудинск, 1926. С. 1.

² Кудрявцев Ф. А. История бурят-монгольского народа. Очерки. С XVII века до 60-х гг. XIX века. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 242 с.

Л. В. Кураса в 2012 г. и посвященные источникам и историографии истории местного самоуправления бурят в XIX – начале XX вв.¹, истории формирования и развития органов местного самоуправления бурят в XIX – начале XX вв.².

Продолжением серии публикаций по истории Степных дум явилось издание Б. Ц. Жалсановой и Л. В. Курасом под научной редакцией Б. В. Базарова в 2012 г. пофондового сборника документов научного типа по истории Баргузинской Степной думы³, в который вошли 106 документов фонда Баргузинской Степной думы за 1802–1901 гг., дающих ценный фактический материал по истории Баргузинского ведомства. В процессе работы над фондом авторами было выявлено 811 документов, которые вошли в тематический перечень. К документам были составлены 109 комментариев, в которых были использованы материалы Баргузинских летописей, публикаций исследователей и комплекс архивных документов, не вошедший в сборник. Отличительной особенностью сборника является публикация комплекса документов, посвященных деятельности династии баргузинских родоначальников Хамная Цанкирова, Сахара Хамнаева и его сыновей Цыренжаба и Цыдыджаба Сахаровых: это формулярные списки, общественные приговоры о выборе на должность тайши, приказы и т. д. Особую ценность для исследователей представляют записки Сахара Хамнаева о развитии хлебопашества, ограничении стремления бурят к роскоши, об устройстве хозяйственных обзаведений в ведомстве, об учреждении частных хлебозапасных магазинов.

В 2015–2016 гг. Б. Ц. Жалсановой и Л. В. Курасом под научной редакцией Б. В. Базарова были подготовлены и изданы сборники архивных документов по истории Аларской и Хоринской Степных дум⁴.

¹ Жалсанова, Б. Ц. Источники и историография истории местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в. / Б. Ц. Жалсанова. Иркутск: Отгиск, 2012. 138 с.

² Жалсанова, Б. Ц. История формирования и развития органов местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в. / Б. Ц. Жалсанова. Иркутск: Отгиск, 2012. 364 с.

³ Жалсанова Б. Ц., Курас Л. В. История Баргузинской Степной думы в документах Баргузинской Степной думы (1824–1903). Иркутск: Отгиск, 2012. 352 с.

⁴ Жалсанова Б. Ц., Курас Л. В. История Аларской Степной думы в документах Государственного архива Республики Бурятия (1824–1889 гг.): [сб. документов, перечень документов] / авт.-сост. Б. Ц. Жалсанова, Л. В. Курас; науч. ред. Б. В. Базаров. Иркутск: Отгиск, 2015. 352 с.; они же. История Хоринской Степной думы в документах Государственного архива Республики Бурятия (1825–1904 гг.): [сб. документов, перечень документов] / авт.-сост. Б. Ц. Жалсанова, Л. В. Курас; науч. ред. Б. В. Базаров. Иркутск: Отгиск, 2016. 592 с.

В издание по истории Аларской Степной думы вошли 88 документов за 1840–1901 гг., которые раскрывают уникальную историю Аларского ведомства, заключающуюся в существовании трех вероисповеданий: православия, буддизма и шаманизма и трех соперничавших равнозначных тайшинских династий. Комплекс документов раскрывает историю о так называемом «смутном времени» в Аларском ведомстве (1840–1870-е гг.), для которого были характерны разные злоупотребления и беспорядки. «Борьба партий» за власть была характерным явлением для бурятских ведомств, но только в Аларском ведомстве носила такой затяжной характер. В ходе работы над сборником авторы выявили 499 документов, которые вошли в перечень, и составили 81 научный комментарий к публикуемым документам.

В сборник документов по истории Хоринской Степной думы вошли 72 документа из 347 выявленных авторами, которые дают представление о деятельности думы, сведения о должностных лицах, хозяйственном укладе хоринских бурят. Отличием сборника является то, что в издании опубликованы документы о попытках хоринских бурят решить вопрос об юридическом оформлении в собственность занимаемых ими земель в конце XIX – начале XX вв.: это прошение хоринских бурят императору Александру II от 10 апреля 1880 г. о выдаче им «грамоты и плана на вечное владение землями, им принадлежавшими», прошение от 29 ноября 1887 г. министру внутренних дел империи о решении земельного вопроса и другие. Надо отметить, что еще одним отличием сборника является публикация переводов документов с монгольской письменности: именного списка бурят галзутского рода в 1823 г. с указанием местожительства, о вручении знамен хоринским родам в 1839 г. и т. д.

В 2017–2019 гг. начался новый этап в изучении, репрезентативной выборке, подготовке комментариев и публикации документов бурятских Степных дум, находящихся на хранении в Государственном архиве Республики Бурятия. В число авторов-составителей вошел академик Б.В. Базаров. Это позволило творческому коллективу под научной редакцией член-корреспондента РАН Н.Н. Крадина за короткий срок издать трехтомный сборник документов по истории Агинской Степной думы, на примере которого можно рассмотреть структуру и содержание публикаций.

В первый том сборника документов по истории Агинской Степной думы вошли 178 формулярных и послужных (полных

и кратких) списков должностных лиц думы (тайшей, заседателей, голов, выборных, старост), во второй том – 154 документа разной видовой принадлежности (общественные приговоры, статистические и текстовые отчеты, ведомости, предписания вышестоящих органов власти и самой Степной думы, деловая переписка и т. д.), в третий том – шесть документов: ревизские сказки и посемейные списки Галзутского и Саганского родов агинских бурят за 1850, 1858, 1893 гг., всего 338 документов.

Опубликованные в первом томе формулярные и послужные списки должностных лиц Агинской Степной думы, среди которых такие выдающиеся деятели местного самоуправления агинских бурят, как Тугултур Тобоев, автор летописи хоринских бурят, Жалсарай Зориктуев, Жан Бодиин, Намдак Дылыков, Бато-Далай Очиров и другие, позволяют выявить интересные сведения о руководителях местного самоуправления и составить подробные биографии. Кроме того, ценность этих видов документов также заключается в том, что, несмотря на их «сухой» и формальный характер, они дают ценную информацию об истории управления, этнической истории, конфессиональной истории и т. д.

Второй том, в отличие от остальных двух, является межфондовым изданием, в него вошли документы двух фондов ГАРБ (фонд 129 – Агинская Степная дума, и фонд 270 – Главный тайша Агинской Степной думы). В состав сборника вошли делопроизводственные документы разной видовой принадлежности: предписания, донесения, отчеты текстовые, отчеты статистические, общественные приговоры и т. д., в которых имеются важные сведения об экономическом и социальном развитии агинских бурят, их участии в благотворительности на протяжении XIX – начала XX вв.

Особенностью содержания документов фонда Агинской Степной думы является наличие комплекса документов по истории развития народного образования, распространению грамотности, учреждению различных стипендий в учебных заведениях для своих детей, например, стипендии имени Николая II в Иркутской учительской семинарии, барона А. Н. Корфа в Читинской мужской гимназии, супругов Ильяшевич. В издании публикуются уникальные документы о получении образования выдающимися бурятскими деятелями Петром и Ампилом Бадмаевыми, Цыбенком Жамсарано, Бато-Далаем Очировым, Гомбожапом Цыбиковым и т. д. Интересной представляется переписка об отправке Жамсарана

Бадмаева, ставшего впоследствии известным врачом и российским общественным деятелем под именем Петра Александровича Бадмаева, в Иркутскую гимназию в число пансионеров императора, о возражениях матери и требованиях властей вразумить ее.

Авторы включили во второй том интересные документы о попытках решения вопросов о межевании и оформлении в собственность земель, которые занимали хоринские и агинские буряты, об освобождении от воинской повинности, об отказе от реформы управления и сохранении действующей системы местного самоуправления. Не менее ценны и интересны документы о сложных взаимоотношениях П. А. Бадмаева с агинскими бурятами, в том числе его письма брату Ампилю (Анпилу) и главным тайшам Жалсарая Зориктуеву и Жиану Бодиину и, наконец, общественный приговор агинских бурят об утрате доверия своему доверенному представителю П. А. Бадмаеву.

В издании впервые авторами выявлена, расшифрована и опубликована секретная переписка доверенных от хоринских и агинских бурят в Санкт-Петербурге со своими тайшами о деятельности по решению разных проблемных вопросов, при этом публикуется обнаруженный в фонде главного тайши Агинской Степной думы шифр переписки.

Во второй том вошли также несколько впервые выявленных писем известных общественных деятелей Г.Н. Потанина, Э.Э. Ухтомского, А.М. Позднеева, а также интересные документы о первом посещении представителя царствующей семьи князя Алексея Александровича Романова Забайкальской области в 1873 г., которое символизировало единство Сибири и Европейской части России. Безусловно, огромную ценность представляют документы о посещении другим представителем монаршей семьи в 1891 г. Забайкальской области – цесаревичем Николаем Александровичем, которое оказало определенное влияние на развитие края, в частности, Агинского ведомства. Издание завершают документы о безуспешной борьбе агинских бурят за сохранение своего самоуправления, против введения волостной реформы.

Третий том представлен не только документами Госархива Бурятии, но и пятью списками Галзутского и Саганского родов агинских бурят за 1831 г. из фонда Агинской Степной думы Государственного архива Забайкальского края, таким образом, авторам удалось опубликовать все выявленные списки указанных родов за XIX в. Безусловно, публикуемые списки имеют научную истори-

ческую ценность, как источники по истории агинских бурят, они также дают возможность для проведения статистических исследований количественного и качественного состава агинских бурят, их хозяйственного благополучия. Введение в научный оборот архивных документов по генеалогии хоринских (агинских) бурят, работа по восстановлению родословия, несомненно, будет способствовать развитию их культурного самосознания и культурной идентичности. В 58 комментариях авторами сделана уникальная «попытка воссоздать генеалогию нескольких десятков семей» двух родов с использованием архивных документов и сохранившегося у потомков родословия. Данные материалы могут быть востребованы при создании работ по краеведению, историческим персоналиям, например, таких представителей Саганского рода агинских бурят, как выдающийся российский ученый-востоковед, путешественник, писатель, общественный и государственный деятель Базар Барадин, известный этнограф-востоковед, педагог, переводчик Будда Рабданов, один из первых врачей, выходцев из бурят, Лыксок Жабэ, выдающийся советский оперный певец, народный артист СССР Лхасаран Линховоин и другие.

Трехтомник снабжен необходимым научно-справочным аппаратом, в который входят историческое и археографическое предисловия, тематические перечни документов, именные указатели и т. д. В историческом предисловии к первому тому изложена история создания и деятельности Агинской Степной думы и входивших в нее инородных управ и родовых управлений. Здесь же определены основные функции думы, приведен перечень должностей местного самоуправления, раскрыты условия их занятия конкретными людьми. Археографическое предисловие состоит из аннотации документов фонда, в которой указаны основные группы документов фонда, их состав и содержание, перечислены наиболее ценные и интересные документы, основные признаки систематизации документов, особенности научного описания документов фонда, состав научно-справочного аппарата.

В первом томе опубликовано описание более 2,5 тыс. выявленных документов за 1728–1916 гг. Госархива Бурятии, в третьем томе 148 документов Государственных архивов Бурятии и Забайкальского края, содержащие сведения по генеалогии агинских бурят за 1795–1911 гг.

Каждый том сопровождается научными комментариями к документам, например, в первом томе 23 комментария, во втором 94,

в третьем 59, всего 176, в которых использованы архивные документы, бурятские летописи, памятники обычного права и другие источники, а также научная литература. Надо отметить, что тематические перечни и комментарии обладают серьезным информационным потенциалом.

Таким образом, благодаря исследовательской работе группы под научным руководством и при авторстве Б. В. Базарова в настоящее время в научный оборот введено около 6 тысяч документов из фондов шести бурятских Степных дум, опубликовано почти 700 самых интересных документов, свидетельствующих об административной, хозяйственной, судебной и социальной политике бурятских Степных дум – органов местного самоуправления в XIX – начале XX вв. Все сборники документов имеют однотипную структуру и оснащены следующим научно-справочным аппаратом: историческим и археографическим предисловиями, научным комментарием к документам, тематическим перечнем выявленных документов, словарем сокращенных слов, списком использованных фондов, именованным указателем и приложениями. Заголовки к документам составлены и пронумерованы авторами, документы располагаются в хронологическом порядке. Следует отметить, что именные указатели представляют особый информативный материал для исследователей, например, именной указатель сборника документов по Хоринской Степной думе состоит из более 5300 имен и фамилий. Опубликованные документы трехтомника вносят заметный вклад в источниковую базу изучения истории бурятского народа, истории управления Российской империи в целом, свидетельствуют о богатстве архивных фондов.

Проводимая исследовательская работа по истории бурятских Степных дум с публикациями сборников документов и монографий позволяет сделать вывод о создании эффективной системы местного самоуправления в XIX – начале XX вв., когда органы местного самоуправления бурят в пределах своих ведомств на основании обычного права при полном следовании российскому законодательству осуществляли свою разностороннюю деятельность и оказали значительное влияние на все стороны жизни бурятского народа.

Принятие Устава об управлении инородцев Сибири 1822 г. М.М. Сперанского, ставшего основным законодательным актом в отношении сибирских инородцев, сыграло определяющую роль в почти 100-летней истории бурят, поэтому выбор названия серии

«М. М. Сперанский. Устав об управлении инородцев 1822 г.» является вполне оправданным.

Целью Устава 1822 г. было не только стремление обеспечить казну налогами, но и будущая постепенная интеграция сибирских инородцев в общероссийское пространство. Устав разделил сибирских инородцев на три разряда в соответствии с родом занятий и образом жизни (оседлые, кочевые, бродячие), предоставил им обширное самоуправление, ограничил опеку над ними со стороны русской администрации и полиции, узаконил действовавшее обычное право. Сохранение обычного права позволило сибирским инородцам, независимо от способа и формы вхождения нерусских народов в состав Российской империи, внести в новое для него государство свой менталитет, культуру, вероисповедание, сложившиеся формы судопроизводства и местного самоуправления.

Бурятские Степные думы, инородные управы, родовые управления до середины XIX в. действительно представляли систему местного самоуправления, успешно решавшую вопросы местного значения.

Новосибирский ученый, доктор исторических наук Н. П. Матханова в своей рецензии на сборник документов в трех частях по истории Агинской Степной думы отмечает, что Государственный архив Республики Бурятия совместно с Институтом монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН в течение многих лет реализуют уникальный проект – выявление, изучение и публикацию документов бурятских Степных дум из фондов Государственного архива Республики Бурятия. Издание сборников документов и монографий по данной тематике позволяет говорить о том, что «это действительно серия – все книги объединены не только единой базой – богатейшими фондами Государственного архива Республики Бурятия. Они построены по одному принципу, имеют однотипную структуру, выдержаны в строгом соответствии с «Правилами издания исторических документов». Указанное обстоятельство, как ни странно, приходится отмечать особо, так как в последнее время появляется немало публикаций, не соответствующих эдиционным требованиям, и, соответственно, не имеющих права называться научными»¹.

¹ Матханова Н. П. Удачное продолжение серии (документы из фондов Государственного архива Республики Бурятия)/Н. П. Матханова // Гуманитарные науки в Сибири. 2020. №1 (Т. 27). С. 114.

Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект XII. 191.1.2. Межкультурное взаимодействие, этнические и социально-политические процессы в Центральной Азии, № ААА-А-А17-117021310264-4).

L. V. Kuras, B. Ts. Zhalsanova

**Buryat steppe dumas in the empire`s system of authorities
and degree of knowledge in contemporary
Russian historiography**

Abstract: The article reveals the degree of knowledge in history of local governments of the Buryats in XIX c., which placed firmly in the Empire`s system of authorities. Special attention needs is given to academician B.V. Bazarov in the study of the problem. He also has initiated the creation of collaboration between scientists from Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan studies SB RAS and the State Archives of the Republic of Buryatia. Moreover, he is constant scientific editor of research and documental publications in history of Buryat Steppe Dumas.

Key words: academician B.V. Bazarov, Russian Empire, local governments of the Buryats, Russian historiography.

УДК 528.9(571.1/.5)

ББК 26.1(2Р54)

А. В. Псянчин

Этническое картографирование Сибири в Императорском Русском географическом обществе (к 175-летию РГО)

Аннотация. С основанием Русского географического общества в 1845 г. наступает совершенно новый этап в развитии многих научных направлений, в том числе этнографии и, в частности, этнической картографии. Об этом свидетельствует то, что одним из первых произведений вышедших из РГО стала этническая карта Европейской России П. И. Кеппена. Заметной задачей отделения этнографии становится задача составления этнических карт различных частей России, как в административных, так и в физико-географических границах. Среди этих задач важное место занимает этническое картографирование такого обширного пространства, как Сибирь, и отдельных ее частей. В этом процессе большую роль сыграли как собственно Русское географическое общество в лице отделения этнографии и Постоянной комиссии по составлению этнографических карт России, так и региональные отделы и члены общества.

Ключевые слова: Сибирь, Русское географическое общество, этнография, карта, территория, этническая карта.

Создание Русского географического общества в 1845 году стало одним из наиболее значительных событий в научной жизни России XIX века. Представляется, что деятельность РГО должна оцениваться как экстраординарное явление прошлого и остается таковым до настоящего времени. Российский социум, пережив серьезные потрясения последних десятилетий, а также испытав все последствия удивительной по скорости техногенной революции, находится, несмотря на невообразимо увеличившиеся информационные возможности, в неведении относительно созидательной деятельности многих просветительских и подвижнических научных и культурных общественных союзов и организаций, подобных Русскому географическому обществу. Поэтому любое исследование по изучению и популяризации истории РГО является важной и ответственной задачей, прежде всего для профессионального научного сообщества.

Это тем более важно теперь, когда географическое общество практически вновь возродилось. Именно в это время полезно подвести некоторые итоги его деятельности за истекшие почти два столетия, как в общем, так и с точки зрения нового понимания истории и современности. Выявлению либо уточнению, анализу и осмыслению подлежит и общественная деятельность ИРГО, и конкретные научные итоги в различных областях. Только на основании такого научного анализа возможно плодотворное дальнейшее развитие этого знаменитого общества. Только так возрождается и дух учености и самоотверженного служения науке во благо отечества, бывший всегда главным императивом членов общества.

Важно отметить, что становление и развитие этнографической науки в России во многом произошло именно благодаря географическому обществу. Действительно, с учреждением Русского географического общества в отечественной этнографической науке наступает новый этап. Этнографические исследования получают систематический и целенаправленный характер, происходят дискуссии относительно целей и задач этнографии, полемика вокруг самого термина «этнография». Как известно, этнография как особая самостоятельная наука в основном развивается только в России. Такое значение этнографии для России объясняется исторической многоэтничностью и поликонфессиональностью страны. В других государствах, в частности европейских странах и в США, большее распространение получила общая наука о человеке – антропология, лишь частью которой является антропология культурная или этническая.

Как известно, идея создания общества зародилась в разных кругах российской общественности: в «кружке» мореходов – адмиралы Ф.П. Литке, И.Ф. Крузенштерн, Ф.П. Врангель, П.И. Рикорд; в «академическом» кружке, академики – антрополог К.М. Бэр, астроном В.Я. Струве, геолог Г.П. Гельмерсен, статистик П.И. Кеппен; в «военном» кружке – генерал Ф.Ф. Берг, геодезист М.П. Вронченко, сенатор М.Н. Муравьев и в среде молодых русских ученых – географ и статистик, профессор К.И. Арсеньев, путешественник П.А. Чихачев, этнограф В.И. Даль, литератор В.Ф. Одоевский. Всего же членов-учредителей было 17 человек¹.

6 (18) августа император Николай I утвердил представление об учреждении Русского географического общества, и оно было

¹ Семенов П.П. История полувековой деятельности ИРГО. Ч. 1. С. 1–3; Токарев С.А. История русской этнографии (дооктябрьский период). М.: Наука, 1966. С. 214.

опубликовано в «Сенатских ведомостях» 15 (27) августа 1845 г. 19 сентября (1 октября) того же года на квартире В. И. Даля состоялось первое собрание членов-учредителей (присутствовало 8 человек), которые избрали 51 лицо действительных членов Общества, а 7 (19) октября 1845 г. в конференц-зале Академии наук состоялось первое общее собрание действительных членов Общества.

Согласно Временному Уставу 1845 г., в составе Общества были образованы четыре отделения: общей географии, географии России, статистики России и этнографии России (курсив мой – А. П.).

В инициативной записке о задачах в области этнографии РГО отмечалось: «...познание разных племен, обитающих в нынешних пределах государства, со стороны физической, нравственной, общественной и языковедения, как в нынешнем, так и в прежнем состоянии народов...Разрабатыванием этого поля Общество несомненно бы заслужило признательность всех любителей просвещения, а равно могло бы принести пользу самому правительству, коему нередко подробные этнографические сведения бывают необходимы»¹.

В марте 1846 г. на одном из первых заседаний отделения этнографии с докладом, в котором были сформулированы принципы этнографии как науки и изложены задачи в области этнографии в России, выступил один из учредителей Общества академик К. М. Бэр². Позже, в соответствии с постоянным Уставом 1849 г., структура РГО была несколько видоизменена и приобрела следующий вид: отделение географии физической, географии математической, статистики и этнографии³.

Вопросы картографии и этнографии сразу же заняли важное место в деятельности Русского географического общества. Обществом организовывался целый ряд экспедиций именно для картографирования малоизученных территорий, как в России, так и за ее пределами. Силами общества были составлены новые карты не только Азиатской России, но еще и Центральной Азии, Тибета, Кореи. Но и европейская часть России всегда была в поле зрения РГО, достаточно в этом случае назвать «40-верстную карту Европейской России» и участие в создании серии карт генерала А. И. Менде (съёмки Менде)⁴.

¹ Цит. по: Берг Л. С. Всесоюзное Географическое Общество за 100 лет. М.; Л., 1946. С. 33–35.

² Бэр К. М. Об этнографических исследованиях вообще и в России в особенности // Записки РГО. 1846. Т. 1. С. 93–115.

³ Русское Географическое Общество. 150 лет. М. Прогресс, 1995. С. 11.

⁴ Кусов В. С. История познания земель российских. М.: Просвещение, 2002. С. 179–180.

Следует отметить и то, что съемки Менде имели большое значение и для этнографии. Дело в том, что при съемках требовалось составление статистических описаний уездов и губерний. Инструкция, по которой готовились эти описания, была утверждена Советом РГО. Кроме всего прочего, согласно этой инструкции в «Общем обозрении уезда» предписывалось давать детальную характеристику поселений и построек, описывать территориальные различия в обычаях и нравах и т.д. Так, относительно поселений и построек необходимо было установить, как они «...обыкновенно располагаются: по прямой линии, в форме круга, полукруга, или в рассыпную и т.п., как строят обыкновенно крестьянские дворы и из какого материала, чем покрываются и во сколько ценится обыкновенный, т.е. не слишком богатый, не слишком бедный крестьянский дом? Много ли курных изб и бань, нет ли каких-либо особенностей в постройке и расположении изб и бань, нет ли каких-либо особенностей в постройке и расположении изб у казенных, удельных и помещичьих крестьян и у посадских, у раскольников, инородцев, иноверцев и т.д.»¹. При описании и характеристике населения требовалось указывать «...к какому племени жители принадлежат? Если к нескольким различным, то сколько примерно к какому? Нет ли каких особенностей, смотря по различию племени и вероисповедания, в обычаях, нравах, поверьях и т.п. и в чем они состоят? Какую одежду и обувь обыкновенно носят крестьяне, мужчины и женщины, богатые и бедные, зимой и летом, в праздники и будни, какую употребляют пищу и питье, богатые и бедные, в праздники и будни, скоромные дни и посты; в случае недостатка леса чем отапливают свои жилища; при освещении изб употребляют ли они лучины или другие материалы, где и какие именно?»². Все эти данные межевые чины должны были собирать лично.

Удачный опыт научно-организационной деятельности Русского географического общества в съемках Менде (1848–1866 гг.) показал большие возможности этого учреждения, и в дальнейшем РГО еще не раз принимало участие в крупных общегосударственных картографических мероприятиях: оно привлекалось Военно-топографическим депо и Министерством государственных имуществ к разработке инструктивных материалов по съемкам и картографированию³.

¹ РГАДА. Ф. 1357. Оп. 3. Д. 14. Программа общего обозрения уезда. Л. 1–5; Постников А.В. Развитие крупномасштабной картографии в России. М.: Наука, 1989. С. 154–155.

² Там же.

³ Постников А.В. Развитие крупномасштабной... С. 156.

Известный отечественный этнограф С. А. Токарев считал, что «этот год (1845 г., т. е. год основания РГО – А. П.) можно рассматривать условно как начало нового этапа развития русской этнографической науки»¹.

Действительно, с учреждением РГО наступает новый этап в истории многих наук и дисциплин: не только физической географии, картографии, русской этнографии, фольклористики, но и этнической картографии (курсив мой – А. П.). Остановимся более подробно на первой этнической карте, подготовленной П. И. Кеппеным в обществе. Так, уже в апреле 1846 г. Совет общества утвердил представленный П. И. Кеппеным план издания 4-листовой этнической карты Европейской России и выделил на это средства. Деятельность Петра Ивановича Кеппена в Русском географическом обществе сыграла выдающуюся роль в развитии отечественной этнической картографии.

П. И. Кеппен, будучи чиновником в почтовом ведомстве, а затем в министерстве имущественных отношений, постоянно разъезжая с 1830-х гг. по России, собирал этнографические и статистические данные о численности и национальном составе населения. Он не только сам занимался этим, но и организовал систематический сбор статистических и этнографических материалов. С 1845 г. подобные сведения собирались РГО путем анкетирования, к примеру, в 1847 г. общество разослало во все губернии свыше 7000 экземпляров составленной Н. И. Надеждиным программы для собирания сведений по этнографии².

Сам П. И. Кеппен, возглавляя отделение статистики, завел большую переписку с губернаторами, исправниками, священниками и корреспондентами РГО на местах. Он просил их дополнить, исправить имеющиеся сведения, особенно данные о численности разных народов (инородцев). Таким образом П. И. Кеппен собрал обширный материал практически о каждом народе и об этническом составе каждой губернии. Нередко он выезжал на места, например, в Петербургскую губернию, для разъяснения некоторых сомнительных для себя вопросов, к которым относились и вопросы расселения воды и ижоры³.

¹ Токарев С. А. Указ. соч. С. 214.

² Берг Л. С. Указ соч. С. 146.; АРГО. Ф. 1. 1847 г. Оп. 1. Д. 22. О сборнике современных статистических сведений о России; Ф. 1. 1849 г. Оп. 1. Д. 9. По циркулярам Общества о доставлении этнографических, климатологических и других сведений, и др.

³ Семенов П. П. Указ. соч. С. 42.

На основе этих материалов П. И. Кеппен, согласно плану издания карты, начал работу над составлением «Этнографической карты Европейской России». Когда в сентябре 1848 г. карта была в основных чертах подготовлена, Совет общества постановил напечатать ее в 280 экземплярах и выделить П. И. Кеппену деньги¹, необходимые на бумагу и печатание карты. И в декабре 1851 г. Кеппен представил в Совет Русского географического общества отпечатанную карту², а в начале 1852 г. объяснительную записку к ней, содержащую статистические данные об инородцах, населяющих Россию³. П. И. Кеппен использовал также планы и карты Министерства государственных имуществ об иностранных поселениях в Российской империи.

«Этнографическая карта Европейской России» П. И. Кеппена явилась выдающимся событием в истории отечественной картографии. Она стала первой этнической картой, опубликованной массовым тиражом. М-б карты 1: 3150000 (в 1 д. – 75 в.), на 4 листах. На карте выделены ареалы народов, каждый из них оконтурен и закрашен акварельными красками разного цвета. При этом надо отметить, что каждый контур закрашен цветом преобладающего народа – использован т. н. способ качественного фона. Всего выделено 38 народностей Европейской России, районы преобладания русских, украинцев и белорусов оставлены незакрашенными. Качественным фоном показаны: 1) армяне; 2) башкиры; 3) бессермяне; 4) болгары; 5) вогулы; 6) воль (чудь); 7) волохи (молдаване); 8) вотяки; 9) греки; 10) евреи; 11) зыряне; 12) калмыки; 13) караимы; 14) карелы; 15) квены; 16) киргизы; 17) латыши; 18) ливы; 19) литовцы; 20) лопари; 21) мещеряки; 22) мордва (мокша, эрзя и каратаи); 23) немцы; 24) остяки; 25) пермяки; 26) поляки; 27) самоеды; 28) сербы; 29) татары; 30) финны С.-Петер. губернии (ижора, эвримейсет и савакот); 31) финны ЮЗ Финляндии; 32) финны и шведы вместе; 33) цыгане; 34) черемисы; 35) чуваша; 36) чудь в губерниях Олонецкой и Новгородской; 37) шведы; 38) эсты⁴.

¹ Издание карты обошлось Русскому географическому обществу в более чем 1500 руб.

² К концу 1852 г. «Этнографическая карта Европейской России» П. И. Кеппена была распродана, и Совет РГО решил отпечатать второе издание в 300 экземпляров. Второе издание уже в 1855 г. целиком разошлось, и поэтому было решено сделать еще 3-е издание.

³ Семенов П. П. Указ. соч. С. 111.

⁴ На карте достоверно показано расселение народов Поволжья и Приуралья: мордва, чуваша, черемисы, татары, башкиры; Балтийского региона: эсты, ливы, литовцы, латыши; Но народы на окраинных территориях отражены приблизительно. Так, на Кавказе показаны лишь ногайцы и трухмены и т. д.

Отметим, что сам П. И. Кеппен понимал несовершенство качественного фона: при показе смешанной в национальном отношении территории на карте отражается только один народ, составляющий здесь численное большинство. Пытаясь улучшить этот метод, Кеппен пытался показать наличие инационального населения на фоне основного (преобладающего) народа номерами и кружками различного цвета на некоторых своих поздних картах¹.

Таким образом, деятельность П. И. Кеппена в области этнической картографии явилась фактически новым этапом в истории отечественной этнической картографии. Его картографические произведения оказали большое влияние на дальнейшее развитие этнической картографии в России и за рубежом. Например, в 1852 г. в Германии, в Готе – знаменитом картографическом центре, Г. Бергаузом был издан атлас², в котором на этнической карте России полностью повторены сведения П. И. Кеппена: показаны водь, эверимейсет, савакот, карелы, эсты, вепсы (чудь), ингры, немецкие колонии. Бесспорно влияние карт П. И. Кеппена на «Этнографическую карту Российской империи»³, изданную Р. Ф. Эркертом в Берлине в 1862 г.⁴

Итак, составление этнических карт в Русском географическом обществе получает большое развитие, особенно это происходит с открытием его региональных отделов, где начинают составляться этнические карты данных территорий.

Важное место в области составления этнических карт Русским географическим обществом придается обширной территории Сибири и отдельных ее частей. И первым опытом в этой области стала карта Иркутской губернии, подготовленная в Сибирском отделе РГО В. Чудовским. Он в 1865 г. в Записках Сибирского отдела ИРГО опубликовал статью «Историко-этнографический очерк Иркутской губернии»⁵ и приложил к ней указанную карту⁶. На «Этнографической карте Иркутской губернии» качественным фоном выделены народы

¹ Этнографическая карта Санкт-Петербургской губернии. М = 1: 630000. Сост. П. Кеппен (на немецком языке: Ethnographische Karte de St. Petersburgis-chen Gouvernements angefertigt und erläut. v. Akad., D-r P.V. Koeppen. Herausgegeben von der k. Akademie der Wissenschaften. St. Petersburg), 1849.

² Berhans H. Phusicalischer Atlas. Gotha, 1852.

³ Erkert R. Carte ethnographique de l' Empire de Russie. Berlin, 1862.

⁴ Высочков В. Л. Высочков Л. В. Историко-этнические карты Северо-запада России (конец XVI – первая треть XX в.) // Историческая этнография: Русский Север и Ингерманландия: Межвуз. сб.: к 60-летию со дня рожд. проф. А. В. Гадло/СПбГУ. СПб., 1997. С. 172.

⁵ Чудовский В. Историко-этнографический очерк Иркутской губернии // Записки Сибирского отдела ИРГО. Иркутск, 1865. Кн. VIII. С. 77–96.

⁶ Этнографическая карта Иркутской губернии. М = 1: 840000. Сост. В. Чудовский. Иркутск, 1865.

региона. Интересны примечания самого В. Чудовского по поводу этой карты, которые звучат в следующей трактовке: «На этнографической карте Иркутской губернии, приложенной к статье, не обозначено место жительства нетуземных племен» (Поляков, Татар и проч.) как не сгруппированных в известных определенных местах, а рассеянных по всей стране между русским населением губернии; сверх того туземные племена обозначены на карте не пропорционально численности их, так как бродячие народы (Тунгусы, Карагазы¹) занимают всегда относительно большое пространство, чем кочевые (Буряты и Якуты), а последние относительно большее, чем оседлые хлебопашцы (Русские). Мы также не ручаемся за безусловную верность обозначения места жительства туземных племен: 1) вследствие неимения межевой и верной подробной карты Иркутской губернии; 2) трудности определения границ кочевых, а особенно – бродячих народов, последние (Тунгусы и Карагазы) обозначены чисто условно, и краски показывают лишь приблизительный район, в котором они бродят; 3) вследствие малого масштаба, принятого для карты (1/840000)². Далее В. Чудовский, признавая недостатки своей карты, отмечает, что «вообще мы просим смотреть на нашу карту не более, как первую попытку выразить графически расселение племен одной из сибирских губерний и как на материалы для будущих этнографических писателей о Сибири, постоянные исправления которых, делаемые на карте, могут дать со временем в результате совершенно верную этнографическую карту губернии»³.

В 1889 г. А. Африкановым в Восточно-Сибирском отделе (ранее – Сибирский отдел) ИРГО была подготовлена рукописная «Карта Усинского округа и Урянхайской земли с обозначением русских поселений»⁴. Она составлена по Шварцу, Рафаилову (Потанину), Венюкову, картам штаба Иркутского военного округа, горных ре-визоров Минусинского округа. М-б 25 в. в 1 д.⁵.

В начале XX столетия в Записках РГО по отделению этнографии была опубликована большая работа С.К. Патканова «Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири на основании данных переписи 1897 г. и других источников» в двух частях, к ко-

¹ Карагазы (Карагасы) – тофалары.

² Чудовский В. Указ. раб. С. 96.

³ Там же. С. 96.

⁴ Семьдесят пять лет Восточно-Сибирского отдела государственного Русского географического общества. 1851–1926 // Известия ВСОРГО. Иркутск, 1926. Т. I. Вып. 2. С. 28.

⁵ Там же. С. 28.

торой были приложены три карты, показывающие расселение народов региона¹. Первая из них – «Карта расселения по территории Сибири тунгусских племен»² (рис. 1).

Рис. 1. Карта расселения по территории Сибири тунгусских племен. М = 1: 12000000. Сост. С. Патканов. (Прилож. к Запискам РГО по отд. этнографии. Т. XXXI, ч. II, СПб.).

¹ Патканов С. К. Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири на основании данных переписи 1897 г. и других источников // Записки РГО по отд. этнографии. СПб., 1906. Т. XXXI. Ч. I и II.

² Карта расселения по территории Сибири тунгусских племен. М-6 1: 12000000. Сост. С. Патканов. СПб., 1906.

Красной штриховкой – способом качественного фона – показаны: 1) территории, где тунгусы составляют от 75 до 100% населения (более густая штриховка) и 2) территории, где тунгусы составляют от 5 до 75% населения (штриховка). И у каждого такого ареала проставлено по одной цифре, что означает процент тунгусов в волости или районе (например, 50%, 17% и т. д.).

Вторая – «Карта распределения тунгусских племен по территории Приамурского края»¹. С. К. Паткановым на этой карте применен способ качественного фона и используются красный и синий цвета для штриховки; автором также отражено смешанное население. Показаны: 1) тунгусы собственно, 2) гольды, 3) гольды и тунгусы, 4) гольды, ольчи и тунгусы, 5) ольчи, 6) самагиры, 7) гольды и самагиры, 8) негидальцы, 9) ороки, 10) манегры (эвенки – А. П.), 11) орочи, 12) маньчжуры, 13) маньчжуры и дауры. С. К. Патканов в объяснении знаков дает следующее пояснение: «...редкая штриховка означает, что тунгусы не составляют всего населения района, волости, селения. Цифры, стоящие возле них, показывают процент отдельных племен»². Отметим лишь, что, в зависимости от расселения, это может быть 1, 2 или 3 цифры (например: 37 гольды, 30 ольчи и 25 тунгусы и т. д.).

Третья – «Карта территории китайских подданных в Амурской области в 1884 г.» отражает расселение китайских подданных, русские деревни и т. д.³. Как видно, этническая картография занимала важное место в деятельности отделения этнографии Русского географического общества.

Мы видим, что во второй половине XIX в. расширяется сеть местных отделов Русского географического общества, возникают, таким образом, новые центры географических, картографических и этнографических исследований. В этих отделах получает развитие этническая картография и создаются различные региональные этнические карты.

Историю отечественной этнической картографии в целом и в XX в. в частности нельзя представить без Постоянной комиссии по составлению этнографических карт при РГО. Ее деятельность до сих пор фактически еще не исследована, поэтому остановимся на ее деятельности более подробно.

¹ Карта распределения тунгусских племен по территории Приамурского края. М-б 100 в. в 1 англ. д. Сост. С. Патканов. СПб., 1906.

² Там же.

³ Карта территории китайских подданных в Амурской области в 1884 г. М-б 6 в. в д. Сост. С. Патканов. СПб., 1906.

В конце 1909 – начале 1910 гг. в ИРГО был проведен целый ряд заседаний членов общества под председательством Н. И. Веселовского, С. Ф. Ольденбурга и А. А. Шахматова по вопросу об оживлении деятельности Отделения этнографии, в связи с чем была образована временная Комиссия для обсуждения внесенных в Отделение предложений¹.

Как результат этих обсуждений для оживления деятельности Отделения этнографии на ее заседании 17 сентября 1910 г. были образованы Редакционная комиссия и Постоянная комиссия по составлению этнографических карт России (далее – Комиссия). Постоянная Комиссия по составлению этнографической карты России имела самостоятельный бюджет и числилась при самом Обществе, а не при Отделении этнографии².

Председателем Комиссии по составлению этнографической карты России стал академик С. Ф. Ольденбург. Кроме него в состав Комиссии вошли С. К. Булич, Г. В. Вильямс, Б. Я. Владимирцов, Ф. К. Волков, Э. А. Вольтер, Н. И. Воробьев, Д. К. Зеленин, А. И. Иванов, Н. Я. Марр, Н. М. Могилянский, П. Е. Островский, И. П. Поддубный, А. Д. Руднев, А. Н. Самойлович, А. А. Шахматов и Л. Я. Штернберг. Секретарем Комиссии был утвержден А. А. Миллер. И уже 15 октября 1910 г. под председательством С. Ф. Ольденбурга состоялось первое заседание Комиссии. Было решено сосредоточиться на изучении всех народов России, а исследование и составление карт систематизировать по этнографическим категориям, прежде всего – по языку. Карты должны были быть приурочены к современности и только в отдельных случаях дополнены историческими сведениями в виде специальных карт³.

Первые 2 года своего существования Комиссия практически занималась организационными вопросами, а также приступила к сбору материала об этническом составе, языке, одежде и т. п. путем рассылки анкетных листов на места. Внутри Комиссии выделились несколько отделов: 1) по языку, 2) по антропологии, 3) по жилищам и постройкам, 4) по хозяйственному быту, 5) по одежде и украшениям, 6) по музыке.

Позже в 1913 г. в составе Постоянной комиссии по составлению этнографических карт было выделено два отдела: 1) Европей-

¹ Золотарев Д. Обзор деятельности Постоянной Комиссии по составлению этнографических карт России при И. Р. Г. Обществе // Живая старина. 1916. Вып. 1. С. 11.

² Там же. С. 11, 13.

³ Там же. С. 13.

ской России и Кавказа и 2) Сибири и Средней Азии. Существовавшие же до этого времени отделы решили называть секциями¹.

Так, 8 февраля 1913 г. действительный член общества А. А. Макаренко представил на рассмотрение членов Комиссии особое мнение, которое заключалось в необходимости образования при Комиссии Сибирской подкомиссии. Свое предложение он обосновал тем, что:

«1. Сибирь, именуемая Азиатской Россией, не менее велика пространством, чем Европейская Россия, и представляет собой совершенно обособленную географическую территорию.

2. Сибирь также стоит особняком по этническому составу ее народностей, которые обладают необыкновенно своеобразным укладом жизни, типичными одежаниями, жилищами, верованиями и пр.

3. Народности Сибири сравнительно мало изучены в этнографическом, антропологическом (и бытовом) отношениях. Это, несомненно, должно увеличить трудности по составлению анкетных программ даже в тех сибирских областях, где это окажется возможным, а, следовательно, затруднит чрезвычайно и самое составление этнографической карты Сибири.

4. Во всем этом более или менее правильно смогут разобраться и направить картографический обзор Сибири только лица с теми или иными познаниями и осведомленностью относительно жизни народов Сибири.

5. Таким образом, вполне естественным представляется этим именно лицам поручить осуществление общих предначертаний Комиссии применительно к упомянутым выше условиям Сибири, т. е. из этих сведущих в Сибири лиц должна составиться Сибирская подгруппа (подкомиссия), которая и позаботится о наилучших путях для предстоящего этнографического обзора Сибири картографированными способами.

С другой стороны, чтобы обеспечить возможный успех соответствующим работам участников Сибирской подкомиссии, автор заявления находил весьма желательным предоставление ей таких же автономных прав, какими обладали существовавшие подгруппы Комиссии»².

Аргументы, изложенные А. А. Макаренко в его представлении, были поддержаны, и на заседании Комиссии 22 ноября 1913 г. было

¹ Золотарев Д. Обзор деятельности Постоянной Комиссии... С. 15.

² Архив РГО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 102. Л. 1–3.

санкционировано образование Сибирской подкомиссии для составления этнографической карты Сибири, и ее положение было закреплено Советом Русского географического общества¹.

Первоначально в состав Сибирской подкомиссии Постоянной Комиссии по составлению этнографической карты России вошли многие известные ученые-этнографы, историки, фольклористы, языковеды, географы: В. В. Радлов, М. К. Азадовский, Л. С. Багров, В. М. Ионов, И. И. Майнов, Л. Я. Штернберг, Д. К. Зеленин, Э. К. Пеккарский, Б. Э. Петри, Ф. К. Волков, Д. А. Золотарев, О. О. Баклунд, В. А. Егоров, С. И. Руденко, А. Н. Самойлович, С. М. Широкогоров, С. К. Патканов, В. И. Иохельсон и другие².

Первое организационное собрание членов Сибирской подкомиссии состоялось 4 декабря 1913 г. Председателем подкомиссии был избран Л. Я. Штернберг, товарищем председателя С. К. Патканов и секретарем А. А. Макаренко³.

В виду своеобразия этнографических условий Сибири и трудности составления ее этнографической карты Подкомиссия признала обязательными для себя лишь общие принципы этнографической классификации, установленные Постоянной Комиссией по составлению этнографической карты России, и наметила собственные приемы сбора и методы разработки этнографических материалов для карты Сибири. Учитывая недостаточность сведений по этнографии Сибири и невозможность вследствие этого приступить сразу к составлению карты Сибири, подкомиссия поставила основной своей задачей сбор этнографических материалов и картографирование территории по отдельным районам и существующим в них этническим группам населения⁴. Для работы внутри Сибирской подкомиссии были образованы следующие секции: 1) Архангельско-Тобольская (лопари, самоеды, остяки); 2) Томско-Алтайская (остяко-самоеды и турки); 3) Енисейская (самоедская группа, тунгусы, турки); 4) Иркутско-Забайкальская (буряты, тунгусы, монголы); 5) Якутская (куты, палеоазиаты); 6) Дальневосточная⁵.

С расширением занятий как в общей Комиссии, так и в Сибирской подкомиссии в конце 1914 г. стала очевидной необходимость самой Постоянной Комиссии по составлению этнографической

¹ Архив РГО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 102. Л. 3.

² Архив РГО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 102. Л. 4; Ф. 24. Оп. 1. № 78. Л. 25–26.

³ Архив РГО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 102. Л. 4.

⁴ Там же. Л. 4–5.

⁵ Там же. Л. 5.

карты России разбить на два отдела: I-й отдел занялся составлением этнографической карты России и ближней Азии, II-й отдел взял на себя составление этнографической карты Сибири и Дальнего Востока¹.

Важным итогом начального периода деятельности Комиссии стала подготовка библиографического указателя этнографической литературы о народах России. Эта работа поручалась члену Комиссии Д. К. Зеленину, и за короткое время он сумел ее подготовить. Библиографический указатель был опубликован в 1913 г. как первый выпуск трудов Постоянной комиссии по составлению этнографических карт России². В указателе приведены сведения по жилищам, одежде, музыке, искусству и хозяйственному быту народов России. В общем отделе содержатся данные по книгам, статьям, библиографическим указателям и этническим картам. Библиографический указатель Д. К. Зеленина и сегодня не потерял своего значения для исследователей.

Вторым заметным событием стало издание диалектологической карты русского языка. Так, Московская диалектологическая комиссия обратилась в Комиссию по составлению этнографических карт России с предложением издать составляющую карту русского языка. На шаблон карты Европейской России в м-бе 100 в. в 1 д. были нанесены данные Московской диалектологической комиссии. Эта работа – «Опыт диалектологической карты русского языка в Европе» с приложением 1 л. карты – была издана в 1915 г.³

Были составлены опросные листы по одежде, украшениям, жилищам и хозяйственному быту украинцев, русских, белорусов и башкир. Эти листы рассылались в губернии. Комиссия начала сбор картографического материала по Сибири и подготовительные работы к составлению шаблонов для Забайкальской области, южной части Тобольской, Томской и Енисейской губерний, а С. К. Патканов подготовил предварительные данные для составления этнической карты Сибири, в основу которой были положены материалы Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.⁴

¹ Архив РГО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 102. Л. 8.

² Зеленин Д. К. Библиографический указатель русской этнографической литературы о внешнем быте народов России. 1700–1910 гг. // Записки РГО по отд. этнографии. Т. XL. Вып. I. (Тр. Комиссии по составлению этнографических карт).

³ Дурново Н. Н., Соколов Н. Н., Ушаков Д. Н. Опыт диалектологической карты русского языка в Европе. М., 1915. 132 с. + 1 л. карт.

⁴ Золотарев Д. М. Указ. соч. С. 21.

Постоянная Комиссия по составлению этнографических карт России из-за политических событий (Первая мировая война, революция) не сумела завершить планы по составлению этнических карт, изучению населения и др. Несмотря на это, Комиссия по возможности проводила свои заседания и обсуждала различные вопросы. Но даже то, что Комиссия стала привлекать для сбора этнографического материала людей на местах, показ необходимости составления этнических карт на всю обширную территорию страны, издание библиографического указателя Д. К. Зеленина, поездки членов Комиссии по стране – все это, безусловно, сыграло большую роль в дальнейшем развитии этнической картографии в стране. Постоянная Комиссия по составлению этнографических карт России явилась предвестником другого крупного учреждения – Комиссии по изучению племенного состава населения России, в которую вошли многие члены данной комиссии.

Aibulat V. Psyanchin

Ethnic mapping of siberia in the imperial russian geographic society (to the 175th anniversary of the rgo)

Abstract. Accompanied with the foundation of the Russian Geographical Society in 1845, an absolutely new stage starts in the development of many scientific directions, including ethnography and, specifically, ethnic cartography. This is proven by the fact that one of the first works published by the Russian Geographical Society was the ethnic map of the European Russia by Petr I. Keppen. A very notable task of the section of ethnography is the compilation of ethnic maps of different parts of Russia, as in administrative and physical-geographical borders. Among these tasks is an important huge area as Siberia and its individual parts. In this process, both the Russian Geographical Society proper, represented by the department of ethnography and the Standing Commission for the compilation of ethnographic maps of Russia, and the regional department and members of the society, played a very important role.

Key words: Siberia, Russian Geographical Society, Ethnography, Map, Territory, ethnic map.

УДК 94
ББК 63.3

А. В. Головнёв

Перевод кочевников на оседлость: ревизия идеи

Аннотация. Автор рассматривает истоки, мотивы и имплементации идеи «перевода кочевников на оседлость», которая считается аксиомой оседлых культур. Она уходит корнями в эпоху военно-политического доминирования кочевников, своими набегами и завоеваниями заслуживших немало проклятий со стороны жителей покоренных стран, в том числе хронистов, писавших историю и создававших «исторические образы». Под пером историков разных эпох, от Геродота до Броделя, кочевник предстаёт «варваром», лишенным права на историю. На этом основано моральное право государств на седентаризацию кочевников. Декорированная лозунгами прогресса и просвещения, политика перевода на оседлость на самом деле исходила из стремления подчинить непокорных кочевников, лишив их главного преимущества – мобильности. Для этого в СССР целенаправленно устраняли кочевых вождей и сокращали поголовье скота. В результате форсированной седентаризации, совмещенной с коллективизацией, многие кочевые сообщества действительно осели. Кризис социалистической государственности дал толчок обратной тенденции, наиболее ярко проявляющейся в развитии кочевничества на Ямале и в Монголии. Кроме того, номадизм сегодня в тренде благодаря «мобильному повороту», происходящему в современном мире.

Ключевые слова: кочевники, седентаризация, номадизм.

Еще недавно кочевой образ жизни рассматривался как архаизм, с которым (в стиле модернизационных концепций XX в.) следовало поскорее покончить путем «перевода кочевников на оседлость». Стремление взять под контроль миграции и территории номадов, наряду с убежденностью в их культурной отсталости, настраивало чиновников разных стран, в том числе СССР, на строительство городов, поселков, культбаз, школ-интернатов для оседания кочевников. И только завидное упорство и приверженность собственным ценностям позволили некоторым кочевым сообществам устоять перед административными нажимами и соблазнами оседлости. С эпохи Просвещения, и особен-

но в XX столетии, кочевники стали мишенью военных операций, административно-политических и идеологических кампаний, нацеленных на их утеснение и подавление. Создается впечатление, что оседлый мир основательно настроился на реванш за многовековой страх перед кочевниками.

Реквием по кочевникам

Письменная история полна проклятий в адрес кочевников, что неудивительно, поскольку писали историю люди оседлые, по большей части храмовые и государственные летописцы. В Средние века страх перед кочевниками был силен настолько, что слух об их приближении вызывал у горожан психоз, а иногда побуждал к массовому суициду, как это случилось при осаде монголами Пекина, когда женщины во избежание плена бросались с городских стен¹.

В свое время Геродот не жалел красок, хуля правление в Мидии скифов, которые «своей наглостью и бесчинством привели там все в полное расстройство. Ведь, помимо того, что они собирали с каждого народа установленную дань, скифы еще разъезжали по стране и грабили все, что попадалось»². Описание гуннов Аммианом Марцеллином можно отнести к жанру ужасов эпохи Великих миграций: «Племя гуннов... обитает за Меотийским болотом в сторону Ледовитого океана и превосходит своей дикостью всякую меру... они доживают до старости без бороды, безобразные, похожие на скопцов. Члены тела у них мускулистые и крепкие, шеи толстые, они имеют чудовищный и страшный вид, так что их можно принять за двуногих зверей... Легкие и подвижные, они вдруг специально рассеиваются и, не выстаиваясь в боевую линию, нападают то там, то здесь, производя страшное убийство... Без определенного места жительства, без дома, без закона или устойчивого образа жизни кочуют они, словно вечные беглецы, с кибитками, в которых проводят жизнь... Когда нет войны, они вероломны, непостоянны... во всем полагаются на дикую ярость»³.

Эллинам и римлянам вторили жители Поднебесной, которым кочевники хунну представлялись силами тьмы инь. В китайской астрологии им отведена планета Меркурий (чэнь-син), которая ассоциировалась с севером, зимой и войной. В описаниях древнекитайских хронистов хунну предстают неотесанными и жадными

¹ Гумилев Л. Н. Поиски вымышленного царства. М.: «Институт ДИ – ДИК», 1997. С. 243.

² Геродот I. С. 106.

³ Аммиан Марцеллин. Римская история. М.: Ладомир, 2005. С. 538, 539.

варварами, имеющими «лицо человека и сердце дикого зверя»; «у племени сюньюй нет почитания старших, у них дикое сердце»¹.

Божьей карой выглядят половцы в русских летописях: «Это Бог напустил на нас поганых..., чтобы мы воздержались от злых дел. Наказывает он нас нашествием поганых; это ведь бич его, чтобы мы, опомнившись, воздержались от злого пути своего»². Нашествие татар также объявлялось «батогом Божьим, вразумляющим грешников, чтобы привести их на путь покаяния». «Придоша безбожнии Измаилтяне, прежде бившея со князи Рускими на Калхом. Бысть первое приход их на землю Рязанскую, и взяша град Рязань копьем..., убиша Юрья князя и княгиню его, и всю землю избиша, и не пощадеша отрочат до сосущих млека»³.

Демонический образ кочевников на все лады расцвечивали и тиражировали европейские путешественники: «[При въезде во владения монголов] мне показалось, что мы переступили ворота ада»⁴. «[Татары] пошли против России и произвели великое избиение в земле России, разрушили города и крепости и убили людей, осадили Киев, который был столицей России, и после долгой осады они взяли его и убили жителей города; отсюда, как мы ехали через их землю, мы находили бесчисленные головы и кости мертвых людей, лежавшие на поле; ибо этот город был весьма большой и очень многолюдный, а теперь он сведен почти ни на что: едва существует там двести домов, а людей тех держат они в самом тяжелом рабстве»⁵.

В интонациях ужаса описывались не только степные орды, но и «кочевники моря». Языческим злом, обрушившимся на христианский мир, церковь называла скандинавских викингов. Сподвижник Карла Великого английский богослов Алкуин сеял страх после погрома норманнами монастыря св. Кутберта на острове Линдисфарн 6 июня 793 г.: «Уже почти 350 лет мы и наши отцы живем в этой прекрасной стране, и никогда прежде в Британии не бывало такого ужаса, какой ныне мы терпим от этого языческого рода, и никто и не помышлял о том, чтобы с моря можно

¹ Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. 2. М., 1975. С. 284. Прим. 132. Т. 6. М., 1992. С. 277.

² Повесть временных лет. М., 2003. С. 67.

³ Ипатьевская летопись, 1237 г.

⁴ Рубрук Г. Путешествие в восточные страны // Путешествия в Восточные страны Плано Карпини и Гильома де Рубрука. Алматы: Гылым, 1993. С. 93.

⁵ Плано Карпини, Иоанн де. История монгалов, именуемых нами татарами // Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Гильома де Рубрука. Алматы: Гылым, 1993. С. 41–42.

было совершить подобное нападение». Вскоре в Европе сложилась молитва «От ярости норманнов избави нас, Боже»¹.

Кочевников неизменно называли «варварами», а в эпоху Просвещения и классической философии настойчиво выводили за рамки истории цивилизации, благо к тому времени огнестрельное оружие и регулярные армии положили предел былому всемилию кочевников. Г. В. Ф. Гегель отказывал кочевникам в праве на историю: «Следует различать, с одной стороны, спокойную жизнь кочевников, а с другой стороны – их непрочные завоевания. Эти народы сами не настолько развились, чтобы у них существовала история»².

Неприятие кочевников сквозит даже у масштабно мыслящих европейских историков новейшего времени: «Общество кочевников является обществом, у которого нет истории», – утверждал А. Тойнби³. Империя Петра I положила конец «большой судьбе» кочевников; «порох и пушки одержали верх над их быстротой», и кочевники предстали тем, что они есть на самом деле, – «бедными группами человеческих существ», – резюмировал Ф. Бродель; по его оценке, кочевничество – абсурдный, хотя и резонансный, случай «длительного паразитизма, который, однако, безвозвратно миновал»⁴.

Философия постмодерна, осознавшая потребность в кочевничестве, подтвердила эту патологическую неприязнь: «история никогда не понимала кочевничества», «всегда отбрасывала кочевников», и «даже археология не избавлена от определенной ненависти или презрения к кочевникам»; соответственно, кочевничество сущностно «оппозиционно истории»⁵. Ж. Делез и Ф. Гваттари видят отличие кочевничества от государственного аппарата (*nomos* – «порядок») от аппаратно-государственного аппарата (*logos* – «смысл»). «Кочевую науку» (кочевничество), которая обычно рисуется как донаука, околонука или субнаука, они считают ключом к феномену кочевничества, который по своей природе направлен против государственного аппарата и порядка. Абсолютная мобильность позволила кочевникам создать «машину войны», которая наиболее полно реализовалась

¹ Сойер П. Эпоха викингов. СПб.: Евразия, 2002. С. 7.

² Гегель Г. В. Ф. Лекции по философии истории. СПб.: Наука, 1993. С. 144.

³ Тойнби А. Дж. Постигание истории. М.: Прогресс, 1991. С. 186.

⁴ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М.: Прогресс, 1986. С. 112.

⁵ Deleuze G., Guattari F. A Thousand Plateaus. Capitalism and Schizophrenia. Minneapolis, London: University of Minnesota Press, 1987. P. 23, 394, 405.

в «варварских» скоплениях кочевых воинов: «Номады изобрели машину войны в противовес государственному аппарату». В ее сущности заложена исконная для кочевника стихия открытого пространства и стремление к овладению этим пространством. Кочевая машина войны была изобретением абсолютной скорости и стала «синонимом скорости». Она враждебна государству и направлена против него¹.

В номадологии Ж. Делёза и Ф. Гваттари, несмотря на ее повышенное внимание к кочевникам и их движению, сохраняется нечто зловещее, передающее не то наследственный страх перед степными всадниками, не то ожидание нового нашествия. Создается впечатление, что она ориентирована не на позитивное применение «кочевой науки», а на нейтрализацию с ее помощью духа номадизма.

Идеи и мотивы седентаризации

Опальный номадизм повсеместно испытал тотальный натиск и уцелел на окраинах мира лишь благодаря своей исключительной адаптивности и мобильности. С разной степенью решительности кочевников теснили и искореняли в Афганистане, Иране, Турции, Иране, Ираке, Саудовской Аравии, СССР, Египте, Кении, Танзании, Камеруне, Габоне, Норвегии, Швеции и других странах². Например, в 1930-е гг. саамы подверглись в СССР – советизации, в Швеции – шведизации, в Норвегии – норвегизации, с опорой на убеждение: номадизм есть «исторический пережиток», чья естественная смерть – ибо «слабый всегда уступает сильному» – дело времени³.

Во всех странах целыми седентаризации провозглашалось благосостояние, просвещение и развитие отсталых кочевников, но по существу речь шла о благополучии и безопасности не номадов, а государств. Кочевники всегда были самоуправляемы, следовательно, с точки зрения государств, неуправляемы или труд-

¹ Deleuze G., Guattari F. A Thousand Plateaus. Capitalism and Schizophrenia. Minneapolis, London: University of Minnesota Press, 1987. P. 355–372, 418, 430.

² Hele K. Native people and the socialist state: the native populations of Siberia and their experience as part of the Union of Soviet Socialist Republics // Canadian Journal of Native Studies. Vol. 14. 1994. № 2. P. 251–272; Chatty D. Mobile pastoralists: development planning and social change in Oman. New York: Columbia Univ. Press, 1996; Blench R. «You can't go home again»: Pastoralism in the new millennium. London: ODI, 2001; Matsuura N. Visiting patterns of two sedentarized Central African hunter-gatherers: Comparison of the Babongo in Gabon and the Baka in Cameroon // African Study Monographs. Vol. 30. 2009. № 3. P. 137–159.

³ Paine R. Herds of the Tundra: A Portrait of Saami Reindeer Pastoralism. Washington and London: Smithsonian Institution Press, 1994. P. 158.

ноуправляемы; иногда государство контролировало кочевников через посредников в лице специально выпестованной (полу) оседлой элиты. Дополнительные неудобства для государств создавали трансграничные кочевья номадов, проходившие в местностях, где пограничных застав было мало, а кочевого простора много; другими словами, в руках кочевников оказывался ключ от границы, что при их своеволии (а иногда и бунтарстве) несло риски государственной безопасности.

По наблюдениям Б. В. Андрианова, оседание неоседлого населения мира предопределялось рядом объективных обстоятельств, в том числе экологией: «пастбища – уязвимая и хрупкая биосистема, где гораздо раньше, чем в земледелии, проявляется диспропорция между численностью населения, поголовьем скота и емкостью угодий»; пастбищное скотоводство тяжело переживает климатические колебания и периодические засухи; «так, страшная засуха 1968–1973 гг., поразившая в Африке страны Сахеля от Мавритании до Эфиопии, стала причиной того, что сотни тысяч кочевников бежали на юг в крупные города, а десятки (а возможно, и сотни) тысяч беженцев погибли от голода». Кроме того, в Северной Африке, Марокко, Алжире, Тунисе и Ливии наблюдается интенсивный перевыпас; оседанию кочевников-скотоводов способствует бурное развитие нефтяной промышленности. «В Турции среди юрюков перекочевки со всей семьей сменяются сезонным пастушеским отгонным скотоводством, когда на летние пастбища уходят только несколько мужчин-пастухов и женщин, а остальные члены семьи остаются на постоянных поселениях в оседло-земледельческой зоне. В пустынях Северной Африки и Юго-Западной Азии в прошлом была развита караванная торговля солью, зерном и т. п. В этой торговле участвовали отдельные группы кочевников-верблюдоводов. С развитием автомобильного транспорта значение караванной торговли резко сократилось»¹.

В СССР было принято видеть непреодолимые различия между капитализмом и социализмом во всем, включая положение кочевников и пути их перевода на оседлость. В. В. Грайворонский полагал, что при капитализме «в первую очередь вынужденно переходит к оседлости беднота, разорившиеся скотоводы-кочевники», тогда при социализме оседание выступает как «результат целенаправленной и планомерной политики ..., направленной на всемерное улучшение... положения населения». Вместе с тем «с точки

¹ Андрианов Б. В. Неоседлое население мира. М.: Наука, 1985. С. 246–248.

зрения всемирно-исторического прогресса такие древние формы материального производства, как кочевое и полукочевое животноводство, уже давно исчерпали потенции для собственного внутреннего развития»¹.

Советский императив оседлости исходил из аксиомы: кочевникам не место в социализме по причине их отсталости и приверженности косным традициям. Помимо прочего, кочевниками сложно управлять: они при любых обстоятельствах всеми средствами противятся подчинению и отстаивают свою независимость (как это показали еще в царское время непокорные ненцы и чукчи). Советская власть с первых дней демонстрировала стремление «осадить» (в прямом и переносном смысле) кочевников казахов, киргизов, калмыков, упорно уходивших от контроля, пересекавших государственные границы, игнорировавших идеалы революции и классовой борьбы.

В советскую эпоху хватало знаний для многоплановых интерпретаций культурных и общественных явлений. Часто наши сегодняшние представления об ограниченном единомыслии советского времени есть не что иное как ограниченность наших собственных представлений. Углубленные исследования всякий раз выявляют широкий диапазон мнений и наблюдений, создающих картину обширного дискуссионного поля, перекрываемую резкими политическими действиями вроде репрессий и иных гонений. Следующая сцена вновь рисует дискуссию и ее пресечение. Иначе говоря, действительность была полна различных мнений и их столкновений, но сглаживающая углы историография, подобно катку, задним числом выравнивала картину до единомыслия. Впрочем, эта динамика рождает другой вопрос: что делало одну позицию победной, а другую проигрышной, и как сочетаются или различаются в ней глубинная мотивация и декоративная идеология?

Многие советские политики брали на веру тезис о несоответствии кочевничества и социализма, хотя от широко дискутировавшейся концепции кочевого феодализма до интригующей идеи кочевого социализма, казалось бы, всего лишь шаг. Впрочем, пафос единомыслия – по большей части дело рук историков и историографов. Например, М. Х. Шаумян, защищавшая в 1960-е гг. диссертацию по истории КПСС, без тени колебаний утверждала применительно к идеологии 1930-х годов: «Кочевая форма хозяйства

¹ Грайворонский В.В. От кочевого образа жизни к оседлости (на опыте МНР). М.: Наука, 1979. С. 70–71, 153–154.

по своей природе несовместима с социализмом», из чего следует «историческая необходимость организованного оседания кочевников»¹. Между тем заявленная идеология о несовместимости социализма и номадизма звучала адекватно лишь в зале заседаний диссертационного совета. В том же 1962 г. та же фраза вызвала бы всплеск негодования у оленеводов-передовиков Ямала или Чукотки. И применительно к 1920–1930-м годам, на которые она была экстраполирована, ситуация выглядела не столь однозначно.

В Казахстане, главной кочевой территории СССР, которой посвящена диссертация М. Х. Шаумян, безусловно, были люди, говорившие и писавшие об экономической и культурной отсталости кочевников. Наряду с ними были специалисты, размышлявшие и писавшие о кочевниках с позиции экономической реальности и социального партнерства. Эта позиция ориентирована на практическое использование человеческих и культурных ресурсов, исходя из веками сложившегося природно-социального взаимодействия.

В 1920-е гг. Статистическо-экономическим отрядом Казахской экспедиции АН СССР руководил Сергей Порфирьевич Швецов, в прошлом народник и эсер из дворян, затем сотрудник Комиссии по изучению племенного состава при Академии наук и Отделения статистики РГО. Он основательно занимался этнографией и знал, что случающееся временное оседание кочевников бывает следствием сокращения стад, в частности из-за потрясений революции и гражданской войны, а также видел реальную перспективу кочевников ввиду необходимости дальнейшего освоения степей. Ему принадлежит этнографически убедительное и идеологически крамольное высказывание по поводу перевода кочевников на оседлость: «Устраните это периодическое передвижение скота по степи – и казаку (казаху – А. Г.) нечего в ней будет делать, так как никакое иное хозяйство здесь невозможно, и степь, кормящая теперь миллионы казакского населения, превратится в пустыню»².

Пятилеткой позже сборник статей, который составлял и редактировал Швецов, не прошел бы цензуры. Более того, вышедший пять лет спустя, в 1931 г., сборник статей «Кондратьевщина в Ка-

¹ Шаумян М. Х. Деятельность Коммунистической партии по переводу кочевых и полукочевых крестьянских хозяйств Казахстана на оседлость (1924–1936 гг.): Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1962. С. 4.

² Казакское хозяйство в его естественно-исторических и бытовых условиях. Ред. С. П. Швецов. [Кзыл-Орда], 1926. С. 100–103.

захстане» содержал осуждение Швецова и его сторонников, разоблаченных во вредительстве, «кондратьевщине» и «чаяновщине» (С.П. Швецов скончался в мае 1930 г., не дожив до репрессий, а Н.Д. Кондратьева и А.В. Чаянова ждала казнь, соответственно, в 1937 и 1938 гг.). Авторы этого сборника подчеркивали, что Швецов и другие «кондратьевцы» делали «ставку на неизбежность скотоводческо-кочевого хозяйства» и поддерживали «кочевание как форму хозяйства, наиболее выгодную для местной буржуазии»¹.

Политико-административная кампания пошла не по сценарию Швецова. Мотивы политиков и администраторов исходили из интересов государства, а не кочевников; соответственно, их стремление обуздать кочевую стихию – даже ценой экономических потерь, человеческих жертв и репутационных издержек – подчинило себе все остальные доводы. С опорой на всепобеждающий марксизм, призывающий к решительным действиям и преобразованиям всех основ, власть по-своему профессионально и умело повела наступление на кочевой мир путем его седентаризации; казахские баи по достоинству оценили эту кампанию, назвав ее «ловушкой»². Разного рода суждения о темном прошлом и светлом будущем служили лишь прикрытием главной цели – торможения движения кочевников путем устранения вождей и сокращения стад (кочевание возможно лишь при наличии крупных стад, которые не только сами движутся быстрее и дальше других, но и задают ритм и амплитуду всей кочевой мобильности).

Удар был рассчитан и нанесен прицельно: начавшаяся в 1929 г. форсированная коллективизация сопровождалась принудительным переводом на оседлость: лишённые значительной части своих стад кочевники нарушили динамику своих миграций резкими переселениями (бегство за границу), снижением скорости и дальности перекочевков; под угрозой конфискации стад (коллективизации) кочевники сами забивали скот, подрывая потенциал своей мобильности и усугубляя свою «классовую» вину. Партийный руководитель Казахстана Ф.И. Голощекин, имея за плечами убийство царской семьи в Екатеринбурге как успешный опыт революционной борьбы с элитой противника, преуспел и в подавлении

¹ Кондратьевщина в Казакстане: Сб. ст. Алма-Ата, 1931. С. 6, 14, 26, 90; Зверяков И. А. От кочевания – к социализму. Алма-Ата; М. 1932. С. 36.

² Алланиязов Т.К., Тауенов А.С. Последний рубеж защитников нomaдизма: История вооруженных выступлений и повстанческих движений в Казахстане (1929–1931 годы). Алматы, 2008. С. 145.

казахских баев, справедливо видя в них главную силу сопротивления новой (своей) власти. Творчески преобразовав тезис диктатуры пролетариата в задачу «снабдить рабочих мясом», он развернул в Казахстане кампанию масозаготовок, вылившуюся в 1930 г. в массовое заклание скота. Это происходило вовсе не из-за невежества или чрезмерного революционного рвения; подобные действия революционных вождей были расчетливо нацелены на сокращение радиуса откочевки хозяйств и сбор кочевников в «ячейки социализма» – оседлые «казгородки» (по 500 дворов каждый). «Старый, отсталый, кочевой полукочевой аул умирает, должен умереть. На его место должен прийти, приходит новый ... колхозный аул с поселковым расселением, с европейского типа строениями, с животноводческим хозяйством типа товарных ферм»¹.

Плоды борьбы Голощекина и его сподвижников с кочевниками за три (1929–1931) года выразились в катастрофическом сокращении стад в 7–8 раз – с 40 млн в 1929 г. до 5,5 млн в 1932 г., а местами в их полном истреблении. Незамедлительно последовал массовый голод 1932–1933 гг., унесший до половины кочевников Казахстана².

В сентябре 1932 г. Голощекина отозвали в Москву, и жителям Казахстана показалось, что «наступила свобода». Позднее Голощекин и сам Сталин высказывались в адрес кочевников уже мягче и доброжелательнее, но не потому, что осознали ошибки и пожалели о содеянном, а потому что замысел уже был осуществлен, и очередной поверженный «классовый враг» не представлял угрозы. Голощекину, правда, косвенно воздалось за «номадоцид». После ареста в 1939 г. ему, помимо прочего, инкриминировали перегибы в коллективизации, а в 1941 г. казнили. Как бы то ни было, кочевой мир Казахстана «именем революции» осел.

Сходные траектории оседания кочевников отмечены в 1930-е годы и позднее на Алтае, в Бурятии, Калмыкии, Каракалпакии, Киргизии, Туве и в других «кочевых» районах СССР³. Во многих

¹ Голощекин Ф. И. Три актуальных задачи текущего момента // НХК. 1931. № 8–9. С. 7–16.

² Синицын Ф. Л. Советское государство и кочевники. История, политика, население. 1917–1991 гг. СПб.: Центрполиграф. 2019. С. 119–122.

³ Базаров Б. В. и др. Историко-культурный атлас Бурятии. М.: ДИК: дизайн, информация, картография Москвы, 2001; Самарина Н. Г. Кочевое скотоводство и оседлость тувинцев в советский период // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 4. С. 123–126; Крадин Н. Н. Процессы трансформации скотоводческого хозяйства

зарубежных странах седентаризация приводила к не менее драматическим последствиям, нарушая издавна сложившийся баланс динамики и статики. По мнению Н. Н. Крадина, «опыт трансформации скотоводческих сообществ Азии и Африки и их адаптация к рыночной экономике индустриальных государств в последние столетия (как и к процессу приватизации в нашей стране) показывает, что последствия могут быть не только неожиданными, но и катастрофическими»¹.

Хладнокровный Север

На Севере, как и на Юге, социализм настойчиво требовал перевода кочевников на оседлость. Однако в Арктике и Сибири эта стратегия реализовалась без «кавалерийских атак», со свойственной Северу умеренностью. Свою роль в этом сыграла малочисленность населения и труднодоступность края, а также отсутствие трансграничных миграций, за исключением эпизодических контактов с зарубежными соплеменниками саамов (в Скандинавии) и эскимосов (в Берингии).

Северные апологеты седентаризации тоже не допускали мысли об альтернативной судьбе номадизма, полагая, что помехой в достижении поставленной цели оказывается лишь нерешительность местных администраторов. Показательна, к примеру, риторика одного из последовательных борцов с северным номадизмом Ф. С. Донского, сотрудника Института социологических исследований АН СССР, проводившего целый ряд ответственных экспертиз (по сути больше социологических, чем этнографических), касавшихся ключевых проблем коренных жителей Севера. «Кочевой образ жизни оказывает отрицательное влияние на здоровье людей, на формирование всесторонне развитой личности и социалистического образа жизни населения. Поэтому преодоление его стало одной из неотложных проблем социального развития Крайнего Севера, в условиях же развитого социализма – объективной необходимостью... Ликвидация кочевого образа жизни является частью общегосударственной задачи преодоления существенных различий между городом и деревней»².

в Туве и Забайкалье на рубеже XX–XXI вв. // Этнографическое обозрение. 2016. №2; Горяев М. С., Авлиев В. Н. Политика советской власти по отношению к малым народам Поволжья (на примере калмыков) // Вестник Калмыцкого университета. 2017. №33 (1). С. 14–20.

¹ Kradin N. N. Nomads of Inner Asia in transformation. М.: URSS, 2014. P. 200.

² Донской Ф. С. Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока во второй половине XX века. Т. 1. Якутск: Якутский филиал изд-ва СО РАН, 2002; Т. 3. Новосибирск: Наука: 2006. С. 9.

«Кочевой образ жизни значительной части народностей Севера является одним из тяжелых наследий прошлого, ликвидация которого в условиях развитого социализма стала первостепенной задачей. Актуальность решения данной проблемы продиктована постановлениями ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 7 февраля 1980 г. № 115 и Совета Министров РСФСР от 1980 г. № 260 «О мерах по дальнейшему экономическому и социальному развитию районов проживания народностей Севера», которыми поставлена задача «разработки и осуществления мероприятий по завершению к 1990 г. перевода в районах проживания народностей Севера кочевых семей на оседлый образ жизни, имея в виду обеспечить их полную занятость в общественном производстве, профессиональное обучение с учетом традиций народностей Севера, улучшение бытовых и жилищных условий»¹.

В соответствии с этими установками Ф. С. Донской, как и другие эксперты от экономики и социологии, в ходе и по результатам обследований наставлял местных администраторов: «Однако местные партийные и хозяйственные органы Тюменской области не придали должного значения этому пункту Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР, не разработали комплексные социально-экономические мероприятия по завершению перевода кочевого населения на оседлый образ жизни ... Как заявил председатель окрисполкома Н. П. Тишин, в округе вообще не намерены переводить оленеводов на оседлый образ жизни. Такое положение руководство окрисполкома мотивирует стремлением сохранить поголовье оленей»². В Ямало-Ненецком автономном округе сложилась следующая ситуация: «Наличие большого поголовья оленей в личном хозяйстве народностей Севера в настоящее время выступает не только фактором, тормозящим завершение перевода кочевого населения на оседлый образ жизни ... В дальнейшем становлении личного подсобного хозяйства народностей Севера, переведенных на оседлый образ жизни, необходимо ориентироваться на разведение коров, свиней, развитие огородничества»³.

На этом фоне публиковавшиеся в открытой печати размышления этнографов о традициях и многообразии кочевания выглядели инакомыслием, хотя и облакались в осторожные фразы: «В зависимости от типов оленеводства и охоты, а также природных

¹ Донской Ф. С. Указ. соч. С. 199.

² Донской Ф. С. Указ. соч. С. 124, 125

³ Донской Ф. С. Указ. соч. С. 132, 133.

условий характер кочевания и маршруты кочевков у разных групп народов были различны. Для ряда групп чукчей и коряков были характерны «кольцевые» маршруты, для ненцев, энцев, нганасан «ленточные» – зимой на юг, ближе к лесу, где теплее, летом на север, к морю, где меньше гнуса. Для большинства северных народов кочевание было единственно возможной формой жизни... Переход к оседлому образу жизни коренного населения – это длительный и сложный процесс... Сейчас известно несколько способов организации оленеводства для перехода оленеводов к оседлому образу жизни: создание промежуточных баз как переходной формы к оседанию (Чукотский национальный округ), выпас оленей в изгородях (Мурманская область), сменно-звеньевой выпас оленей (Ненецкий национальный округ) и т.п.»¹.

Если в открытых публикациях этнографы предпочитали сдержанный тон, то в докладных записках позволяли себе критику политики перевода на оседлость кочевников-олeneводо: «За последние годы развернулась работа по переводу на оседлость кочевого населения, в связи с чем усиленно ведется строительство домов. Предполагается каждому пастуху, бригадиру построить дом. В некоторых колхозах уже добились того, что часть женщин и детей остались на центральных усадьбах, а их мужья находятся в стадах. Этим мероприятием, которое, кстати, не поддерживается оленеводами, разлучили членов семьи, разорвали единый семейный организм на две части, что явно вредно как для экономики этой семьи, так и для ее моральных устоев. Вредно это и для производства, так как пастухи всегда стремятся к семье, бросают свои стада, приезжают на усадьбу и задерживаются здесь, несмотря ни на какие резоны со стороны руководства колхозов. Чукчи-олeneводы, проживающие на центральной усадьбе, в любой момент готовы возвратиться к кочевому быту, особенно семьи пастухов» (И. С. Вдовин)².

По мнению Б. О. Долгих «... резкая ломка привычных условий быта, сделанная даже с самыми лучшими намерениями, в отношении народов Севера может привести к самым отрицательным результатам. То, что оседлость сама по себе не спасает народы Севера от вымирания, показывает судьба азиатских эскимосов... Поэтому нельзя считать правильной установкой Постановления Совета

¹ Новая жизнь народов Севера. М.: Наука, 1967. С. 66, 67.

² Этнологическая экспертиза: Народы Севера России. 1956–1958 годы. М.: ИЭА РАН, 2004. 370 с.

Министров РСФСР от 20 февраля 1960 г. за № 264, которая намечает перевод на оседлость всего населения Севера в 2–3 года... формальное выполнение постановления о переводе всех 12 тыс. семей, осваивающих третью часть территории РСФСР, на оседлость в 2–3 года может принести не пользу, а вред»¹.

Пытаясь увещевать власть, Б. О. Долгих прибегал к доводам об угрозе обороноспособности страны из-за перевода кочевников на оседлость: «...в ряде случаев огульный перевод на оседлость и проводившееся вместе с этим селение в поселки привели к отрыву коренного населения от его промысловых угодий и обезлюдило значительные пространства Севера, которые теперь перестали осваиваться человеком. Стремление превратить огромные пространства советского Севера в безлюдные пустыни опасно и с оборонной точки зрения. Как известно, Север является пограничной зоной нашей страны. Прекращение регулярных передвижений оленеводов и охотников по тундре и тайге, исчезновение в глубинных районах Севера населения, знающего каждую пядь своей территории, может иметь весьма отрицательные последствия для дела обороны СССР с Севера»².

Если лидеры ленинградской и московской групп этнографов-североведов И. С. Вдовин и Б. О. Долгих рубили сплеча фразами о «вреде» перевода на оседлость и не стеснялись говорить об ошибочности постановления Совета Министров РСФСР, то их молодые сотрудники выбирали обтекаемые выражения, но в том же «ревизионистском» ключе: «Там, где пастухи кочуют без семей, оленеводство быстро падает. Так, в Олюторском районе пастухи живут без семей, поэтому стремятся в поселок, оставляют стада без присмотра и оленей уничтожают волки» (И. С. Гурвич)³. «Однако большая работа по переходу на оседлость коренного населения, связанная с большими затратами на строительство, ведение новых отраслей, в ряде случаев не привели к желаемым результатам... Подвижность в быту и образ жизни хантов остались прежними. Они переезжают с участка на участок семьями, живя там в чумах... Чаше новые дома в поселках стоят пустые и законченные или же в них живут приезжие специалисты» (З. П. Со-

¹ Этнологическая экспертиза: Народы Севера России. 1959–1962 годы. М.: ИЭА РАН, 2005. С. 168–169.

² Этнологическая экспертиза: Народы Севера России. 1959–1962 годы. М.: ИЭА РАН, 2005. С. 169.

³ Этнологическая экспертиза: Народы Севера России. 1956–1958 годы. М.: ИЭА РАН, 2004. С. 168.

колова)¹. «Трудно решить вопрос о переводе оленеводов на оседлость. Даже когда будет полностью решена проблема ликвидации бытового кочевания, сохранится кочевание производственное» (А. В. Смоляк)².

Подобными суждениями этнографы нарушали принцип советского единomyслия, благодаря чему, кстати, этнография в СССР считалась зоной свободных дискуссий и даже сдержанной критики классиков марксизма (например, относительно универсальности матриархата и родового строя, специфики «азиатского способа производства», «кочевого/степного феодализма»). Примечательно, что это критическое мышление исходило не из идеологических предпочтений, а из научной эмпирики, основанной на экспертных этнографических разработках. В этом смысле этноэкспертиза опережала развитие фундаментальной академической науки: с момента формулировки первых критических пассажей И. С. Вдовина и Б. О. Долгих оставалось почти три десятилетия до открытой публикации тезиса Б. В. Андрианова: «Всюду и всегда ли необходимо ... полный переход от круглогодичного кочевания отдельных групп населения к оседлости?»³.

Между тем потенциал арктического нomaдизма в пределах СССР оказался выше степного: по всему циркумполярному поясу продолжали кочевать оленеводы с крупными стадами. В постсоветский период ненцы стремительно нарастили численность стад, сохранив или даже расширив диапазон кочевков. Ни строительство поселков, ни «снегоходная революция» не отменили, а по-своему осовременили арктическую кочевую традицию. Сегодня ненцы представляют собой жизнеспособный очаг арктического нomaдизма, выдержавший советизацию и продолжающий успешно отвечать на вызовы современности; современный Ямал – центр одновременно крупнотадажного кочевого оленеводства и мегаиндустриальной газонефтедобычи⁴.

Нomaдизм возвращается? (вместо заключения)

Этот же вопрос, хотя и с обратным акцентом, задают названием своей книги «Конец нomaдизма?» Кэролайн Хамфри и Дэвид

¹ Этнологическая экспертиза: Народы Севера России. 1959–1962 годы. М.: ИЭА РАН, 2005. С. 353.

² Этнологическая экспертиза: Народы Севера России. 1963–1980 годы. М.: ИЭА РАН, 2006. С. 86.

³ Андрианов Б. В. Неоседлое население мира. М.: Наука, 1985. С. 6.

⁴ Головнёв А. В. Кочевники Севера: ментальность и мобильность // Новые исследования Тувы. 2019. № 3. С. 15–26; Golovnev A. V. Arctic Nomadic Design (The Nenets Case) // Nomadic Peoples. Vol. 24, 2020. № 1. P. 111–142.

Снит¹. Они не романтизируют кочевников – напротив, считают антиисторичным романтический миф о бродячем номаде и предпочитают реалистичный учет конкретных обстоятельств жизни «мобильных пасторалистов» Внутренней Азии. Сопоставляя кочевников Сибири, Монголии и Северо-Западного Китая, авторы рассматривают различные реакции номадов на вызовы меняющегося мира и приходят к неожиданному заключению: кочевая мобильность вполне совместима с урбанизованной современностью. Развивающийся агропасторализм (гибридная форма животноводства и земледелия) снижает подвижность пастухов ввиду расширения посевов огородных и кормовых культур, а также внедрения грузового транспорта для транспортировки воды. Интродукция улучшенных пород еще более ограничивает мобильность, поскольку неместные породы не приспособлены к долгим миграциям и требуют теплого крова зимой. Между тем именно мобильность стада обеспечивает его продуктивность за счет чередования выпаса в нескольких экологических нишах. В свою очередь сокращение мобильности вызвало во многих местах деградацию травостоя из-за перевыпаса. Эти противоречия обозначились с началом экономических реформ в Китае и коллапса СССР. Реакция степняков состояла в переориентации на родственные узы для реорганизации производства и товарообмена, что возобновило традиционные связи. Монголы больше других сохранили пастушеские навыки и, в отличие от территорий России и Китая, обозначили обратный тренд «деседентаризации» – от оседлости к кочеванию, из города в степь. Речь идет о привлекательности выверенной столетиями мобильной системы использования энергетических ресурсов степи. При этом авторы предлагают заменить излишне романтизированное понятие «номадизм» словосочетанием «мобильный пасторализм» и вернуться к осмыслению и использованию его недооцененного потенциала.

Бурное развитие мобильных коммуникаций и современных транспортных средств (включая беспилотники) открывает новые возможности для кочевников в освоении открытых пространств и их ресурсов. Жизнь-в-движении становится по-своему не менее комфортной, чем жизнь-в-покое, а мобильные средства связи открывают доступ ко всему массиву информации и коммуникации. Значительная часть потребностей ныне реализуется онлайн,

¹ Humphrey C., Sneath D. The end of nomadism? Society, state, and the environment in Inner Asia. Durham: Duke Univ. Press, 1999.

и тренд концентрации реальной активности в городах сменяется трендом концентрации виртуальной активности в киберсетях. Иначе говоря, степняк или тундровик, став «сетевиком», становится онлайн участником событий, прежде для него недоступных. Становясь комфортнее и насыщеннее, кочевание сохраняет свои исходные преимущества, высоко ценимые кочевниками: обширность владений с обилием встреч, приключений, наблюдений, а также единение сообщества людей и выпасаемых ими стад лошадей (олений, верблюдов, овец).

Возвращение номадизма заметно не только на Ямале и в Монголии, но и в происходящем сегодня «мобильном повороте»¹. В наши дни номадизм уже не рассматривается как след архаики; напротив, в высокой мобильности видится и исконное свойство человечества, и драйвер его развития, и перспектива прорывных технологий будущего. XXI в. стал свидетелем ренессанса движения, охватившего страны и народы в виде туристического бума, миграционных волн, киберкоммуникаций. Другими словами, неономадизм (новое кочевничество) не просто входит в моду, но и приобретает стратегический вес. Мобильность, включая номадизм, исторически и по сей день является базовым принципом освоения открытых пространств, в том числе степей, пустынь и тундр. Сегодня тема контраста и баланса ценностей и практик номадизма и седентаризма, кочевий и селений, вновь набирает актуальность.

Andrei V. Golovnev

Transferring nomads to settled life: revision of the idea

Abstract. The author examines the origins, motives and implementations of the idea of «transferring nomads to a settled way of life», which is considered an axiom of sedentary cultures. It is rooted in the era of the military-political domination of nomads, whose forays and conquests deserved arrays of curses from the inhabitants of the conquered countries, including the chroniclers who wrote history and created «historical images». Under the pen of historians of different eras, from Herodotus to Braudel, the nomad appears as a «barbarian», deprived of the right to history. This is the basis of the moral right of states to sedentarize nomads. Decorated with the slogans of progress and enlightenment, the policy of transfer to settled life actually proceeded

¹ Urry J. *Sociology Beyond Societies: Mobilities for the Twenty-first Century*. L.; NY: Routledge, 2000.

from the desire to subdue the rebellious nomads, depriving them of their main advantage – mobility. In the USSR for this purpose nomadic leaders were deliberately eliminated and the livestock was reduced. As a result of forced sedentarization, combined with collectivization, many nomadic communities actually settled. The crisis of socialist statehood gave impetus to a reverse trend, most clearly manifested in the development of nomadism in Yamal and Mongolia. In addition, nomadism is trending today thanks to the «mobile turn» taking place in the modern world.

Keywords: nomads, sedentarisation, Inner Asia

УДК 930
ББК 63.3

В. С. Христофоров, Ю. Н. Гусева

Монголо-буддийские сюжеты в «восточной» работе советских спецслужб в 1922–1934 гг.

Аннотация. В статье освещаются вопросы информационно-аналитической работы различных подразделений ГПУ-ОГПУ (прежде всего, Восточного, Иностранного и Информационного отделов) в 1922–1934 гг. в области сбора и интерпретации сведений о ситуации в Монголии и на сопредельных территориях (Бурятия и др.). Цель статьи – изучить процесс получения и интерпретации советскими спецслужбами информации о социально-политической обстановке в Монголии и на прилегающих территориях, а также о буддийской духовной традиции и ее влиянии на российско-монгольские отношения и ситуацию в приграничных зонах. В результате изучения значительного числа опубликованных и неопубликованных источников ведомственных архивов делается вывод о том, что у советских спецслужб имелись явные проблемы с выстраиванием единой системы сбора информации, в том числе ввиду кадрового дефицита и относительной второстепенности данного направления работы. В результате «монголоеды» ОГПУ были вынуждены во многом опираться на хорошо зарекомендовавшие себя в других «нерусских» регионах (Волго-Урал, Туркестан) конструкты, описывая происходившие социально-политические процессы по принципу аналогии. Производными дефицита полных и объективных сведений и подобного аналитического подхода становятся развернувшаяся в 1920-е годы борьба с «восточной национально-религиозной контрреволюцией», которая к началу 1930-х годов приобрела форму репрессий в отношении наиболее активных лидеров (прежде всего лам), обвинявшихся в шпионаже в пользу Японии и «панмонголизме».

Ключевые слова: ГПУ-ОГПУ, Восточный отдел, Иностраный отдел, Информационный отдел, Контрразведывательный отдел, Особый отдел, монголоведение, советские спецслужбы, Монголия, ламаизм, буддийское духовенство.

Введение

Актуальность статьи проистекает из необходимости изучения интерпретаций «Востока» в границах российского полити-

ческого пространства и сопредельных странах. В центре нашего исследования – деятельность ГПУ-ОГПУ (1922–1934) и его отделов (Восточного (ВО), Иностранного (ИНО), Информационного (ИНФО), Контрразведывательного (КРО), Особого отдела (ОО) и Специального (шифровальный), а также Полномочных представительств ОГПУ по Дальнему Востоку и Сибири в деле изучения ими политической, военной, социальной и религиозной обстановки в Монголии и на сопредельных территориях¹.

Цель статьи – изучить процесс получения и интерпретации советскими спецслужбами информации о Монголии и прилегающих территориях, а также о буддийской духовной традиции.

Основными задачами, которые мы постараемся решить в ходе исследования, будут следующие:

- рассмотреть организационную структуру подразделений ГПУ-ОГПУ, занимавшихся монголо-буддийской тематикой, их кадровые возможности;
- изучить процесс сбора информации по этим сюжетам;
- исследовать основные вопросы, касавшиеся Монголии, сопредельных территорий и бытования буддийской (ламаистской²) традиции, которые были в центре внимания ГПУ-ОГПУ;

¹ Как показывает анализ имеющихся документов, деятельность ОГПУ на этом направлении охватывала Монголию (в документах фигурировала как «Внешняя Монголия», в отличие от «Внутренней Монголии», принадлежавшей Китаю), Танну-Тувинскую Республику, Бурят-Монголию и Ойротию.

² Танну-Тувинская республика (1921–1926) – официальное название – Народная Республика Танну-Тува, с 1926 г. – Тувинская народная республика. Признана СССР в 1924 г., МНР – в 1926 г. В 1944 г. вошла в состав СССР как Тувинская автономная область в составе РСФСР. В 1961 г. преобразована в Тувинскую АССР в составе РСФСР, с 1992 г. Республика Тува, с 1993 г. – Республика Тыва.

³ Бурят-Монголия – национальное буферное государство бурят (1917–1920). Фактически прекратило свое существование после образования Дальневосточной республики (ДВР). В 1921 г. Бурят-Монголия разделилась пополам: 4 восточных района вошли в состав ДВР, 4 западных – в состав РСФСР. В январе 1922 г. образована Монголо-Бурятская автономная область в составе РСФСР (административный центр – Иркутск). 30 мая 1923 г. образована Бурят-Монгольская Автономная Советская Социалистическая Республика (столица – Верхнеудинск, сейчас – Улан-Удэ). В 1958 г. переименована в Бурятскую АССР, с 1992 г. по настоящее время – Республика Бурятия.

⁴ Ойротия – административно-территориальная единица РСФСР, существовавшая с 1922 по 1948 гг. (административный центр – Улала (Ойрот-Тура). Выделена в 1922 г. из части Алтайской губернии. В 1937 г. включена в состав Алтайского края, позднее – Горно-Алтайская автономная область, Горно-Алтайская АССР. С 1992 г. по настоящее время – Республика Алтай.

⁵ Ламаизм – устаревшее наименование тибето-монгольской формы буддизма. Буддизм (ламаизм) в России стал закрепляться в XVII веке, был разрешен к исповеданию среди бурят указом императрицы Елизаветы в 1741 г. В настоящее время имеет последователей главным образом в Бурятии, Калмыкии и Туве. Буддийское духовенство России объединено Центральным духовным управлением буддистов

Историография вопроса

Приступая к изучению ориентального дискурса отечественных спецслужб (1922–1934), в том числе и по монголо-буддийскому вопросу, мы фактически вступаем на малоисследованное поле. Большая группа российских и иностранных монголоведов занимается историей Монголии XX века: в центре их внимания находятся сюжеты, связанные с революцией 1921 г. и признанием Монголии¹, различными научными экспедициями, снаряженными в Монголию и Тибет², восстанием 1932 г.³, историей панмонголизма⁴. Под научной редакцией директора Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН академика Б.В. Базарова изданы два обширных комплекса документов по истории Монголии: «Российско-монгольское военное сотрудничество (1911–1946)» в 2 частях⁵ и «Монголия в документах Коминтерна (1919–1934)» также в двух частях⁶. Истории буддизма в Советской России/СССР и выдающемуся религиозному деятелю Агвану Доржиеву посвящены работы С.П. Ангаева, А.И. Андреева, А.В. Дамдинова, Ш.В. Чимитдоржиева, Ф.Л. Синицина и других⁷.

во главе с хамбо-ламой (резиденция в Иволгинском дацане Бурятии).

¹ Базаров Б.В. Становление независимости Монголии в XX веке // Власть. 2013. Т. 13. №6. С. 113–115; Болд Р. Независимость и признание Монголии. Монголия в треугольнике интересов: США – Россия – Китай, 1910–1973. М.: «Весь мир», 2015, 400 с.; Ширендыб Б. Народная революция в Монголии и образование Монгольской Народной Республики. 1921–1924. М.: АН СССР, 1956. 158 с.

² Майский И. М. Современная Монголия: Отчет Монгольской экспедиции, снаряженной Иркутской конторой Всероссийского центрального союза потребительских обществ «Центросоюз». Иркутск: Гос. изд-во Иркутск. Отд., 1921. 472 с.; Рерих Н.К. Дневник Маньчжурской экспедиции (1934–1935)/сост., вступ. ст., коммент. О.В. Лавреновой. М.: Международный Центр Рерихов, 2015. 520 с.

³ Кузьмин С.Л., Оюунчимэг Ж. Вооруженное восстание в Монголии в 1932 г. М.: ООО «Изд-во МБА», 2015. 212 с.

⁴ Базаров Б.В. Неизвестное из истории панмонголизма. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2002. 67 с.; История Монголии. XX век. М.: ИВ РАН, 2007. 448 с.; Курас Л.В. Панмонголизм как проявление этничности монгольского мира в первой четверти XX века. Иркутск: Изд-во «Отгиск», 2017. 188 с.; Россия и Монголия: новый взгляд на историю взаимоотношений в XX веке. М.: ИВ РАН, 2001. 276 с.; Рошин С.К. Политическая история Монголии (1921–1940 гг.). М.: ИВ РАН, 1999. 327 с.

⁵ Российско-монгольское военное сотрудничество (1911–1946): сборник документов: в 2 ч./отв. ред. В.П. Козлов (Россия); Д. Улзийбаатор (Монголия); науч. ред. Б.В. Базаров. М. – Улан-Удэ: ИПК ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2008. Ч. 1. 349 с.; Ч. 2. 326 с.

⁶ Монголия в документах Коминтерна (1919–1934). Ч. 1. (1919–1929)/Науч. ред. Б.В. Базаров. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. 527 с.; Ч. 2. (1930–1934)/Науч. ред. Б.В. Базаров. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. 480 с.

⁷ Ангаев С.П. Буддизм в Бурятии и Агван Доржиев. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1999. 138 с.; Андреев А.И. Агван Доржиев и судьбы буддийской религии в СССР // Реверс: Философско-религиозный и литературный альманах. СПб., 1992. С. 198–209; ЕГО ЖЕ. Тибет в политике царской, советской и постсоветской России.

Менее изученными являются усилия советских спецслужб по реализации государственной политики в «монгольском» направлении. Среди авторов, пишущих об общих векторах «восточной» деятельности ГПУ-ОГПУ, следует, прежде всего, назвать Д. Ю. Арапова, Ю. Н. Гусеву и других¹. Однако, как свидетельствуют современные исследования, интересы сотрудников Восточного ОГПУ были существенно шире, чем «мусульманские» ареалы Советского Союза и государств зарубежного Востока².

Как мы отметили, публикаций о деятельности ГПУ-ОГПУ на восточном направлении немного, а научных работ, связанных с работой ОГПУ в Монголии и на сопредельных территориях, еще меньше. В основном они представлены узкотематическими научными статьями о деятельности советских спецслужб на Дальнем Востоке³, обзорами документальных материалов Центрального архива ФСБ России⁴ или некоторыми данными

СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та «Наранг», 2005. 464 с.; Дамдинов А. В., Чимитдоржиев Ш. В. Агван Доржиев – выдающийся религиозный и общественный деятель. Улан-Удэ: Элиги, 2010. 75 с.; Максимов К. Н. Репрессии против буддийского духовенства – носителей национальной идеологии и духовности // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2018. № 3 (56). С. 23–29. URL: [http://kaspy.asu.edu.ru/files/3 \(56\)/23–29. pdf](http://kaspy.asu.edu.ru/files/3%20(56)/23-29.pdf) (дата обращения 09.08.2020); Синицын Ф. Л. Красная буря: советское государство и буддизм в 1917–1946 гг. СПб.: Изд-во Терентьева и Фонда «Сохраним Тибет», 2013. 527 с.; Доржиев А. Судьба буддийской религии в СССР. URL: [agvan-dorziev-i-sudba-buddiskoi-religii-v-sssr? pd=3](http://agvan-dorziev-i-sudba-buddiskoi-religii-v-sssr?pd=3) (дата обращения 04.08.2020).

¹ Арапов Д. Ю., Косач Г. Г. Ислам и мусульмане по материалам Восточного отдела ОГПУ. 1926 год. М.; Нижний Новгород, 2007. 130 с.; Гусева Ю. Н. Восточное измерение деятельности ОГПУ: «Восток» между географией, знанием и политикой // Уроки Октября и практики советской системы. 1920–1950-е годы: Материалы X международной научной конференции. Москва, 5–7 декабря 2017 г. М., 2018. С. 434–446; ее же. Первые циркуляры Восточного отдела ОГПУ 1922–1923 гг.: советская контрразведка и «восточный» вектор российской политики // Отечественные архивы. 2018. № 2. С. 56–61; Ислам и советское государство. Вып. 1 (по материалам Восточного отд. ОГПУ. 1926 г.). М., 2010. 152 с.; Карташов А. А. Восточное направление в деятельности ВЧК-ОГПУ // ВЧК (1917–1922): к столетию создания/Сборник статей и документов. М., 2017. С. 349–364; Христофоров В. С. Советские спецслужбы открывают Восток. М.: РГГУ, 2019. 300 с.

² Гусева Ю. Н. Восточное измерение деятельности ОГПУ: «Восток» между географией, знанием и политикой. С. 434–446.

³ Егоров Н. А., Цыбин А. Ю. Белоземские организации на Дальнем Востоке в 20–30-е гг. XX в. и деятельность советских спецслужб // Проблемы Дальнего Востока. 2008. № 5. С. 77–88.

⁴ Христофоров В. С. Материалы Центрального архива ФСБ России о Монгольской Народной Республике начала 1920-х годов/Вестник Бурятского науч. центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2012. № 4. С. 56–68; его же. Документы архивов ФСБ России по истории Монголии/III Международная научная конференция «Архивное востоковедение». Материалы конференции/Институт востоковедения РАН. М., 2014. С. 125–126.

в работах, посвященных забайкальской контрразведке¹. Значительный вклад в развитие темы вносит вышедший в 2019 г. под редакцией научного руководителя Института востоковедения РАН, академика В.В. Наумкина сборник «Монголия в документах из архивов ФСБ России (1922–1936)»². В нашем исследовании мы будем опираться не только на блок опубликованных, но и на значительное число неопубликованных документов Центрального архива ФСБ России и Архива УФСБ России по Омской области.

Замечания исследователей о создании в начале 1920-х годов силами советской разведки и контрразведки «серьезных предпосылок для накопления и систематизации документальных материалов по странам и народам Востока»³, увы, слабо подтверждаются документально. Имеющиеся публикации не позволяют понять, какую именно информацию собирали сотрудники Центрального аппарата ОГПУ (ВО, ИНО, ИНФО, КРО) и аналогичных подразделений в Полномочных представительствах ГПУ-ОГПУ по Дальнему Востоку и Сибири, как велось накопление, систематизация и обмен информацией между взаимодействующими структурами внутри ОГПУ. Полученные данные и процесс их осмысления, т. е. превращения суммы фактов в знание о Монголии, о буддийском духовенстве, очевидно, имел четкую практическую коннотацию, когда знание выступало в качестве инструмента советской внешней и внутренней политики.

Включенная в общую идею экспорта революции на Восток Монголия стала одним из первых субъектов международного права (наряду с Персией, Афганистаном и Турцией), подписавшим 5 ноября 1921 г. с Москвой договор о взаимном признании. Целью тогдашней советской внешней политики было укрепление позиций Советского государства на международной арене и распространение в Монголии революционных идей. Позднее идею экспорта сменило стремление улучшить отношения в первую очередь с Японией, сблизиться с Китаем и закрепить Монголию в качестве буферного государства, чтобы защитить себя от потенциального противника.

¹ Соловьев А. В. Тревожные будни забайкальской контрразведки. М.: «Русь», 2004. 544 с.

² Монголия в документах из архивов ФСБ России (1922–1936 гг.): Сборник документов/Науч. ред. В.В. Наумкин, ред. колл.: К.В. Орлова, В.В. Гайворонский, С.Л. Кузьмин, В.С. Христофоров. М.: ИВ РАН, 2019. 528 с.

³ Карташов А. А. Восточное направление в деятельности ВЧК-ОГПУ/ВЧК (1917–1922): к столетию создания/Сборник статей и документов. М., 2017. С. 357.

Не стоит долго говорить о том, что всем этим целям в полной мере служила деятельность советских спецслужб, которые следили за развитием ситуации в Монголии и на сопредельных территориях, оказывали влияние на принятие политических решений, поддерживая местных сторонников советской модели развития и расправляясь с ее противниками, к числу которых было отнесено и буддийское духовенство.

ГПУ-ОГПУ: организация и кадры

Формирование основных подразделений ВЧК-ГПУ-ОГПУ, которые добывали информацию по «восточным» сюжетам, началось далеко не сразу. Усиление контрразведывательной составляющей в ГПУ произошло летом 1922 г., когда в ее составе на базе 14-го специального отделения Особого отдела был создан Восточный отдел (ВО, работа по «внутреннему» и зарубежному Востоку). Одновременно с ним был сформирован Контрразведывательный отдел (КРО, борьба со шпионажем и белогвардейскими организациями)¹. В Полномочных Представительствах ОГПУ «с восточно-национальными республиками и областями построение Особых отделов должно было полностью обеспечить работу по восточной линии»².

В Восточный отдел в 1922 г. входило три отделения: среди которых 3-е отделение, занимавшееся Дальним Востоком (сюда же входили интересующие нас территории, а также Восточная и Западная Сибирь) (руководитель – М. М. Казас³). Начальником Восточного отдела с момента его создания до расформирования в 1930 г. являлся Я. Х. Петерс⁴. По итогам внутриведомственных прений ему

¹ Приказ ОГПУ от 2 июня 1922 года № 98/сс «Об организации Восточного отдела ГПУ» ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 519. Л. 366.

² Приказом ОГПУ от 10 сентября 1930 года в целях объединения работы по всем видам шпионажа и по «белогвардейско-кулацкой и повстанческой контрреволюции как в самой Красной армии, так и вне ее, ВО и КРО были ликвидированы и влиты в Особый отдел ОГПУ (См.: ЦА ФСБ России. Ф. 66. Оп. 1а. Д. 21. Л. 44; Лубянка: Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917–1991. Справочник. М: МФД, 2003. С. 47–48).

³ Казас Михаил Маркович (1896–1950) – уроженец г. Нижнего Новгорода, караим. Учился в Лазаревском институте восточных языков, где проучился до третьего курса в связи с его закрытием в 1917 г.. С 1921 г. – сотрудник 14-го специального отделения Особого отдела ВЧК. В 1921 г. находился в Анкаре в составе комиссии по репатриации военнопленных. С 1922 г. – начальник 3-го (дальневосточного) отделения Восточного отдела. Одновременно в 1922–1924 гг. учился в Московском институте востоковедения и на восточном отделении Военной академии РККА. В 1924–1926 гг. – резидент Иностранного отдела ОГПУ в Тегеране под прикрытием должности сотрудника полпредства СССР в Персии. В 1927–1929 гг. – вице-консул в Кашгаре. С 1929 г. – в центральном аппарате ИНО ОГПУ. С 1933 года работал в политотделах МТС. В 1939 г. уволен из органов НКВД. Участник Великой Отечественной войны.

⁴ Петерс Яков (Якоб) Христофорович (1886–1938) – уроженец Бринкенской волости

удалось доказать необходимость существования Восточного отдела, однако 20 марта 1923 г. часть функций – «разработка шпионажа со стороны Японии, Кореи и Китая» – была передана из Восточного в Контрразведывательный отдел ГПУ¹. Этим же приказом подтверждалось, что сфера компетенции Восточного отдела распространялась на Внешнюю Монголию, Западную и Восточную Сибирь, т.е. на районы, где компактно проживало нерусское население, исповедовавшее ислам, а также буряты и якуты и иные народности².

Основными проблемами при формировании основных разведывательных и контрразведывательных подразделений ГПУ-ОГПУ были организационно-кадровые, так как катастрофически не хватало специалистов, знакомых с национальными, религиозными особенностями сопредельных стран Востока (Афганистана, Ирана, Китая, Монголии, Турции). В ОГПУ было крайне мало сотрудников, которые имели теоретическую подготовку, владели национальными языками³. Соратники Петерса – люди, вершившие судьбы «восточных» народов, – как правило, были лишены специальной востоковедческой подготовки. Единственное исключение составлял уже упомянутый нами Михаил Казас.

Монголия исключением не стала. Сотрудники подразделений ГПУ-ОГПУ и Полномочных представительств на местах⁴ за редким исключением не знали специфических условий этих территорий, были слабо осведомлены об истории и современном развитии Монголии, не владели монгольскими или бурятскими языками,

Курляндской губернии. Участвовал в революции 1905–1907 гг., затем эмигрировал в Англию. В 1917 г. – член Временного революционного комитета Петроградского совета. Член Коллегии ВЧК (1917–1929). Секретарь ВЧК (декабрь 1917 по июнь 1918 г.), член Президиума ВЧК (с декабря 1920 г.). Ио председателя ВЧК (с 9 июля по 22 августа 1918). Начальник Восточного отдела ГПУ-ОГПУ (1922–1929 гг.). Арестован 25 ноября 1937 г. Военной коллегией Верховного суда СССР осужден 25 апреля 1938 г. к ВМН. Расстрелян. Определением ВК ВС СССР от 3 марта 1956 г. реабилитирован.

¹ ЦА ФСБ России. Ф. 66. Оп. 1. Д. 122. Л. 70.

² При этом материалы по мусульманам Китая и Синьцзяна предписывалось направлять в Восточный отдел. См.: ЦА ФСБ России. Ф. 66. Оп. 1. Д. 122. Л. 70.

³ Гусева Ю.Н. Первые циркуляры Восточного отдела ОГПУ 1922–1923 гг.: советская контрразведка и «восточный» вектор российской политики // Отечественные архивы. 2018. № 2. С. 56–61.

⁴ В Полномочных представительствах ГПУ-ОГПУ по Дальнему Востоку и Сибири работу по восточному направлению (Китай, Монголия, Япония) вели восточные, иностранные, информационные, контрразведывательные и специальные (радиоперехват и дешифровка) отделения. См.: ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 1. Д. 655. Л. 27–43.

слабо представляли особенности ламаизма, традиции и обычаи монгольского народа¹.

Подобные проблемы возникали и при комплектовании аппаратов советников и инструкторов в Монголии и Танну-Тувинской Республике, направлявшихся за границу по линии ОГПУ. Так, ПП ОГПУ по Сибири обращало внимание Москвы на то, что подбор советских советников при Танну-Тувинском правительстве был «крайне неудачным, заменить же их на месте нечем»².

В марте 1925 г. начальник областного отдела ОГПУ Бурят-Монгольской АССР В. А. Абрамов направил полпреду ОГПУ по Дальнему Востоку А. П. Альпову отчет о некоторых результатах работы советской резидентуры³. В отчете указывалось, что спецслужбами было недооценены возможности и перспективы, которые предоставляла и открывала Урга⁴ в части распространения разведывательной работы на Китай, Тибет и Индию. Это сказывалось и при подборе сотрудников, посылаемых для работы в Монголию, чей уровень оставлял желать лучшего. Автор документа предлагал комплектовать низовой аппарат советских спецслужб в Монголии по возможности из «выдержанных» партийцев из среды бурят и калмыков, отказавшись при этом от направления в Ургу русских работников. Последние, по его мнению, не прививались даже в национальных областях Советского Союза, а в Монголии наносили откровенный вред и ведомству, и даже Коминтерну⁵.

«Монгольский» след в документах ГПУ-ОГПУ

Важное значение для понимания деятельности советских спецслужб на восточном направлении, и в Монголии в частности, представляют материалы следующих подразделений ГПУ-ОГПУ: ВО, ИНФО, ИНО, КРО, Особый отдел, Спецотдел, а также Полномочных представительств ГПУ-ОГПУ по Дальнему Востоку и Сибири, в которых содержится информация по интересующему нас вопросу. Дадим краткую характеристику содержащихся в них источников.

¹ Монголия в документах архивов ФСБ России (1922–1936 гг.) ... С. 6.

² Сводка зарубежных сведений ПП ОГПУ по Сибири по данным на 23 февраля 1925 года. См.: ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 3. Д. 237. Л. 169–171.

³ Легальная резидентура советской разведки действовала в Монголии под прикрытием аппарата инструкторов Государственной внутренней охраны МНР.

⁴ Урга – историческое наименование Улан-Батора, столицы Монголии. Основан в XVII в. под названием Оргоо (ставка) как резиденция Живого Будды (богдо-гэгэн). После образования Монгольской Народной Республики в 1924 г. город был переименован в Улан-Батор и стал его столицей.

⁵ Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 141. Л. 44–46.

Восточный отдел ОГПУ

В циркулярных письмах Восточного отдела ОГПУ содержались механизмы информационного обеспечения деятельности советских и партийных органов: методы и формы сбора первичной информации о лидерах и организациях «восточной контрреволюции», регламент предоставления документов ПП ГПУ в Центр¹. Чем ценны эти документы? Они наиболее полно раскрывают специфику работы не только Восточного отдела, но и Иностранного и Контрразведывательного: формулируют цели, задачи, направления работы, источники сбора информации для реализации вполне конкретных задач. Логика развертывания национально-освободительного, религиозного движения в категориях новой идеологии, понимание специфики Монголии, ее взаимоотношений с СССР, Китаем, Японией и Танну-Тувинской Республикой, анализ проблем в информационном обеспечении деятельности ГПУ-ОГПУ, НКВД, ЦК ВКП (б), пути устранения выявленных проблем – все эти нюансы позволяют наметить характеристики монголо-буддийского дискурса советских спецслужб в 1920-е годы.

Следующая группа документов, готовившаяся в Восточном отделе – «Информационные сводки по восточным окраинам СССР и сопредельным с ними странам» и «Обзоры по восточным окраинам РСФСР-СССР и сопредельных стран». Материалы по сопредельным странам освещали восточную политику империалистических держав и Советской России, имеющие гриф «Совершенно секретно», а также рабочие сводки, справки, сообщения². В сводки включалась информация, структурированная в небольшие подразделы в соответствии с проблемно-географическим принципом. Как правило, они начинались с раздела «Общее положение на Востоке», в котором аккумулировались материалы по зарубежным странам, входившим в зону интересов Советской России, в т. ч. по Монголии. Следом обобщались материалы по союзным и автономным республикам, губерниям и областям СССР, в которых был высок процент нерусского населения: среди них – Сибирь, Дальний Восток, Бурятия.

¹ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 1. Д. 655. Л. 27–43.

² Там же. Л. 27–43. Л. 15; подробнее см.: Христофоров В. С. Описание «внутреннего» и зарубежного Востока в обзорах советских спецслужб 1920-х – 1930-х годов: темы, термины, идеи // Труды Института востоковедения РАН. Вып. 17: Архивное востоковедение (Материалы симпозиума к 200-летию ИВ РАН). М.: ИВ РАН, 2018. С. 235–248.

Кроме того, ВО готовил сводки по Монголии и Дальнему Востоку, в которых отражалась текущая ситуация, информационные сообщения о деятельности Японии во Внутренней Монголии под лозунгом создания «Автономной Монголии», а также о попытках Японии распространить свое влияние на Внешнюю Монголию и Дальневосточный край¹.

Весьма редко отдельным сюжетом в обзорах проходила тема буддизма, положения и деятельности лам в регионах компактного проживания народов, исповедующих эту религию (Бурят-Монголия, Внешняя Монголия). В то же время ВО ОГПУ внимательно следил за развитием ситуации с ламами², активно взаимодействовал с лояльным буддийским духовенством.

2. Иностранный отдел: концентрировал информационные сообщения о политическом положении в Монголии, справки, оперативные информации, содержащие сведения об отношениях ее с Китаем и Японией, разведывательной деятельности этих стран в отношении Монгольской народной республики³. Документы ИНО свидетельствуют, что к Монголии проявляли интерес и европейские страны. Так, в ноябре 1925 г. ИНО был добыт доклад датского посланника в Пекине по ситуации во Внешней Монголии⁴.

В информационных сводках ИНО содержались разносторонние сведения о работе монгольской контрразведки против советских инструкторов, настроениях в монгольской армии и в среде ламства, переселении монголов и казахов из Синцзяна в МНР, о конфликтах на монголо-китайской границе⁵. Записки о решении религиозного вопроса в Монголии и взаимоотношениях с ламами, сводки Иностранного отдела ОГПУ о деятельности Панчен-ламы⁶.

3. Информационный отдел ГПУ-ОГПУ: Наибольший интерес представляют «Обзоры политического и экономического положения республики» (с 1923 – СССР), которые готовились ИНФО

¹ Монголия в документах из архивов ФСБ России С. 135, 137, 141–143, 214–218.

² Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 9920. Л. 34–37.

³ См.: Информационное сообщение ИНО ОГПУ от 14 августа 1925 г./Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 141. Т. 2. Л. 124; Оперативная информация ИНО ОГПУ от 10 сентября 1928 г. политике США и Японии в Маньчжурии/ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 8. Д. 378. Л. 78; Ф. 3. Оп. 3. Д. 1343. Л. 10–13, 198.

⁴ Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 141. Т. 2. Л. 177–184; Д. 9920. Л. 176–177об.

⁵ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 8. Д. 307. Л. 1–5, 9–13, 54–58; Д. 378. Л. 12–18, 76–77, 99, 323–323об, 395; Оп. 10. Д. 531. Л. 128–128об.

⁶ Панчен-лама – второй по рангу лама после Далай-ламы.

ГПУ-ОГПУ для доклада высшему партийному и советскому руководству Советского Союза, а также для информирования руководящего состава ГПУ-ОГПУ, а также секретарей губернских и областных партийных организаций¹.

В сводках и обзорах ИНФО ОГПУ мы регулярно встречаем такие понятия, как «пантюркизм», «панисламизм», «панмонголизм»². Каждое из названных движений, по мнению ОГПУ, угрожало безопасности советского государства. Несмотря на то, что отряды панмогилистов были разгромлены в 1919–1920 гг., ОГПУ продолжало собирать о нем информацию. Так, в разделе «Националистические партии и группировки» обзора политико-экономического состояния СССР за апрель – май 1923 г. эксперты спецслужб дают характеристику «Панмонголистского движения»³.

4. Контрразведывательный отдел: готовил информационные сообщения, справки, аналитические записки, содержащие материалы оперативной работы органов ОГПУ по борьбе с контрреволюцией в регионе в начале 1930-х годов. По утверждению КРО ОГПУ, характерной тактикой контрреволюционных повстанческих организаций являлся тесный блок национальной («восточной») контрреволюции с русской (преимущественно казачьей) контррево-

¹ Яньшин А. Становление информационной службы ВЧК-ОГПУ // ВЧК (1917–1922): к столетию создания/Сборник статей и документов. М.: ИРИ РАН, 2017. 326 с.; Христофоров В.С. Описание «внутреннего» и зарубежного Востока в обзорах советских спецслужб 1920-х – 1930-х годов: темы, термины, идеи // Труды Института востоковедения РАН. Вып. 17: Архивное востоковедение (Материалы симпозиума к 200-летию ИВ РАН). М.: ИВ РАН, 2018. С. 235–248.

² Термин «панмонголизм» был введен в оборот русским философом Владимиром Соловьевым в одноименном стихотворении «Панмонголизм» (опубликовано в 1905 г.) и в «Краткой повести об антихристе» (1900). Позже термин был подхвачен бурятской интеллигенцией, понимавшей данный термин, как идеологию создания национального государства (по аналогии с пангерманизмом, панславизмом, пантюркизмом, панисламизмом). После провозглашения независимости Монголии в конце 1911 г. Богдо-гэгэн (духовный и светский лидер Монголии), стремился объединить монгольские территории в одно государство. Однако подлинная независимость пока не наступила. Согласно русско-китайско-монгольскому Кяхтинскому соглашению от 7 июня 1915 г., «Внутренняя Монголия» была признана автономной территорией в составе Китая, который обязывался не вмешиваться в ее внутреннее управление. «Внешняя Монголия» получила право заключать международные договоры по экономическим вопросам. Наибольшую активность в реализации идеи создания единого государства проявляли буряты, баргуты и иные монгольские народности. Они и приняли участие в работе двух панмонгольских конференций, состоявшихся в 1919 году под патронатом атамана Семенова. На конференциях провозглашалась идея о создании единого государства на территориях России (Бурятия) и монгольских землях, включенных в Китай (Внутренняя и Внешняя Монголия, Барга и Забайкалье) (Батудаева Д. Что такое «панмонголизм»? // URL: <https://www.infpol.ru/133605-chtotakoe-panmongolizm/> (дата обращения 09.08.2020)).

³ См.: ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 1. Д. 794. Л. 105–106.

люцией. В ряде восстаний, руководимых контрреволюционными организациями, совместно участвовали алтайцы и русские казаки (Ойротия), буряты, русские казаки (Бурятия, Монголия и ДВК), русские и казахи-националисты (Казахская АССР)¹.

5. Особый отдел (ОО) ОГПУ и особые отделы на местах: формировал информационные сообщения, доклады, отчеты, аналитические записки. В 1920-е годы ОО ОГПУ Бурят-Монгольской области регулярно направлял в ПП ОГПУ по Сибкраю информацию о ситуации в Монголии.

6. Специальный отдел: готовил справки, меморандумы, содержащие сведения о ситуации в Монголии и соседних странах, направлении из Японии в Монголию различных комиссий и экспедиций, в том числе для изучения русского влияния. На основе перехвата и дешифровки дипломатических сообщений иностранных государств Спецотдел готовил информацию об интересах Китая, Японии и других стран в этом регионе².

7. ПП ОГПУ по Сибири и подчиненных ему губернских и областных отделов ГПУ: Полномочные отделы готовили и направляли в центр сводки политического положения в Монголии, в которых также содержалась информация о положении в городе Урумчи; Кобдойском округе; Ойротской области; об усиливающемся влиянии Монголии в Урянхае³. Сводки ПП готовились на основании данных подчиненных ему структур ОГПУ. Так, по данным Ойротского облотдела ОГПУ, поступавшая информация свидетельствовала о намерении Монголии возратить себе Алтайский округ⁴ Синцзяна, земли которого издавна принадлежали ей, но со временем перешли во владение Китая. Там часто происходили китайско-монгольские столкновения⁵.

¹ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 8. Д. 53. Л. 321–322.

² См.: Информационное сообщение Спецотдела ОГПУ о меморандуме посольства Японии в Москве по поводу посылки официального японского представителя в Монголию. (Не ранее 27 июля 1928 г.)/ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 7. Д. 422. Л. 214; Оперативная информация ИНО ОГПУ от 10 сентября 1928 г. политике США и Японии в Маньчжурии/ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 8. Д. 378. Л. 78; Перехваченное донесение полковника Комацубара от 5 февраля 1933 г. о положении во Внутренней Монголии/ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 3. Д. 1343. Л. 10–13, 198.

³ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 3. Д. 237. Л. 169–171; Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 17. Л. 44; Монголия в документах архивов ФСБ России (1922–1936 гг.)... М., 2019. С. 70–71.

⁴ Алтайский округ Синцзяна – часть Кобдоского округа Монголии, в 1907 году указом циньского императора выделен в отдельный округ, затем включен в состав Синцзяна.

⁵ Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 71. Л. 35/Монголия в документах архивов ФСБ России (1922–1936 гг.): Сборник документов. М., 2019. С. 73–74.

8. *ПП ГПУ по ДВО (г. Хабаровск) и подчиненных ему губернских и областных отделов ГПУ*: указания, отчеты, информационные сообщения, сводки. Особый интерес представляет указание ПП ГПУ по ДВО, направленное в сентябре 1923 года в областной отдел ОГПУ Монголо-Бурятской АССР по организации разведывательной работы в Восточной Монголии (центр – Урга). Предписывалось немедленно организовать резидентуру¹. Особое внимание обращалось на буддизм, необходимо было установить его влияние на монголов и бурят. В центре внимания отдела также была связь Монголии с Монголо-Бурятской Республикой². Начиная с 1923 года в Прибайкальском губернском отделе ГПУ (г. Верхнеудинск³) также регулярно готовились сводки о положении в Монголии⁴.

9. *Материалы Государственной внутренней охраны (ГВО) МНР*⁵: справки, доклады, отчеты подготовленные Я.Г. Блюмкиным и Н.М. Балдаевым⁶ о составе монгольского правительства,

¹ Среди них – изучение политического и экономического положения страны; политических партий; бандитизма внутреннего и зарубежного; численности и настроений в монгольской армии, мест дислокации частей; характеристик деятелей монгольского правительства, положения белой эмиграции (группировки, деятельность руководителей, задачи); наблюдение за иностранными группировками и объединениями, английским и японским шпионажем и контрреволюцией (агитацией лам и князей и другими контрреволюционными группировками).

² Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 17. Л. 14.

³ Верхнеудинск, город (с 1775) в Российской империи, после 1917 г. – центр Прибайкальской губернии; в апреле-октябре 1920 г. – столица Дальневосточной республики; с 30 мая 1923 г. – столица Бурят-Монгольской АССР. 27 июля 1934 г. постановлением Президиума ЦИК СССР переименован в Улан-Удэ (бур. Улаан Үдэ – Красная Уда). С 7 июля 1957 г., после переименования республики, стал столицей Бурятской АССР. С 27 марта 1992 г. Улан-Удэ – столица субъекта Российской Федерации Республики Бурятия.

⁴ Сводка направлена Полномочному представителю ГПУ на ДВ (г. Чита); ИНО ОГПУ (г. Москва). См.: Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 17. Л. 41–51, 111–125.

⁵ 16 июля 1922 г. было образовано Управление государственной внутренней охраны (УГВО), ставшее первым в истории Монголии органом безопасности, предшественником современного Главного разведывательного управления. УГВО подчинялось непосредственно Военному совету Монгольской народной армии и первоначально состояло из одного отдела, который наряду с обеспечением внешней безопасности страны был призван бороться с нарушениями общественного порядка: воровством, грабежами, растратами государственного имущества и другими преступлениями. В 1922–1923 гг. были созданы еще два отдела: военный и административно-хозяйственный (ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 4. Д. 137. Л. 204–210).

⁶ Балдаев Николай Михайлович (1901–1937), бурят, член ВКП (б) с 1920 г.. Уполномоченный Иркутской ГубЧК в Бурят-Монголии (1921), начальник Восточного отдела Бурят-Монгольского областного отдела ОГПУ (1924), сотрудник ИНО ОГПУ в Монголии инструктор, затем главный инструктор ГВО МНР (1924–1926), инструктор СОЧ, врид главного инструктора ГВО МНР (1926), сотрудник ИНО ОГПУ (с ноября 1926 по февраль 1932), начальник ИНО ПП ОГПУ по Дальневосточному краю

о Государственной внутренней охране; о ликвидации контрреволюционного восстания ламства и феодалов в Северо-Западной Монголии (10 мая 1930 года)¹.

Подводя итог информационному освещению монгольских сюжетов, отметим следующее. При подготовке информационных сообщений о политической ситуации в Монголии регулярно велся обмен внутри ОГПУ между различными отделами и подразделениями на местах. Основными поставщиками информации по Монголии с мест были ПП ОГПУ по ДВО и Сибири. Информация по данной теме, поступавшая в ОГПУ из других ведомств, направлялась Артузову², Петерсу, Менжинскому³, Ягоде⁴.

Анализ нормативных правовых и информационно-аналитических документов, а также служебной переписки подразделений ОГПУ и его полномочных представительств по ДВО и Сибири свидетельствует о том, что четкого рубрикатора стран, регионов и локальных сюжетов, которые подлежали регулярному освещению, не было. Практика работы и наличие информации о ситуации в Монголии корректировали фокус внимания ОГПУ, переключая его с внешнеполитических аспектов на экономические, с религиозной обстановки на борьбу с контрреволюцией, а затем на противодействие шпионажу. Вместе с тем в поле зрения ОГПУ постоянно находились вопросы взаимоотношения Монголии с Танну-Тувинской Республикой и Китаем, формирования монгольских специальных служб, религиозная обстановка в стране, вопросы лояльности Советскому Союзу политической и военной элиты страны.

В целом документы ГПУ-ОГПУ дают уникальную возможность проанализировать циркуляцию информационных потоков,

в Хабаровске (с февраля 1932).

¹ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 4. Д. 137. Л. 187–196, 212; Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 9920. Л. 26–28, 554–575.

² Артузов (Фраучи) Артур Христианович (1891–1937), деятель советских органов государственной безопасности. Один из основателей советской разведки и контрразведки, корпусной комиссар (1935). Начальник КРО СОУ ГПУ/ОГПУ (1922–1930), заместитель начальника ИНО ОГПУ СССР (1930–1931), начальник ИНО (1931–1935). Арестован 13 мая 1937 г. Приговорен к ВМН 21 августа 1937 г., расстрелян в тот же день. Реабилитирован 7 марта 1956 г.

³ Менжинский Вячеслав Рудольфович (1874–1934), один из руководителей советских органов государственной безопасности. Председатель ОГПУ (1926–1934).

⁴ Ягода Генрих Григорьевич (1891–1938), один из главных руководителей советских органов госбезопасности, управляющий делами Особого отдела ВЧК (1919–1923), заместитель председателя ОГПУ (1923–1934), нарком внутренних дел СССР (1934–1936). Расстрелян в 1938 г. Не реабилитирован.

а также исследовать понятийный аппарат, который использовался сотрудниками специальных служб в освещении монголо-буддийских сюжетов.

Фокус внимания ГПУ-ОГПУ на монгольском направлении

На что в первую очередь обращали внимание основные подразделения, когда речь шла о монгольском направлении их работы? В начале 1920-х годов на первый план выходили задачи борьбы с «национально-религиозной контрреволюцией». Начальник ВО Петерс весьма образно писал о том, что волны контрреволюции распространялись от окраин к центру, и именно они представляли собой «...одну из самых серьезных опасностей, угрожающих Советской власти»¹. В этом была определенная логика: необходимо было разобраться с «собственными» восточными окраинами, чтобы продвигать дальше революцию на Восток. Подобная парадигма смещала центр внимания ОГПУ и его полномочных представителей на деятельность наиболее активных общественных групп – представителей национально-религиозной элиты, которые, по мнению сотрудников спецслужб, выступали инициаторами «восточного контрреволюционного» движения.

Проанализируем, насколько вписывалась в эту схему монголо-буддийская тема, а для этого дадим обзор основных сюжетов, нашедших свое отражение в материалах спецслужб.

Противостояние между МНР и СССР по поводу присоединения Танну-Тувинской Республики

На развитие советско-монгольских отношений в 1920-е годы существенное влияние оказывал тувинский фактор². Тогда Монголия не оставляла попыток вернуть Туву под свою юрисдикцию и активно работала с местными элитами³.

¹ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 1. Д. 655. Л. 16–26.

² Во внешней политике Монголии особое место занимали ее отношения с бывшим Урянхайским краем. Урга неоднократно предпринимала попытки присоединения Урянхия к Монгольской Народной Республике, всякий раз подчеркивая историческую, культурную, политическую и религиозную связь с Тувой. Обращаясь к истории развития Урянхайского края, следует напомнить, что в 1914 г. по просьбе части тувинских ноинов во главе с высшим феодалом Урянхия – амбын-нояном Комбу-Доржу (Гомбодорж) Россия установила протекторат над Тувой. Военными и административными делами управлял Енисейский генерал-губернатор. В августе 1921 г. Всетувинский учредительный хурал, на котором присутствовала делегация Советской России и представители Дальневосточного секретариата Коминтерна в Монголии, принял резолюцию о создании самостоятельного тувинского государства Танну-Тува. В начале 1920-х годов некоторые советские партийные и государственные деятели склонялись к присоединению Тувы к МНР, однако позже от этой идеи отказались в пользу присоединения Тувы к СССР.

³ См.: Письмо заведующего отделом Дальнего Востока НКВД СССР Б. Н. Мельникова

В начале 1925 г. ПП ОГПУ по Сибири отмечало, что в политической жизни Урянхая постепенно усиливалось влияние Монголии: «Монголофильская политика Нямжавы, плюс руководимая Ургой работа монгольских советников привели к тому, что сейчас в области борьбы за политическое влияние на Урянхай» Советский Союз, по мнению сибирских контрразведчиков, терпел ряд неудач. Две трети населения Урянхая прислали «письма», требующие присоединения к Монголии; советским торговым организациям предъявлялись трудно выполнимые требования; Танну-Тувинское правительство без участия советских советников (вероятно, под давлением монголов), выработало новый таможенный устав, тормозивший деятельность советских организаций в Урянхае¹.

Для уяснения националистического движения на Дальнем Востоке представители ОГПУ стремились учитывать «соотношение классовых групп, создающееся после революции 1921 года в Монголии». По мнению ОГПУ, наиболее сильные экономические группы феодальных князей – светских и лам, уступив политическую власть мелкому дворянству и чиновничеству (третьему сословию), все же сохранили свое влияние на остальную массу населения, получая, таким образом, реальную силу против революционных группировок.

ИНФО ОГПУ утверждал, что «на этой почве развивается идея панмонголизма, близким которому является и теократическое движение в Бурятии». Аналитики писали, что «Панмонголизм стремится воссоздать новую «Великую Монголию», обнимающую монгольские и тюркские народности. Объективные условия (старая русская колонизаторская политика и эксплуатация местного населения) создали благоприятную почву для пробуждения национального самосознания у ряда народностей Западной Монголии и России»².

Буддизм и ламаизм в СССР и Монголии под опекой ОГПУ

Советское правительство и ВЧК-ГПУ-ОГПУ в отношении лам проводило такую же политику, как и в отношении православной церкви и последователей ислама. Декрет об отделении

от 10 сентября 1924 г. полпреду СССР в Монголии А. Н. Васильеву/Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 71. Л. 99–103; Сводка № 2 зарубежных сведений ПП ОГПУ по Сибири по данным на 23 февраля 1925 года/ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 3. Д. 237. Л. 169–171; Информационное сообщение ПП ОГПУ по ДВО от 16 июня 1925 г. о ситуации в Танну-Туве/Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 71. Л. 43.

¹ Сводка зарубежных сведений ПП ОГПУ по Сибири по данным на 23 февраля 1925 г. См.: ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 3. Д. 237. Л. 169–171.

² См.: ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 1. Д. 794. Л. 105–106.

церкви от государства и школы от церкви (1918) первоначально был положительно воспринят буддистами России. Однако вскоре последовало разочарование. Важным инструментом в проводимой спецслужбами антирелигиозной политике стала поддержка расколов в православии, «обновленчества» в исламе и буддизме.

В 1922 г. вслед за расколом православной церкви произошло аналогичное разделение ламаистского духовенства на сторонников реформ («обновленцев»), стремившихся примирить вероучение с советской действительностью и приблизить его к первоначальному, «чистому», учению Будды, и их противников (консерваторов). Обновленческое движение в ламаистской церкви возглавили представители бурятско-калмыцкого духовенства и интеллигенции – А. Доржиев¹, Л. Текин, Б. Барадин, Ц. Жамцарано. Они выступали за модернизацию религиозного культа, усиление выборного начала в органах церковного управления, расширение прав мирян в приходе, разрабатывали концепции тождественности идей буддизма и коммунизма².

Обновленчество в Бурят-Монголии, поддержанное усилиями ОГПУ, было направлено на раскол деятельности лам³. ОГПУ признавало идейное лидерство обновленца – Ганжиробо Гегена, пользующегося авторитетом среди верующих мирян и лам Бурятии. Он совершал поездки по дацанам и, встречаясь с большими массами народа (до 2000 человек), вел среди них просоветскую агитацию, подчеркивал, что советская власть была единственной властью, предоставившей буддистам свободу вероисповедания.

¹ Доржиев Агван Лобсан (1853–1938), бурятский лама, ученый, дипломат, просветитель, религиозный, государственный и общественный деятель России, Тибета и Монголии. Одна из ключевых фигур в истории российского буддизма XX века. В 1937 г. арестован в Бурятии. Скончался в тюремной больнице города Улан-Удэ в 1938 г. Место захоронения неизвестно.

² В 1922 г. ламами-обновленцами был проведен Первый съезд буддистов бурят-монгольских автономных областей ДВР и РСФСР, на котором было образован Центральный Духовный Совет (ЦДС) буддистов. Одним из главных центров обновленчества в России стал Петроградский буддийский храм. Подробнее: Амоглонова Д. Д. Буддизм и советская идентичность в Бурятии в 1920–1930-х гг. // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 421. С. 59–65. DOI: 10.17223/15617793/421/8; Сеницын Ф. Л. К истории возникновения теории общности буддийского учения и коммунистической идеологии // Вопросы философии. 2012. Цыремпилова И. С. Обновленческое движение в буддизме на территории этнической Бурятии как социокультурное явление в 1920-е гг. // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». 2014. Т. 9. С. 66–71 и др.

³ Обзор политического состояния СССР за октябрь 1926 г. См.: ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 4. Д. 439. Л. 258–293.

Обновленческое ламство во главе с Центральным Духовным Советом буддистов начало подготовительную работу к созыву в Москве в декабре 1926 г. Всебуддийского собора¹. Он состоялся в январе 1927 г. На нем присутствовало 48 делегатов, в том числе 25 делегатов из Бурят-Монголии и 23 человека из Калмыцкой области и Сальского округа². Помимо делегатов на соборе присутствовали три представителя из Тибета и два из Монголии. Созывая собор, обновленцы ставили задачи укрепления обновленческого движения и получения от советской власти уступок в вопросах о возрастной норме для учеников духовных школ. Собор выявил значительную активность обновленцев (лам и мирян) и укрепление обновленческого движения³. При поддержке советских спецслужб проводилась национализация дацанов и передача их обновленческим группам ламства.

Между обновленческим и консервативным ламством в Бурят-Монголии шла борьба за влияние на массы. В Иволгинском сомоне (Верхнеудинского уезда) консерваторы, получив разрешение на открытие своего дацана⁴, устроили общее собрание, на котором присутствовало 300 человек верующих и около 300 человек лам. Собрание, обсудившее вопросы внутреннего положения дацана, распределение средств между ламами и отношение к обновленцам, постановило избрать комиссию в составе 9 человек, которая должна будет объехать все сомоны⁵ и установить принадлежность каждого верующего к религиозным течениям⁶.

¹ В его повестке значились: доклады ЦДС Бурятии и Калмыкии, согласование уставов и положений буддийского духовенства, обсуждение вопроса об отношении к призыву лам в РККА и о возрастной норме для учеников духовных школ. См.: «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т. 4. Кн. 2. (1926). М.: ИРИ РАН, 2001. С. 827, 903.

² Традиционные районы расселения буддистов – Бурятия, Тува, Калмыкия, Читинская и Иркутская области.

³ Обзор политического состояния СССР за январь 1927 года. См.: ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 5. Д. 385. Л. 27–28. Опубликовано: «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т. 5. (1927). М.: ИРИ РАН, 2003. С. 47.

⁴ Дацан – первоначально в ламаизме название факультета (отделения) учебного заведения при монастыре, позднее название самого монастыря. При дацанах состоят ламы с послушниками и учениками. Ламы почти единственные обладатели национальной монгольской и тибетской грамотности и учености, а дацаны из-за отсутствия светских школ становились очагами просвещения и национальной культуры.

⁵ Сомон – наименьшая административно-территориальная единица в Республике Тыва (Российская Федерация), Монголии, а также Внутренней Монголии (КНР).

⁶ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т. 5. (1927). М.: ИРИ РАН, 2003. С. 305–306.

Такая политика государственных органов вызвала ряд резких выступлений консервативных лам и их сторонников. Одновременно консервативными ламами велась агитация о скором падении советской власти и приходе белогвардейцев вместе с Чжан Цзолинем¹, которые перебьют всех обновленцев. ИНФО ОГПУ сообщал о том, что только около 60 лам Челтуевского дацана перешли на новый устав и приняли все дацанские здания, остальные же 250–260 лам (консерваторы) почти каждую ночь собирались во дворе ламы Намшиева и проводили там свои собрания. Они не намеревались присоединяться к этим 60 человекам и говорили, что «власть долго не просуществует, от силы два-три года, а потом мы восторжествуем»².

Под предлогом участия лам в антисоветских заговорах и мятежах стали закрывать, а затем разрушать дацаны и хурулы, арестовывать лам, лишать их сана. Одним из обвинений в их адрес стала агитация населения эмигрировать в Монголию:

«Ламы совместно с кулаками вели усиленную агитацию среди населения, призывая к эмиграции в Монголию. При этом ламы широко практиковали предсказания и распространение грамот, «предупреждающих грехи» («аборалы»). Наиболее активной была группа ламства Агинского аймака. Ламы Цугольского дацана разъезжали по улусам Агинского аймака и вели агитацию за переселение бурят в Монголию».

Усиленно распространялись слухи о том, что «правительство издало постановление о конфискации имущества у всех забайкальских бурят»³. Сильная агитация лам и кулачества отмечалась в Верхнеудинском районе. Наиболее сильные эмиграционные настроения отмечались в восточных районах Бурят-Монголии.

Мотивами перекочевки назывались: земельный голод, затруднения в снабжении населения промышленными товарами, высокие налоги, индивидуальное обложение байских хозяйств и родственные связи с проживающими в Монголии⁴.

К середине 1930-х годов судьба буддийской религии в СССР была предreshена. Повсеместно в Бурятии и Калмыкии прошла

¹ Чжан Цзолин (1875–1928) – китайский военный и политический деятель.

² «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т. 4. Кн. 1. (1926). М.: ИРИ РАН, 2001. С. 642, 703.

³ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т. 7. (1929). М.: ИРИ РАН. 2004. С. 123–124, 170.

⁴ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т. 7. (1929). М.: ИРИ РАН, 2004. С. 170, 305–306.

национализация дацанов и хурулов («очагов мракобесия»), сопровождавшаяся разрушением культовых построек, уничтожением священных книг на тибетском и монгольском языках, бурханов и других буддийских реликвий. Большинство лам подверглось политическим репрессиям (в классификации органов ОГПУ это было «реакционное ламство»). Они обвинялись в поддержании связей с японскими спецслужбами и попытках развязывания священной войны. Учитель лам разделили видные востоковеды-выходцы из буддологических школ академиков С. Ф. Ольденбурга и Ф. И. Щербатского: М. И. Тубянский, А. И. Востриков, Б. В. Семичев и другие¹. К концу 1930-х годов значительная часть монастырей и храмов на территории Бурятии и Калмыкии была разрушена².

Буддизм (ламаизм) в Монголии

В 1921 г. в Монголии насчитывалось 747 буддистских монастырей и 120 тысяч монахов и священников (при общем населении страны в 650 тысяч человек). Лам Монголии пытались использовать в своих интересах представители Японии и Китая.

Среди документов ЦА ФСБ России имеются материалы о деятельности Панчен-ламы³ (Таши-ламы) в Тибете. Так, в сводке Иностранного отдела ОГПУ за апрель 1927 г. отмечалось:

«Китайские газеты сообщают еще не проверенные сведения о предстоящем буддийском соборе в Пекине. В организации этого собора можно ясно усмотреть стремление реакционных элементов Китая, а через них и Японии, использовать в своих интересах временное пребывание Панчен-ламы в Пекине, а также влияние буддийских общин на народные массы Халхи (Монголии), Внутренней Монголии и Тибета... Предстоящий буддийский собор в Пекине является продолжением той же линии, которая преследует три цели: прекратить возможность просачивания новых веяний

¹ Агван Доржиев и судьба буддийской религии в СССР. URL: <https://buddha.by/agvan-dorzhiiev-i-sudba-buddiiskoi-religii-v-sssr?pg=3> (дата обращения: 09.08.2020).

² Вопрос о восстановлении исторической справедливости – возвращении в буддийские дацаны всех религиозных буддийских святынь, религиозной литературы, инвентаря и имущества, изъятых и переданных в государственные музеи в 1935 г., неоднократно поднимался представителями буддийского сообщества. В 2000 г. член религиозного общества Цугульского Дацана Могойтуйского района Агинского автономного округа Читинской области Д. Р. Бальжинимаев обращался в Государственную Думу РФ с просьбой вернуть религиозные святыни и к своему обращению приложил приемо-сдаточные акты за 1935 г. о конфискации имущества дацанов в безвозмездное распоряжение музеев БМАССР.

³ Панчен-лама, титул второго после Далай-ламы духовного лидера Тибета, который считается реинкарнацией первого Панчен-ламы. Все они традиционно возглавляют монастырь Таши-лунпо в Тибете.

в народные массы; прекратить нарастающее движение обновления буддизма, которое характеризуется возвращением к первоначальным здоровым основам учения; сохранить буддийские территории всей Монголии, Джунгарии¹ и Тибета за Китаем и пресечь в корне нарастающее национально-освободительное движение...»².

Темы ламаизма регулярно освещались в сводках ВО ОГПУ и Облотдела ОГПУ по Бурят-Монгольской Республике за апрель-сентябрь, ноябрь 1927 г., март 1928 г., апрель 1929 г., февраль, август, ноябрь 1930 г. Сообщалось о движении лам за реставрацию власти Богдо-гэгэна, о деятельности Агвана Доржиева по признанию Богдо-гэгэна, о том, как Доржиев нелегально отправлял лам в Тибет, настроениях лам в связи с конфискацией имущества духовенства и религиозных организаций³. Используя оперативные возможности, ОГПУ и ГВО собирали информацию о ламстве Гандана и и Дзун-хурэ, о возможно приглашении в Монголию Богдо-гэгэна, «о брожении среди лам в Улан-Баторе»⁴.

Развязанный в СССР террор против духовенства был перенесен и в Монгольскую Народную Республику. Буддийское духовенство Монголии разделило участь своих единоверцев в Союзе. Борьба с духовенством маскировалась геополитическими соображениями укрепления безопасности в связи «с японской угрозой». По примеру СССР наступление на ламство началось с экономического и политического давления, за которым последовали репрессивные меры⁵.

С 1928 г. в Монголии с завидной регулярностью раскрывались «заговоры» лам, проводились аресты лам в связи с организацией движения в поддержку Богдо-гэгэна⁶. В сообщении Восточного отдела ОГПУ за 7 мая 1929 года говорилось:

«Отмечается дальнейшая активизация происков Японии во Внешней Монголии. Последнее подтверждается активностью, проявляемой известным в буддийском мире Панчен Богдо, при ко-

¹ Джунгария – равнина между горами Алтая и Восточного Тянь-Шаня на Северо-западе Китая.

² ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 10. Д. 531. Л. 12.

³ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 8. Д. 307. Л. 1–5, 9–13об, 54–58; Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 9920. Л. 18–20, 29–34об, 49–50, 85–86, 152–155, 165–167, 169–170, 332–341.

⁴ Монголия в документах архивов ФСБ России... С. 143–145, 175, 190–191.

⁵ Максимов К. Н. Репрессии против буддийского духовенства – носителей национальной идеологии и духовенства // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2018. № 3 (56). С. 23–29. URL: [http://kaspy.asu.edu.ru/files/3\(56\)/23-29.pdf](http://kaspy.asu.edu.ru/files/3(56)/23-29.pdf) (дата обращения: 09.08.2020).

⁶ Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 9920. Л. 34–37, 161–162, 184–185.

тором все время находятся японские резиденты, направляющие его деятельность в желательном для Японии духе. Деятельность Панчен Богдо направлена, главным образом, к подготовке среди монгольского населения движения в пользу провозглашения во Внешней Монголии Богдо-Хутухты. Уже сейчас отмечаются признаки недовольства властями со стороны населения восточного района МНР на почве запрещения им переходить границу в пределы Внутренней Монголии на поклонение Панчен Богдо. Одновременно с этим отмечаются и происки китайских милитаристов во Внешней Монголии, питающих надежду вернуть ее путем внутренних неурядиц и заговоров на положение китайской провинции»¹.

В сентябре 1929 г. в Егузэре был скрытно задержан и перевезен в Улан-Батор один из высших лам Монголии – Егузер-хутухта. Для местного населения было объявлено, что это сделано целях обеспечения личной безопасности Егузера-хутухта, так как произошли осложнения на границе. Ламство и население не верило официальным заявлениям, считая их вымыслом и ложью, так как на границе ничего тревожного не происходило. Вскоре, в 1930 г., духовный лидер был обвинен в контрреволюционной деятельности и расстрелян².

Политические репрессии среди местных лидеров общественного мнения мало чем отличались от тех, которые прокатились по разным частям СССР. Политические репрессии монгольских подданных велись и на территории МНР, и на территории СССР. Так, на заседаниях тройки ПП ОГПУ по Восточно-сибирскому краю, проходивших в начале 1934 г. в Иркутске, во внесудебном порядке регулярно рассматривались списки на сотни монгольских граждан (различных категорий, военнослужащие, судьи, скотоводы, большинство из них были эмигрантами из России, служившими в белогвардейских частях), которые приговаривались к различным срокам лишения свободы в концентрационных лагерях³.

¹ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 10. Д. 531. Л. 126.

² Монголия в документах из архивов ФСБ России... С. 203–204.

³ В соответствии с постановлением ЦК КПСС от 8 июня 1990 года (П187/119) Э. Шеварнадзе, В. Крючков и А. Яковлев 30 июня 1990 г. подготовили проект заявления советской стороны по вопросу о необоснованных репрессиях против монгольских граждан в 1930–1940-е гг., в которых были замешаны работники НКВД СССР. Содержание заявления было согласовано с монгольской стороной. В принятом по этому поводу постановлении ЦК КПСС «О заявлении Советской Стороны по вопросу о репрессиях против монгольских граждан в 1930–1940-х годах с участием НКВД» было принято решение опубликовать заявление в центральной советской печати как материал ТАСС. В заявлении ТАСС отмечалось, что в Советском Союзе, где миллионы людей стали безвинными жертвами сталинских репрессий, глубоко

2 марта 1929 г. был арестован «панмонголист» Цыден Еши Цыдыпов¹. В декабре 1918 г. он участвовал в Общебурятском съезде, где был избран новым членом «Бурятской Народной Думы». Принимал деятельное участие в формировании Даурского панмонгольского правительства. По инициативе Цыдыпова, выступавшего за создание у бурят собственных войск, в составе Бурнардумы стали формироваться «белые» части «Сагаан сагда». Летом 1919 г. в Хайдаре он вел переговоры с баргутскими князьями по поводу образования временного монгольского правительства. Летом 1923 г. Управлением Барги был командирован в Ургу «для установления дружеских связей». В то же время по поручению ЦК Народной партии участвует в открытии комитетов партии, привлечении кандидатов, ведении агитации среди масс в своем районе.

Весной 1930 г. в Северо-Западной и Западной Монголии прошли восстания лам и феодалов, которые были жестоко подавлены монгольской армией и Государственной внутренней охраной². Летом того же года были раскрыты «заговоры» в 19-м и 42-м эскадронных заставах в Баян-Тумэне.

В 1931 г. был арестован сторонник идеи автономии Барги³ китайский подданный Мерсэ⁴. По недоказанным сведениям, он

сожалеют по поводу этих трагических событий, омрачающих историю отношений между СССР и МНР. Перестроечные процессы, развертывающиеся в обеих странах, открыли возможность для очищения советско-монгольских отношений от негативных наслоений прошлого, для обновления двустороннего сотрудничества в духе полного равноправия и добрососедства, взаимного уважения, доверия и открытости. См.: ЦА ФСБ России. Ф. 6. Оп. 13. Д. 64. Л. 254–257.

¹ Цыден Еши Цыдыпов (1884 – ?). В 1924 г. был избран Председателем комитета Баргутской Народной партии. С октября 1927 г. – инструктор Саибейской районной конторы Монголтранспорта. Весной 1928 г. назначен уполномоченным Миннархоза с возложением обязанностей по организации Ярмаркома и ярмарки в Восточном аймаке МНР. Арестован 2 марта 1929 г., отправлен в Улан-Батор. Предъявлено обвинение «в установлении связи с границей и с частными лицами и подрыве в работе СТФ». Осужден к пяти годам. В 1989 г. реабилитирован.

² Монголия в документах из архивов ФСБ России ... С. 283–311.

³ Барга – историческая область во Внутренней Монголии, территория традиционного проживания баргутов.

⁴ Мерсэ (Го Дау Фу) (1894 – ?), баргут-даур, китайский подданный. Владел монгольским, китайским, русским, английским и маньчжурским языками. Поданным Полномочного представительства ОГПУ ДВК, «Мерсэ, провоцируя националистическое движение монгол, по заданию японской разведки вел в пределах Внутренней Монголии шпионскую работу. 11 декабря 1931 г. при посещении Советского консульства на ст. Маньчжурия был схвачен и тайно переправлен в СССР – в ПП ОГПУ ДВК, обвинялся в шпионаже, подготовке крупной вооруженной авантюры. Осенью 1933 г. дело было передано в ИНО ОГПУ. Коллегией ОГПУ от 27 марта 1934 г. приговорен к расстрелу с заменой на заключение в исправительно-трудовой лагерь сроком на 10 лет. Заключением ГВП от 19 мая 1989 г. реабилитирован.

якобы с 1917 г. готовил национальные кадры: создавал начальные монгольские школы – так называемые группы возрождения монгольской культуры. В Мукдене являлся директором монгольской семинарии. В 1918 году принимал активное участие в съезде представителей Бурят-Монголии, созванном в г. Верхнеудинске атаманом Семеновым. Вращаясь в кругу монгольских националистов, принимал участие в проводимой ими организации Народно-революционной партии Внутренней Монголии и был избран секретарем ЦК¹. Мерсэ в 1928 г. заявлял: «Своей базой мы считаем, в первую очередь, Баргу, которую рассматривали как самостоятельную единицу, входящую в состав маньчжурской территории»².

Важно отметить, что борьба с «панмонголизмом», развернувшаяся усилиями ОГПУ в начале 1930-х годов, логично вписывалась в общую концепцию борьбы с враждебно настроенным к Советскому Союзу внешним окружением. В докладе начальника Особого отдела за 1934 г. Генриху Ягоде отмечалась «значительная активизация работы агентуры японского штаба среди классово-враждебных элементов бурято-монгол (Бурято-Монгольская АССР), тюрко-татарского населения Сибири, Татарии и Башкирии, проводимой путем усиления активности центров национальной эмиграции, особенно татарской в Маньчжурии, Польше и Финляндии (вскрытой нами при ликвидации контрреволюционной организации «Крестьянский Иттифак» в Татарии-Башкирии, «Туркмен-Азат-Лиги» в Туркмении, «Туранская социалистическая партия» в Киргизии, «Иттихат Шарк» в Таджикистане, «Союз сибирских тюрок в Западной Сибири»)»³.

Заключение

Монголо-буддийская тема стала одним из весьма специфических направлений в работе советской разведки и контрразведки 1920-х – 1930-х годов. Не представлявшая первостепенную важность тема выстраивания отношений с относительно слабым геополитическим субъектом отчасти объясняет фрагментарность сведений, которые добывались десятками подразделений центрального и местного аппарата ГПУ-ОГПУ.

¹ Из обвинительного заключения на Мерсэ. См.: ЦА ФСБ России. Д. № Р-34587. Л. 145.

² Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 2224. Т. 2. Л. 14

³ См.: ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 11. Д. 210. Л. 1–78. Опубликовано: «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т. 10 (1932–1934 гг.). Ч. 3. М.: ИРИ РАН, 2017. С. 131–168.

Если говорить о монгольском направлении работы спецслужб, то именно Восточный отдел занимал ведущее место в системе ГПУ-ОГПУ как центр координации деятельности местных и центральных органов госбезопасности. Именно он активно взаимодействовал с иными отделами центрального аппарата ведомства, собирал и обобщал данные, поступавшие из восточных подразделений ПП ОГПУ, обменивался информацией с Восточным отделом НКВД. В результате именно он разрабатывал предложения по работе на монгольском направлении и по взаимодействию с буддийским духовенством для руководства ведомства, а также для НКВД и Коминтерна.

Отсутствие системной и глубокой проработки «монгольского» и «буддийского» вопросов и заметной внутриведомственной полемики по ним также являлось производной кадрового дефицита и весьма ограниченных возможностей и стремления к привлечению работников из числа местного населения. Осознание необходимости включения местных элит в работу спецслужб существовало, прежде всего, у работавших «на земле» чекистов, но не было услышано в Москве.

«Монголоеды» и «буддологи» Восточного отдела были вынуждены во многом опираться на хорошо зарекомендовавшие себя в других «нерусских» регионах (Волго-Урал, Туркестан) конструкты, описывая происходившие социально-политические процессы по принципу аналогии. Производной дефицита полных и объективных сведений и подобного аналитического подхода становится развернувшаяся в 1920-е годы борьба с «восточной национально-религиозной контрреволюцией», которая к началу 1930-х годов приобрела форму репрессий в отношении наиболее активных лидеров (прежде всего, лам), обвинявшихся в шпионаже в пользу Японии и «панмонголизме».

Ведя борьбу с буддизмом, ОГПУ во многом копировало опыт борьбы с православием и исламом в СССР. Курс на раскол и репрессии получил трагическую апробацию среди ламства Бурят-Монголии, а затем был распространен на Монгольскую Народную Республику со всеми вытекающими из него драматическими последствиями.

V. S. Khristoforov, Y. N. Guseva

Mongolian-buddhist subjects in the «eastern» work of soviet security agencies in 1922–1934.

Abstract The article covers the issues of information and analytical work of various divisions of the GPU-OGPU (primarily, the Eastern, Foreign and Information departments) in 1922–1934 in the field of collecting and interpreting information about the situation in Mongolia and neighboring territories (Buryatia, Tuva, etc.). The purpose of the article is to study the process of obtaining and interpreting information by Soviet special services about the socio – political situation in Mongolia and adjacent territories, as well as about the Buddhist spiritual tradition and its influence on Russian-Mongolian relations and the situation in border zones. As a result of studying a significant number of published and unpublished sources of departmental archives, it is concluded that the Soviet secret services had serious problems with building a unified system for collecting information, including due to the lack of personnel and the relative insignificance of this area of work. The «Mongol scholars» of the Eastern Department were forced to rely largely on constructs that were well-established in other «non-Russian» regions (the Volga-Ural, Turkestan), describing the socio-political processes that took place on the principle of analogy. The lack of complete and objective information and such an analytical approach resulted in the 1920s struggle against the «Eastern national-religious counter-revolution», which by the early 1930s had taken the form of reprisals against the most active leaders (first of all, the lamas), who were accused of spying for Japan and «pan-Mongolism».

Keywords: GPU-OGPU, Eastern Department, Foreign Department, Information Department, Counterintelligence Department, Special Department, Mongol studies, Soviet special services, Mongolia, Lamaism, Buddhist clergy.

УДК 94 (517.3)
ББК 73 (5 монг.) +Э35–3

Ц. П. Ванчикова

Религиозная политика Коминтерна в Монголии по документам РГАСПИ

Аннотация. В статье рассмотрена история Монголии 20–30-х гг. прошлого века, характеризующихся репрессиями против буддийской церкви. Антирелигиозная кампания в стране осуществлялась руководством МНР и МНРП под контролем партийных и государственных органов СССР и проводилась через Коминтерн. На основе опубликованных архивных материалов Коминтерна из РГАСПИ и правовых документов, изданных в Монголии, прослежены этапы и методы борьбы с буддизмом, буддийской церковью и монахами, представлявшими опасность для политической и экономической безопасности молодой республики. В результате целенаправленных мероприятий, проводимых через членов Ревсомола, бедняков и низшее ламство, была начата тотальная репрессивная кампания, завершившаяся массовыми репрессиями лам и полным уничтожением монастырей, о чем наглядно свидетельствуют архивные документы Коминтерна.

Ключевые слова: Монголия, Коминтерн, РГАСПИ, антирелигиозная политика, буддийская церковь, репрессии.

Статья написана на основе уникальных материалов, хранящихся в фонде 495 Российского государственного архива социально-политической истории¹, опубликованных в двух томах (243 ед. хр.) под руководством и общей редакцией Б.В. Базарова. Они позволили раскрыть многие ранее не известные факты истории этого сложного периода в истории Монголии. Целью статьи является выявление и характеристика этапов и методов борьбы с буддизмом, буддийской церковью и монахами на основе опубликованных архивных материалов Коминтерна и правовых документов, изданных в Монголии.

Ко времени победы Народной революции в 1921 г. буддийская церковь Монголии была не просто сильным религиозным институтом, а представляла собой могущественную и влиятель-

¹ Монголия в документах Коминтерна (1919–1934)/Науч. ред. Б.В. Базаров. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. Ч. I (1919–1929). 527 с.; Ч. II (1930–1934). 480 с.

ную политическую и экономическую силу. Поэтому сразу же после установления Республики был принят ряд мер, направленных на ограничение экономических и политических привилегий буддийской церкви, издан ряд постановлений, распоряжений, решений по всем самым насущным вопросам. После создания в 1924 г. МНР репрессии против буддийской церкви в Монголии стали частью общегосударственного политического процесса, направленного на секуляризацию общества, целью которого было уничтожение буддийской церкви, являвшейся основной угрозой для молодого социалистического правительства. Этот процесс происходил под руководством советских властей и полностью контролировался Коминтерном. Документы, освещающие историю отношений между Коминтерном и МНРП и его роль в политической жизни МНР, сохранились в фонде 495 в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ). Обзор и характеристика документов этого фонда даны в предисловии к 2-томной публикации 243 документов, осуществленной в 2012 г. Эти документы наглядно демонстрируют, что решению монгольского вопроса в целом и «ламского вопроса» в частности придавалось первостепенное значение не только Коминтерном, но и Политбюро ЦК ВКП (б). В «Резолюции Восточного отдела ИККИ по монгольскому вопросу» содержится прямое указание на то, что «Партия в своей политике должна содействовать углублению противоречий внутри ламаистского духовенства»¹. А в Приветствии Восточного секретариата ИККИ V съезду МНРП от 16 сентября 1926 г. ламство уже названо «наибольшей опасностью»².

Вплоть до 1926 г. отношение к религии у большей части руководящих членов партии было в целом лояльным, поскольку авторитет лам в повседневной жизни монголов и уважительное отношение к ним сохранялось не только среди народа, но среди членов партии и правительства, так, например, мероприятия «по «очищению» буддизма были фактически направлены на его сохранение. ... Представители монгольских властей вынашивали идеи об «очищении» буддийской религии, но не ее ликвидации»³. Об этом же свидетельствуют некоторые статьи «Закона об отделении дел религии от государства» 1926 г., говорящие о том, что «Правитель-

¹ Монголия в документах Коминтерна. Ч. I. С. 165.

² Там же. Ч. I. С. 169.

³ Синицын Ф. Л. Положение буддийской конфессии в Монголии в 1924–1944 гг. // Страны и народы Востока. Том: 34. М.: Восточная литература, 2013. С. 49–72.

ство наше обязано оказывать покровительство делу распространения и укрепления такого учения» и предписывающие наказание за притеснение лам¹.

К этому небольшому по объему Закону 29 октября 1926 г. было издано подробное и обстоятельное «Циркулярное разъяснение Правительства Монгольской Народной Республики», в котором дано разъяснение политики правительства. В нем еще также прослеживается осторожное и лояльное отношение правительства к буддийской церкви². В данном документе приводятся подробные разъяснения по всем религиозным вопросам, возникшим в связи с обнародованием «Закона об отделении дел религии от дел государства» и Конституции, таким как: вопросы о богдо-хане, о «владельцах-феодалах», хутухтах и хубилганах, о запрете отдавать сыновей в ламское сословие, о зачислении молодых лам, не живущих в монастырях, в список военнообязанных и способных вести военную службу.

Отдельный раздел посвящен разъяснению «всякого рода налогов», которые были «призваны уравнивать и облегчить налоговое бремя... населения»³. Взимание налогов было отрицательно принято духовенством, обвинившим правительство «врагом народа», в ответ на это правительство постановило: «что, хотя дела религии и отделены от государственных, но тем не менее лица духовного звания не исключены из ведения государственных властей, и потому они обязаны подчиняться всецело всем существующим законоположениям»⁴.

Государственная кампания, направленная против ламства и монастырей, учитывая все еще сильное влияние ламства, осуществлялась постепенно, но методично. С 1928 по 1932 г. после принятия решения о строительстве социализма в Монголии под влиянием Коминтерна был принят ряд мер, которые ухудшили положение монастырей и духовенства. Так, в 1928 г. на VII съезде МНРП, на 5-й сессии Великого Народного Хурала было принято постановление, запрещавшее поиск новых перерождений хутухт и хубилганов. На этом же съезде было принято решение о прове-

¹ Закон об отделении дел религии от государства. Монг. законодательство в 10-ти выпусках. Вып. первый. Основной закон и приложения. Изд. Полн. пред. СССР в Монголии. 1928. Статья 2. С. 37.

² Циркулярное разъяснение Правительства Монгольской Народной Республики // Закон об отделении дел религии от государства. Выпуск первый. Основной закон и приложения. Изд. Полн. пред. СССР в Монголии. 1928. С. 41–57.

³ Там же. С. 47–48.

⁴ Там же. С. 56–57.

дении дифференцированной политики по отношению к духовенству и о конфискации имущества светских и духовных феодалов. В резолюцию этого, а также и последующего VIII съезда, были включены вопросы о необходимости проведения широкой атеистической и культурно-просветительной работы среди населения.

В связи с кампанией, направленной на разрушение экономического благосостояния монастырей, были снова увеличены налоги на имущество монастырей и лам, резко уменьшилась численность скота. В середине 20-х гг. в Монголии было 767 крупных монастырей и около 6000 разных религиозных зданий и построек, приблизительно 90 тысяч лам разных уровней¹. К концу 1932 г. функционировало только около 200 монастырей².

В сентябре 1929 г. была начата широкая кампания по конфискации имущества, которой было начато гонение не только на высшее духовенство, но и на зажиточное население и середняков. Она предусматривала «мобилизацию батрацко-бедняцких и середняцких масс и их активное вовлечение в работу по конфискации»³.

Конфискация распространялась на: а) владетельных князей; б) хутухт и хубилганов; в) дворян, имевших крепостных, и г) чиновников «угнетавших и разбогатевших за счет эксплуатации аратской массы». Конфискации подлежало все имущество, за исключением юрты, принадлежностей культа и потребного количества домашней утвари и одежды и свыше 100 хуби (хуби – условная счетная налоговая единица, равняющаяся 30 тугрикам в отношении скота и 90 тугрикам в отношении недвижимого имущества). 100 хуби оставлялось на дальнейшее существование семьи независимо от количества членов семьи. Однако в отношении наиболее злостных угнетателей или лиц, разоривших или скрывших имущество, комиссии имели право снизить количество оставляемого семье хуби со 100 до 10⁴. Конфискация имущества и монастырского скота проходила под тщательным надзором ЦК МНРП и послужила основой для расширения колхозной кампании и создания новых госхозов. Основными исполнителями и опорой для проведения этой кампании были ревсомольцы, бедные слои населения, включая низшее ламство. Начиная с 1930 г. бывший монастырский

¹ Сонинбаяр Ш. Монголын төрөөс шашны талаар явуулсан бодлого, баримт судалга // Лам нар, сүм хийдийн хэлмэгдэл ба цагаатхал. Улаанбаатар, 2008. С. 45–50.

² В документах начала 30-х гг. XX в. приводятся разные данные о количестве монастырей.

³ Монголия в документах Коминтерна (1919–1934)/науч. ред. Б. В. Базаров. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. Ч. I (1919–1929). 527 с.; Ч. II (1930–1934). С. 24.

⁴ Там же. С. 25.

скот стали передавать беднякам на выгодных для них условиях или в распоряжение государственных организаций или аратских хозяйств, что резко ослабило финансовое положение монастырей и лишило их важных источников дохода.

В 1930 г. на VIII съезде МНРП была официально принята программа по строительству социализма, в которой было отмечено, что ламы являются большим препятствием для проведения политической и экономической политики партии. В связи с этим были приняты меры по ограничению количества лам в монастырях и переводу их в светское положение. Так же в 1930 г., на 6-й сессии Великого народного хурала МНР, было принято Постановление, запрещающее прием в послушники детей, не достигших 18 лет, и запрет малолетним хуваракам оставаться в монастырях¹.

Еще одним средством борьбы с ламами, направленным на разрушение экономического благосостояния монастырей, стали мероприятия по внесению раскола между ними, заключавшиеся в разделении их на высших, средних и низших, целью которых было противопоставление низших и средних лам высшим и побуждение их к борьбе. Правительство, повышая этим самым социальный статус низших лам, устранило от управления монастырями высших лам и заменило их низшими, более лояльными к политике МНРП и правительства ламами. Более того, ламы низшего звена призывались к снятию обетов и обмирщению, что стимулировалось вознаграждением определенным количеством скота из конфискованной монастырской казны. Низшим ламам разрешалось создавать кустарно-промышленные объединения и кооперации и при этом властям предписывалось оказывать помощь малоимущим ламам за счет государственных, кооперативных и финансовых организаций, содействовать их устройству на работу или объединению в артели.

Для проведения этой политики в мае 1930 г. было издано «Циркулярное письмо ЦК МНРП и ЦК РСМ о работе среди ламства», в котором подробно излагались формы и методы агитационно-пропагандистской работы, рекомендации и советы для членов партии и РСМ по внесению раскола в ряды ламства: «...Партия должна... обратить самое серьезное внимание также

¹ Сонинбаяр Ш. Монголын төрөөс шашны талаар явуулсан бодлого, баримт судалга // Лам нар, сүм хийдийн хэлмэгдэл ба цагаатхал. Улаанбаатар, 2008. С. 45–50.

и на разложение ламства. Для этого, в первую очередь, необходимо использовать внутренние противоречия в самом ламстве, ведя работу среди ламской бедноты, стремясь противопоставить ее монастырским верхам, организуя ее оппозицию против них, добиваясь создания массовых настроений ламской бедноты за переход в «черное» состояние и организуя выходы из монастыря... Необходимо настойчиво обращать внимание ламской бедноты на уровень жизни высших лам, на то, что она протекает по большей части не в духе монастырских правил и обетов, но в удовольствии и разврате... Следует выдвигать идею контроля со стороны рядовых лам за состоянием джасы и прочего монастырского имущества и за их расходованием... Необходимо доказывать ламской бедноте, что ненависть богатых и знатных лам к партии и правительству проистекает исключительно из их боязни потерять свои привилегии и богатства, собранные эксплуатацией трудового аратства и хищением монастырского имущества... Необходимо обратить самое серьезное внимание на работу среди ламской молодежи... Следует ее политически развивать, подводя к активному протесту против монастырского уклада...»¹.

Еще более подробные разъяснения к данному циркулярному письму приводятся в «Секретной инструкции о работе среди ламства», которая была разработана ЦК МНРП совместно с ЦК РСМ, начинающейся с разъяснения о том, что представляет собой «партийный метод» борьбы с ламством: «Партия должна бороться с ламством партийными методами и на идейном фронте... Этот метод предполагает широкую партийно-просветительную работу среди бедняков-лам с целью обострения их борьбы с богатыми ламами и поощряя требования бедных лам о выдаче им их доли из монастырского имущества... и с разложения единства внутри ламства, тем самым ослабляя его, не давая поводов для выступлений против политики партии в будущем»².

Мероприятия по регулированию и решению ламского вопроса активно продвигались с двух сторон, как с монгольской, так и с советской. Документы РГАСПИ предоставляют уникальные сведения из секретных донесений, писем, инструкций, докладных, отчетов как самих монгольских деятелей, так и советских, в частности представителей Коминтерна, о сложнейшей обстановке в стране

¹ Монголия в документах Коминтерна (1919–1934)/науч. ред. Б. В. Базаров. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. Ч. I (1919–1929). 527 с.; Ч. II (1930–1934). С. 34–35.

² Там же. С. 40–41.

и внутри руководящих органов МНР и о полном контроле над ситуацией со стороны Коминтерна и советских партийных органов.

Практически с этого времени началась открытая борьба с духовенством. В документах же представителей Коминтерна в Монголии, большей частью помеченных грифом «Совершенно секретно», прямо указывается, что уничтожение экономической мощи и политического влияния монастырей является «решающей задачей антифеодальной революции в Монголии на данном этапе», и что работе с монастырями уделяется недостаточное внимание¹. И в этом же документе, докладе от 30.10.1931 г. Б. М. Черномордика, посланном в ИККИ и Восточный секретариат, указано, что при борьбе с монастырями должны использоваться новые методы, что необходимо активизировать ламскую бедноту «в борьбе против эксплуатации со стороны верхов», требовать от нее выполнения постановлений и законов власти².

Коминтерн требовал принятия ряда законодательных актов, связанных с запретом строительства новых монастырей, приема детей в послушники, рекомендовал обратить особое внимание на ламскую молодежь и стимулировать ее выход из монастырей³. Эта тактика прослеживается красной нитью на протяжении 1929–1932 гг. Во всех аналитических отчетах представителей Коминтерна приводятся подробнейшие сведения о политической, экономической ситуации в стране, о состоянии религиозных дел. Поставленные задачи были не так легко решаемы, и проводимая МНРП политика послужила поводом для открытых выступлений в ряде мест, саботирования постановлений об изъятии монастырского скота, обложении их налогами⁴.

Как видно из секретной стенограммы заседания Восточного секретариата ИККИ по ламскому вопросу, на котором заслушивались отчеты ЦК МНРП и представителя Коминтерна в Монголии, монгольское руководство и партия, которые, хотя и были сами раздираемы внутривнутрипартийной борьбой, сопровождавшейся чисткой, тем не менее все старательно исполняли требования Коминтерна. Проведенные ЦК МНРП мероприятия были в основном положительно оценены Коминтерном, но при этом был высказан

¹ Монголия в документах Коминтерна. С. 188.

² Там же. С. 199.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 239–240.

ряд замечаний и указано на недостатки в их работе, такие как недостаточная активность в привлечении народа к борьбе с поставленными целями, слабая работа с ламской беднотой по разложению ламства¹.

В результате данных мероприятий начались антиправительственные волнения и протесты лам и местного населения против обложения налогами, призыва в армию со стороны лам и местного населения, неоднократно вспыхивали народные волнения и восстания. Особенно крупные вооруженные восстания произошли в 1932 г. в Хубсугульском, Забханском, Арахангайском и Убурхангайском, частично в Алтайском и Южно-Гобийском аймаках Монголии, продлившиеся несколько месяцев (с апреля по ноябрь), которые, по словам С. Л. Кузьмина и Ж. Оюнчимэг, можно назвать гражданской войной в силу широкого охвата территорий и масштаба вовлеченности участников². Руководителями восстания были в основном ламы, а основную часть повстанцев составили простые араты, и даже члены МНРП, Ревсомола и часть местной бюрократии³. Восстания были жестоко подавлены. Точное число потерь неизвестно, предположительно погибло от восьми до десяти тысяч человек⁴. После подавления восстания все руководители восстания были приговорены к смертной казни, а в целом по стране усилилась и активизировалась антирелигиозная политика. С этого времени началась открытая борьба с духовенством.

Начиная с середины 30-х гг. МНРП и правительство вновь активизировали антирелигиозную деятельность, которая проходила в русле политики руководства СССР, которое придавало большое значение ситуации в Монголии, свидетельством чему является создание в 1932 г. особой монгольской комиссии при ЦК Политбюро ВКП (б). В 1934–1936 гг. был издан ряд постановлений Советом министров МНР и Президиумом Малого хурала, касавшихся лам и ламского вопроса⁵. Все эти многочисленные юридические доку-

¹ Монголия в документах Коминтерна. С. 337–339.

² Кузьмин С. Л., Оюнчимэг Ж. Социализмын эсрэг 1932 оны Монгол дахь бослого. Улаанбаатар, 2014. С. 181.

³ Там же. С. 88–89; Цэрэнбалжир Д. 1932 оны ээвсэгт бослого. Улаанбаатар, 1990. С. 21, 53.

⁴ Кузьмин С. Л., Оюнчимэг Ж. Вооруженное восстание в Монголии в 1932 г. М.: Изд-во МБА, 2015. С. 102–103.

⁵ Следует выделить следующие документы: Постановление Совета министров МНР по докладу министра народного просвещения и здравоохранения Гончжона о проведении работы среди ламства в области национальной культуры, народного здравоохранения и санитарии (02.07.1934), Постановление Совета министров МНР об оказании медицинской помощи ламам (21.11.1934), Постановление Совета

менты в своей основе имели одну цель – разрушение монастырской системы, вывод лам из монастырей и способствование их интеграции в светское общество.

Одним из основных мероприятий, способствующих интеграции лам в современное общество, монгольское правительство считало обучение лам монгольской письменности и повышение их общего образовательного и культурного уровня, чему был посвящен также ряд постановлений и положений¹. Причиной обучения лам монгольской письменности было, прежде всего, то, что в монашеской среде языком образованности был тибетский язык, на котором издавались все богослужебные книги и проводились все богослужения, в связи с чем следовало переучить лам. Кроме того, монгольское правительство было осведомлено о проводимых в Советском союзе языковых реформах в национальных республиках, в частности в БМАССР, в которой начиная с 1931 г. после ожесточенных дебатов был введен латинизированный алфавит, просуществовавший до принятия в 1939 г. кириллицы, в Монголии же классический старописьменный монгольский язык был заменен кириллицей в 1943 г.

Следует отметить, что страна в 30–40-е гг. переживала сложный период коренных социально-экономических и культурных преобразований, строительства нового государственного аппарата и инфраструктуры.

Решающим для буддийской церкви стал VII съезд Великого хурала, состоявшийся в 1934 г., который постановил, что необходимо усилить контроль за выполнением монастырями и высшими ламами законов страны и усилить наказание в уголовном порядке для тех высших лам, которые нарушают эти законы². На этом же съезде был принят новый закон об «Отделении дел религии от дел государства», как в наибольшей мере соответствующий обстановке в стране, который отменил действие предыдущего закона от 1926 г.

министров МНР об обучении низших лам национальной грамоте (21.11.1934), Закон о военном налоге (08.02.1935), Постановление Президиума Малого Хурала и Совета министров о порядке поступления в ламы и перехода в светское состояние (13.02.1936), Постановление Совета министров о подоходном налоге с высших лам, а также с лам, имеющих крупные личные доходы (25.05.1936), Временное Положение об особом налоге с высших лам и лам, имеющих крупные личные доходы (25.05.1936).

¹ Сборник законов, положений и основных постановлений, принятых в Монгольской Народной Республике за время с февраля 1934 года по октябрь 1936 года. Улан-Батор-Хото: Соврем. Монголия, 1937. С. 102–103.

² Там же. С. 37.

Атеистическая кампания в Монголии начинает приобретать более жесткий характер после встреч в Москве 30 декабря 1935 г. и 7 января 1936 г. членов монгольской делегации, в которую входили П. Гендун, председатель Совета министров и министр иностранных дел МНР, Г. Демид, военный министр, и Д. Намсарай, начальник главного штаба Монгольской народно-революционной армии, с высшим руководством ВКП (б) И. В. Сталиным, В. М. Молотовым, К. Е. Ворошиловым и Б. С. Стомоняковым. Хотя на повестке дня стоял вопрос об укреплении обороноспособности МНР, фактически разговор шел о ламстве, которое называется первым в ряду основных вопросов монгольской политики вместе с вопросами обороны и оказания помощи со стороны Советского Союза¹. На протяжении всех дней встречи монгольские деятели подвергались критике со стороны советских руководителей. Так, И. В. Сталин говорил: «У вас сейчас ламство сильное. В отношении лам вы ничего не делаете. Ламы вас жрут, они растут и укрепляются. Если вы создадите крепкую армию и не ликвидируете лам, то это тоже плохо, потому что ламы могут разложить хорошую армию и ее тыл.... организация, возглавляемая Намсараем – тоже ничего не делает в борьбе с ламством.... Вы, Намсарай, ничего не делали в этом отношении, наоборот, поощряете лам»².

Далее 7 января, во время беседы по вопросам усиления обороноспособности и оказания помощи Советским Союзом Монголии, Сталин вновь возвращается к этой же теме, говоря об увеличении госрасходов на оборону и на армию, ультимативно заявив: «Мы дадим не больше 6 млн тугриков, а остальное найдете сами. Надо больше взять с лам, с высших лам взять налога 2 млн, а со средних – 1 млн, низших освободить от налога... Надо понять, что ламство есть ваши враги»³. В заключении этой беседы Гендун заверил, что он усилит борьбу с ламством и постарается сделать так, чтобы при следующей встрече все были довольны его работой⁴. Как видим, советское правительство оказывало сильнейшее влияние на политику и внутригосударственную ситуацию в стране, особенно в отношении вопросов, связанных с буддизмом.

После выхода нового Закона об отделении дел церкви от государства продолжились массовые репрессии против лам. С конца

¹ Российско-монгольское военное сотрудничество (1911–1946): Сб. документов: в 2 ч. Ч. I. Улан-Удэ: ИПК ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2008. С. 315.

² Там же. С. 309.

³ Там же. С. 314.

⁴ Там же. С. 315.

1936 и в 1937 г. власти страны приступили к репрессиям, обвинив и осудив под надуманными предлогами в контрреволюционной деятельности крупнейших буддийских деятелей и ученых лам, настоятелей монастырей. С созданием, по аналогии с советскими «тройками», в октябре 1937 г. Чрезвычайной комиссии, возглавляемой П. Чойбалсаном, для внесудебных рассмотрений дел арестованных стали проводиться показательные суды, на которых путем ложных обвинений были осуждены большинство лам высшей звена. Эта комиссия к апрелю 1939 г. на протяжении 1 года 6 месяцев провела 51 заседание, на которых были рассмотрены дела 25785 человек, к высшей мере наказания было приговорено 20099 человек, 5103 человека – к 10 годам заключения, 240 человек получили менее 10 лет заключения, 7 человек были отпущены. На одном заседании выносили приговоры от 40 до 1278 человек. Всего по данным дел проходило 31597 человек, из которых свыше 17000 были ламы, всего было осуждено 55,7% населения¹. В результате всех этих мер к концу 30-х годов практически все монастыри, оставшись без лам, опустели и прекратили свою деятельность, вслед за этим началось массовое разрушение монастырей.

Как видим, борьба была многоступенчатой, постепенно ужесточающейся, направленной на разрушение экономической независимости и благосостояния монастырей, для чего были использованы многочисленные методы и способы. Данный этап истории борьбы с буддийской церковью завершился победой партии и правительства. С конца 1938 – нач. 1939 г. до июня 1944 г. в МНР не было ни одного действующего монастыря. Конец 20-х – 30-е гг. – это особый период в истории буддийской церкви в Монголии, когда церковная организация и духовенство подверглись жесточайшим гонениям и репрессиям, о чем детально свидетельствуют архивные материалы РГАСПИ и юридические документы того времени. Тем не менее, несмотря на фактическое закрытие монастырей, буддийская традиция продолжила свое существование среди населения, подавляющее большинство которого было глубоко верующим. Этому способствовали ламы, ушедшие из дацанов и продолжавшие тайно поддерживать существование учения на протяжении нескольких десятилетий, вплоть до конца 80-х гг. прошлого века, периода восстановления и реставрации буддизма в Монголии.

¹ Российско-монгольское военное сотрудничество. С. 98–100.

Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект XII. 187.1.4. «Культурное наследие народов Трансбайкалья и сопредельных регионов Восточной Азии в системе духовных ценностей России», № АААА-А17-117021310267-5).

Ts. Vanchikova

Religious policy of the Comintern in Mongolia according to the RSASPH documents

Abstract. The article deals with the Mongolian history of the 20–30s of the last century that is characterized by repressions against the Buddhist Church. The anti-religious campaign in the country was carried out by the Mongolian government and MPRP under the governance and control of the party and state bodies of the USSR and was carried out through the Comintern. The article is aimed at revealing and characterizing the stages and methods of combating Buddhism, the Buddhist Church and the monks that were a threat to the political and economic security of the MPR on the basis of published archival documents of the Comintern kept in the Russian state archives of social and political history (RSASPH) and legal documents issued in Mongolia. As a result of purposeful activities conveyed through the members of Revsomol, the poor and low ranked lamas, a total repressive campaign was launched that ended in mass arrests of Buddhist monks and the complete destruction of the monasteries, that is clearly evidenced by the Comintern's archival documents.

Keywords. Mongolia, Comintern, RSASPH, anti-religious policy, Buddhist Church, repressions.

УДК 94(571.54)+294.3
ББК 63.3(2 Рос.Бур.)+86.35

А. В. Дамдинов

Дело Агвана Доржиева: последние страницы жизни буддийского иерарха

Аннотация. В статье рассматриваются последние годы жизни видного иерарха буддийской конфессии, учителя Его Святейшества Далай ламы XIII, идеолога обновленчества буддийской церкви Агвана Доржиева. Автор вводит в оборот документы архивов ФСБ, которые позволяют осознать всю трагедию Советского государства 30-х годов, прошедшего через массовые репрессии, а также специфику репрессивной политики в Бурят-Монголии.

Ключевые слова: Агван Доржиев, буддийская конфессия, обновленчество, НКВД, репрессии.

«Неизвестные страницы истории Бурятии (из архивов КГБ)»¹ – под таким заголовком в начале 90-х годов вышла целая серия брошюр под общей редакцией Б. В. Базарова, посвященная истории Бурятии 20–30-х годов XX в. Наряду с редактором над изданием работали В. Ц. Ганжуров, Ю. П. Шагдуров, Л. В. Курас, В. Д. Дугаров. Тогда это была плеяда молодых историков, открывших много неизвестных страниц истории Бурятии. Роль каждого из них просто неопределима. Это было новое веяние в современной историографии и источниковедении, и каждого из этой блестящей плеяды исследователей я с благодарностью могу назвать своим учителем.

Борис Ванданович Базаров, ныне академик РАН, ученый с мировым именем, был идейным вдохновителем созданной в конце 80-х – начале 90-х гг. Ассоциации молодых историков, преобразованной затем в Общественно-научный центр «Сибирь», организации, которая сыграла огромную роль в становлении современной исторической науки в Бурятии. Вышедшая в 90-х гг. «История Бурятии – в вопросах и ответах»² сразу стала бестселлером среди учителей истории. Можно перечислить десятки изданий, вышед-

¹ Неизвестные страницы истории Бурятии (из архивов КГБ). Улан-Удэ: Изд-во «ОНЦ Сибирь», 1991–1993.

² История Бурятии в вопросах и ответах [в 3-х выпусках]/М-во народ. образования Бурятской АССР, Ассоциация молодых историков; сост. Б. Базаров, В. Ганжуров, В. Дугаров, Ю. Шагдуров. Улан-Удэ, 1990.

ших из под пера Б. В. Базарова или под его редакторством; назвать огромное количество научных мероприятий проведенных им. Всё это лишь подчеркивает его талант организатора науки, неиссякаемого и неутомимого исследователя, крупного научного и общественного деятеля. В судьбе многих исследователей он сыграл важную роль, и моя судьба не исключение. Борис Ванданович был официальным оппонентом при защите моей кандидатской диссертации¹, но фактически стал вторым научным руководителем, за что я ему безмерно благодарен.

Сюжет статьи, выбранный мной для публикации, не случаен. Впервые статья о последних страницах жизни Агвана Доржиева – известного буддийского, религиозного деятеля конца XIX – начала XX вв., была опубликована Б. В. Базаровым и Ю. П. Шагдуровым на страницах журнала «Байкал»² и фактически предопределила мой выбор научной проблематики: «Репрессивная политика Советского государства и судьбы религиозных деятелей буддийской конфессии в 20–30-е годы XX в.».

Вообще история политических репрессий в Бурят-Монголии в годы Советской власти – это проблема, которая получила серьезную прописку в современной российской историографии как на диссертационном³, так и на монографическом⁴ уровне. Республика обладает полной базой данных жертв политических репрессий, опубликованной в 7 томах⁵.

¹ Дамдинов А. В. Агван Доржиев: Дипломат, политик, общественный и религиозный деятель. Диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.02. Иркутск, 1996. 144 с.

² Базаров Б., Шагдуров Ю. Последние страницы из жизни Агвана Доржиева // Байкал. 1991. № 3.

³ Цыжипов Э. В. История политических репрессий в Бурят-Монголии. 1928 – июнь 1941 гг. Диссерт. к. и. н. Улан-Удэ, 2006; Фартусов Д. Б. Репрессии 1920-х – 1930-х гг. и государственная реабилитационная политика в Бурятии: автореферат дис. ... кандидата исторических наук. Улан-Удэ, 2018. 24 с. Доржиев Д. Л. К вопросу о проведении «антирелигиозной» кампании в Бурятии на рубеже 1920–30 годов // Бурятский буддизм: история и идеология. Улан-Удэ, 1997; Номогоева В. В., Митапова А. В. Репрессии в отношении эмчи-лам в 1920–30-х гг. // Вестник Бурятского университета. Сер. 4: История. Вып. 5. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2002. С. 72–81.

⁴ Базаров Б. В. Общественно-политическая жизнь 1920–1950-х годов и развитие литературы и искусства Бурятии. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1995. 193 с.; он же. Неизвестное из истории панмонголизма. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2002. 67 с.; Доржиев Д. Л. Крестьянские восстания и мятежи в Бурятии в 20–30 годы (хроника языком документа). Улан-Удэ, 1993. 82 с.; Цыремпилова И. С. Религия и власть в Республике Бурятия: история взаимоотношений (1917–1940 гг.). Улан-Удэ, 2000. 162 с.

⁵ Книга Памяти жертв политических репрессий в Республике Бурятия/сост. С. В. Васильева [и др.]. Т. 1–7. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2000–2012.

Важнейшим сегментом репрессивной политики стала анти-религиозная кампания, которая наибольшей мере проявилась в борьбе с православием¹ и буддизмом². Эта кампания прошла катком по судьбе и самой жизни крупного буддийского религиозного деятеля Агвана Доржиева. Последние годы жизни А. Доржиева связаны с драматическими событиями 30-х годов.

В этот период в Бурятии широким фронтом велась кампания против духовенства³. Основным ее мотивом было то, что церковь препятствует росту колхозов, торпедирует активность бедняцко-среднеуказных масс, ведет контрреволюционную, антисоветскую пропаганду. Многие служители культа были вынуждены снять с себя духовный сан. Активные сторонники сохранения религии, сопротивлявшиеся закрытию храмов, подвергались арестам и приговаривались к различным срокам заключения, а часть из них была выслана за пределы республики. При этом органами НКВД раскрывались все новые и новые контрреволюционные, повстанческо-диверсионные организации при дацанах и церквях.

Изучение архивных материалов, начатое со второй половине 50-х годов и продолженное сегодня, установило, что многие из так называемых контрреволюционных организаций вообще не существовали. Предварительное следствие по этим делам проводилось с нарушением законности и фальсификацией следственных материалов. Дело доходило даже до подготовки специальных инструкций как некоего обобщения «передового опыта»⁴. Фальсификация следственных материалов, меры физического воздействия заставляли арестованных признаваться в преступлениях, которых они не совершали.

В середине 1937 г. 84-летний Агван Доржиев со своим поваром Дугаром Жимбиевым – ламой-гэбши Ацагатского дацана – прибывает в Бурятию из Ленинграда⁵.

¹ Цыремпилова И. С. Русская православная церковь и государство: история взаимоотношений в 1917–1930-е гг. (на материалах Байкальского региона). Улан-Удэ: ИПК ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2008. 300 с.

² Доржиев Д. Л. К вопросу о проведении «антирелигиозной» кампании в Бурятии на рубеже 1920–30 годов // Бурятский буддизм: история и идеология. Улан-Удэ, 1997; Номогоева В. В., Митапова А. В. Репрессии в отношении эмчи-лам в 1920–30-х гг. // Вестник Бурятского университета. Сер. 4: История. Вып. 5. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского государственного университета, 2002. С. 72–81.

³ Базаров Б. В. Общественно-политическая жизнь 1920–1950-х годов и развитие литературы и искусства Бурятии. Улан-Удэ, 1995. С. 72.

⁴ Там же. С. 76.

⁵ Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Республике Бурятия (АУФСБ РФ по РБ). Д. 4030. Л. 31.

Как показывают материалы дела, Агвану Доржиеву уже приходилось иметь дело с органами ОГПУ в 1934 г. Тогда он был арестован на 20 дней и вскоре освобожден. Некий Очиров Намжил, имевший отдаленные контакты с Агваном Доржиевым, в октябре 1933 г. в числе 40 имен, якобы занимавшихся сбором шпионских сведений и передававших их за рубеж, назвал фамилию Агвана Доржиева¹. В их числе также были имена Д. Сампилона, В. Трубачеева, Э.-Д. Ринчино, Норбоева-Ганжирва-гэгэна, академиков Ф. Щербатского и Г. Миллера. Приблизительно в это же время он назвал еще 22 известные фамилии, среди которых фигурировали имена академиков Ольденбурга, Владимирцова, Обермиллера, Вострикова². В отношении Агвана Доржиева было сказано, что он под видом обновленческого движения создавал ламаистскую контрреволюционную организацию, вступил на путь контрреволюционной деятельности, а все вышеупомянутые лица якобы являлись членами разведывательной организации. Н. Очиров также показал, что еще в 1924 г. Агван Доржиев отправил письма некоему Даниру ламе – старику-тибетцу и Норбоеву – Ганжирва-гэгэну – главе Цугольского дацана, используя его в качестве курьера. Содержание этих писем ему не было известно, однако он считал, что в них могли быть сведения разведывательного характера. Более никаких конкретных данных не приводилось, но это не мешало сформулировать в показаниях, что все перечисленные лица, в том числе Агван Доржиев, были прислужниками японского государства, идеологами панмонголизма. Однако наличие столь нечетких и бездоказательных показаний в первой половине 30-х годов еще не влекло за собой последовательных репрессий. Отбыв срок предварительного заключения, Агван Доржиев был отпущен.

Несомненно, что никакой шпионской деятельностью Агван Доржиев заниматься не мог по ряду причин:

во-первых, Агван Доржиев находился в состоянии активной борьбы со многими лидерами консерваторов, имевшими обширные контакты и связи не только среди верующих, но и за рубежом. И как опытный дипломат, Агван Доржиев прекрасно понимал, что подобного рода деятельностью он мог бы давать лишние козыри против себя;

¹ Базаров Б., Шагдуров Ю. Последние страницы из жизни Агвана Доржиева // Байкал. 1991. № 3.

² Архив УФСБ РФ по РБ. Д. 4030. Л. 34.

во-вторых, он выступал сторонником советской власти, с которой связывал надежды на преобразование религии, и фактически проводить антисоветскую политику был не в состоянии¹. Более того, материалы государственного и партийного архивов показывают его активную деятельность в пользу советской власти, ее политических, государственных и общественных институтов.

Однако были и более глубокие причины, о которых нам стало известно после опубликования сборника документов «Монголия в документах из архивов ФСБ России»², где идет речь об оперативных документах российской резидентуры. В рецензии на издание Л. В. Курас и Б. В. Базаров подчеркивают, что, во-первых, в середине 20-х годов в Монголии началось движение лам за реставрацию власти Богдо-гэгэна [№ 80, 86]. И наиболее последовательным выразителем этого движения стал крупный буддийский религиозный, общественный и политический деятель России и Тибета, ученый и дипломат Агван Доржиев [№ 82]³. Как следствие этого движения имеется документ, свидетельствующий «об арестах лам в связи с движением в поддержку Богдо-гэгэна» [№ 95]. Во-вторых, ламство и миряне были всерьез озабочены финансовым состоянием дацанов и их будущим [№ 110], имея живой пример Бурятии, где все «монастыри занумерованы и со скота и имущества взимаются налоги, вследствие чего религия идет на упадок». Причем такие процессы начались и в Монголии [№ 68, 102]. С достаточной долей уверенности можно предположить, что буддийский иерарх уже тогда попал в оперативную разработку органов государственной безопасности.

Как показывает следственное дело, длительное пребывание Агвана Доржиева в Ленинграде не прерывало его контактов с Бурятией. Агван Доржиев достаточно живо интересовался делами церкви, укреплял контакты, в том числе и деловые. Сейчас нам не ясны в полной мере причины его приезда в республику. Можно лишь предположить, что здесь сказался, прежде всего, преклонный возраст, который по национальным традициям призывает провести последние годы на родной земле. Возможно, сказалась нетерпимая

¹ Архив УФСБ РФ по РБ. Д. 4030. Л. 5.

² Монголия в документах из архивов ФСБ России (1922–1936 гг.): сборник документов/Науч. ред. В. В. Наумкин; отв. ред. К. В. Орлова, В. В. Грайворонский. М.: ИВ РАН, 2019. 528 с.

³ Курас Л. В., Базаров Б. В. Документальный сборник как инструмент «мягкой силы» в российско-монгольских отношениях: раздумья историографов. Восток (Oriens). 2020. № 4. С. 94–101.

обстановка в Ленинграде к «врагам» Советской власти, в числе которых было и духовенство. События развивались необычайно быстро и не в пользу Агвана Доржиева. 13 ноября 1937 г. он был арестован, этим же числом датируется ордер на арест и обыск за № 616. В справке на арест гражданина Агвана Доржиева говорилось, что он проживает на Ацагатском аршане Заиграевского аймака и материалами следствия изобличен как один из руководителей контрреволюционной, панмонгольской, террористической, повстанческо-диверсионно-шпионской организации. В доказательство этого не приводилось никаких других данных и показаний, но при этом он привлекался по статьям 58–1 «а», 58–2, 58–8, 58–9, 58–11 УК РСФСР (9).

Первый и единственный его допрос состоялся 26 ноября 1937 г. Запись содержит две с половиной страницы, написанные крупным почерком, каждая из которых подписана Агваном Доржиевым, причем дата и месяц на протоколе допроса проставлены другими чернилами. А. Доржиев признал себя виновным в качестве одного из «руководителей контрреволюционной, панмонгольской, террористической, повстанческо-шпионской организации». На вопрос о целях контрреволюционной организации он ответил: «Цель нашей контрреволюционной организации подробно обрисовать не смогу, могу сказать, что конечная цель нашей контрреволюционной организации была свержение Советской власти, так как я лично ненавижу ее за закрытие дацанов и вообще за борьбу с религией»¹. На этом допрос был прерван, «в виду болезни». Соответствующая запись зафиксирована иными чернилами в конце протокола.

На следующий день, 27 ноября, в 16 часов Агван Доржиев был помещен в тюремную больницу. В процессе допроса не было выяснено, когда возникла эта организация, с какого времени и с кем он совместно возглавлял, кто состоял в ней и когда он сам встал на «путь враждебной деятельности против Советской власти». Как доказательство преступной деятельности Агвана Доржиева, к делу приобщены копии показаний (в некоторых случаях выписки) обвиняемых по другим делам. Эти показания позволяют понять направление следствия и предъявленного обвинения Агвану Доржиеву.

Так, в материалах дела фигурируют протоколы допроса Аригунова Базара 1887 г. р., ламы-гэбши, уроженца Витимского сомона,

¹ Базаров Б., Шагдуров Ю. Указ соч. С. 124.

Еравнинского аймака БМАССР. 2 ноября 1937 г. Аригунов дал показания, что с 1929 г. он являлся участником контрреволюционной ячейки при Ацагатском дацане. Существенным в этом отношении было показание о том, что по инициативе Агвана Доржиева в Эгитуйском дацане сформировалась организация «Тасак-Бугулмы», целью которой было сохранение буддийской религии¹, которая вскоре, по показаниям того же Аригунова, превратилась в «мощную контрреволюционную организацию»². Далее он показал, что Агван Доржиев предлагал объединить усилия в борьбе с Советской властью. Цель организации – вооруженное свержение Советской власти и установление самостоятельной монгольской державы с сохранением буддийской религии. Конкретная деятельность определялась заданиями Агвана Доржиева и заключалась в сборе секретных материалов по интересующим его вопросам о новых сооружениях обороны стратегического значения и распространении антисоветской агитации среди колхозников. В 1936 г. от него было получено задание проводить вербовку новых членов организации и устанавливать точки повстанческих ячеек. Интересно, что допросы Аригунова Базара были возобновлены 5 декабря 1937 г.» т.е. уже после ареста Агвана Доржиева³. Однако кроме нескольких новых фамилий из числа лам Аригунов не добавляет ничего нового.

После ареста А. Доржиева работа по сбору компрометирующих материалов усиливается. При допросе 7–8 декабря 1937 г. Доржиева Дажуп Дансарановича, являвшегося с 1929 по 1937 г. Председателем Совнаркома Бурят-Монгольской АССР, имя Агвана Доржиева называлось в качестве одного из руководителей центра «контрреволюционной, повстанческой организации» наряду с именами М. Н. Ербанова⁴, А. А. Маркизова⁵, Б. Б. Барадина⁶,

¹ Архив УФСБ РФ по РБ. Д. 4030. Л. 59.

² Там же. Д. 4030. Л. 107–109.

³ Там же. Д. 4030. Л. 153.

⁴ Ербанов Михай Николаевич – (26 февраля [10 марта] 1889–8 февраля 1938 года) – советский государственный и партийный деятель, руководитель Бурят-Монгольской республики в 1923–1937 гг. Член ВКП (б) с 1917. Член Центральной ревизионной комиссии ВКП (б) (1934–1937). В феврале 1938 г. расстрелян. В 1956 г. реабилитирован.

⁵ Маркизов Ардан Ангадыкович (1899 или 1898, территория Куйтинского булсовета Аларского аймака БМАССР – расстрелян в 1938 году) – советский бурят-монгольский государственный и партийный деятель, народный комиссар земледелия Бурят-Монгольской АССР (1936), 2-й секретарь Бурят-Монгольского областного комитета ВКП (б). С 1919 член РКП (б), исключен из ВКП (б) в 1937 году. Служил в РККА. Председатель Бурят-Монгольской областной контрольной комиссии ВКП (б).

⁶ Барадин Базар – видный научный, общественный, государственный и литературный

Ц. Ж. Жамцарано¹. Так, 20 ноября 1937 г. состоялись допросы Ц. Б. – ламы Ацагатского дацана, Ш. Р. – ламы-гэбши². Они дали схожие показания о том, что являлись участниками контрреволюционной группы из числа репрессированных советской властью элементов и ставили целью своей деятельности свержение советской власти и сбор шпионских сведений. Практически эти цели реализовывались доставкой Агвану Доржиеву в Ленинград сведений об экономическом положении БМАССР, о настроениях среди бурятского населения по отношению к советской власти.

Вместе с тем в эти годы происходил противоречивый процесс в Бурятии и в бурятских улусах. Часть ламства, действительно, разными методами боролась в принципе против советской власти, а также против многих ее реформ. Основные векторы исторического развития всей страны и республики были направлены против господствовавшей до революции системы социально-экономических институтов и всей системы церковных ценностей. Отражением этого явления был церковный раскол. Принципиальные подходы к сложившейся дацанской системе разоблачали пороки ламаистского духовенства, паразитизм его, как основу существования, спекулирование на лучших чувствах верующих. Идея обновленчества, проводимая Агваном Доржиевым, только показала, что буддийская религия имеет внутренние источники саморазвития и может существовать в условиях господства тоталитарного режима.

Анализируя социально-политическую обстановку в Бурятии в конце 20-х – начале 30-х годов, следует подчеркнуть, что крутой перелом 1929 г. со всеми его перегибами и насилиями в верховной политике был направлен против ламства, социальной базой которого было единоличное крестьянство. Методы борьбы против ламства отличались крайними формами, власть не считалась с религиозными чувствами. В практике атеистической работы все

деятель, профессор-востоковед, первый нарком просвещения БМАССР, организатор науки Бурятии, путешественник, писатель. Расстрелян как шпион и панмонголист в 1937 г., реабилитирован в 1958 г.

¹ Жамцарано Цыбен Жамцаранович (1881–1942) – бурятский, монгольский и советский ученый, общественно-политический деятель, один из создателей национальной государственности монгол и бурят. Член-корреспондент Академии наук СССР, доктор филологических наук. Арестован в 1937 г. Умер 14 мая 1942 года в Соль-Илецкой тюрьме (Оренбургская область).

² Страницы из жизни Агвана Доржиева: Архивные документы. Улан-Удэ: Министерство культуры Бурятии. 1993. С. 52.

более обозначалась тенденция голого администрирования в борьбе против церкви, участились грубые нарушения законности, агитация против церкви приняла самый широкий размах. В этих условиях Агван Доржиев решительно выступал против политической компрометации религии, полагая, что борьба с пороками ламства не должна отрицать религию и отменять все ценности буддийской философии: «Я, будучи человеком не возражающим против ведения антирелигиозной пропаганды объективными методами, считаю ведение в противовес этому религиозной пропаганды вполне допустимым явлением. Обращаю настоящим письмом усердным образом Ваше высокое внимание на изложенное и покорнейше прошу дать руководителям Бурреспублики Ваше авторитетнейшее указание о недопустимости подобной тактики ведения антирелигиозной пропаганды среди населения, тактики, которая самым грубым образом оскорбляет религиозное чувство населения и приводит в состояние панического страха его» – писал Агван Доржиев члену Президиума Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета П. Г. Смидовичу¹. Вообще в этот период он направил множество писем, прошений в различные инстанции, используя свои связи. Агван Доржиев не боялся обращаться в высокие инстанции. Так, он обращался с письмами и просьбами к председателю ЦИК Союза СССР М. И. Калинину, наркому по иностранным делам СССР Г. В. Чичерину, члену президиума Всероссийского Центрального исполнительного комитета П. Г. Смидовичу, постоянной комиссии по вопросам культов при президиуме ЦИК СССР и в другие инстанции. В своем заявлении на имя председателя ЦИК М. И. Калинина, датированном 20 мая 1934 г., он с болью в сердце писал: «...в некоторых местах Бурят-Монгольской АССР во время закрытия дацанов и конфискации имущества отдельных лам, у которых также бывают значительные собрания ценных текстов, местными властями допускается варварское уничтожение этих единственных в своем роде литературных памятников, которые без разбора сжигаются, бросаются в воду, употребляются в качестве папиросной бумаги и т. п. Это вопиющее уничтожение культурных ценностей как будто совершенно игнорируется местными властями, которые видят во всех этих памятниках лишь «классово-враждебную литературу»

¹ Страницы из жизни Агвана Доржиева (Архивные документы). Улан-Удэ, 1993. С. 53–54.

ру», совершенно не считаясь с тем, что гибнут исключительные исторические памятники, привлекающие внимание крупнейших ученых и являющиеся для них материалом первостепенной важности и ценности»¹. Однако Советская власть к этому времени уже не считалась ни с какими прогрессивными течениями ламаистской церкви. Еще более усилились левацкие настроения в борьбе против дацанов. В условиях, когда был поставлен вопрос о существовании не только дацанов, но самой религии вообще, тактика обновления стала изживать себя в принципе из-за исключительной поляризации общества. Поэтому сам Агван Доржиев поставил вопрос о преодолении церковного раскола. Однако изменение тактики еще не означало коренного пересмотра взглядов Агвана Доржиева на религию и ее место в обществе. Тактическая линия Агвана Доржиева с 1930 г. характеризуется призывом к ламству идти в народ и бороться за религию. Это было связано с массовым уходом лам и хуvaraков из дацанов. Поэтому можно сделать вывод, что взгляды Агвана Доржиева о судьбах церковной иерархии фактически являлись проявлением заботы о судьбах религии в целом.

Однако все показания» которые давались после 26 ноября 1937 г., времени единственного допроса Агвана Доржиева, уже не имели большого значения, поскольку смерть не заставила себя ждать. 29 января 1938 г. в тюремной больнице Агван Доржиев умер в результате упадка сердечной деятельности и общего ослабления организма на почве старческих изменений. Между тем в отдельных научных изданиях встречаются неточности в отношении даты смерти Агвана Доржиева. Так, Л. Минерт полагает, что после возвращения из Ленинграда в Бурятию Агван Доржиев умер в 1931 г. на Ацагатском аршане². Мы же полагаем точными архивными данными о месте и дате смерти Агвана Доржиева. Это подтверждает акт вскрытия от 29 января 1938 г.³.

Параллельно со следствием добавилась работа финансовым органам. Материалы дела № 2768 по делу Агвана Доржиева содержат несколько документов описи его имущества, на общую сумму 30764 рубля 20 копеек⁴. Заметим, что виновность Агвана Доржиева

¹ Архив УФСБ РФ по РБ. Д. 4030. Л. 185.

² Минерт Л. Посол Далай-ламы и реформатор буддизма // Азия и Африка сегодня. 1994. № 11. С. 77.

³ Архив УФСБ РФ по РБ. Д. 4030. Л. 179.

⁴ Там же. Л. 343.

в этот момент не была доказана. После ареста были установлены недоимки за Агваном Доржиевым за 1935–1937 гг. по земельной ренте и со строений, имущество с торгов было реализовано в ближайшее время. Личные вещи Агвана Доржиева по его прибытию в тюрьму были представлены весьма скудно.

10 апреля 1938 г. нарком НКВД БМАССР Ткачев утвердил постановление о прекращении дела Агвана Доржиева за смертью, разрешив Заиграевскому райфинотделу реализацию всего описанного имущества.

В декабре 1956 г. по делу Агвана Доржиева было начато дополнительное расследование. В ходе этого расследования проверялись все сопутствующие дела, проходившие по делу Агвана Доржиева, большинство из которых оказались сфальсифицированными. Проверка по Центральному Особому архиву МВД СССР, государственному Особому архиву РСФСР Дальнего Востока, трофейным японским документам и архивам органов КГБ никаких материалов о принадлежности Агвана Доржиева к агентуре японских разведорганов и других компрометирующих его сведений не дала¹. В январе 1957 г. один из работников НКВД дал объяснение по поводу своих действий в 1937–1938 гг. Он писал, что аресты лам проводились большими группами, а следствие проводилось в сжатые сроки и дела рассматривались упрощенным способом на тройке, без вызова обвиняемых. Для упрощения процедуры несколько дел объединялось в одно. Имели место даже контрольные цифры по вынесению приговоров по первой и второй категории. Применялись длительные конвейерные допросы, стойки на ногах, начальство разрешало физическое воздействие, избивание арестованных. Добытые же сведения из-за нехватки времени не проверялись².

6 декабря 1957 г. за подписью Председателя Комитета государственной безопасности при Совете Министров БМАССР полковника Д. Иванова было принято постановление о прекращении дела Агвана Доржиева по ст. 204 п. «Б» УПК РСФСР за недостаточностью улик для предания суду³. И только 17 мая 1990 г. было вновь принято постановление о прекращении дела за отсутствием события и состава преступления. Столь долгим оказался путь к политической и гражданской реабилитации Агвана Доржиева.

¹ Архив УФСБ РФ по РБ. Д. 4030. Л. 260.

² Там же. Л. 341.

³ Там же. Л. 310.

Таким образом, последние годы жизни и деятельности Агвана Доржиева пришлись на трагические события середины 1930-х гг. Он разделил судьбу тысяч и тысяч своих земляков и соотечественников, став жертвой политического произвола тоталитарного режима. Тщательный анализ материалов следственного дела, заведенного УНКВД БМАССР на Агвана Доржиева, показывает, что оно от начала и до конца было сфальсифицированным, а признательные показания самого Доржиева были получены под давлением.

A. V. Damdinov

**Agvan Dorzhiev's work:
the last pages of buddhist hierarch's life**

Abstract: The article examines the last years of Agvan Dorzhiev's life who was prominent hierarch of Buddhist confession, the teacher of the 13th Dalai Lama, the ideologist of renovationism in Buddhist monasteries. The author introduces the archival documents from the FSB that allow understanding whole tragedy of Soviet state in 1930s, passed through massive persecutions, and also specifics of repressive policy in Buryat-Mongolia.

Key words: Agvan Dorzhiev, Buddhist confession, renovationism, NKVD, persecutions.

УДК 325 (510)
ББК 66.4. (4/8) (5 кит)

М. Н. Балдано

Монгольский мир: фактор китайской миграции

Аннотация. В статье анализируются миграционные процессы, которые были и остаются важным фактором существования и развития монгольского мира. Отношение к ним диктуется как гигантским воздействием Китая на все сферы жизни региона, так и самостоятельной ролью китайских мигрантов, которые воспринимаются одновременно и как ресурс, и как угроза.

Ключевые слова. Монгольский мир, Монголия, Внутренняя Монголия, Россия, Китай, миграционные процессы, трудовые мигранты, безопасность, развитие, миграционная политика

Миграционные процессы, их динамика и направленность в огромной степени влияют на демографические, геополитические, политические, экономические, культурные перспективы Внутренней Азии, являющейся частью монгольского мира, который, в свою очередь, невозможно представить свободным от влияния китайской цивилизации, культуры и государственности. В Цинской империи, куда в свое время вошла его большая часть, монгольские территории обладали особым статусом, дававшим возможность автономной внутренней жизни и защищавшим от интенсивных миграций из «застенного Китая». Крушение империи стало той развилкой, после которой развитие монгольского мира Внутренней и Внешней Монголии пошло расходящимися путями. Внутренняя Монголия – неотъемлемая часть китайского политического, социального и культурного пространства, пережившая вместе с остальным Китаем все катаклизмы XX в., а ныне активно включившаяся в общекайтайские процессы модернизации и национального строительства.

Внешняя Монголия обрела политический суверенитет в XX в. Этот нелегкий и растянутый во времени процесс также во многом являлся производным от взаимоотношений с Китаем. Обретение независимой государственности населением Внешней Монголии стало толчком к формированию нации-государства. В огромной степени обретение государственности и возможность ее между-

народного признания стали следствием политики России/СССР. Под прямым воздействием и контролем Советского Союза проводился в жизнь монгольский вариант социалистической модели модернизации – «скачок из феодализма в социализм». И хотя эта модель отброшена, а отношения с Россией трансформировались из вассально-союзнических в добрососедские, процесс формирования нации-государства идет гораздо интенсивнее.

Российская часть монгольского мира, отделенная от Китая государственной границей, постоянно испытывала и продолжает испытывать его мощное воздействие. В отдельные периоды истории межгосударственных отношений это принимало различные формы и, более того, имело разные векторы. Но Китай одним лишь фактом своего существования всегда прямо или косвенно оказывал ощутимое воздействие на приграничные территории России.

Для монгольского мира, экономика и уклад жизни которого определялись кочевым скотоводством, постоянные миграции были нормой. Однако в XX в. была сформирована новая миграционная ситуация, вызванная изменением качества режима границ, их «отвердением» и слабой проницаемостью. Границы утратили свой полусимволический характер и стали реальным регулятором и ограничителем миграционных процессов.

На рубеже XX – XXI вв. во взаимоотношениях монгольского мира и Китая значительную роль стали играть стремительно растущие потоки внутренних и трансграничных миграций. Китайские мигранты – важнейший фактор, воздействующий практически на все стороны и тенденции развития этого мира. Естественно, что в различных его частях эта проблема имеет различные формы и играет неодинаковую роль.

В современном Китае представители монголоязычных народов интегрируются в общекитайское пространство, причем не только во властно-политическом, но и в социальном и культурном измерениях. Проводимая национальная политика, предусматривающая существование автономных национальных районов, препятствует перерастанию этой глубокой интеграции в ассимиляцию¹. Но это не препятствует притоку ханьских переселенцев, динамично меняющих облик традиционно монгольских по населению и культуре

¹ Москалев А. А. Теоретическая база национальной политики КНР (1949–1999). М., 2001. 222 с.; Мажинский С. В. (1). Социально-экономическое и политическое развитие Внутренней Монголии в контексте модернизации Китая (1911–1976 гг.). Автореф. дисс... канд. ист. наук. Томск, 2014. 23 с.

регионов. Для Внутренней Монголии КНР – это часть сложнейшей проблемы внутренних миграций, меняющих демографическую картину региона, его этнический состав, уклад жизни.

Это сравнительно новая проблема, так как в Цинском Китае монгольские регионы имели особый юридический статус, частью которого был почти полный запрет на постоянную миграцию сюда ханьцев из «застенного Китая». Сейчас это стало проблемой модернизации, перераспределения ресурсов и неизбежного в этих условиях социального напряжения.

Автономный район Внутренняя Монголия (АРВМ) стремительно развивается экономически. ВВП АРВМ вырос с 1947 г. в 130 раз по сравнению с дореформенным показателем, с 1978 г. – в 13 раз¹. В начале XXI в. он представлял собой отсталый регион страны с устаревшей индустриальной базой и занимал 24-е место по объему внутреннего регионального продукта (ВРП). Долгое время Внутренняя Монголия оставалась в стороне от шедших в Китае экономических преобразований. В 2000 г. она была включена в Программу освоения западных регионов, в 2007 г. – в Стратегию возрождения северо-восточных старых промышленных баз. Кроме того, АРВМ обладает особым статусом в соответствии с государственной национальной политикой.

Меры государственной поддержки по упорядочению производственной структуры и строительству инфраструктурных объектов оказались своевременными и эффективными. В регионе бурно развиваются промышленность, сельское хозяйство, торговля, городская инфраструктура. В экономическом росте решающую роль сыграла инвестиционная составляющая. С начала 2000-х гг. АРВМ переживала настоящий инвестиционный бум, в отдельные годы темпы роста капиталовложений были рекордно высокими по сравнению с другими регионами страны. Так, доля инвестиций в основной капитал в ВРП региона выросла с 27,5% в 2000 г. до 76,5% в 2010 г. и до 84,4% в 2013 г. В последние годы инвестиции перестали быть главным двигателем экономики АРВМ: по итогам 2018 г. было зафиксировано сокращение объема капиталовложений на 27,8%². Происходит смена драйверов роста, основой которого

¹ Базаров Б.В., Базаров В.Б. Социально-экономическая тектоника Азии и некоторые проблемы взаимодействия в АТР: региональный аспект // Демографическое пространство Азии: история, современность, гипотезы будущего. Новосибирск: Параллель, 2011. С. 14.

² Статистическое управление АРВМ. URL: <http://tj.nmg.gov.cn/ydcx/index.html> (дата обращения: 21.08.2020).

являются инновации. Внутренняя Монголия стала одним из самых динамично развивающихся регионов Китая, в 2019 г. ее ВВП составил 271,208 млрд юаней, прирост – 19,4% против 2018 г.¹

Под воздействием этих процессов происходят глубокие внутренние трансформации монгольского населения региона. В 2015 г. численность населения АРВМ составила 25,1 млн чел., из них монголов – 4,6 млн². Б. В. Базаров и В. Б. Базаров отмечали, что «в 1989 г. при населении Внутренней Монголии в 26 млн чел., монголами себя заявляли 4,2 млн чел., в 2000 г. при населении 32 млн – 2,1 млн. Только дополнительный пересчет позволил выйти на прежнюю отметку 1989 г., и официальная цифра осталась прежней, правда, и без необходимой динамики», при этом обращая внимание на то, что «усиление миграционных процессов, связанных с экономическим подъемом, может существенно повлиять на размывание экономических границ...»³. Однако в последние годы КНР удалось сформировать политику, ориентированную на долгосрочную перспективу, призванную формировать новые тренды в сфере миграции и трансформировать миграционные потоки в зависимости от целевых установок.

Важно оценить роль китайских мигрантов и отношение к ним в той части монгольского мира, которая обладает собственной государственностью – в Монголии. На протяжении всей эпохи независимого развития здесь интенсивно протекают процессы национально-государственного строительства, формирования нации-государства. Критически важным для этого процесса является «образ чужого», иногда «образ врага» как консолидирующий нацию инструмент. Здесь крайне важен исторический и геополитический контекст. Колонизация цинской властью Внешней Монголии через увеличение численности войск, расширение торговых сетей и переселение китайцев усилились в начале XX в., что привело к освободительному движению монголов и провозглашению автономии страны в 1911 г. Негативное отношение к китайским торговцам как спланировавший

¹ Внутренняя Монголия. URL: <http://www.peking-info.ru/china/505.php> (дата обращения: 20.08.2020).

² Шахаева А. А. Автономный район Внутренняя Монголия КНР: административно-территориальное деление и экономическая характеристика // Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2016. №4. С. 91–95.

³ Базаров Б. В., Базаров В. Б. Социально-экономическая тектоника Азии и некоторые проблемы взаимодействия в АТР: региональный аспект // Демографическое пространство Азии: история, современность, гипотезы будущего. Новосибирск: Параллель, 2011. С. 17.

всех монголов фактор постепенно стало условно-традиционным механизмом сохранения своей идентичности. Геополитическая «зажатость» между двумя гигантами – Китаем и СССР/Россией, эпоха противостояния с КНР в составе советского блока, частью которой стала интенсивная антикитайская пропаганда и выдавливание из Монголии живших там китайцев, – все это формировало прочные антикитайские настроения у населения страны¹.

Эпоха демократического и нейтрального развития привела к активизации политических и экономических связей с Китаем. Экономический гигант продолжает втягивать в свою орбиту природные ресурсы Монголии, становясь важным фактором ее экономического развития. В 1994 г. во внешней торговле Монголии на долю КНР приходилось менее 20%, в 2009 г. – около 50%, а к 2017 г. – порядка 65%. В 2019 г. внешнеторговый оборот АРВМ с Монголией вырос на 7,5% по сравнению с 2018 г.².

Китай является основным торговым партнером и самым крупным иностранным инвестором Монголии. По данным официальной монгольской статистики, в 2017 г. 87,8% всего экспорта и 41,8% импорта Монголии приходилось на долю КНР³. Китай служит основным рынком сбыта многих экспортных товаров Монголии – угля, медного, молибденового и железного концентратов, животноводческой продукции и др. Инвестиции Китая в Монголию достигли 108 млн долларов США, из которых 68% приходится на горнодобывающий сектор, а 21% – на торговлю и продовольственный сектор⁴.

Естественное и необходимое привлечение ресурсов для экономического развития из такой экономической сверхдержавы, как Китай, в сочетании с открытыми границами сопровождается значительным притоком китайских мигрантов, играющих замет-

¹ Bille» F. *Bodies of Excess. Imagining the Chinese in Contemporary Mongolia*/Ph.D. Diss. Cambridge University, 2010; Терентьев В. И. Образы Китая и китайцев в национальном самосознании монголов // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 406. С. 152–157; Галиймаа Н. Трансграничная миграция китайцев в Монголию в представлениях и оценках монгольской молодежи // Трансграничные вызовы национальному государству/Автор проекта, науч. и лит. ред. С. Панарин. СПб.: Ингертсис, 2015. С. 211.

² Китайская Внутренняя Монголия нарастила внешнеторговый оборот на 5,9%. ИА REGNUM. URL: <https://regnum.ru/news/economy/2833577>. html (дата обращения: 12.08.2020).

³ Гадаад худалдаа (Внешняя торговля). URL: http://1212.mn/stat.aspx?LIST_ID=976_L14 (дата обращения: 12.08.2020).

⁴ Seldon News. URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/236456188> (дата обращения: 12.08.2020).

ную роль в городской экономике страны. Официально в Монголии зарегистрировано в 2001 г. – 2307, 2005 г. – 12678, 2009 г. – 13897 китайских граждан. Однако неофициальные оценки в 2010 г. довели эту цифру до 100 тыс. чел.¹. В 2010–2017 гг. наблюдался рост численности иностранных трудовых мигрантов², а с 2018 г. в целях обеспечения государственной безопасности и приоритетной занятости граждан страны были сокращены квоты на привлечение иностранной рабочей силы. Согласно официальным данным, за первое полугодие 2018 г. по трудовому договору в Монголии работали 9,6 тыс. иностранных граждан из 92 стран, в том числе 38,1% – из Китая. На конец марта 2019 г. их число сократилось до 4,9 тыс. чел.³

Большинство трудовых мигрантов в Монголии заняты в горнодобывающей промышленности, строительстве, торговле, ремонте машин и мотоциклов, перерабатывающей промышленности и образовании. Периодически часть мигрантов депортируется из страны. Так, в 2019 г. около 800 граждан Китая, работавших в Монголии, несмотря на 30-дневные и рабочие визы, были депортированы из страны согласно ст. 37.1.7 Закона о правовом статусе иностранных граждан⁴.

Насколько мигранты ориентированы на постоянное жительство или относительно длительное пребывание там – вопрос до сих пор открытый и требующий специальных исследований. Не просто привычное присутствие, а мощный и спрессованный по времени приток мигрантов из соседнего политического, экономического и демографического гиганта, их заметная роль в экономике, стиль и манера поведения вызывают сложные чувства в принимающем обществе. Явно сформировался комплекс опасений, страхов и даже фобий. В этом же направлении действуют предубеждения, оставшиеся в исторической памяти, геополитические страхи, осознание сильной экономической зависимости от Китая, типовые антимигрантские стереотипы. На основании анализа публикаций монгольских СМИ, посвященных китайским

¹ Галиймаа Н. Китайские мигранты и китаефобия в современной Монголии: анализ периодики // Диаспоры. 2011. № 1. С. 173–182.

² КНОЕМА. URL: <https://knoema.ru/atlas/Mongolia> (дата обращения: 20.08.2020).

³ Число трудовых мигрантов в Монголии сократилось вдвое. 16 апреля 2019 г. Seldon News. URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/208770448> (дата обращения: 22.08.2020).

⁴ Из Монголии депортированы около 800 граждан КНР // Монголия сейчас. 03.11.2019. URL: <http://www.mongolnow.com/iz-mongolii-deportirovany-okolo-800-grazhdan-knr/> (дата обращения: 22.08.2020).

мигрантам, Н. Галиймаа делает вывод: «...негативное отношение монгольского общества к китайским иммигрантам было, остается и долго еще будет оставаться преобладающим»¹.

В октябре 2017 г. Далай-лама XIV посетил Монголию исключительно с религиозной целью – встретиться со своими приверженцами-буддистами. При этом монгольская сторона неоднократно информировала руководство КНР о том, что приезд Далай-ламы – это не государственный, а сугубо религиозный визит. Тысячи монгольских буддистов пришли на встречу со своим наставником, главой буддистов всего мира. Но визит стал причиной острого кризиса в китайско-монгольских отношениях, который сопровождался политическими и экономическими санкциями со стороны Китая. Кризис вскоре был урегулирован и закончился тем, что министр иностранных дел Монголии Ц. Мунх-Очир был вынужден выразить сожаление в связи с недопониманием и ухудшением монголо-китайских отношений и дать обещание, что правительство Монголии не будет приглашать Далай-ламу. В.В. Грайворонский отметил: «Инцидент, связанный с этим визитом, оставил глубокий след в сердцах всех монголов, независимо от их вероисповедания»².

Монголия является участником проекта «Один пояс – один путь», частью которого является инициатива «Степной путь». Ее замысел состоит в том, чтобы путем активного участия Монголии в широкомасштабном сотрудничестве между Россией и Китаем создать в стране современную транспортную, энергетическую и другую инфраструктуру, способную обеспечить транзитные перевозки грузов из России и Европы в Китай и другие страны Восточной Азии и АТР и в обратном направлении через территорию Монголии. Транспортная интеграция Евразии приведет к существенным сдвигам в доступе к природным ресурсам, в интересах к их эксплуатации, в привлекательности территорий и активизирует миграционные процессы. Улан-Батор стал крупным центром деловой активности, здесь развиваются строительство и промышленность, растет потребность в рабочей силе, сюда устремляются внутренние и внешние мигранты, в том числе китайские. Резкое

¹ Галиймаа Н. Китайские мигранты и китаефобия в современной Монголии: анализ периодики // Диаспоры. 2011. № 1. С. 182.

² Грайворонский В. В. Китайский мега-проект «Экономический пояс Шелкового пути»: место и роль Монголии // Восточная аналитика. Политологические науки. 2018. С. 49–59.

снижение количества трудовых мигрантов произошло в результате пандемии коронавируса в 2020 г. Однако, как считают специалисты, при незначительном естественном приросте населения увеличение рабочей силы в Монголии возможно именно за счет миграционного фактора.

Для переселенческого общества Востока России, органически включившего в себя часть монгольского мира, миграции были и остаются неперемнным условием его существования и развития. Представители различных региональных, сословных, профессиональных групп по собственной воле или принудительно становились сибиряками. С эпохой модерна растет значение их этнических характеристик – и миграционные потоки воспринимаются уже как этнически разнородные и разнообразные. Этническое разнообразие происхождения сибирского общества начинает оцениваться как важнейшая его характеристика. Что касается российского сегмента монгольского мира, который можно описать в категориях «этнической Бурятии» и Калмыкии, то наряду с участием в общих для страны миграционных процессах они формируют собственные специфические случаи и модели.

В России отшумели бушевавшие в 1990-е гг. споры – нужны ли здесь китайские мигранты или не нужны. Они уже есть, их присутствие необходимо – и они останутся вне зависимости от динамики геополитического, внутривнутриполитического и экономического контекста. В научных исследованиях, в массовых настроениях, в масс-медиа, в понимании трансграничной миграции чиновниками и политиками сформировалось общее проблемное поле. Его ключевой составляющей является оценка возможностей и рисков, базирующаяся на конфликтном единстве двух подходов – безопасности и развития.

Сторонники идеи развития считают, что трансграничные мигранты абсолютно необходимы, так как без их растущего притока невозможно поддержание экономики в более или менее рабочем состоянии, тем более невозможен модернизационный прорыв. Поэтому миграционная политика должна строиться на всемерном привлечении мигрантов, их максимальной легализации, комплексных мерах по их социальной, экономической и культурной интеграции в принимающее общество¹.

¹ Зайончковская Ж., Тюрюканова Е. Иммиграция: путь к спасению или троянский конь? // Миграция в России. 2000–2012. Хрестоматия в 3 т./Российский совет

Приверженцы безопасности видят в мигрантах источник опасности для идентичности принимающего общества, для его этнокультурной однородности и стабильности, причину неизбежных разрушительных этнических конфликтов. Естественное следствие такого понимания – требование максимально ограничить приток новых мигрантов и вытеснить уже имеющихся. Хотя, по утверждению исследователей, «незначительная доля групп зарегистрированных международных мигрантов в Бурятии практически не включена в социально-экономическое пространство республики и не может вызвать риски этнического экстремизма»¹.

При этом совершены значительные прорывы в научных исследованиях. Нароботан и осмыслен большой объем эмпирического материала, идут оживленные теоретические дискуссии. На удивление быстро освоен запас знаний, представлений и концепций, накопленных мировой наукой. Некоторые итоги этой работы подведены в трехтомной хрестоматии по миграции в России².

Массовые антимигрантские настроения становятся инструментом идеологической и политической мобилизации и борьбы за власть для довольно широкого спектра политических сил. Мигранты стали важнейшей частью информационного поля. СМИ – это и носитель информации («зеркало»), и самостоятельный, важный игрок, обладающий собственными интересами в качестве хозяйствующего лица, продающего информационный товар, вступающий в сложные взаимоотношения с властями, обществом, отдельными его группами. Они создают образы, предлагают слова для вербализации и оценки проблем и явлений, формируют курсы. Очень часто в сознании людей сосуществуют две картины мира – на основе собственного опыта и сформированная масс-медиа. И если они вступают в противоречие, безусловное предпочтение отдается второй.

Место единого принимающего общества с общим набором представлений об угрозах, рисках и выигрышах от новой миграционной ситуации занимает разнородный конгломерат государ-

по международным делам; под общ. ред. И. С. Иванова. Отв. ред. Ж. А. Зайончковская. М.: Спецкнига, 2013. Т. 1. Ч. 1. С. 51–77.

¹ Дашибалова И.Н. Внешние мигранты в Республике Бурятия: оценка адаптации и интеграции в принимающем социуме (по данным социологического исследования) // Политика и Общество. 2018. № 12. С. 31–40.

² Миграция в России. 2000–2012. Хрестоматия в 3 т./Российский совет по международным делам; под общ. ред. И. С. Иванова. Отв. ред. Ж. А. Зайончковская. М.: Спецкнига, 2013. Т. 1–3.

ственных структур, региональных сообществ и их элит, общественных сил и институций, чьи интересы в этой сфере могут в чем-то совпадать, а в чем-то и радикально расходиться. Механизм согласования этих интересов в лучшем случае только формируется. Не решено, каким будет этот механизм, еще не до конца закрыт вопрос о выборе между либеральной, демократической и авторитарной (бюрократической) моделью общественного устройства. Все это предопределяет отсутствие логичной и осознанной миграционной политики федеральной власти, постоянные качели между запретительными и поощрительными мерами.

В российской части монгольского мира – Бурятии – обсуждение проблемы китайской миграции как части глобальных процессов трансграничных миграций протекает в контексте общероссийских дискуссий на эту тему. Имеющиеся исследования показывают, что каких-то принципиальных отличий здесь не наблюдается. Проведенный, в частности, в середине нулевых годов сравнительный анализ прессы Владивостока, Улан-Удэ, Иркутска и Томска показал, что бурятская пресса не отличалась от прессы других городов востока России в описании и оценке китайской миграции¹. Имеются дополнительные темы, связанные с интересом к шэнэхэнским бурятам, а также с популярной одно время надеждой на особую роль Бурятии в качестве «ворот в Азию».

Тестовой для анализа отношения к китайским мигрантам является проблема «чайнатауна». Представление о том, что мигранты из Китая неизбежно должны концентрироваться в отдельных городских районах, сегрегироваться не только социально, но и территориально, стало фундаментом для построения различного рода политических и геополитических конструкций и оценок последствий китайской миграции для принимающего общества.

Символическое значение феномена чайнатауна оказалось так велико, что с началом массовой китайской миграции в Россию именно через эту категорию стал оцениваться сам процесс и его возможные последствия². Чайнатаун часто предстает как модель и орудие «демографической экспансии», массового мирного

¹ Миграционная ситуация и региональная пресса: газеты современной Азиатской России // Трансграничные миграции и принимающее общество: механизмы и практики взаимной адаптации: монография/науч. ред. В. И. Дятлов. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. С. 121–179.

² Балдано М. Н., Дятлов В. И. Образ китайского мигранта и «чайнатауна» в дискуссиях о роли миграционных процессов в монгольском мире // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2015. № 4 (20). С. 185–193.

проникновения, освоения, а затем отторжения от России ее восточных регионов. Чем дальше от китайско-российской границы, тем более распространены представления о многих миллионах китайских мигрантов, значительная часть из которых уже осела в постоянных китайских поселениях, экстерриториальных, непригодных для контроля и управления российских властей. Подчеркивается также, что это результат целенаправленной политики Китая как государства. На деле чайнатаунов в сибирских и дальневосточных городах нет. Они присутствуют в массовом сознании и идеологической сфере как некая «виртуальная реальность».

Важно посмотреть, как рассматривается и оценивается эта проблема в Бурятии, где китайские мигранты стали привычной частью городского сообщества¹. Отношение к ним развивалось в общем для России русле: от неприятия и отторжения до привыкания и сотрудничества. Чайнатауна, как и во всей России, в Улан-Удэ нет, но сформировались китайские кластеры – прежде всего китайские рынки и китайские гостиницы. Китайскими их делает взгляд и отношение принимающего общества. О них знают все горожане, иногда пишут в газетах или в интернете. Гостиница «Одон», часто называемая центром китайской жизни в Улан-Удэ, стала и объектом исследовательского внимания². Местом встречи китайских бизнесменов являются гостиница «Хайлар» и ресторан «Золотая медаль». Китайских рынков уже нет, торгуют китайскими товарами в основном выходцы из Средней Азии и Афганистана. В Улан-Удэ преобладает спокойное отношение к их существованию и роли в городской жизни. Они существуют как факт – и не вызывают негативных или позитивных оценок.

Таким образом, проблема китайских мигрантов так же разнообразна, как и монгольский мир. Но есть и общее – они были и остаются важным фактором существования и развития монгольского мира. Отношение к ним диктуется как гигантским воздействием Китая на все сферы жизни региона, так и самостоятельной ролью китайских мигрантов, которые воспринимаются одновременно и как ресурс, и как угроза. Изначальное разнообразие монгольского мира и расходящиеся траектории развития отдельных его частей предопределяют и различный характер отношения к ми-

¹ Восток России: миграции и диаспоры в переселенческом обществе. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков/Науч. ред. В. И. Дятлов. Иркутск: Отгиск, 2011. С. 267–278.

² Шармашеева Н. Ж. Гостиница «Одон» – центр китайской жизни в Улан-Удэ // Этнографическое обозрение. 2008. № 4. С. 31–37.

грантам, разную степень их интенсивности. Кроме того, эти параметры менялись и могут меняться в будущем в рамках отдельных обществ, в зависимости от динамики их развития.

Статья подготовлена в рамках проекта XII. 191.1.1. Трансграничье России, Монголии и Китая: *история, культура, современное общество*, номер госрегистрации № АААА-А17-117021310269-9.

M. N. Baldano

Mongolian world: a factor of chinese migration

Abstract. The article analyses migration processes, which have been and remain an important factor in the existence and development of the Mongolian world. The attitude towards them is dictated both by China's gigantic impact on all spheres of life in the region and by the independent role of Chinese migrants, who are perceived both as a resource and a threat.

Key words. Mongolian world, Mongolia, Inner Mongolia, Russia, China, migration processes, labour migrants, security, development, migration policy

УДК (571.54) (571.53)
ББК 74.58 (2Р54)

А. А. Иванов, С. И. Кузнецов

Подготовка кадров высшей квалификации для Бурятии и диссертационный совет по историческим наукам при Иркутском государственном университете

Аннотация. В статье анализируется участие диссертационного совета Д 212.074.5 по историческим наукам при Иркутском государственном университете в подготовке кадров высшей научной квалификации для Республики Бурятия. Авторы на основе личных архивов, а также отдельных опубликованных статей устанавливают общее количество диссертантов из Бурятии, анализируют тематику квалификационных работ, динамику защит по десятилетиям и отдельным годам. Здесь же приведен список бурятских ученых, защитивших свои кандидатские и докторские диссертации в Иркутском совете.

Ключевые слова. Диссертационный совет, Иркутский государственный университет, кадры высшей научной квалификации, Республика Бурятия.

Диссертационный совет Д 212.074.5 по историческим наукам в Иркутском государственном университете имеет давние традиции. Он возник в 1940-е гг. и по настоящее время активно участвует в подготовке и аттестации кадров высшей квалификации обширного сибирского и дальневосточного региона: Красноярский и Забайкальский край, Иркутская область, Республика Бурятия, Саха (Якутия), Тыва, Хакасия. Защищались в совете соискатели из Приморья, Амурской области, Еврейской автономной области, Хабаровского края, Санкт-Петербурга, Новосибирска; зарубежные исследователи из Китая, Лаоса, Монголии, Польши. За свою почти восьмидесятилетнюю историю совет сумел рассмотреть не только большое количество квалификационных исследований, но и накопить немалый позитивный опыт и традиции, которые передаются от поколения к поколению учеными историками.

Работа диссертационного совета началась в 1942 г. Тогда он назывался Ученым советом по историческим и философским наукам и работал под руководством ректора университета,

профессора Николая Степановича Шевцова. «В течение почти десятилетия, – подчеркивает профессор Л. В. Курас, – совет по защите диссертаций был единственным координационным центром по всем направлениям истории Сибири. В конце 40-х годов такой Совет был создан при Томском госуниверситете, причем профессор И. М. Разгон ошибочно считал его единственным Советом такого рода от Урала до Тихого океана»¹. Открытие совета в годы Великой Отечественной войны, когда, как казалось на первый взгляд, было не до развития гуманитарных научных академических исследований, а требовалось от тылового Иркутска снабжать воюющую Красную армию оружием, боеприпасами и обмундированием, на самом деле глубоко логично и закономерно. Многие становятся понятным из постановления бюро Иркутского обкома ВКП (б), принятого 7 июля 1942 г., обнаруженного нами в Государственном архиве новейшей истории Иркутской области: «Одобрить инициативу научных работников Иркутского государственного университета, – сказано в документе, – о создании «Общества истории, литературы, языка и этнографии» при историко-филологическом факультете госуниверситета. Для организации общества утвердить оргбюро в составе: ректор госуниверситета, профессор Шевцова; доктор исторических наук, профессор Лурье; доктор филологических наук, профессор Азадовский; писатель Г. Кунгуров; доцент пединститута Гудошников». Подчеркивалось, что в основу своей работы Общество должно было положить разработку важнейших проблем, выдвинутых в настоящее время передовой мыслью, показывая огромную роль советского народа «в борьбе против попыток Германии истребить славянские народы и установить свое господство в славянских странах», а также для воспитания патриотизма, «глубокого уважения к героическому прошлому народов СССР, к нашим славным предкам, защищавшим родную землю от иноземных поработителей...»².

Значит, и «Общество истории, литературы, языка и этнографии», и Ученый совет по историческим и философским наукам ИГУ, и, к слову, образованный все в том же 1942 г. исторический

¹ Курас Л. В. Октябрьская революция в Сибири 1917 – середина 1918 гг. в отечественной исторической литературе и источниках. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1995. С. 53.

² Государственный архив новейшей истории (ГАНИИО). Ф. 127. Оп. 1. Ед. хр. 649. Л. 45. (Документ приведен в современной орфографии. – Авт.).

факультет Бурятского агропединститута¹ призваны были выполнить общую двуединую задачу – готовить кадры высококвалифицированных специалистов, способных не только к теоретической научной работе, но и к воспитанию в советском человеке патриотизма и любви к отечеству. Историки, таким образом, выполняли большую общественно-политическую работу, обусловленную военной обстановкой, а в исторической сфере произошел поворот, связанный с изменением идеологической парадигмы, – от идеи пролетарского интернационализма к идеям советского патриотизма, государственности и державности².

Создание Ученого совета по историческим и философским наукам именно на базе Иркутского государственного университета также было глубоко закономерным. Уже с начала 1920-х годов в Иргосуне стала складываться плеяда высокообразованных профессиональных историков, воспитанных в лучших традициях русской дореволюционной исторической школы – Н.Н. Козьмин, Б.Г. Кубалов, В.И. Огородников, М.К. Одинцова, Б.Э. Петри, И.Г. Франк-Каменецкий. Именно они дали «путевку в жизнь» многим исследователям 1930-х годов обширного восточносибирского региона. Н.Н. Козьмин, к примеру, получив в 1923 г. звание профессора по кафедре истории Сибири Иргосуна, много сделал и для открытия в университете Бурят-монгольского отделения. Уехав затем из Иркутска в Бурят-Монгольскую АССР, в 1932 г. он возглавил в Верхнеудинске впервые созданную кафедру истории Бурятского агропединститута (техникума), читал здесь лекции по истории СССР, уделяя особое внимание проблемам социально-экономического развития Сибири, Дальнего Востока и Бурятии³.

В 1940–1950-е годы на историческом факультете Иркутского университета им. А.А. Жданова ведущие позиции занимали М.А. Гудошников, Ф.А. Кудрявцев и С.В. Шостакович. Все последующие поколения историков университета вплоть до середины 1970-х годов – их ученики и последователи. Под началом этих исследователей выросли такие известные специалисты, как В.Т. Ага-

¹ Тармаханов Е.Е. Исторический факультет БГУ к 70-летию высшего образования в республике // Вестник Бурятского университета. Сер. 4: История. Вып. 4. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2002. С. 13.

² История и историки: 90 лет исторической школе Иркутского государственного университета/авт.-сост. С.И. Кузнецов, Ю.А. Петрушин. Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2008. С. 16.

³ Тармаханов Е.Е. Исторический факультет БГУ к 70-летию высшего образования в республике... С. 12.

лаков, И. И. Кузнецов, С. Ф. Коваль, Н. Н. Щербаков, В. В. Яровой, Г. И. Медведев, М. П. Аксенов, В. П. Олтаржевский, А. А. Мухин, А. В. Дулов, В. В. Свинин, Л. М. Дамешек, В. И. Дятлов, Б. С. Шостакович и многие другие¹. Именно эти ученые заложили и лучшие традиции диссертационного совета Иркутского университета – высокий профессионализм, требовательность к принимаемым на защиту квалификационным работам, доброжелательное и товарищеское отношение к соискателям, уважение к научной позиции коллег-оппонентов.

В 1960-е – начале 1970-х годов в ИГУ им. А. А. Жданова действовал так называемый объединенный ученый совет по защите диссертаций по гуманитарным наукам под руководством известного международного и юриста профессора Сергея Владимировича Шостаковича. В 1973–1976 гг. объединенный ученый совет возглавлял доктор исторических наук, профессор Буянто Сайнцакович Санжиев – «старейший сотрудник университета, человек умный и гибкий, по-восточному мудрый, великий тактик» и стратег². Позиции совета усиливала и очная и заочная аспирантура, открытая на кафедрах исторического факультета госуниверситета. Здесь учились не только выпускники иркутских вузов, но и аспиранты, и докторанты из других городов, и в первую очередь из Улан-Удэ. В этот период в совете защищались диссертации по истории КПСС, истории СССР, педагогике и философии. По подсчетам Н. Н. Щербакова, только за четыре года в объединенном совете защитил кандидатские диссертации 61 человек, в том числе по истории КПСС – 30, истории СССР – 12, педагогике – 12 и филологии – 6³.

21 июня 1976 г. приказом Председателя Высшей аттестационной комиссии при Совете Министров СССР при Иркутском государственном университете был утвержден Специализированный совет по присуждению ученой степени доктора исторических наук под председательством профессора Б. С. Санжиева, заведовавшего кафедрой истории КПСС и партийного строительства исторического факультета. Заместителем председателя

¹ История и историки: 90 лет исторической школе Иркутского государственного университета ... С. 17.

² Казарин В. Н. Воспоминания о Н. Н. Щербакове // Сибирская ссылка. Сборник научных статей. Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2006. Вып. 3 (15). С. 285.

³ Профессор Буянто Сайнцакович Санжиев: Библиографический указатель: к 85-летию со дня рождения/вступ. слово Н. Н. Щербаков. Иркутск: Центр полиграфии, 1997. С. 7. (Если сложить все цифры, получим не 61, как у Н. Н. Щербакова, а 60. – Авт.)

был назначен профессор А. Н. Зыков, доктор исторических наук, руководивший общеуниверситетской кафедрой истории КПСС, а ученым секретарем – к. и. н., доцент П. Х. Гребнев. Совет тогда состоял из пяти докторов и двух кандидатов наук по специальности «История КПСС», двух докторов наук по специальности «История СССР» и двух докторов наук по специальности «Всеобщая история». За 15 лет (с 1976 по 1990 гг.) в совете было защищено 16 докторских и 178 кандидатских диссертаций. В следующие 15 лет (с 1991 по 2014 гг.) – еще 51 докторская и 255 кандидатских диссертаций¹.

С 1991 по 2005 г. Совет возглавлял профессор, доктор исторических наук, заведующий общеуниверситетской кафедрой отечественной истории и политологии ИГУ, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, известный ученый, признанный специалист в области истории политической каторги и ссылки в Сибири XIX – начала XX в. Николай Николаевич Щербаков. Делама совета Н.Н. Щербаков уделял много времени и сил, широко понимая при этом его предназначение – готовить профессиональных историков не только для Иркутской области, но и для национальных республик сибирского региона и в первую очередь, опять же, – для Бурятии.

Ныне действующий Диссертационный совет Д 212.074.05 по защитах диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук при Иркутском государственном университете был открыт приказом Высшей аттестационной комиссии Минобразования России от 4 января 2003 г. № 78-в, его полномочия подтверждены приказом № 105/нк от 11.04.2012 г. Последние изменения в состав Совета внесены приказом № 851/н от 29.07.2015 г.

С 2005 по 2008 гг., после ухода из жизни профессора Н. Н. Щербакова, Совет возглавлял доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой мировой истории и международных отношений исторического факультета Геннадий Никифорович Новиков. В 2009–2015 гг. Советом руководил доктор исторических наук, профессор Евгений Иванович Лиштованный, а после его перехода на дипломатическую работу, с 2015 г., председателем Совета явля-

¹ Логунова Г.В. Диссертационный совет по историческим наукам при Иркутском государственном университете как организатор историко-политических исследований в Восточной Сибири // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». 2015. Т. 14. С. 11.

ется доктор исторических наук, профессор Сергей Ильич Кузнецов; заместитель председателя – профессор А. А. Иванов, ученый секретарь – доцент Ю. В. Елохина.

Как видим, с первых дней своего создания Совет при Иркутском госуниверситете поддерживал и поддерживает тесные творческие отношения с учеными-историками Республики Бурятия. Многие из них обучались в аспирантуре на исторических кафедрах Иркутского университета, затем защищались в диссертационном совете. Историки из вузов Улан-Удэ и Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН регулярно выступали и продолжают выступать в качестве специалистов ведущих организаций на защитах соискателей из Иркутской области, Красноярского и Забайкальского краев, а также Республики Хакасия и Республики Саха (Якутия). В разное время в составе совета работали широко известные в Сибири и в стране ученые Республики Бурятия профессора Е. Е. Тармаханов, Б. Б. Батуев, Ш. Б. Чимитдоржиев, М. Н. Халбаев, Т. Д. Скрынникова.

Е. Е. Тармаханов и Б. Б. Батуев – настоящие «долгожители» Иркутского совета. Так, по подсчетам профессора Л. В. Кураса, Бато Бадмаевич работал в составе совета с 1975 г. в течение 22 лет! Это абсолютный рекорд среди наших коллег бурятских исследователей, до сих пор никем не превзойденный¹. Ефрем Егорович Тармаханов в своих автобиографических записках вспоминает, что являлся членом Иркутского диссовета чуть меньше – на протяжении «двадцати лет»².

О работе Е. Е. Тармаханова в совете оставил теплые воспоминания Б. В. Базаров. Учитывая тематику данного сборника, вполне уместно привести здесь небольшой отрывок из книги «Дорогой мой человек»: «Интересно было наблюдать Е. Е. Тармаханова в качестве оппонента и члена Иркутского диссертационного совета, в котором он работал продолжительное время... Оппонентом он был требовательным, но не придиричивым. Для него было важнее всего осознание, что он знакомится с настоящей научной работой, и этого было достаточно, чтобы не натягивать ненужные измышления в погоне за демонстрацией собственной эрудиции. У него было правило: никогда не го-

¹ Библиографический указатель трудов Батуева Бато Бадмаевича/сост. Л. В. Курас. Улан-Удэ: ВСГАКИ, 1997. С. 4.

² Тармаханов Е. Е. Я родился в рубашке // Дорогой мой человек: К 95-летию со дня рождения доктора исторических наук, профессора Тармаханова Ефрема Егоровича (1922–2016)/сост., отв. ред. Л. В. Курас. Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2017. С. 29.

лосовать против, и он открыто об этом говорил, хотя, может, это и не совсем по правилам. Просто он хорошо понимал, какой большой труд выполняли исследователи и их руководители, прежде чем вынести свои труды на защиту требовательных, внимательных и очень цепких ученых высшей квалификации. Это мог себе позволить человек большой души. Он всегда был на стороне соискателя. Помню, о затруднениях соискателя он говорил: «Не бойся. Ты столько лет работал над темой, спорь, никто лучше тебя эту тему не знает»¹.

Приведем здесь и свидетельство Ш. Б. Чимитдоржиева, которое также напрямую касается темы нашего исследования: «Возглавляя диссертационный совет Иркутского госуниверситета, Буянто Сайнцакович проявил себя как энергичный, мудрый организатор науки. Я солидарен с коллегами: председатель Ученого совета умело руководил его работой. Я помню, как он вел заседания. Немногословный, очень внимательный, всегда тактичный, умеющий вовремя поддержать, одной фразой снять напряжение в аудитории, направить дискуссию в нужное русло, уважающий иную точку зрения, ровный и выдержанный в общении с людьми». Как видим, ученые-историки из Республики Бурятия всегда занимали в Иркутском совете видное и значимое место².

В настоящее время в составе Иркутского совета от диссовета при Институте монголоведения, буддологии и тибетологии участвует председатель совета Д 003.027.01 академик РАН Борис Ванданович Базаров, дальневосточную научную школу представляет член-корреспондент РАН Николай Николаевич Крадин. Поскольку в 1950–1960-е годы в Улан-Удэ не было возможности открыть диссертационный совет по историческим специальностям, бурятские исследователи защищались в Москве и Ленинграде. С открытием совета в Иркутске появилась возможность направлять соискателей сюда.

Из известных нам первых защит бурятских ученых в Иркутске следует назвать диссертацию старшего преподавателя И. М. Манжигеева «Янгутский бурятский род (Опыт историко-этнографической монографии)», которая была защищена в совете при Ир-

¹ Базаров Б. В. Тармаханов Ефрем Егорович: учитель, наставник, друг // Дорогой мой человек ... С. 76–77.

² Чимитдоржиев Ш. Б. Крупный ученый и общественно-политический деятель // Вековой юбилей: 100 лет со дня рождения Б. С. Санжиева: Воспоминания, документы, библиографический указатель/науч. ред. Б. В. Базаров, ответ. ред. А. А. Иванов. Иркутск: Изд-во «Отгиск», 2013. С. 111.

кутском университете 6 июня 1952 г. В то время защиты были достаточно редким явлением, поэтому на нее отозвалась местная пресса: «По мнению официальных оппонентов – доктора исторических наук тов. Дулова и доцента тов. Гудошникова, научная работа «Янгутский бурятский род» представляет большой научный интерес. Она составлена автором на основании не публиковавшихся материалов. Сам автор, – представитель янгутского рода, небольшой ветви бурят-монгольского народа, расселенной в настоящее время в Осинском аймаке Усть-Ордынского Бурят-Монгольского национального округа, – вел многие годы личные наблюдения. В течение длительного времени он собирал архивные материалы, сказания, археологические находки, занимался опросом бурят-старожилов из янгутского рода или знавших этот род. На основании материалов о небольшом роде автор сделал ряд интересных выводов об истории общинного быта, кочевых формах хозяйства и огромных сдвигах, внесенных ленинско-сталинской национальной политикой в жизнь рода и приблизивших его к передовым народам страны Советов. Работа признана оригинальной и рекомендована к печати»¹.

Из других защит 1950-х годов следует упомянуть кандидатскую диссертацию Н. Р. Мангутова «Ликвидация дореволюционных земельных отношений в советской Бурят-Монголии (1917–1933 годы)», защищенную в совете при ИГУ в 1958 г.

Во время существования объединенного совета по гуманитарным наукам в ИГУ были защищены кандидатские диссертации Ж. Т. Тумуновым в 1973 г. по педагогике («Школьное образование в Агинском Бурятском национальном округе в 1842–1970 гг.») и по философии Е. А. Голубевым («Возрастание роли радио в коммунистическом воспитании трудящихся. На материалах социологических исследований радиослушателей Бурятской АССР», (1974 г.).

По предварительным, неполным подсчетам, за время работы диссертационного совета по историческим наукам в ИГУ было защищено не менее 88 диссертаций соискателей из Республики Бурятия. Из них – 16 докторских: М. Н. Халбаев (1979 г.), С. А. Максанов (1982 г.), Г. Л. Санжиев (1984 г.), Б. В. Базаров и Л. В. Курас (1995 г.), Т. Е. Санжиева (1996 г.), В. Ц. Ганжуров, Л. А. Зайцева и Б. Р. Зориктуев (1997 г.), Г. Д. Басаев² (1998 г.), И. Б. Батуева (2000 г.), Ч. Г. Ан-

¹ Градина А. Защита диссертации // Восточно-Сибирская правда. 1952. 8 июня.

² Геннадий Доржиевич Басаев, к слову, в 2002 г. охотно откликнулся на просьбу

дреев, М. Н. Балдано, М. М. Боронова и К. Б.-М. Митупов (2002 г.), Кальмина Л. В. (2003 г.).

Тематика диссертационных исследований ученых из Бурятии, защищавшихся в ИГУ, весьма обширна и разнообразна, включает в себя наиболее актуальные, теоретически и практически важные темы. В их числе работы по истории промышленного и сельскохозяйственного освоения сибирского региона, истории религиозных конфессий, истории культурного строительства в Восточной Сибири, проблемам национальных отношений и национального строительства, историографии и источниковедению, истории науки и образования, истории общественно-политической мысли, становления и развития силовых структур, государственной пенитенциарной политики и ряд других проблем.

Соотношение по специальностям таково: защищено по истории КПСС – 30 диссертаций (кандидатских и докторских), по истории СССР и отечественной истории – 44, истории политических партий и общественных движений – 7, затем по всеобщей истории, историографии и источниковедению, истории международного коммунистического, рабочего и национально-освободительного движения, теории и истории педагогики, философии, этнографии и филологии – по одной работе. Количество защищенных работ по годам выглядит следующим образом: с 1943 по 1970-й год было защищено 8 квалификационных исследований, с 1971 по 1980-й – 13, с 1981 по 1990-й – 29, с 1991 по 2000-й – 23 и с 2001 по 2018-й год – 15 работ. Наиболее «урожайными» годами на защиты стали 1983 и 1984 годы – по 5 диссертаций, 1990-й – 6 и 2002-й – 7 защит. Из 88 диссертаций 28 были защищены историками-женщинами.

Рассматриваемые квалификационные исследования бурятских ученых были выполнены под руководством и консультированием весьма известных в исторической науке специалистов. Нами установлены руководители 72 диссертаций. Самым результативным научредом нужно считать Б. С. Санжиева – 10 диссертантов, затем Е. Е. Тармаханова – 7, Н. Н. Щербакова – 5, Л. В. Кураса – 5, Б. Б. Батуева – 4, а также И. А. Асалханова, Б. В. Базарова, Л. М. Дамешека, И. И. Кузнецова, Г. Л. Санжиева – по три защищенных работы.

Н. Н. Щербакова и выступил официальным оппонентом на защите докторской диссертации одного из авторов этой статьи. Это еще одно свидетельство тесного сотрудничества историков Иркутска и Улан-Удэ. – А. А. Иванов.

С открытием диссертационного совета по историческим наукам в Бурятском государственном университете (январь 1997 г.¹), а чуть позже – 10 ноября 1998 г. – в Институте монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН, количество защит ученых из Бурятии в совете при Иркутском государственном университете, что вполне естественно, сократилось. Однако научные, творческие связи наших исторических школ не прекратились, они обрели новое качество. Поскольку исторические специальности в ИМБТ не повторяли специальности иркутского совета, это дало возможность защищаться здесь иркутянам, например, по специальности «Историография, источниковедение и методы исторического исследования». Так, за последние двадцать лет 31 соискатель из Иркутска защитил свои диссертации в совете при ИМБТ СО РАН². Назовем здесь только докторские диссертации: Ю. А. Петрушин (2001), А. А. Иванов (2002), С. В. Карасев (2007), П. А. Новиков (2009), Е. Н. Волосов (2012), Т. М. Королева (2015).

В разные годы в составе диссертационных советов при Бурятском государственном университете работали иркутские профессора Л. М. Дамешек, В. И. Дятлов, В. Т. Агалаков. Со времени открытия диссовета при ИМБТ СО РАН вплоть до 2015 г. в его составе работал профессор И. В. Наумов, до 2005 г. – профессор Н. Н. Щербаков. Продолжительное время в совете состоят профессор Иркутского университета С. И. Кузнецов и А. А. Иванов. С 2018 г. в состав совета включен профессор, доктор исторических наук П. А. Новиков. В качестве оппонентов на защитах диссертаций в Улан-Удэ активно участвуют иркутские историки: Ю. А. Петрушин, Л. М. Дамешек, Ю. В. Кузьмин, Е. И. Лиштованный, В. П. Шахеров, Г. А. Цыкунов, А. В. Шалак и целый ряд других исследователей. В свою очередь бурятские историки регулярно выступают на защитах в Иркутске – Л. В. Курас, Л. В. Кальмина, Л. А. Зайцева, Е. Ю. Башкуева, О. Д. Базаров, Ч. Г. Андреев, В. В. Номогоева и многие другие.

Содружество двух диссертационных советов, исторических школ Иркутска и Улан-Удэ, таким образом, обогащаясь с каждым годом новым содержанием, продолжается во имя исторической науки.

¹ Тармаханов Е. Е. Исторический факультет БГУ к 70-летию высшего образования в республике... С. 18.

² Бреславский А. С. Диссовету Д 003.027.01 на базе ИМБТ СО РАН – 20 лет // Вестник БНЦ СО РАН. 2019. № 1 (33). С. 256.

**Диссертации, защищенные исследователями
из Бурятии в совете Д 212.074.05 при ИГУ
за период с 1943 по 2018 год¹
1943**

1. **Амоголонов Даши Доржиевич.** Деепричастия в бурят-монгольском языке. Дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 1943.

1952

2. **Манжигеев И. М.** Янгутский бурятский род (Опыт историко-этнографической монографии). Дис. канд. ист. наук. Дата защиты: 6 июня 1952 г. Оппоненты: профессор Дулов В. И. и доцент Гудошников М. А.

1958

3. **Мангутов Н. Р.** Ликвидация дореволюционных земельных отношений в советской Бурят-Монголии (1917–1933 годы). Дис. канд. ист. наук. Иркутск, 1958.

1961

4. **Максанов Сергей Алексеевич.** Деятельность культурно-просветительных учреждений Бурятской АССР по коммунистическому воспитанию трудящихся (1946–1958 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. Иркутск. гос. ун-т им. А. А. Жданова, 1961. Специальность: история КПСС.

1968

5. **Шагдуров Дагба Бальжанович.** Деятельность партийных организаций Бурятской АССР по распространению передового опыта в промышленности (1959–1965 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1968. Специальность: история КПСС.

1969

6. **Дырхеев Павел Степанович.** Деятельность Бурятской партийной организации по развитию промышленности в 1951–1958 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1969. Специальность: история КПСС.

7. **Очиров Санжи Будаевич.** Роль большевистской печати Восточной Сибири в борьбе Коммунистической партии за восстановление народного хозяйства в первые годы нэпа (1921–1923 гг.): (На материалах Енисейской, Иркут. губерний и Бурят-Монг. авт.

¹ Авторы благодарны профессору Л. В. Курасу за консультационную помощь в составлении настоящего списка.

обл. РСФСР). Дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1969. Специальность: история КПСС.

1970

8. **Баторов Б. Н.** Деятельность Бурятской областной партийной организации по атеистическому воспитанию трудящихся и преодолению влияния ламаизма в годы социалистического строительства (1923–1937 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. Иркут. гос. ун-т им. А. А. Жданова, 1970. Специальность: история КПСС. Научный руководитель – проф. Б. С. Санжиев.

1971

9. **Дугаров Соном Гомбоевич** (1920–1993). Развитие общего среднего образования в Бурятской АССР (1958–1968 гг.). Дис. ... канд. пед. наук. Иркут. гос. ун-т им. А. А. Жданова. Иркутск, 1971.

10. **Мункоев В. Д.** Деятельность контрольной комиссии рабоче-крестьянской инспекции Бурятии по укреплению и совершенствованию государственного аппарата (1923–1934 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. Иркут. гос. ун-т им. А. А. Жданова, 1971. Специальность: история КПСС.

11. **Бадмаев Жимба Лубсан-Дашиевич.** Деятельность Бурятской организации КПСС по идейному разгрому буржуазного национализма и интернациональному воспитанию трудящихся в период строительства социализма (1923–1937 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1971. Специальность: история КПСС. Научный руководитель – проф. Б. С. Санжиев.

12. **Дылыков Юмажап Гыденович.** Комсомол Бурятии – активный помощник партии в период строительства социализма. (1923–1937 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1971. Научный руководитель – проф. Б. С. Санжиев. Специальность: история КПСС.

1972

13. **Митыпов Цыремпил Цыдыпович.** Деятельность Бурятской организации КПСС по совершенствованию идейно-политического воспитания трудящихся республики в 1959–1965 годах. Дис. канд. ист. наук. Иркут. гос. ун-т им. А. А. Жданова, 1972. Специальность: история КПСС.

1973

14. **Доржиев Бадма Шаркуевич.** Деятельность партийных организаций Бурятской АССР по распространению передового опы-

та в сельском хозяйстве (1965–1970 гг.)). Дис. ... канд. ист. наук. (07.00.01)/Иркут. гос. ун-т им. А.А. Жданова. – Иркутск. Специальность история КПСС.

1974

15. **Голубев Е. А.** Возрастание роли радио в коммунистическом воспитании трудящихся (на примере конкретно-социологического исследования аудитории радиослушателей Бурятской АССР). Дис. ... канд. филос. наук. Специальность 09.00.02 – теория научного коммунизма. Научные руководители – к. филос. наук Лубсанов Д. Д., к. ист. наук Мельников Г. И.

1975

16. **Янданов Александр Гомбоевич.** Деятельность бурятской областной партийной организации по повышению культурно-технического уровня колхозного крестьянства (1929–1937 гг.). Специальность – история КПСС. Дис. ... канд. ист. наук. Иркут. гос. ун-т им. А.А. Жданова, 1975.

1978

17. **Кургузов Владимир Лукич.** Деятельность партийных организаций Забайкалья по подготовке и повышению квалификации кадров рабочего класса в 1966–1970 гг. (На материалах Бурятской АССР и Читинской области). Дис. канд. ист. наук. Дата защиты: 13.01.1978. Специальность – история КПСС. Научный руководитель – доцент Погребенко А. Е.

18. **Пыкин Василий Митрофанович.** Партийное руководство подбором, расстановкой и воспитанием кадров и актива ВЛКСМ в условиях развитого социализма, 1966–1970 гг.: На материалах Восточной Сибири. Дис. канд. ист. наук. Специальность: История коммунистического, рабочего и национально-освободительных движений. Научный руководитель – Терюшков Г. А.

19. **Тумунов Ж. Т.** Развитие школьного образования в Агинском Бурятском национальном округе (1842–1970 гг.). Дис. ... канд. пед. наук. Дата защиты 5.06.1973. Специальность 13.00.01. – теория и история педагогики. Научный руководитель – д. п. н. Андреев В. И.

1979

20. **Халбаев Максим Николаевич.** Деятельность КПСС по развитию промышленности в национальных районах Сибири в ус-

ловиях коммунистического строительства (1959–1970 гг.). Дис.... д-ра ист. наук. Дата защиты: 30.10.1979. Специальность – история КПСС.

1980

21. **Высотина Елена Алексеевна.** Рабочий класс Бурятской АССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Дис.... канд. ист. наук. Дата защиты – апрель. Специальность – история СССР. Научный руководитель – профессор Кузнецов И. И.

1981

22. **Гармаев Мунко-Баир.** Совершенствование организационно-партийной работы сельских партийных организаций в свете решений XXIII–XXIV съездов КПСС. Дис.... канд. ист. наук. Дата защиты: 23.12.1981. Специальность – история КПСС. Научный руководитель – профессор Санжиев Б. С.

23. **Орлов Леонид Георгиевич.** Партийное руководство периодической печатью Восточной Сибири в развитии социалистического соревнования в промышленности (1966–1970 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. Специальность – история КПСС. Научный руководитель – профессор Б. Б. Батуев.

1982

24. **Максанов Сергей Алексеевич.** Идеино-политическая работа коммунистической партии в переходный период от капитализма к социализму (октябрь 1917–1937 гг.). На материалах Бурятской АССР, Агинского и Усть-Ордынского автономных округов. Дис.... д-ра ист. наук. Дата защиты 15.10.1982. Специальность – история КПСС.

25. **Санжиева Татьяна Ефремовна.** Электрификация советской Бурятии 1917–1980 гг. Дис.... канд. ист. наук. Дата защиты: 29.11.1982. Специальность – история СССР. Научный руководитель – профессор Алексеев В. В.

26. **Шаповалов Александр Иванович.** Партийное руководство воспитанием рабочей молодежи Восточной Сибири на революционных боевых и трудовых традициях КПСС и советского народа (1971–1975 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. Специальность – история КПСС. Научный руководитель – профессор Батуев Б. Б.

1983

27. **Курас Леонид Владимирович.** Историография борьбы большевиков Восточной Сибири за власть Советов (1917–1920 гг.).

Дис.... канд. ист. наук. Дата защиты: 06.10.1983. Специальность – история КПСС. Научный руководитель – профессор Батуев Б. Б.

28. **Николаева Инна Васильевна.** Развитие сельского хозяйства Бурятской АССР в годы восьмой и девятой пятилеток (1966–1975 гг.). Дис.... канд. ист. наук. Дата защиты: 30.04.1983. Специальность – история СССР. Научный руководитель – д. и. н. Асалханов И. А.

29. **Раднаева Любовь Николаевна.** Рабочий класс Бурятской АССР 1946–1960 гг. Дис.... канд. ист. наук. Дата защиты: 06.10.1983. Специальность – история СССР. Научный руководитель – профессор Тармаханов Е. Е.

30. **Евдокимова Светлана Васильевна.** Социально-экономическое развитие городов Забайкалья в конце XVIII – первой половине XIX вв. Дис.... канд. ист. наук. Дата защиты: 02.06.1983. Специальность – история СССР. Научный руководитель – доцент Кузнецов А. С.

31. **Хуташкеев Дмитрий Доржиевич.** Роль ВЛКСМ и МРСМ в развитии содружества советской и монгольской молодежи в процессе социалистической индустриализации МНР (1960–1980 гг.). Специальность – история международного коммунистического, рабочего и национально-освободительного движения. Дисс. канд. ист. наук. Научный руководитель – профессор Улымжиев Д. Б.

1984

32. **Санжиев Гармажап Лудупович.** Коммунистическая партия – организатор перехода ранее отсталых народов Сибири к социализму, минуя капитализм. Дис.... д-ра ист. наук. Дата защиты: январь 1984. Специальность – история КПСС.

33. **Санжиев Владимир Булатович.** Партийное руководство развитием электроэнергетической промышленности Восточной Сибири в период между XXIV и XXV съездами КПСС. Дис.... канд. ист. наук. Дата защиты: 9.02.1984. Специальность – история КПСС. Научный руководитель – профессор Капустин М. И., профессор Халбаев М. Н.

34. **Улаханов Андрей Иннокентьевич.** Партийное руководство социалистическим соревнованием в промышленности в 1966–1975 гг. (На материалах Бурятской АССР, Иркутской и Читинской областей). Дис.... канд. ист. наук. Дата защиты: 18.05.1984. Специальность – история КПСС. Научный руководитель – профессор Халбаев М. Н.

35. **Крянев Борис Петрович.** Партийное руководство становлением, развитием науки и высшей школы Бурятской АССР (1938–1975 гг.). Дис.... канд. ист. наук. Дата защиты: 15.05.1984. Специальность – история КПСС. Научный руководитель – профессор Санжиев Б. С.

36. **Зайцева Любовь Алексеевна.** Исторический опыт проведения аграрной политики КПСС в период между XXIII и XXV съездами КПСС (на материалах Иркутской, Читинской областей и Бурятской АССР). Специальность – история КПСС. Дис. ... канд. ист. наук. Дата защиты: 17.10.1984. Научный руководитель – профессор Б. С. Санжиев.

1985

37. **Хориноев Георгий Николаевич.** Организация и деятельность рабоче-крестьянской милиции Бурятской АССР в период построения социализма (1917–1937 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. Специальность – история СССР. Научный руководитель – профессор Тармаханов Е. Е.

38. **Еврасимов Поликарп Игнатьевич.** Местные Советы Бурятии в условиях развитого социализма 1965–1977 гг. Дис.... канд. ист. наук. Дата защиты: 25.12.1985. Специальность – история СССР. Научный руководитель – д. и. н. Хаптаев П. Т.

39. **Зориктуев Булат Раднаевич.** Совершенствование быта сельского населения Бурятской АССР в условиях развитого социализма (1959–1980 гг.). Дис.... канд. ист. наук. Дата защиты: 24.12.1985. Специальность – история СССР. Научный руководитель – д. и. н. Санжиев Г. Л.

1986

40. **Ганжуров Владимир Цыденович.** Роль учебных заведений Восточной Сибири в подготовке квалифицированных кадров для Монгольской Народной Республики (1960–1985 гг.). Дис.... канд. ист. наук. Специальность – история СССР. Научный руководитель – профессор Кузнецов И. И.

1987

41. **Дугаров Владимир Доржиевич.** Современная историография братского содружества КПСС и МНРП в период строительства социализма в МНР (1960–1980 гг.). Дис.... канд. ист. наук. Дата защиты: 19.05.1987. Специальность – история КПСС. Научный руководитель – профессор Санжиев Б. С.

42. **Базаров Борис Ванданович.** Деятельность партийных организаций Восточной Сибири по дальнейшему развитию культуры в послевоенные годы, 1946–1952 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Специальность: История КПСС. Научный руководитель – профессор Батуев Б. Б.

1988

43. **Бартуков Валерий Платонович.** Деятельность партийных организаций национальных районов Восточной Сибири по подбору, расстановке и воспитанию руководящих партийных кадров (1970–1980 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. Дата защиты: 09.06.1988. Специальность – история КПСС. Научный руководитель – профессор Санжиев Б. С., доцент Алтунин Е. В.

44. **Шагдуров Юрий Петрович.** Массово-политическая работа партийных организаций Восточной Сибири на промышленных предприятиях в период между XXV и XXVI съездами КПСС. Дис. ... канд. ист. наук. Специальность – история КПСС.

1990

45. **Митыпова Лора Ивановна.** Роль местной партийно-советской печати в интернационалистском воспитании молодежи (1980–1989 годы). На материалах национальных автономий Восточной Сибири. Дис. ... канд. ист. наук. Дата защиты: 26.12.1990. Специальность – история КПСС. Научный руководитель – профессор Санжиев Б. С.

46. **Ербаева Наталья Александровна.** Из опыта руководства партийных организаций развитием социальной активности женщин Восточной Сибири (1946–1955 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. Дата защиты: 27.06.1990. Специальность – история КПСС. Научный руководитель – профессор Санжиев Б. С.

47. **Раднаев Баир Эрхитович.** Формирование промышленного пролетариата в Забайкалье в эпоху капитализма (1861–1917 годы). Дис. ... канд. ист. наук. Дата защиты: 15.11.1990. Специальность – история СССР. Научный руководитель – д. и. н. Асалханов И. А.

48. **Жалсанова Эржена Цырендоржиевна.** Развитие высшей педагогической школы Восточной Сибири в 1960–1980 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Дата защиты: 25.06.1990. Специальность – история СССР. Научный руководитель – профессор Тармаханов Е. Е.

49. **Хабалов Николай Тышкеевич.** Партийное руководство развитием топливно-энергетического комплекса в Восточно-Сибирском регионе (1976–1985 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. Дата за-

щиты: 26.12.1990. История политических партий и общественных движений. Научный руководитель – профессор Тармаханов Е. Е.

50. **Жабаева Лариса Будаевна.** Опыт деятельности партийных организаций Восточной Сибири по развитию легкой промышленности в 1971–1980 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Специальность – история политических партий и общественных движений.

1993

51. **Зандараев Батор Баясхаланович.** Исторический опыт развития земледелия у бурят. XVII век – 1917 год. Дис. ... канд. ист. наук. Дата защиты: 18.11.1993. Специальность – отечественная история. Научный руководитель – профессор Асалханов И. А.

52. **Хаптаев Роман Егорович.** Железнодорожный транспорт Восточной Сибири в 1971–1985 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Дата защиты: 25.02.1993. Специальность – отечественная история. Научный руководитель – профессор А. Е. Погребенко.

1994

53. **Цыренова Зинаида Егоровна.** Осуществление национальной политики советского государства в 1945–1960 годах (на материалах Бурятии, Тувы, Хакасии, Агинского и Усть-Ордынского Бурятских округов) в школьном образовании. Дис. ... канд. ист. наук. Дата защиты: 25.06.1994. Специальность – история политических партий и общественных движений. Научный руководитель – профессор З. И. Рабецкая.

54. **Чимитова Джамия Кимовна.** Отечественная историография социально-экономических и культурных преобразований 1920–1930-х годов в Бурятской и Якутской АССР. Дис. ... канд. ист. наук. Дата защиты: 25.06.1994. Специальность – отечественная история. Научный руководитель – профессор Е. Е. Тармаханов.

55. **Григер Татьяна Борисовна.** Деятельность местных органов власти по проблемам природопользования в Бурятии, 1966–1975 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Специальность – отечественная история.

1995

56. **Шагдурова Ирина Никитична.** История развития общественно-политической мысли Бурятии в первой четверти XX века. Дис. ... канд. ист. наук. Дата защиты: 28.06.1995. Научный руководитель – профессор Тармаханов Е. Е.

57. **Мантурова Светлана Чимитовна.** Практика политического воспитания студенческой молодежи в вузах Восточной Сибири в 1970–1975 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Дата защиты: 26.06.1995. Специальность – история политических партий и общественных движений. Научный руководитель – профессор Кузнецов М. С.

58. **Батуева Татьяна Батовна.** Западноевропейские исследователи XVII–XIX вв. о народах Сибири. Дис. ... канд. ист. наук. Дата защиты: 26.06.1995. Специальность: отечественная история. Научный руководитель – профессор Дамешек Л. М.

59. **Базаров Борис Ванданович.** Общественно-политическая жизнь 1920-х – 1950-х годов и развитие литературы и искусства Бурятии. Дис. ... д-ра ист. наук. Дата защиты: 26.06.1995. Специальность – история политических партий и общественных движений. Научный консультант – профессор Щербаков Н. Н.

60. **Курас Леонид Владимирович.** Октябрьская революция в Сибири. 1917 – середина 1918 г. в отечественной исторической литературе и источниках. Дис. ... д-ра ист. наук. Дата защиты: 25.06.1995. Специальность – **отечественная история, историография, источниковедение и методы исторического исследования.** Научный консультант – профессор Дамешек Л. М.

61. **Доржиев Дандар Леонидович.** Социально-политический протест и вооруженные выступления крестьянства в Бурятии на рубеже 1920–1930-х гг. Дис. ... канд. ист. наук. Специальность – отечественная история. Научные руководители – профессор Щербаков Н. Н., доцент Базаров Б. В.

62. **Дугаров Радна Нимаевич.** История и культура племен амдо (VII–XIX вв.). Дис. ... канд. ист. наук. Специальность – всеобщая история. Дата защиты: 28.03.96. Научный руководитель – профессор Чимитдоржиев Ш. Б.

63. **Санданов Юрий Борисович.** Сельское хозяйство Забайкальской области конца XIX – начала XX вв. Дис. ... канд. ист. наук. Специальность – отечественная история. Научный руководитель – профессор Тюкавкин В. Г.

64. **Дамдинов Алдар Валерьевич.** Агван Доржиев: дипломат, политический, общественный и религиозный деятель. Дис. ... канд. ист. наук. Специальность – отечественная история. Научный руководитель – профессор Улымжиев Д. Б.

65. **Санжиева Татьяна Ефремовна.** Топливо-энергетический комплекс республик Сибири и его влияние на их социально-экономическое развитие 1960–1985 гг. Дис. ... д-ра ист. наук. Специ-

альность – отечественная история. Дата защиты: 28.11.96. Научный консультант – профессор Алексеев В. В.

1997

66. **Зайцева Любовь Алексеевна.** Развитие сельского хозяйства Бурятии (1923–1985 гг.): историческое исследование. Дис. ... д-ра ист. наук. Дата защиты: 21.05.1997. Специальность – отечественная история. Научный консультант – профессор Тармаханов Е. Е.

67. **Зориктуев Булат Раднаевич.** Прибайкалье с середины VI до начала XVII вв. Дис. ... д-ра ист. наук. Специальность – отечественная история. Дата защиты: 20.05.1997. Научный консультант – профессор Санжиев Г. Л.

68. **Ганжуров Владимир Цыденович.** Российско-монгольские отношения (1980–1995 гг.) (история, проблемы, современность). Дис. ... д-ра ист. наук. Дата защиты: 22.05.1997. Специальность – отечественная история. Научный консультант – профессор Щербаков Н. Н.

69. **Базаров Олег Дашиевич.** Японские военнопленные в Бурятии (1945–1948 г.). Дис. ... канд. ист. наук. Специальность – отечественная история. Научный руководитель – профессор Кузнецов И. И., д. и. н. Курас Л. В.

1998

70. **Басаев Геннадий Доржиевич.** Политическая история республики Бурятия в 1920–1930-е гг. и роль в ней М. Н. Ербанова. Дис. ... д-ра ист. наук. Специальность – отечественная история. Дата защиты: 11.12.98. Научный консультант – профессор Соктоев И. А.

1999

71. **Самбуева Любовь Валерьевна.** Бурятское и эвенкийское казачество Забайкалья во второй четверти XVIII – первой половине XIX вв. Дис. ... канд. ист. наук. Дата защиты: 24.12.1999. Специальность – отечественная история. Научный руководитель – профессор Щербаков Н. Н.

2000

72. **Батуева Ирина Батоевна.** История развития хозяйства забайкальских бурят в XIX в. Дис. ... д-ра ист. наук. Специальность – отечественная история. Дата защиты: 16.06.2000. Научный консультант – профессор Щербаков Н. Н.

73. **Цыремпилова Ирина Семеновна.** История взаимоотношений государства и религиозных конфессий в Бурятии в 1917–1940 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Специальность – отечественная история. Дата защиты: 18.12.2000. Научный руководитель – профессор Курас Л. В.

2001

74. **Саганова Лариса Павловна.** Спецпереселенцы-немцы в Бурятии (1941–1956 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. Специальность – отечественная история. Научный руководитель – профессор Базаров Б. В.

2002

75. **Батуев Цыденжап Бимбаевич.** Национально-государственное строительство в Республике Бурятия (вторая половина 80-х – 90-е гг. XX в.). Дис. ... канд. ист. наук. Дата защиты: 31.01.2002. Специальность – отечественная история. Научный руководитель – профессор Базаров Б. В.

76. **Андреев Чингиз Георгиевич.** Образ жизни коренных народов Восточной Сибири (бурят, хакасов, якутов) во второй половине XIX – начале XX вв. (60-е гг. XIX в. – октябрь 1917 г.). Дис. ... д-ра ист. наук. Дата защиты: 08.05.2002. Специальность – отечественная история. Научный консультант – профессор Дамешек Л. М.

77. **Балдано Марина Намжиловна.** Индустриальное развитие Бурятии (1920–1980-е гг.). Дис. ... д-ра ист. наук. Дата защиты: 31.01.2002. Специальность – отечественная история. Научный консультант – профессор Санжиев Г. Л.

78. **Калашников Иван Игнатович.** Органы внутренних дел Республики Бурятия (1923 – начало 2000 гг.) Дис. ... канд. ист. наук. Дата защиты: 05.05.2002. Специальность – отечественная история. Научный руководитель – профессор Базаров Б. В.

79. **Башкуев Всеволод Юрьевич.** Литовские спецпоселенцы в Бурят-Монголии (1948–1958 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. Специальность – отечественная история. Научный руководитель – профессор Курас Л. В.

80. **Митупов Константин Бато-Мункич.** Рабочий класс в социальной структуре Бурятии (конец 1930-х – 1970-е гг.). Дис. ... д-ра ист. наук. Специальность – отечественная история. Научный консультант – академик РАН Кукушкин Ю. С.

81. **Боронова Маргарита Максимовна.** Социально-экономическое развитие Республики Бурятия в 1960–1990 гг.: исторический

опыт и проблемы. Дисс. ... д-ра ист. наук. Специальность – отечественная история. Дата защиты: 7 мая 2002 г. Научный консультант – профессор Цыкунов Г. А.

2003

82. **Батуев Сергей Валентинович.** История уголовного розыска Бурятии (1922 – начало 1930-х гг.). Дис. ... канд. ист. наук. Дата защиты: июнь 2003. Специальность – отечественная история. Научный руководитель – профессор Курас Л. В.

83. **Кальмина Лилия Владимировна.** Еврейские общины Восточной Сибири (середина XIX в. – февраль 1917 г.). Дис. ... д-ра ист. наук. Дата защиты: 17.11.2003. Специальность – отечественная история. Научный консультант – профессор Щербаков Н. Н.

84. **Тушемилов Владимир Карлович.** История ГПУ – ОГПУ Бурят-Монгольской АССР (1923–1934 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. Специальность – отечественная история. Научный руководитель – профессор Курас Л. В.

2006

85. **Гуршоева Туяна Валерьевна.** Спецпоселенцы из Западной Украины в Иркутской области (1940-е – 1960-е гг.). Дис. ... канд. ист. наук. Дата защиты: 16.02.2006. Специальность – отечественная история. Научный руководитель – профессор Петрушин Ю. А.

2013

86. **Алексеева Валентина Юрьевна.** Единоличное крестьянское хозяйство Забайкалья (1917–1937 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. Дата защиты 6 июня 2013 г. Специальность – отечественная история. Научный руководитель – профессор Зайцева Л. А.

2014

87. **Залюбовская Татьяна Алексеевна.** Крестьянское самоуправление в Забайкальской области (вторая половина XIX в. – 1917 г.). Дис. ... канд. ист. наук. Дата защиты 17.09.2014 г. Специальность – отечественная история. Научный руководитель – профессор Зайцева Л. А.

2018

88. **Евтехов Роман Артурович.** Верхнеудинская городская полиция в системе административно-управленческого аппарата Забайкалья: становление и развитие в XVIII – начале XX в. Дисс. канд. ист. наук. Дата защиты: 15.02.2018. Специальность – отечественная история. Научный руководитель – д. и. н. Паликова Т. В.

A. A. Ivanov, S. I. Kuznetsov

**Training of highly qualified specialists for Buryatia and
dissertation council on historical sciences at Irkutsk
state university**

Abstract: The article analyzes the participation of Dissertation council D 212.074.5 on historical sciences at Irkutsk State University in training of highly qualified specialists for the Republic of Buryatia. Based on the personal archives and published articles, the authors examine the total number of dissertators from Buryatia, analyze the theme range of qualification works, dynamic of defenses in decades and particular years. Also, there is a list of scientists from Buryatia, who successfully defended their candidate and doctoral theses in Irkutsk Dissertation council.

Key words: Dissertation Council, Irkutsk State University, highly qualified specialists, Republic of Buryatia.

УДК 339.9

ББК 66.4

Е. И. Пивовар, В. Ф. Ершов

**Международное взаимодействие
финансовых институтов как фактор интеграции
на евразийском пространстве
(1991–2019 гг.)**

Аннотация. Статья посвящена роли банков, инвестиционных компаний и других финансовых организаций в развитии интеграционных процессов в Евразии и формировании Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Авторы раскрывают значение деловой и общественно-корпоративной активности финансовых институтов в восстановлении и укреплении экономических связей евразийской группы постсоветских государств в 1990-е – 2000-е годы, освещают вклад финансовых институтов развития и международных финансово-банковских объединений СНГ, ЕАЭС, ШОС и БРИКС в формирование финансово-экономического пространства Большой Евразии XXI века.

Ключевые слова: евразийская интеграция, постсоветское пространство, Евразийский экономический союз, СНГ, ШОС, финансовые институты, банки, Евразийский банк развития.

Одной из стратегических целей развития Евразийского экономического союза (ЕАЭС) является создание общего финансового рынка как неотъемлемого компонента интеграционной политики государств-участников. В 2019 г. была утверждена «Концепция формирования общего финансового рынка ЕАЭС» в отношении трех его секторов – банковского сектора, рынка ценных бумаг и страхового сектора, первый этап реализации которой планируется завершить в 2025 г.¹

Задача развития взаимовыгодного сотрудничества в банковской сфере и создания благоприятных условий для эффектив-

¹ Решение Высшего Евразийского экономического совета от 1 октября 2019 г. №20 «О Концепции формирования общего финансового рынка Евразийского экономического союза». URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/finpol/dofp/Pages/conception.aspx> (дата обращения: 15.06.2020).

ного функционирования финансового рынка входит в число приоритетов Шанхайской организации сотрудничества (ШОС)¹, партнерства БРИКС² и других международных организаций, экономические интересы которых связаны с Евразийским регионом. Президент России В. В. Путин, выступая на расширенном заседании Саммита ЕАЭС 14 мая 2018 г., отметил, что Евразийский союз «воспринимается международными экспертами как открытый, общий рынок и единое инвестиционное и деловое пространство», и подчеркнул большую перспективную значимость дальнейшего развития интеграционных программ и институтов на пространстве Евразии³.

Акторами экономической интеграции на постсоветском пространстве и шире, в рамках Большой Евразии как центрального звена в трансконтинентальной оси Европа – Россия – Центральная Азия – АТР, являются финансовые институты, к которым в соответствии со сложившейся международной классификацией относятся банки и другие кредитные организации, биржи, инвестиционные компании и фонды. Осмысление исторического опыта, современной деятельности и перспектив участия финансовых институтов в контексте процесса евразийской интеграции, который является одним из системообразующих факторов глобальной архитектуры XXI в., представляет собой актуальную научную задачу, соединяющую проблематику истории и теории международных отношений, мировых финансов и глобалистики.

Интеграционные процессы в Евразийском регионе являются предметом международных научных дискуссий более двух десятилетий. К настоящему моменту сложился основной круг теоретических и прикладных аспектов данной проблемы, составляющих предмет изучения в рамках отечественной истории новейшего времени⁴,

¹ Стратегия развития Шанхайской организации сотрудничества до 2025 года. 2015 // Электронный архив Администрации Президента России. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/a3YPpGqLvQI4uaMX43lMkrMbFNewBneO.pdf> (дата обращения: 15.06.2020).

² The Strategy for BRICS Economic Partnership. Released at the Ufa Summit. 2015. July 9 // BRICS Information Centre. URL: <http://www.brics.utoronto.ca/docs/150709-partnership-strategy-en.html> (дата обращения: 15.06.2020).

³ Стенографический отчет о заседании Высшего Евразийского экономического совета. Выступление Президента России В.В. Путина. Сочи, 14 мая 2018 г. [Электронный ресурс] // Президент России. Официальный сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/catalog/persons/43/events/57468> (дата обращения: 15.06.2020).

⁴ Пивовар Е.И. Постсоветское пространство: альтернативы интеграции: исторический очерк/Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ). СПб.: Алетей, 2008. 316 с.; он же. Интеграция на постсоветском пространстве –

политологии¹, экономики² и других социально-гуманитарных дисциплин. Промежуточные итоги историографического освоения вопросов постсоветской и евразийской интеграции, получившие отражение в публикациях А. М. Либмана, Е. И. Пивовара, А. В. Гущина, А. С. Левченкова, О. В. Бахловой, свидетельствуют о широких перспективах дальнейшего исследования геополитической и институциональной динамики Евразийского региона на основе разнообразных теоретических подходов, представленных в современной научной литературе³.

В становлении и деятельности финансовых институтов на территории Евразии в 1990–2010 гг. отразилась многовекторность развивающихся здесь геополитических, социально-экономических и миграционных процессов⁴. Так, в Евразийском регионе работают финансовые учреждения СНГ, ЕАЭС, ШОС и БРИКС, созданные специально для решения задач взаимной поддержки и развития. При этом структуры банковского бизнеса России и других постсоветских государств, ведущих стран Европейского Союза, США, Китая взаимодействуют и конкурируют друг с другом в процессе формирования евразийского финансового рынка.

основные интеграционные объединения и тенденции их развития // От античности до современности: Сборник статей по отечественной и всеобщей истории, посвященный академику РАН, заслуженному профессору Московского университета Юрию Степановичу Кукушкину/Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (МГУ). Исторический факультет. Под ред. О. Н. Барковой и Л. С. Леоновой. М.: Собрание, 2012. С. 354–374; он же. Евразийский интеграционный процесс: предпосылки, становление, развитие. Глобальные процессы на постсоветском пространстве. СПб.: Алетей, 2019. 904 с. и др.

¹ Быков А. Н. Россия и СНГ: вызовы глобализации и стратегия евразийской интеграции/Институт международных экономических и политических исследований РАН. М., 2005. 153 с.; Винокуров Е., Либман А. Евразийская континентальная интеграция. СПб: Центр интеграционных исследований, 2012. 224 с.; Халевинская Е. Интеграция, сотрудничество и развитие на постсоветском пространстве. М.: Магистр, Инфра-М, 2016. 200 с. и др.

² Мансуров Т. А. Евразийская экономическая интеграция: опыт и перспективы. М.: Русский раритет, 2015. 366 с.; Государство и рынок: механизмы и институты Евразийской интеграции в условиях усиления глобальной гиперконкуренции: (по материалам VI Международной научно-практической конференции, 4–6 октября 2017 г., Санкт-Петербург)/под ред. Дятлова С. А. СПб: Изд-во Санкт-Петербургского государственного экономического университета (СПбГЭУ), 2017. 709 с.; и др.

³ Либман А. М. Исследования региональной интеграции в СНГ и Центральной Азии: Обзор литературы. СПб, 2012; Пивовар Е. И., Гушин А. В., Левченков А. С. Интеграция на постсоветском пространстве: новый век – новые горизонты изучения // Новый исторический вестник. 2013. № 2 (36). С. 43–55; Бахлова О. В. Содержание и векторы постсоветской и евразийской интеграции: подходы и оценки // Контентус. 2017. № 8. С. 57–71.

⁴ Ружицкая И. В. Многовекторность развития стран СНГ // Ученые записки [Владимирского филиала РАНХиГС]. 2018. № 3 (27). С. 71–72.

На протяжении всего рассматриваемого периода в качестве кредиторов, консультантов и экспертов на постсоветском пространстве присутствуют Международный валютный фонд (МВФ), Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР), Всемирный банк, Исламский банк развития и ряд других глобальных финансовых институтов¹.

Становление интегрированной системы современных финансовых институтов является одним из ключевых компонентов социально-экономической модернизации Евразии. Президент Казахстана Касым-Жомарт Токаев в интервью телерадиокомпании «МИР», говоря о перспективах развития ЕАЭС, отметил: «Евразийский экономический союз в будущем должен стать сильным экономическим союзом с инновационной экономикой, развитой промышленностью, высоким уровнем человеческого капитала»². Не вызывает сомнений, что международная деятельность кредитных и инвестиционных организаций играет важную роль в историческом и современном развитии Евразии, выступая не только в качестве технологического финансового инструмента, но и как важнейшая часть социальной жизни граждан, деловой и повседневной культуры, информационного и научно-образовательного пространства Евразийских государств³. Как отмечает О.И. Лаврушин, банки – «это прежде всего общественные агенты и лишь во вторую очередь субъекты, работающие в коммерческих целях для получения прибыли»⁴. Без участия финансовых организаций в современном мире невозможно осуществление денежных переводов, цивилизованных расчетов между участниками торговых операций, работниками и работодателями, инвесторами и получателями инвестиций и т.п. Финансовые институты составляют сферу занятости миллионов квалифицированных специалистов и формируют целый ряд направлений интеллектуального бизнеса, как самостоятельных, так и связанных с другими отраслями

¹ Laruelle, Marlene and Peyrouse, Sebastien (2012). «Regional Organisations in Central Asia: Patterns of Interaction, Dilemmas of Efficiency». University of Central Asia. Institute of public policy and administration. Working Paper. № 10. P. 5.

² Президент Казахстана рассказал, каким видит будущее ЕАЭС [Электронный ресурс] // ТРК «Мир». 1 мая 2020. URL: <https://mir24.tv/news/16408362/tokaev-rasskazal-kakim-vidit-budushchee-eaes-esklyuziv> (дата обращения: 15.06.2020).

³ Ершов В.Ф. Финансовая система России в контексте модернизации социального пространства СНГ и Ближнего зарубежья // Перспективы науки. 2015. №4 (67). С. 158–162.

⁴ Лаврушин О.И. От теории банка к современным проблемам его развития в экономике // Банковское дело. 2003. № 7. С. 2.

экономики. Банки и биржи являются частью современной урбанистической культуры, превращая города в центры пересечения и взаимодействия финансовых потоков¹.

В контексте настоящего исследования нельзя не отметить также, что ведущие финансовые институты Евразии, прежде всего Евразийский банк развития (ЕБР), являются центрами сбора, аналитической обработки и публикации научной информации по проблемам евразийской интеграции, представляющей ценность в том числе как часть историографии проблемы². Ведущие банки России, Казахстана и других евразийских государств, оказывая поддержку развитию финансового образования и науки, становятся участниками международных интеграционных процессов, опирающихся на интеллектуальное взаимодействие и диалог культур народов Евразии³.

В связи с выработкой валютной политики и других направлений экономического взаимодействия стран СНГ уже в первой половине 1990-х гг. в научной литературе освещались различные аспекты создания и деятельности на постсоветском пространстве финансовых институтов⁴. Однако их интегративная роль лишь недавно вошла в орбиту исследовательских интересов⁵ и нуждается

¹ A city in the globalizing world (2015). By Yury Sayamov, Alexey Ivanov, Ruslan Gabdullin and Ivan Yashkov, in collaboration with and with contribution of Joseph Mifsud, Andrey Vashevnik and Stephan C. Roh. Moscow: Moscow University Publishing House. P. 131–134.

² Пивовар Е. И., Гуцин А. В. Основные направления изучения постсоветской интеграции в российской историографии // Вестник РГГУ. Серия: Международные отношения. Зарубежное регионоведение. 2013. № 21 (122). С. 16–17.

³ Пивовар Е. И. Евразийский интеграционный проект на постсоветском пространстве: предпосылки, становление, развитие, (1991–2015 гг.) / Российский государственный гуманитарный университет (РГУ). СПб: Алетей, 2017. 719 с.; он же. Мир российского зарубежья в конце XX – начале XXI века. М.: РГГУ, 2019. 439 с.

⁴ Проблемы формирования общего экономического пространства стран «ближнего зарубежья» (теоретические аспекты) / Валентей С. Д. (рук.), Нестеров Л. И., Крылова Н. Б. и др. М.: Институт экономики РАН, 1993. 62 с.; Евстигнеев В. Р. Валютная интеграция в постсоветском экономическом пространстве: актуален ли западноевропейский опыт? М.: Институт мировой экономики и международных отношений РАН, 1995. 32 с. и др.

⁵ Ершов В. Ф. Деятельность российских банков в сфере интеграции финансовых систем стран СНГ и ближнего зарубежья // Инновации и инвестиции. 2015. № 4. С. 37–39; Стародубцева Е. Б., Маркова О. М. Реформирование банковских систем стран ЕАЭС в преддверии создания единого финансового рынка // Мир новой экономики. 2017. № 4. С. 108–113; Блохина Т. К., Гладкая А. Н., Костина А. Н. Интеграция в банковском секторе стран Евразийского экономического союза: проблемы и направления развития // Вестник университета. 2018. № 10. С. 130–135; Виттенберг Е. Я., Пивовар Е. И. Сотрудничество российского и украинского бизнеса в сфере инвестиций (1991–2013) // Труды Института постсоветских и межрегиональных исследований. 2018. Выпуск 1. Украинистика. С. 9–72; Виттенберг Е. Я. Сотрудничество российского и казахстанского бизнеса: достижения и проблемы. Труды Института постсоветских

в дальнейшем изучении. В настоящей статье авторы ставят перед собой задачу воссоздания картины развития и деятельности основных финансовых институтов на Евразийском пространстве с момента образования СНГ в 1991 г. и до настоящего времени в контексте исторического процесса евразийской интеграции конца XX – начала XXI вв.

Многогранность общественных функций и форм деятельности финансовых институтов позволяет изучать их на основе синтеза нескольких исследовательских подходов – институционального, инструментального и сетевого¹, раскрывая их интегративную роль во внешней государственной политике России и других стран Евразии, в структуре международных финансовых сетей и в различных корпоративных системах (банковских, вузовских и др.).

В 1990–2000 гг. на постсоветском пространстве сложилось несколько систем финансовых институтов, участвовавших в процессе восстановления и создания новых экономических и информационно-технологических связей между бывшими союзными республиками. В самостоятельную группу следует выделить два международных банка – Межгосударственный банк СНГ (с 1993 г.) и Евразийский банк развития (с 2006 г.), создание которых непосредственно выражает идею финансовой интеграции постсоветских государств. Появление каждого из этих банков соответствовало определенному уровню финансово-экономического взаимодействия постсоветских государств: это стремление к координации и стандартизации банковской деятельности стран СНГ в 1990-е годы и решение задач по финансированию модернизации и расширения международных инвестиций на евразийском пространстве – в XXI в.

Постоянными и наиболее активными участниками финансового взаимодействия евразийских государств явились центральные (государственные) и ведущие коммерческие банки стран СНГ, в том числе вошедшие в структуру финансово-промышленных групп (ФПГ). Существенную координирующую роль в работе национальных банковских институтов постсоветских государств играют международные корпоративные организации – Международная ассоциация бирж (МАБ) СНГ (с 2000 г.), Международный

и межрегиональных исследований. 2019. Выпуск 2. Казахстановедение. С. 104–168; Виттенберг Е. Я., Пивовар Е. И. Российско-азербайджанское сотрудничество в сфере бизнеса: достижения, проблемы, перспективы. Труды Института постсоветских и межрегиональных исследований. 2020. Выпуск 3. Азербайджановедение. С. 9–102.

¹ Бахлова О. В. Указ. соч. С. 63–64.

Банковский Совет (с 2004 г.), Финансово-банковская ассоциация ЕвроАзиатского сотрудничества (с 2013 г.) и др., ставшие, как будет показано далее, непосредственными организаторами и участниками интеграционных процессов на евразийском пространстве. Фактором евразийской интеграции является также деятельность созданных деловыми сообществами стран – членов СНГ и ЕАЭС совместных инвестиционных и страховых компаний.

Первым объединением финансовых институтов постсоветского пространства стала Ассоциация сберегательных банков СНГ, решение о создании которой было принято 29 августа 1991 г. на Совещании руководителей сберегательных банков суверенных государств и суверенных республик (за исключением Литвы и Эстонии)¹. Само по себе это событие не имело интеграционного характера, но, напротив, отражало процесс распада финансово-экономической системы СССР: учредительный Договор о создании Ассоциации от 30 октября 1991 г. зафиксировал разделение единой системы Сбербанка СССР на независимые организации и порядок распределения между ними капиталов. Имевшиеся в распоряжении республиканских сбербанков денежные ресурсы на тот момент оформлялись в виде кредитов, предоставленных Сбербанком СССР. В то же время предполагалось, что сберкнижки граждан, квитанции и ценные бумаги с символикой Сбербанка СССР сохранят свою юридическую силу и ликвидность на всем постсоветском пространстве. Ассоциация сберегательных банков СНГ должна была стать центром научной аналитики и обмена информацией между государственными банками постсоветских государств, способствуя выработке общих принципов и технологий реформирования их финансовых систем². Начавшийся вскоре распад рублевой зоны и невозможность проведения государствами Содружества единой денежно-кредитной политики в условиях нарастания центробежных тенденций на постсоветском пространстве³ не позволили Ассоциации реализовать свои координационные функции. Тем не менее ее появление в системе

¹ Протокол Совещания руководителей сберегательных банков суверенных государств и суверенных республик от 29 августа 1991 г. // Кротов Н.И. История советской банковской реформы 80-х годов XX века. Спецбанки: Свидетельства очевидцев. Документы. М.: АНО «Экономическая летопись», 2008. С. 388–389.

² Устав Ассоциации сберегательных банков. Утвержден собранием учредителей 30 октября 1991 года // Законы России. URL: http://lawrussia.ru/texts/legal_273/doc27a852_x939.htm (дата обращения: 15.06.2020).

³ Центральный банк Российской Федерации. Годовой отчет 1992. М.: ЦБ РФ, Департамент исследований, информации и статистики, 1993. С. 28–29.

международных институтов стран СНГ явилось одним из факторов формирования интегративного подхода к межгосударственному диалогу на раннем этапе истории Содружества. Ассоциация сберегательных банков СНГ, просуществовавшая до 1999 г., играла символическую роль, обозначая одно из возможных направлений корпоративного взаимодействия финансовых институтов Содружества. Ее бессменным руководителем являлся П.И. Жихарев, видный советский и российский банковский деятель, председатель правления Сбербанка России в 1991–1993 гг.

В первой половине 1990-х гг. странами СНГ был достигнут ряд договоренностей, направленных на организационно-правовое и технологическое обеспечение межгосударственных денежных расчетов и других вопросов координации валютной, денежно-кредитной и финансовой политики на постсоветском пространстве. Их концептуальная основа определялась Договором от 24 сентября 1993 г. о создании Экономического союза государств СНГ¹, а конкретное содержание – стремлением найти механизмы преодоления деструктивных процессов в финансовом секторе и стимулирования экономического роста. Соглашение от 21 октября 1994 г. об образовании Платежного союза подписали все страны, состоявшие на тот момент в СНГ. Концепция этого документа базировалась на установлении взаимной конвертируемости национальных валют и формировании в перспективе на этой основе общей платежной системы. Еще ранее Соглашением от 22 января 1993 г. был учрежден Межгосударственный банк СНГ (Межгосбанк), который должен был выполнять функции организатора многосторонних расчетов между национальными (центральными) банками государств – участников и координировать их кредитно-денежную политику, в том числе разрабатывать предложения в области модернизации системы банковского учета и надзора. В октябре 1996 г. полномочными представителями правительств и центральных банков государств Содружества был подписан Протокол об условиях деятельности Межгосударственного банка, согласно которому центральные банки стран СНГ получили право заключать с Межгосбанком двусторонние соглашения о расчетах по платежам и кредитам. В целях углубления координации в сфере денежно-кредитной и валютной политики стран Содружества

¹ Договор о создании Экономического союза от 24 сентября 1993 г. // Интеграционные процессы в странах СНГ. СПб: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1996. Вып. 32. С. 185–194.

в мае 1995 г. был создан также Межгосударственный валютный комитет (МВК) СНГ. Потенциал Платежного союза как инструмента финансовой интеграции и предшественника будущего Валютного союза постсоветских государств подтверждался в тексте «Концепции экономического интеграционного развития СНГ», принятой 28 марта 1997 г. Советом глав государств Содружества и ставшей на тот момент важным шагом вперед в выработке стратегических принципов интеграционного взаимодействия стран – участников СНГ¹.

Эти первые попытки формирования международных институтов финансовой интеграции стран СНГ в течение нескольких последующих лет фактически играли роль протокола о намерениях, поскольку мало совпадали с реалиями финансово-экономической и политической жизни постсоветского пространства 1990-х годов. Между теорией платежно-расчетных отношений, изложенной в документах Платежного союза, и практикой финансовой политики государств СНГ имелись существенные противоречия, которые детально проанализированы в работах Н. Г. Глазковой, Я. А. Гейвандова и других авторов². Для их преодоления необходима была дальнейшая модернизация национальных банковских систем, которые к концу 1990-х гг. и находились на разных уровнях институционального и технологического развития, и «демонстрировали признаки хрупкости»³.

В 2000-е гг. различные аспекты организации Платежного союза, сохраняющего свою актуальность как часть перспективной программы развития Содружества, продолжали обсуждаться экспертами стран-участниц и руководством СНГ уже в контексте программ финансовой интеграции Евразийского Экономического сообщества⁴. В целом договорные отношения

¹ Астапов К. Формирование единого экономического пространства стран СНГ // *Мировая экономика и международные отношения*. 2005. № 1. С. 95–96; и др.

² Глазкова Н. Г. Платежный союз СНГ: генезис и направления совершенствования // *Вестник Волгоградского государственного университета*. Серия 3: Экономика. Экология. 2006. № 10. С. 145–150; Гейвандов Я. А. Платежный союз СНГ и межгосударственные банковские институты на постсоветском пространстве // *Право и политика*. 2007. № 11 (95). С. 50–60; Рстакян Т. В. Формирование платежно-расчетного союза как основа финансово-экономической интеграции стран СНГ // *Вестник экономической интеграции*. 2011. № к. С. 149–156; и др.

³ Pontbriand, Gaël de (2001). «Banking Systems in Eastern Europe and the CIS», *Revue d'économie financière* (English ed). № 6 (1). P. 391.

⁴ Мулюкова В. А. Международно-правовые аспекты развития экономического сотрудничества государств – членов Содружества Независимых Государств // *Вестник РУДН*. Серия: Юридические науки. 2011. № 2. С. 99–101; Годес Н. В. Евразийский

и первые институциональные проекты в сфере интеграционной финансовой политики стран СНГ 1990-х гг. могут рассматриваться в качестве концептуальной и организационной платформы для перехода на новый уровень финансово-экономического взаимодействия постсоветских государств Евразии в XXI веке, включая интеграционную деятельность финансовых институтов. На начальном этапе политико-правовых и экономических реформ в постсоветских государствах ведущими банками России, Беларуси, Казахстана, Украины, Азербайджана были сделаны первые шаги в создании зарубежных дочерних и совместных банков, покупке пакетов акций банков в странах – партнерах по СНГ. Так, например, уже в январе 1992 г. на территории Российской Федерации начал работать Коммерческий банк «Анелик РУ» (дочернее предприятие ЗАО «Банк Анелик», Армения). В 1994 г. было основано ОАО ДБ «Альфа-банк» (Казахстан), в 1996 г. – ЗАО «ВТБ (Беларусь)», в 1997 г. – белорусско-российское ОАО «Белгазпромбанк». С 2002 г. в столице России действует Банк «МБА-МОСКВА» – дочерняя организация Международного Банка Азербайджана, созданная при поддержке правительства Республики Азербайджан¹.

На рубеже 1990-х – 2000-х гг. в системе политико-дипломатических связей и социально-экономическом развитии стран СНГ возникает целый ряд новых факторов, которые способствовали заметному повышению роли финансовых институтов, прежде всего банков и их корпоративных объединений, в процессах постсоветской интеграции. Реальные контуры приобрела в этот период и концепция Евразийского сотрудничества, в процессе дальнейшего становления которой еще более наглядно проявились интеграционные свойства финансовых институтов.

28–29 апреля 1998 г. внимание прессы стран Содружества было привлечено к московской встрече лидеров «четверки» (Бориса Ельцина, Александра Лукашенко, Нурсултана Назарбаева и премьер-министра Кыргызстана К. Жумалиева) и заседанию Совета глав правительств СНГ, главным итогом которых явилось утверждение приоритета экономического направления в интеграционной стратегии, в том числе через вовлечение в интегра-

Платежный союз: теоретическая модель и перспективы ее применения/под науч. ред. И. Н. Жук. Минск: Право и экономика, 2013. С. 109.

¹ Глава «Банка «МБА-МОСКВА»: мы нацелены на долгосрочное сотрудничество // РИА «Новости». 12 ноября 2019 г. URL: <https://ria.ru/20191112/1560837692.html> (дата обращения: 15.06.2020).

ционные проекты частного бизнеса и прямое взаимодействие финансово-промышленного и банковского капитала стран Содружества.

В эти же дни по инициативе президента Республики Казахстан Нурсултана Назарбаева было принято Заявление четырех стран – Беларуси, Казахстана, Кыргызстана и России «О десяти простых шагах навстречу простым людям», которое привлекло внимание к проблемам повседневной жизни граждан СНГ. В Заявлении, к которому позднее присоединился также Таджикистан, подчеркивалась решимость лидеров государств «привести интеграционным процессам новый импульс»: создать единое экономическое пространство путем организации реально действующего Таможенного союза и системы мер, облегчающих перемещение людей, товаров, услуг и капиталов по территории Содружества. В числе перечисленных в Заявлении проектов 10 соглашений и договоров, подписанных 24 ноября того же года в Москве главами правительств Таможенного союза, присутствовал и документ об упрощении процедуры международных денежных переводов, что требовало системного организационного и технологического взаимодействия финансовых организаций¹.

Лето и осень 1998 г. ознаменовались существенным укреплением российско-казахстанских отношений, ставших «локомотивом постсоветской интеграции»², а также давших стимул укреплению евразийского вектора внешней политики России и активизации интеграционных процессов по линии ЕврАзЭС и ШОС в 2000-е годы, в том числе в финансовой сфере. Высокая интенсивность принятия последующих интеграционных документов СНГ и их связь с реальными потребностями экономики и бизнеса стран Содружества³ были позитивно восприняты промышленным и банковским капиталом постсоветских государств, значительно усилившим свою деятельность на постсоветском пространстве,

¹ О десяти простых шагах навстречу простым людям // Бюллетень развития интеграции. Специальный выпуск. Алматы, 1999.

² Евразийский экономический союз/Е. Ю. Винокуров, Д. А. Коршунов, В. С. Перебоев, Т. В. Цукарев. Под ред. д. э. н. Е. Ю. Винокурова. Центр интеграционных исследований ЕАБР. Санкт-Петербург: ЦИИ ЕАБР, 2017. С. 240.

³ Договор о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве (1999), Протокол о намерениях и поправках к Соглашению о создании зоны свободной торговли (1999), Договор об учреждении ЕврАзЭС (2000), учреждение Шанхайской организации сотрудничества (2001), Декларация, Концепция и Соглашение о создании Единого экономического пространства (2003) и др.

причем наиболее активно в этом направлении действовали российские ТЭК и казахстанские банки¹.

В 2000-е гг. количество дочерних структур российских банков и их филиалов в странах СНГ возрастает, причем ряд из них имеет корреспондентские связи с банками Великобритании, Германии, Литвы, Польши, США, Франции, Швейцарии, Японии². Ведущие российские кредитные организации – Сбербанк России, ВТБ, Альфа-банк и др., работающие в СНГ, становились лидерами в сфере финансовых технологий и менеджмента, обучения персонала, способствуя развитию финансовых связей в евразийском регионе на основе утверждения единых международных (Базельских) стандартов банковской деятельности. Так, Центральный банк Российской Федерации заключил двусторонние соглашения с надзорными органами Республики Беларусь, Казахстана, Таджикистана. В то же время наличие общих традиций банковского дела советского периода, а также свойственные молодым банковским системам СНГ опасения конкуренции со стороны мощных европейских и американских банков на начальном этапе реформирования финансовых систем постсоветских государств создавали определенные конкурентные преимущества для российских финансовых институтов³.

Аналогичную активность проявляли ведущие банки Казахстана. К началу 2008 г. казахстанский «Банк «Туран Алем» (БТА) имел четыре подконтрольных ему организации в России и по одной – в Беларуси и Киргизской Республике. Казкоммерцбанк, АТФ банк и Народный банк Казахстана создали по одному отделению в Российской Федерации и Кыргызстане. В общей сложности в этот период, по подсчетам А. А. Абалкиной, действовало «по крайней мере, 13 банков стран ЕврАзЭС и 24 банка СНГ, проводящих экспансию в рамках интеграционной группировки»⁴. Объем инвестиций банков ЕврАзЭС в уставные капиталы друг друга на начало 2007 г. составил более 522 млн долларов, превысив вдвое показатели 2005 г., а активы контролируемых ими кредитных организа-

¹ Евразийский экономический союз/Е. Ю. Винокуров и др. С. 243.

² Подр. см.: Голодова Ж. Г., Ранчинская Ю. С., Абакумова А. В. Российские дочерние банки в странах СНГ: оценка роли и результатов деятельности // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2012. Т. 8. № 12 (153). С. 15–24.

³ Keren, Michael and Ofer, Gur. «The Role of FDI in Trade and Financial Services in Transition: What Distinguishes Transition Economies from Developing Economies?» // Comparative Economic Studies. 2002. № 44 (1). P. 15–45.

⁴ Абалкина А. А. Предпосылки и перспективы банковской интеграции в странах ЕврАзЭС // Вестник экономической интеграции. 2008. № С. 82.

ций – свыше 3,8 млрд долларов. По сравнению с 2005 г. взаимное участие банков стран ЕвразЭС в уставном капитале удвоилось¹. В 2010-х гг. процессы интеграции банковских систем евразийских государств продолжали развиваться. Так, к 2012 г. 40 из 50 крупнейших банков России имели партнерские отношения с казахстанским «Банком «Туран Алем». При этом БТА успешно расширил свою деятельность на мировом финансовом рынке, установив корреспондентские связи с 500 зарубежными банками². В 2015 г. российский банк ВТБ открыл в г. Гянджа 13-е по счету отделение в Азербайджане; и т. п.

В этот период на постсоветском пространстве существенно возросла социальная роль банковской сферы, в которую было вовлечено в качестве специалистов и пользователей большое число людей, в том числе в системе международных финансовых связей. Банковские организации оказывали заметное влияние на ход развития экономической и общественно-политической ситуации, на процесс модернизации промышленности и бизнеса в евразийском регионе³. В 2000-е гг., содействуя выравниванию темпов и качества социально-экономического развития стран ЕвразЭС, мобильности населения, росту информационных коммуникаций, финансовые институты тем самым стимулировали интеграционные процессы на постсоветском пространстве. Крупные банки России, Казахстана, Азербайджана, Белоруссии, Армении утверждали в деловой среде модель социально ответственного делового поведения, что также улучшало перспективы дальнейшего экономического роста и общественной стабильности.

Фактором активизации международных связей и институционального развития ведущих банков России и СНГ являлась также высокая востребованность банковских услуг со стороны национальных диаспор стран Ближнего зарубежья, проживавших в России и стремившихся к интеграции в ее социум и хозяйственный механизм при сохранении личных и деловых связей на родине. В частности, финансовые операции по Платежной системе «ANELIK» уже упоминавшегося банка «Анелик РУ» к настоящему времени осуществляют все ведущие банки стран ЕАЭС и Восточной Европы, рабочие структуры «Анелик РУ» созданы во Фран-

¹ Абалкина А. А. Указ. соч. С. 81.

² Россия и Казахстан – единое экономическое пространство (ЕЭП). URL: <http://ria.ru/spravka/20120101/529308191.html> (дата обращения: 15.06.2020).

³ Черникова Е. В. Регулирование банковской деятельности в Российской Федерации: административный и организационный аспекты. М., 2009. С. 3.

ции, Великобритании, Испании, Нидерландах, Швейцарии и других странах Европы и мира.

В XXI в. региональные банки и банковские организации России и стран ЕврАзЭС участвуют в расширении внешнеэкономических связей регионов и развитии совместного предпринимательства с банками соседних государств, в том числе реализуют совместные инвестиционные проекты, взаимодействуют в сфере банковской безопасности, подготовки кадров и т.п. Примером подобного взаимовыгодного сотрудничества являются, в частности, долговременные связи банковской группы «Банковский Дом «Оренбуржье» и кредитных организаций Казахстана. Стимулом развития инвестиционных связей субъектов Российской Федерации со странами Евразийского региона являются международные экономические и дипломатические мероприятия, включая саммиты ШОС и БРИКС¹.

Важную роль в процессе евразийской интеграции играет развитие научно-экспертного сотрудничества финансовых институтов на двустороннем уровне. В частности, в 2010-х гг. стало традиционным проведение Российско-Азербайджанских межбанковских форумов. Вопросы конструктивного взаимодействия банков России и Азербайджана обсуждались также участниками Азербайджано-российского межрегионального форума «Межрегиональное сотрудничество: новые возможности роста» и на других близких по тематике мероприятиях, отражающих стремление двух стран и их деловых сообществ к диалогу и взаимовыгодному партнерству. В частности, в апреле 2015 г. в Баку была организована международная конференция «Перспективы развития исламского банкинга на постсоветском пространстве», в которой приняли участие ведущие российские экономисты и представители банковского бизнеса, и т.п.

В начале XXI в. в контексте формирования евразийского вектора внешней политики Российской Федерации и расширения финансово-экономических связей России и Китая, в рамках стратегического партнерства двух стран повышается и уровень взаимодействия российских и китайских финансовых институтов. Так, 26 февраля 2008 г. был открыт филиал ВТБ в финансовой столице КНР – Шанхае, что явилось серьезным прорывом российских

¹ Сукиасян А.А., Юсупов Р.Г. Республика Башкортостан в системе инвестиционного взаимодействия государств ШОС и БРИКС (2001–2017) // Экономика и управление. 2018. № 6 (144). С. 17–21.

банков на китайский финансовый рынок. Этому событию предшествовала большая организационная и научно-аналитическая работа, проводившаяся в течение нескольких лет представительством ВТБ в Китае. Межбанковский диалог является неотъемлемой частью системы двусторонних российско-китайских отношений и сотрудничества в рамках ШОС, БРИКС и Восточноазиатского саммита, оказывающих влияние на международные политико-дипломатические и экономические процессы. В настоящее время финансовые институты КНР стали важным креативным фактором развития интеграционных тенденций на евразийском пространстве и укрепления российско-китайского финансово-экономического и интеллектуального взаимодействия¹. Сотрудничество банков России, Китая и других стран АТР осуществляется в системе финансовых связей на пространстве Евразии, стимулируя в том числе интеграционные процессы в регионе и по трансконтинентальной линии «Экономического пояса Шелкового пути» в рамках проекта «Один пояс – один путь»².

Задачи сопряжения современных программ создания системы инновационных инфраструктурных и финансовых коммуникаций, сопрягающих Азиатско-Тихоокеанский регион, российский Дальний Восток и Евразию, являются предметом конструктивного обсуждения на Восточном экономическом форуме, постоянными участниками которого являются высшие руководители и представители деловой элиты России, Китая, Японии и других стран³.

Значительный потенциал подобного интеграционного диалога имеет Международный финансовый центр «Астана» (МФЦА) в столице Казахстана, активно включившийся в 2017–2018 гг. в систему формирования связей финансовых институтов ЕАЭС, ШОС, США и Евросоюза. Партнерами биржи МФЦА являются американская Nasdaq и Шанхайская фондовая биржа, что пред-

¹ Ershov, Vitaly F. (2016) «Strategic partnership of Russia and China in a globalizing world» // *Man in India*. № 96 (10). P. 3505–3520.

² Воркунова О. А., Курылев К. П. Российско-китайские отношения – связующее звено трансформации Евразии // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: История России. 2019. Т. 18. № 4. С. 833–834. URL: <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-4> (дата обращения: 15.06.2020).

³ Зулкарнай И. У. Саммит БРИКС (Китай) и III Восточный экономический форум (Россия) // *Проблемы востоковедения*. 2017. № 3 (77). С. 96–98; С. 111–113; Рензин О. М. Региональное сотрудничество в контексте нового этапа отношений России и Китая // *Власть и управление на Востоке России*. 2019. № 1 (86). С. 12; Пивовар Е. И. Проблемы евразийской интеграции на полях заседаний Восточного экономического форума // *Вестник РГГУ. Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения*. 2020. № 1. С. 10–49; и др.

ставляет собой пример конструктивного взаимодействия финансовых институтов ЕАЭС, Китая и США. Управляющий казахстанским Международным финансовым центром Кайрат Келимбетов подчеркнул в интервью «Российской газете»: «Мы уверены: только сотрудничество и укрепление связей станут залогом успешного развития стран Евразийского региона»¹. С момента своего основания Международный финансовый центр «Астана» ведет совместную работу с Евразийской экономической комиссией в сфере формирования единого финансового рынка ЕАЭС, а также изучает перспективы создания единой товарной биржи стран ЕАЭС в партнерстве с Московской межбанковской валютной биржей (ММВБ)².

В начале XXI века в процессе деятельности финансовых институтов в Евразийском регионе создается система многоуровневых международных связей в форме инвестиций, кредитов, информационных и образовательных проектов. Происходит также появление новых корпоративных объединений финансового профиля. Так, в апреле 2000 г. была основана Международная ассоциация бирж (МАБ) СНГ, в состав которой к настоящему времени входят 20 бирж и других финансовых организаций из 10 стран: Азербайджана, Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, Молдовы, России, Таджикистана, Узбекистана и Украины. Объединение было создано в целях содействия внедрению в государствах Содружества международных стандартов рынка ценных бумаг, обмена опытом и координации деятельности валютных, фондовых и товарных бирж, развития международного финансового и экономического взаимодействия участников Ассоциации. На сайте МАБ сообщается, что входящие в нее финансовые организации являются центральным звеном финансовой инфраструктуры. Находясь между регуляторами и участниками рынка, «они не только организуют торги и проводят расчеты, но и выступают в качестве катализатора перемен и внедрения инноваций»³. Существенную роль Международная ассоциация бирж играет в развитии интеграционных связей, в том числе между системами финансовых институтов СНГ и ЕАЭС. Специалистами МАБ и Московской межбанковской ва-

¹ МФЦ «Астана» станет ключевым элементом новой финансовой инфраструктуры Евразии [Интервью с управляющим МФЦА Кайратом Келимбетовым] // Российская газета. 2 июля 2018 г.

² Там же.

³ Международная ассоциация бирж СНГ. Справка по Ассоциации. URL: <https://mab-sng.org/reference/> (дата обращения: 15.06.2020).

лютной биржи (ММВБ) была разработана концепция создания интегрированного валютного рынка стран Содружества (ИВР), которая была 25 апреля 2003 г. одобрена Советом глав правительств СНГ. Этот проект, работа над которым была приостановлена в связи с вступлением ряда стран Содружества в ВТО, лег в основу Концепции либерализации рынка финансовых услуг СНГ (2012) и «Соглашения о сотрудничестве в области организации интегрированного валютного рынка», которое было подписано 5 декабря 2012 г. на Совете глав государств СНГ. Данный документ предоставлял коммерческим банкам стран Содружества равноправный доступ на национальные валютные рынки друг друга¹. В Евразийском экономическом сообществе уже действовало аналогичное Соглашение от 25 января 2006 г. Кроме того, благодаря активности ряда биржевых и банковских структур ЕврАзЭС, прежде всего Группы «Московская биржа» (МОЕХ), с ноября 2009 г. был согласован доступ банков – резидентов государств ЕврАзЭС на валютный рынок Московской биржи. В 2010–2012 гг. были подписаны необходимые для практической реализации этой договоренности соглашения между Банком России и центральными банками Кыргызстана, Беларуси, Таджикистана и Казахстана. Тем самым были созданы «широкие возможности для взаимного доступа банков стран ЕврАзЭС/СНГ на интегрированный рынок»². На основе вышеперечисленных межгосударственных и межбанковских соглашений появилась возможность осуществления в последующие годы системной интеграции биржевых практик СНГ и ЕАЭС. Следует отметить, что финансовые институты, в данном случае биржи, проявляют значительную заинтересованность в углублении евразийской интеграции. Так, например, в структуре Московской биржи было создано специальное Управление межбиржевой интеграции бирж стран СНГ, которое вело организационную и дипломатическую работу по привлечению к сотрудничеству с Московской биржей финансовых структур постсоветских государств. В частности, Киргизская Республика, в отличие от других стран ЕАЭС, не присутствовала на интегрированном рынке Московской биржи. Решение о приходе ЗАО «Кыргызская Фондовая Биржа» на финансовую площадку Московской биржи было согласовано на встрече представителя Московской биржи, начальника Управления межбиржевой интеграции

¹ Мишина В.Ю., Куприн А.И. Интегрированный валютный рынок СНГ: движение от теории к практике // Евразийская экономическая интеграция. 2013. № 1 (18). С. 34.

² Там же. С. 35.

бирж стран СНГ А.И. Куприна с руководителями Госфиннадзора и Национального банка Кыргызстана, состоявшейся в Бишкеке в октябре 2018 г.¹. 10 октября 2018 г. в г. Алматы было торжественно подписано Соглашение о стратегическом партнерстве Группы «Московская биржа» и Казахской фондовой биржи (KASE). Председатель правления Московской биржи Александр Афанасьев в связи с этим событием отметил: «Соглашение Московской биржи и KASE – лидирующих инфраструктурных организаций двух крупнейших финансовых рынков Евразийского экономического союза – важный шаг в развитии ЕАЭС. Мы уверены, что стратегическое сотрудничество будет содействовать повышению конкурентных преимуществ сторон и росту перспектив развития фондовых рынков»². Председатель правления Казахской фондовой биржи Алина Алдамберген, высоко оценив новые возможности развития биржевых рынков и финансовых технологий обеих стран, также подчеркнула, что стратегическое сотрудничество ведущих бирж России и Казахстана «будет содействовать повышению конкурентных преимуществ сторон и росту перспектив развития фондовых рынков»³.

В 2000 г. при участии Исполнительного комитета СНГ была также учреждена Ассоциация «Объединенная платежная система Содружества», в которую вошли финансовые организации Армении, Беларуси, Казахстана, Молдавии, России и Таджикистана. Ее непосредственной задачей была поддержка согласованной политики в сфере использования пластиковых карт на постсоветском пространстве. В декабре 2001 г. на Международной выставке в Москве, посвященной 10-летию СНГ, под эгидой Ассоциации состоялась демонстрация банкомата Объединенной платежной системы, через который за период работы выставки было проведено более 1000 транзакций. В частности, банкоматом воспользовались лидеры стран СНГ, члены Исполнительного комитета Содружества, представители руководства Союзного государства Россия – Беларусь и др.⁴

¹ Граждане и финансовые организации Кыргызстана могут принимать участие в торгах Московской фондовой биржи // SELDON News 18 октября 2018 г. URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/197105505> (дата обращения: 17.06.2020).

² Казахская фондовая биржа и Московская биржа стали стратегическими партнерами // Сайт АНО «Содружество народов Евразии». 10 октября 2018 г. URL: <http://evrazia-ural.ru/novosti/kazahstanskaya-fondovaya-birzha-i-moskovskaya-birzha-stali-strategicheskimi-partnerami> (дата обращения: 17.06.2020).

³ Там же.

⁴ В СНГ начало действовать единое платежное пространство // РИА «Новости». 13 декабря 2001 г. URL: <https://ria.ru/20011213/34535.html> (дата обращения: 17.06.2020).

Договоренность «четверки» СНГ о формировании Единого экономического пространства, достигнутая в сентябре 2003 г., явилась стимулом для появления «Международного Координационного Совета банковских ассоциаций стран Содружества Независимых Государств, Центральной и Восточной Европы» (Международного Банковского Совета, МБС). Решение о создании этого корпоративного объединения было принято 3 сентября 2004 г. руководителями и ответственными представителями банковских ассоциаций России, стран СНГ и государств Центральной и Восточной Европы в рамках Второго Международного банковского форума «Банки России – XXI век». Первоначально у истоков МБС, созданного с целью повышения эффективности участия банков в международном экономическом сотрудничестве, стояли Ассоциация региональных банков России (Ассоциация «Россия»), Ассоциация белорусских банков, Ассоциация банков Республики Казахстан и Банковская Ассоциация стран Центральной и Восточной Европы (ВАСЕЕ). Позднее в МБС вступили национальные ассоциации банков Азербайджана, Армении, Грузии, Молдовы, Таджикистана, Узбекистана, Украины, а также Сербии и Черногории. Членами Совета МБС являются также некоммерческие партнерства «Финансово-банковский совет СНГ» (ФБС СНГ) и Финансово-банковская ассоциация ЕвроАзиатского сотрудничества (ФБА ЕАС), о которых будет подробнее сказано ниже. Председателем Международного Банковского Совета, исполнительное руководство которого представляет собой выборную группу в составе четырех человек, в 2008–2017 гг. избирался руководитель Совета Ассоциации «Россия» А. В. Мурычев. Одним из его бессменных сопредседателей является представитель банковского сообщества Республики Казахстан Б. Р. Байсеитов, что отражает лидирующие позиции банковских систем России и Казахстана на постсоветском пространстве. Должности двух других сопредседателей МБС в разные годы занимали ведущие банкиры Узбекистана, Беларуси, Сербии, Азербайджана, Украины, а также представители руководства ВАСЕЕ. По приглашению МБС в его открытых заседаниях принимают участие представители национальных и международных банковских объединений; в том числе заинтересованность к сотрудничеству с МБС проявляет Ассоциация Польских Банков¹.

¹ См. напр.: Протокол № 20 заседания Международного Координационного Совета банковских ассоциаций стран СНГ, Центральной и Восточной Европы (Международный Банковский Совет, МБС). Бишкек, 15 мая 2014 г. // Сайт МБС. URL:

Таким образом, создание и деятельность МБС не только закрепляют процессы финансовой интеграции на постсоветском пространстве, но и свидетельствуют о стремлении банковских сообществ к развитию более широких многовекторных связей межрегионального характера по линии Евразия – Центрально-Восточная Европа. Подобные связи формируются как в процессе реализации совместных проектов, так и через членство финансовых институтов в нескольких международных организациях. Например, фондовые биржи Армении, Беларуси, Казахстана и Узбекистана, сотрудничающие в рамках МАБ СНГ, являются также членами Федерации Евро-Азиатских Фондовых Бирж (FEAS), объединяющей биржевые структуры ряда стран Восточной Европы и Арабского мира. (В 2017 г., когда основатель Федерации, Стамбульская фондовая биржа, вышла из ее состава, штаб-квартира FEAS была перенесена в Ереван, что способствует активности ее участников на фондовом рынке Евразийского Экономического союза).

О стремлении финансовых организаций СНГ и ЕврАзЭС расширять географическое пространство своих деловых и корпоративных связей свидетельствуют и многие другие инициативы банковского сообщества России и других постсоветских государств. Так, например, в марте 2006 г. Ассоциацией региональных банков России, Международным банковским советом, АКБ «Связь-Банк» и Финансовой академией при Правительстве Российской Федерации был учрежден Международный банковский клуб «Аналитика без границ», целью которого является содействие созданию единого информационного пространства на территории России, СНГ, Центральной и Восточной Европы. Клубом проводятся встречи банковских деятелей и научные конференции, посвященные актуальным вопросам развития банковского дела и международному взаимодействию финансовых институтов¹. В 2017 г. Международным Банковским Советом и ФБА ЕАС была учреждена международная общественная премия «Финансово-банковская элита Евразии», которой награждаются юридические лица и персоналии финансового рынка евразийских государств, достигшие высоких

<https://asros.ru/events/zasedanie-mezhdunarodnogo-bankovskogo-soveta11551/> (дата обращения: 17.06.2020).

¹ Российские банки в условиях мировой финансовой турбулентности: Сборник статей/Сост. Супрунович Е.Б., вице-президент АКБ «Инвестторгбанк» (ОАО), руководитель МБК «Аналитика без границ». М.: Международный банковский клуб «Аналитика без границ», 2009. 104 с.

результатов в следующих номинациях: Investment Break (лучший внедренный международный инвестиционный проект года на территории Евразии), «Триумф технологии» (банк-лидер в области внедрения современных IT-технологий) и «Стандарт надежности» (банк-лидер в развитии своего бизнеса на территории Евразии)¹. Победителям вручаются эксклюзивные авторские статуэтки из бронзы, золота, серебра и обсидиана с изображением пчелы – символа трудолюбия, бережливости, усердия, благоразумия, сплоченности, вдохновения и богатства².

Во второй половине 2000-х гг. растущее значение финансовых институтов как инициаторов и ведущих акторов экономической интеграции в евразийском регионе проявляется все более отчетливо. 12 января 2006 г. Президенты России и Казахстана В. В. Путин и Нурсултан Назарбаев подписали Соглашение об учреждении Евразийского банка развития (ЕАБР) со штаб-квартирой в г. Алматы (Казахстан), ратифицированное в том же году. ЕАБР имеет также филиалы в Санкт-Петербурге и Москве.

С 2009 г. участниками ЕАБР стали Армения и Таджикистан, в 2010 г. – Беларусь, в 2011 г. – Киргизская Республика. Деятельность Евразийского банка развития осуществляется в соответствии с нормами международного финансового права. Стратегической задачей ЕАБР является содействие дальнейшему развитию региональных экономик России, Казахстана и других государств-участников Банка в финансовом обеспечении их экономической модернизации и интеграции через масштабную инвестиционную деятельность и поддержку межбанковского взаимодействия. Евразийский банк развития является полноправным участником международного финансового рынка. Так, ЕАБР получил статус наблюдателя в Генеральной Ассамблее ООН, в Совете по торговле и развитию ЮНКТАД и Международном инвестиционном банке, является институциональным членом Всемирного Экономического форума (ВЭФ) и участником Казахстанской фондовой биржи.

ЕАБР проявил себя на евразийском пространстве как «очень важный интеграционный институт»³ и в финансовом аспекте, и в сфере более широкой научно-аналитической и информацион-

¹ Award: Financial and Banking Elite of Eurasia // Eurasian Financial and Economic Herald. 2017. № 4. P. 43.

² Международная премия «Финансово-банковская элита Евразии» // Сайт ФБА ЕАС. URL: <https://www.fbacs.com/articles/o-premii.html> (дата обращения: 17.06.2020).

³ Халевинская Е. Д. Указ. соч. С. 8.

ной деятельности. К началу 2010-х гг. Евразийский банк развития работал с опережением запланированных показателей, наращивая свой инвестиционный портфель, расширяя территориальную и отраслевую сферу активности и набор технологических инструментов. В 2012 г. была принята Политика экологической и социальной ответственности ЕАБР. Стратегия Банка определялась приоритетностью финансирования развития энергетической, транспортной и муниципальной инфраструктуры евразийских государств – членов ЕАБР с выделением не менее 50% текущего инвестиционного портфеля на проекты с «интеграционным эффектом»¹. Председатель Правления Евразийского банка развития И.В. Финогенов в интервью журналу «Деньги и кредит» осенью 2013 г. подчеркнул: «Миссия ЕАБР четко определена как содействие региональной экономической интеграции, и реализуется она, прежде всего, путем инвестиций в крупные инфраструктурные проекты, в том числе межгосударственные»².

В работе ЕАБР, как и других ведущих финансовых институтов евразийского пространства, проявилось стремление к расширению делового и экспертного взаимодействия с другими институтами развития, в том числе с глобальными и трансконтинентальными финансовыми организациями. Так, среди своих основных партнеров по инвестициям ЕАБР изначально видел Группу Всемирного банка, Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР), Азиатский банк развития³. Следует отметить, что работа на постсоветском пространстве ряда глобальных финансовых организаций, в которых состоят Россия и страны ЕАЭС, таких как Всемирный банк и входящая в его группу Международная финансовая корпорация, также имеет интегрирующий эффект как внутри евразийского пространства, так и в плане расширения его глобальных связей.

Основание в 2016 г. Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ) со штаб-квартирой в Пекине создало для ЕАБР новые возможности в сфере расширения межбанковского диалога в Евразии и Азиатско-Тихоокеанском регионе. 31 октября 2018 г. заместитель председателя Правления ЕАБР, статс-секретарь Андрей Крайний и вице-президент АБИИ Йоахим фон Амсберг подписали Меморандум о расширении сотрудничества в обла-

¹ Новая стратегия Евразийского банка развития [Интервью с председателем Правления ЕАБР И.В. Финогеновым] // Деньги и кредит. 2013. №9. С. 25.

² Там же.

³ Там же.

сти совместных интересов и поддержке проектов на территориях общих государств-участников. «Мы объединяем усилия с ЕАБР для целей удовлетворения значительных потребностей в финансировании инфраструктуры в Евразийском регионе, – подчеркнул Йоахим фон Амсберг. – Мы твердо верим в силу партнерств с другими многосторонними банками, так как это способствует обмену знаниями, опытом и ресурсами»¹. ЕАБР активно сотрудничает с ведущими российскими банками. Так, например, 29 мая 2019 г. на очередном заседании совета ЕАБР были представлены его новые Соглашения с ВЭБ, ВТБ и Газпромбанком².

Процесс интеграции банковских системы России и стран ЕвразЭС коррелировал с процессом формирования блока БРИКС как нового крупного игрока на глобальном финансово-экономическом поле. Фактором укрепления связей между финансовыми институтами Евразии явилось включение Нового банка развития БРИКС в энергетические и инфраструктурные проекты в России и других странах ЕАЭС с участием Евразийского банка развития и других кредитных организаций. В 2016 г. была достигнута договоренность между НБР БРИКС, ЕАБР и Международным инвестиционным банком (МИБ) по проекту финансирования строительства двух гидроэлектростанций в Карелии (ЕАБР и МИБ выступили в качестве гарантов по кредиту, предоставленному Новым банком развития норвежской компании Nord Hydro). В апреле 2017 г. ЕАБР подписал с Новым банком развития Соглашение о сотрудничестве³, а в сентябре 2019 г. было согласовано совместное финансирование НБР БРИКС и ЕАЭС проектов в области зеленой энергетики и ИТ-технологий, в том числе Программы «Умный город» и др.⁴

Помимо широко известного в научном сообществе журнала «Евразийская экономическая интеграция», издававшегося ЕАБР в 2008–2015 гг., Центром интеграционных исследований (ЦИИ),

¹ ЕАБР и АБИИ укрепляют сотрудничество для целей развития Евразийского региона // Сайт ЕАБР. 31 октября 2018 г. URL: <https://eabr.org/press/news/eabr-i-abii-ukrepleyayut-sotrudnichestvo-dlya-tseyly-razvitiya-evraziyskogo-regiona/> (дата обращения: 17.06.2020).

² ЕАБР готов к новому росту // Review Петербургский экономический форум-2019. Приложение № 100 от 11 июня 2019 г. С. 1.

³ ЕАБР: БРИКС+ может стать новым форматом экономической интеграции в мировой экономике // Пространство интеграции: Интернет-портал СНГ. 22 июля 2017 г. URL: <https://e-cis.info/news/566/60226/> (дата обращения: 17.06.2020).

⁴ ЕАБР и Банк развития БРИКС запустят проекты зеленой энергетики в 2019 г., по ИТ – в 2020 г. // Сайт ЕАБР. 26 сентября 2019 г. URL: <https://eabr.org/press/news/eabr-i-bank-razvitiya-briks-zapustyat-proekty-zelenoy-energetiki-v-2019-g-po-it-v-2020-g/> (дата обращения: 17.06.2020).

действующим в структуре ЕАЭС, было подготовлено более 50 докладов по проблемам финансово-экономической интеграции стран Евразии и специальным аспектам международной деятельности финансовых институтов. Публикации и проекты ЦИИ востребованы в координационных структурах Евразийского экономического сообщества, других аналитических и научно-информационных центрах Евразии и мира. 7 июня 2019 г., на полях очередного Петербургского экономического форума, руководство Евразийского банка развития организовало деловой обед, в ходе которого было заявлено о завершении «интеграционной паузы» в ЕАЭС и переходе в 2018–2019 гг. к активному росту интеграционной среды евразийского пространства. В эти же дни был представлен аналитический доклад ЦИИ ЕАБР «Евразийская экономическая интеграция – 2019»¹. Содержание доклада отражало высокий уровень совместной адаптивности экономик стран ЕАЭС к современным глобальным вызовам и успешное преодоление еще существующих препятствий на пути экономической интеграции. Особо подчеркивалась и позитивная роль ЕАБР, который с момента образования ЕАЭС в 2015 г. «стал мощным финансовым инструментом интеграционного проекта на евразийском пространстве»².

В развитие интеграции и экономического сотрудничества стран Евразии внесли свой вклад инвестиционные и стабилизационные фонды. Так, учрежденный 4 февраля 2009 г. Антикризисный фонд ЕврАзЭС, с 2015 г. преобразованный в Евразийский фонд стабилизации и развития (ЕФСР), предоставлял финансовые средства государствам-участникам. Так, в 2010 г. был выделен заем Таджикистану в размере 70 млн долларов сроком на 20 лет, в 2011–2013 гг. кредит в объеме 3 млрд долларов для реализации Стабилизационной программы Правительства Республики Беларусь. ЕФСР действует под управлением Евразийского банка развития, что повышает его финансовую устойчивость и степень вовлеченности в модернизационные программы в евразийских странах. В 2015 г. Советом ЕФСР было принято решение о предоставлении двух инвестиционных кредитов по проектам «Модернизация оросительных систем» Армении (40 млн долларов) и «Реабилитация Токтогульской ГЭС» в Кыргызстане (100 млн долларов) и др.³

¹ Евразийская экономическая интеграция – 2019/А.Р. Петросьян, В.С. Перебоев, А.В. Кузнецов и др. Под ред. А.Р. Петросьяна и др. М.: ЦИИ ЕАБР, 2019. 140 с.

² Там же. С. 8.

³ Евразийский экономический союз/Е.Ю. Винокуров и др. С. 249–255.

Во второй половине 2000-х – 2010-е гг. продолжалось формирование корпоративных международных объединений финансовых институтов СНГ, ЕврАзЭС и ШОС, а также их взаимодействие друг с другом, в том числе на основе взаимного членства. В декабре 2006 г. по инициативе Исполнительного комитета СНГ и группы ведущих финансовых организаций России и ряда стран Содружества был создан Финансово-банковский совет (ФБС) СНГ. В его состав вошли Внешэкономбанк РФ, Банк ВТБ, Росэксимбанк, Беларусбанк, Международный Банк Азербайджана, Межгосударственный Банк, Московская биржа и др. Следует отметить, что цель данного объединения составляло не только содействие эффективности финансового бизнеса на постсоветском пространстве, но прежде всего – «активизация совместных усилий по повышению роли финансовой интеграции в процессах экономического сотрудничества стран Содружества»¹. Круг задач, поставленный перед ФБС его организаторами, включал: содействие расширению диалога деловых кругов стран СНГ; стимулирование интеграции финансовых рынков Содружества, в том числе через реализацию совместных инвестиционных программ и проектов; поддержку инновационных финансовых технологий; организацию форумов, конференций, круглых столов актуальной финансово-экономической тематики; осуществление профильной информационно-аналитической работы на постсоветском пространстве. В последующие годы ФБС стал активным участником наиболее значимых программ и мероприятий, связанных с развитием взаимодействия национальных и международных финансовых институтов Содружества и Евразийского экономического партнерства, в том числе осуществлял интенсивную научно-экспертную работу по проблемам модернизации банковских технологий и финансовой интеграции на пространстве СНГ. С 2007 г. ФБС совместно с аналитическим центром «Интерфакс-ЦЭА» выпускает информационно-аналитические сборники «Банковские системы стран Содружества» и «Банки стран СНГ», а также выступает в качестве организатора международных научно-информационных и деловых мероприятий.

В 2008–2014 гг. Финансово-банковский совет при поддержке Исполнительного комитета СНГ, руководства Республики Азербайджан и Международного банка Азербайджана (МБА)

¹ О Финансово-банковском совете СНГ // Сайт ФБС СНГ. URL: <http://www.fbc-cis.ru/o-fbs-sng> (дата обращения: 17.06.2020).

проводил в Баку Международные банковские конференции государств-участников СНГ. Впервые Бакинская международная банковская конференция «Финансовые рынки стран Содружества: развитие и интеграция» состоялась 24–25 октября 2008 г. Ее участниками стали около 200 представителей банковских кругов и государственных финансовых учреждений из 11 государств, в том числе из восьми стран СНГ. Центральной темой обсуждения собравшихся в Баку ведущих финансистов России, Евразии и Центрально-Восточной Европы являлись вопросы преодоления последствий мирового финансового кризиса и путей дальнейшего развития региональных и глобальных финансовых рынков¹. В последующие годы Бакинские международные банковские конференции стали заметным событием не только в жизни профессионального банковского сообщества, но и в системе активно развивавшегося общественно-культурного диалога Азербайджана с Россией и другими странами Евразии². Вторая Бакинская международная банковская конференция государств-участников СНГ «Повышение устойчивости финансовых и банковских систем государств Содружества», прошедшая 13–16 октября 2009 г., также стала площадкой дискуссий по проблемам обеспечения экономического роста государств СНГ в посткризисный период; в частности обсуждался план совместных действий, разработанный министрами финансов стран Содружества. В конференции участвовали 220 представителей финансовых администраций и деловой элиты СНГ³.

В 2014–2019 гг. Финансово-банковский совет уделял большое внимание проведению конференций и других форм совещательного взаимодействия финансовых институтов СНГ в целях преодоления совместными усилиями негативных тенденций в мировой экономике. Так, например, с 2015 г. под эгидой ФБС и банковского сообщества Беларуси проводится представительный Международный финансово-банковский форум государств-участников СНГ «Минские деловые встречи». Как наиболее представитель-

¹ Информация по итогам проведения Международной банковской конференции государств – участников СНГ «Финансовые рынки СНГ: развитие и интеграция». Баку, Азербайджанская Республика. 24–25 октября 2008 года // Сайт Исполнительного комитета СНГ. 25 октября 2010 г. <http://www.cis.minsk.by/page/show?id=12832> (дата обращения: 17.06.2020).

² Подробнее см.: Пивовар Е. И. Российско-азербайджанские отношения. Конец XX – начало XXI века. М.: Kremlin Multimedia, 2012. 448 с

³ Международная банковская конференция государств-участников СНГ // Финансы и кредит. 2009. № 44 (380). С. 65–68.

ный и успешный в данном цикле мероприятий деловым сообществом выделяется форум 2016 г., приуроченный к 25-летию Содружества. В частности, на его площадках рассматривались вопросы развития рынка ценных бумаг как одного из ключевых компонентов финансовой интеграции стран СНГ, обсуждался широкий круг проблем, связанных с внедрением в банковский сектор информационных технологий, была впервые проведена специализированная сессия «Использование потенциала страховых компаний в процессах интеграции финансовых рынков СНГ» и др.¹

В Итоговом документе «Минских деловых встреч» 2016 г. подчеркивалось значение интеграционных процессов в экономике и на финансовых рынках стран СНГ как фактора противостояния кризисным явлениям в глобальной экономике и политике. Кроме того, участниками форума были сформулированы стратегические задачи укрепления евразийского вектора финансовой интеграции: «необходимость формирования финансовых рынков (объединенного инвестиционного и страхового пространства) СНГ, БРИКС, ШОС и пути развития финансово-банковского взаимодействия стран СНГ, где необходимо открывать новые перспективные формы производственной кооперации инвестиционного сотрудничества СНГ»².

11 сентября 2013 г. была основана Финансово-банковская ассоциация стран – участниц Шанхайского сотрудничества» (ФБА СУШС), состав учредителей которой отражал активизацию участия банковских институтов в процессе евразийской финансовой интеграции, а последующее расширение и деятельность – тенденцию включения финансовых институтов Евразии в систему трансконтинентальных деловых связей. Так, основателями новой интегративной организации Евразии стали: Ассоциация банков России, две казахстанские корпоративные финансовые структуры – Ассоциация банков Республики Казахстан и Ассоциация финансовых систем Казахстана, Ассоциация банков Таджикистана, Деловой клуб ШОС, Финансово-банковский совет СНГ и Финансовая корпорация Международного конгресса промышленников и предпринимателей (МКПП)³. 26 февраля 2016 г. общим собранием ФБА

¹ Итоговый документ II Международного финансово-банковского форума государственных участников СНГ «Минские деловые встречи» (26–29 октября 2016 года, Республика Беларусь, г. Минск) // Сайт Исполнительного комитета СНГ. 31 октября 2016 г. URL: <http://www.cis.minsk.by/news/7362?alias=show&page=8> (дата обращения: 17.06.2020).

² Там же.

³ Финансово-банковская ассоциация ЕвроАзиатского сотрудничества // Сайт ФБА

СУШС было принято решение о переименовании ассоциации в Финансово-банковскую ассоциацию ЕвроАзиатского сотрудничества (ФБА ЕАС)¹. К настоящему времени в ФБА ЕАС, целью которой является создание благоприятных условий для предпринимательской деятельности своих участников, вошли финансово-банковские и иные корпоративные организации бизнеса, банки, научно-производственные объединения из 20 стран Евразии. Ее представительства, отраслевые комитеты, экспертные группы были открыты в нескольких странах Евросоюза (Болгарии, Венгрии, Германии, Италии, Румынии, Сербии, Словении, Франции), а также в Египте, Бангладеш, Индии, Индонезии, Китае, Республике Корея, Сингапуре, Шри-Ланке и ряде других государств Востока и Азии. Из постсоветских стран, помимо России и Казахстана, в ФБА ЕАС представлены Армения и Молдавия².

Финансово-банковская ассоциация ЕвроАзиатского сотрудничества в свою очередь вступила в состав Международного Банковского Совета и Российско-Китайского финансового совета, а также стала членом Ассоциации банков России и Российского Союза промышленников и предпринимателей – ведущей общественной организации делового сообщества России. В структуре ФБА ЕАС действуют комитеты, занимающиеся обсуждением и координацией работы по актуальным направлениям международного взаимодействия в евразийском регионе: научно-техническому сотрудничеству, вопросам экологии и природопользования, экономическому и стратегическому развитию. Под эгидой Ассоциации были созданы универсальная товарная биржа «Шелковый путь», Евразийский Таможенно-логистический холдинг, Юридический центр Евро-Азиатского Сотрудничества и другие деловые и экспертно-консультационные структуры. ФБА ЕАС является, совместно с Деловым советом ШОС, Торгово-промышленной палатой РФ и Российским союзом промышленников и предпринимателей (РСПП), партнером международного инвестиционного проекта «Евразийский экономический пояс Великого Шелкового пути»³.

ЕАС. URL: <http://www.fbacs.com/articles/o-fba-eas.html> (дата обращения: 17.06.2020).

¹ В марте 2020 г. вновь переименована в «Финансово-Бизнес Ассоциацию ЕвроАзиатского Сотрудничества» с сохранением аббревиатуры ФБА ЕАС.

² Там же.

³ Международный инвестиционный проект «Евразийский экономический пояс Великого Шелкового пути // Сайт ФБА ЕАС. URL: <http://www.fbacs.com/articles/mezhdunarodnyy-investitsionnyy-proekt-evraziyskiy-ekonomicheskiy-poyas-velikogo-shelkovogo-puti-na-p.html> (дата обращения: 17.06.2020).

Финансовые ассоциации СНГ и Евразии выступают в качестве организаторов крупных международных мероприятий, способствующих интеграции и сотрудничеству национальных банковских систем и структур финансового бизнеса в широком региональном и глобальном деловом пространстве. Так, например, участниками Международного финансово-банковского форума государств-участников СНГ, прошедшего 28–31 марта 2019 г. в Ташкенте, обсуждались перспективы реализации перспективных интеграционных проектов ЕАЭС, принятых в январе того же года Советом Евразийской экономической комиссии, среди них – проекта «Развитие системы денежных переводов между гражданами и организациями в ЕАЭС». Одним из важных практических мероприятий Форума стало подписание Договора между операторами платежных систем «Мир» (Россия) и UzCard (Узбекистан), предусматривающего обеспечение приема банковских карт «Мир» в инфраструктуре банков Узбекистана. Примечательно, что представитель платежной системы «Мир» Владимир Комлев, отвечая в связи с этим событием на вопросы журналистов, подчеркнул, что «2019 год станет годом расширения сотрудничества стран ЕАЭС и СНГ»¹.

Ведущие банки и инвестиционные компании России и других государств Евразии являются активными заинтересованными участниками Международных инвестиционных форумов, проведение которых стало одной из наиболее эффективных форм диалога и сотрудничества России с мировым финансовым сообществом².

Крайне важным аспектом евразийской финансово-экономической интеграции является сближение уровней финансового образования и просвещения граждан, решению которой уделяют внимание органы власти, вузы и колледжи России, Казахстана, Армении, Беларуси, Киргизской Республики и других постсоветских государств. В странах ЕАЭС приняты государственные программы повышения финансовой грамотности и поддержки финансового образования, ключевую роль в реализации которых играют центральные банки и ведущие образовательные учрежде-

¹ Карты «Мир» будут приниматься в Узбекистане уже в 2019 году // Banki.ru News Agency. 28 марта 2019 г. URL: <https://www.banki.ru/news/lenta/?id=10892635> (дата обращения: 17.06.2020).

² Сукиасян А. А. Инвестиционные форумы в контексте развития международных экономических связей России в начале XXI в. // Экономика и социум. 2017. № 3 (34) С. 1273–1279.

ния¹. Содействие повышению финансовой грамотности граждан стран ЕАЭС оказывают крупные международные структуры, заинтересованные в развитии экономических связей с евразийским регионом. В частности, с 2017 г. Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и ее Международная сеть по финансовому образованию (INFE) реализуют в странах СНГ проект по развитию финансового образования и грамотности, который получает активную поддержку Министерства финансов Российской Федерации. Специалисты ОЭСР/INFE проводят мониторинг и разработку стратегий финансового образования в Армении, Азербайджане, Беларуси, Казахстане, Кыргызстане и Таджикистане. Одним из приоритетных направлений проекта является решение проблем финансовой грамотности, связанных с миграцией населения на постсоветском пространстве в контексте глобальных миграционных тенденций².

Таким образом, уже в 1990-е гг., на начальном этапе трансформации постсоветского пространства, становление и деятельность финансовых организаций явились одной из важнейших предпосылок евразийской интеграции XXI в.

Участие банков и других финансовых институтов России и других евразийских стран в процессах региональной интеграции обусловлено, с одной стороны, их коммерческими интересами, стремлением финансового капитала к институциональному и территориальному росту, расширению клиентской базы. Формирование национальных банковских систем, их модернизация и установление международных связей отвечает экономическим интересам государств Евразии и непосредственно граждан – потребителей услуг финансовых организаций.

Развитие банковского бизнеса, его деловых связей и формирование международных корпоративных финансовых организаций в евразийском регионе нередко шло в авангарде межгосударственного экономического взаимодействия. В то же время формирование системы интегрированных финансовых институтов Евразии в 2000–2010-е гг. отражало результаты внешнеполитического курса государств-участников Евразийского экономического со-

¹ Подробнее см.: Вихрова О.Ю. Деятельность стран ЕАЭС в области повышения финансовой грамотности населения // Россия и новые государства Евразии. 2019. № 1 (42). С. 127–141.

² OECD (2019), Financial Literacy Needs of Migrants and their Families in the Commonwealth of Independent States, Paris. URL: www.oecd.org/daf/fin/financial-education/financial-education.htm. (дата обращения: 17.06.2020).

общества. К моменту образования ЕАЭС в 2015 г. финансовые институты Евразии обладали параметрами организационного и технологического развития, позволившими им активно включиться в дальнейшее укрепление интеграционных связей и социально-экономическую модернизацию евразийского региона, в том числе создать дополнительные интеграционные системы в рамках ШОС, БРИКС и других международных сообществ с участием евразийских стран. Сотрудничество России, Казахстана и других стран ЕАЭС в финансовой сфере является важным фактором обеспечения экономической безопасности каждого из государств Евразии и региона в целом¹.

Следует отметить, что Российская Федерация и в исторической ретроспективе, и в настоящее время выступает по многим направлениям в качестве лидера финансовой интеграции на постсоветском пространстве как инициатор и участник межбанковского взаимодействия, а также в сфере социальной модернизации. Российская банковская система имеет реальный статус общественного института, выполняющего масштабную социально значимую общественную функцию, выступая в том числе фактором социально-экономической интеграции стран Евразии.

Широкий спектр финансовых операций и услуг, которые осуществляют банковские организации России, Казахстана и других стран ЕАЭС, деятельность ЕАБР и других евразийских институтов развития позволяет рассматривать их в качестве катализатора экономического и социального прогресса каждого из государств ЕАЭС и евразийского пространства в целом. Деловая, научно-информационная и образовательная активность финансовых институтов ЕАЭС способствует формированию идеологии позитивного общественного строительства на всем постсоветском пространстве и росту глобального авторитета ЕАЭС.

Наряду с участием в развитии социально-экономической интеграции на евразийском пространстве финансовые институты региона вовлечены в сложную систему глобальных финансовых потоков, информационных и корпоративных связей, оказывающих значительное влияние на динамику геополитических процессов в Евразии. При этом интеграционные процессы в Евразии коррелируют с интеграционными процессами в БРИКС и в целом

¹ Сагиндилов Р. Е. Сотрудничество России и Казахстана в обеспечении экономической безопасности в условиях Содружества Независимых Государств. М.: Изд-во РУДН, 2015. С. 381–401.

– в глобальном измерении. Соответственно расширение влияния финансовых институтов России и ЕАЭС на пространстве Большой Евразии и в Азиатско-Тихоокеанском регионе является фактором развития конструктивных интеграционных тенденций в рамках многополярного мира XXI века.

E. I. Pivovar, V. F. Ershov

International cooperation of financial institutes as factor of integration in eurasian space (1991–2019ss)

Abstract. The article devotes to the role of banks, investment companies and other financial organizations in the Eurasian Economic Union (EAEU). The authors reveal the meaning of economic and corporate social activity of financial institutions in revival and growth of economic cooperation between Eurasian group of the ex-USSR countries in 1990–2000s. Also, the authors examine the contribution of financial institutions and international finance and banking unions of the CIS, EAEU, SCO and BRICS in the formation of finance and economic space of the Big Eurasia XXI c.

Key words: Eurasian integration, ex-USSR space, Eurasian Economic Union, CIS, SCO, financial institutes, banks, Eurasian Development Bank

УДК 615.1/.4

ББК 35.66

А. Н. Плеханов

**Биофармацевтический кластер
как модель создания новых фитопрепаратов
для фармакотерапии распространенных заболеваний**

Аннотация. Передо мной на столе лежит подготовленная под руководством академика РАН Бориса Вандановича Базарова коллективная монография «Наследие тибетской медицины в инновационных проектах Бурятии»¹, в которой раскрыты перспективы замечательной идеи создания биофармацевтического кластера в Республике Бурятия, обобщаются исторические данные и анализируются многолетние достижения тибетской медицины. В книге указаны перспективы внедрения тибетской медицины в практическое здравоохранение. Природные богатства региона, наличие достаточного количества сырья, а также фундаментальные научные разработки диктуют необходимость проработки вопроса производства фитопрепаратов. Данный факт позволяет обосновать подходы к фармакотерапии распространенных заболеваний, разработать, экспериментально апробировать и внедрить в клиническую практику новые эффективные и безопасные лекарственные средства. Интересным и перспективным в этом плане являются лекарственные препараты, предназначенные для лечения заболеваний печени, как инфекционного, так и неинфекционного характера.

Ключевые слова: академик Б.В. Базаров, биофармацевтический кластер, фитопрепараты, фармакотерапия.

Согласно данным Всемирной Организации Здравоохранения за последние 20 лет отмечается почти эпидемический рост числа больных с заболеваниями печени. Так, в настоящее время в мире насчитывается более 2 млрд человек, страдающих патологией этого органа, что в 100 раз превышает распространенность ВИЧ-ин-

¹ Наследие тибетской медицины в инновационных проектах Бурятии [Текст]: [монография]/[Базаров Б.В., Ванчикова Ц.П., Доржиева В.В. и др.; отв. ред. Б.В. Базаров]; Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук, Институт общей и экспериментальной биологии Сибирского отделения Российской академии наук. Улан-Удэ: ИМБТ СО РАН: ИОЭБ СО РАН, 2016. 316 с.

фекции. Ежегодно в странах СНГ регистрируется от 500 тыс. до 1 млн человек с болезнями печени¹. На сегодняшний день значительно увеличился уровень заболеваемости вирусными гепатитами. Если до 1990 г. говорили лишь о вирусных гепатитах А, В, С, D и Е, то сейчас активно обсуждаются гепатиты G и F². Эпидемиологические исследования последних лет показали, что в мире хроническим гепатитом страдает более 5% взрослого населения. По данным экспертов ВОЗ, каждая 5-женщина и каждый 10-й мужчина в Европе страдают патологией печени и желчевыводящих путей³.

Резкому увеличению количества больных с хроническими заболеваниями печени способствовали не только увеличение уровня заболеваемости вирусными и токсическими гепатитами, но также существенный рост числа больных с ожирением и сахарным диабетом, являющихся основной причиной развития сравнительно новой нозологической формы – неалкогольной жировой болезни печени⁴. Эпидемиологические исследования показали, что качество жизни больных гепатитами очень низкое, поскольку особенностью данной патологии является склонность к частым рецидивам. Определенные трудности возникают и при лечении больных гепатитами. Для данной патологии характерно длительное течение, при этом прекращение приема лекарственных препаратов сопровождается развитием рецидива заболевания⁵.

Проведенные ранее исследования патогенеза различных форм поражений печени показали общие механизмы развития патологического процесса, в котором сочетаются явления воспаления и процессы перекисного окисления липидов, угнетения белково-синтетической, желчеобразовательной и желчевыделительной функции, ослабления иммунных проявлений и активности факторов неспецифической резистентности⁶.

В связи с вышесказанным, современная программа комплексного лечения патологии печени включает два основных направ-

¹ Буеверов А.О. Место гепатопротекторов в лечении заболеваний печени // *Болезни органов пищеварения*. 2001. № 1. С. 16–18.

² Ткач С.М. Эффективность и безопасность гепатопротекторов с точки зрения доказательной медицины // *Здоровье Украины*. 2009. № 6. С. 7–13.

³ Brett A., Pinto C., Carvalho L. Acute liver failure in under two year-olds-are there markers of metabolic disease on admission? *Ann. of Hepathol*. 2013. № 12 (5). С. 791–796.

⁴ Курышева М.А. Фиброз печени: прошлое, настоящее и будущее // *Российский медицинский журнал*. 2010. № 18 (23). С. 3–6.

⁵ Сазонова Е. Болезни печени в практике клинициста // *Провизор*. 2007. № 5. С. 12–15.

⁶ Brett A., Pinto C., Carvalho L. Acute liver failure in under two year-olds-are there markers of metabolic disease on admission? *Ann. of Hepathol*. 2013. № 12 (5). С. 791–796.

ления: этиотропную и патогенетическую терапию¹. В целом ассортимент лекарственных средств, применяемых в комплексной терапии заболеваний печени и желчевыводящих путей, насчитывает более 1000 наименований.

Этиотропная терапия, как правило, применяется при вирусных гепатитах с парентеральным механизмом заражения и применяется при вирусных гепатитах. Она направлена на подавление репликации вируса и его элиминацию.

Основу патогенетической терапии составляют лекарственные средства, избирательно действующие на печень, способствующие нормализации метаболических процессов печени и структурно-функциональной целостности клеточных мембран гепатоцитов. Средства патогенетической терапии принято обозначать термином «гепатопротекторы», к которым относятся лекарственные средства, обладающие способностью восстанавливать гомеостаз в печени, повышать устойчивость гепатоцитов к воздействию различных повреждающих агентов, усиливающие детоксикационную и регенерирующую функции печени, а также способствующие восстановлению функциональной активности гепатоцитов после воздействия на них различных повреждающих факторов. Гепатопротекторное действие большинства препаратов связывают с ингибированием ферментативного перекисного окисления липидов, с их способностью нейтрализовать различные свободные радикалы, оказывая при этом антиоксидантный эффект².

Отечественные врачи определяют гепатопротекторы как фармакотерапевтическую группу разнородных лекарственных средств, препятствующую разрушению клеточных мембран и стимулирующую регенерацию гепатоцитов³. Эти препараты «...должны каким-то универсальным образом защищать гепатоцит при самых различных видах повреждений. За рубежом «гепатопротекторы» в отдельную группу не выделяют и в некоторых странах вещества с подобными свойствами определяются как пищевые (биологические) добавки⁴.

¹ Бабаян М.Л., Хавкин А.И. Гепатопротекторная терапия при заболеваниях печени у детей // Лечащий врач. 2013. № 1. С. 2–6.

² Дроговоз С. М. Современные подходы к терапии заболеваний гепатобилиарной системы // Провизор. 2008. № 8. С. 48–52; Минушкин О.Н. Некоторые гепатопротекторы в лечение заболеваний печени. Лечащий врач. 2002. № 6. С. 55–58.

³ Николаев С. М. Фитофармакотерапия и фитофармакопрофилактика заболеваний. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2012. 281 с.

⁴ Ghobadi P. M, Mirazi N. The effects of concurrent treatment of silymarin and lactulose on memory changes in cirrhotic male rats // Bioimpacts. 2020. № 10 (3). С. 177–186.

Несмотря на разнородность существующих классификаций и отсутствие единой терминологии в отношении понятия «гепатопротекторы», требования к «идеальному гепатопротектору» были сформулированы еще в 1970-х годах R. Preisig¹. К ним относятся достаточно полная абсорбция; наличие эффекта «первого прохождения» через печень; выраженная способность связывать и предотвращать образование высокоактивных повреждающих соединений; возможность уменьшать чрезмерно выраженное восстановление; подавление фиброгенеза; стимуляция регенерации печени; естественный метаболизм при патологии печени; экстенсивная энтерогепатическая циркуляция; отсутствие токсичности.

Выделить препараты с каким-то одним механизмом действия достаточно трудно, как правило, эти препараты обладают одновременно несколькими из перечисленных выше механизмов.

Следует отметить, что не все использующиеся в практике гепатопротекторы в полной мере не удовлетворяют всем этим требованиям, хотя в последние годы арсенал современных гепатопротективных средств расширился за счет появления синтетических препаратов и новых природных средств².

В своей книге «Гепатология» профессор Эрвин Кунтц подвергает критике сам термин «гепатопротекция». Так, он пишет, что «протекция» как таковая подразумевает профилактику заболевания, но не полноценную терапию, которая как раз и имеет место при назначении препаратов данной группы. «Истинными гепатопротекторами» по Э. Кунтцу можно назвать вакцины против гепатитов, например, А и В. Те же лекарственные средства, которые назначаются перед, во время или после возникновения повреждения печени, должны относиться к терапевтическим средствам³.

Большое внимание в современной клинической практике уделяется гепатопротекторам растительного происхождения. Настоящий бум в создании и применении гепатопротекторов, обусловленный использованием в медицине новых достижений биохимии и молекулярной биологии, расшифровкой биохимического состава растительного сырья и синтезом новых соединений, пришелся на XX век. Появление в конце прошлого столетия новых препа-

¹ Preisig R. Supplements to the editorial «Liver protection therapy» // Schweiz Rundsch. Med. Prax. 1970. № 59. С. 1159–1160.

² Губергриц Н.Б. Фармакотерапевтические эффекты и клинические возможности эталонного препарата силимарина // Фарматека. 2012. № 2. С. 24–31.

³ Kuntz E., Kuntz H.D. Hepatology, principles and practice. Berlin; Heidelberg: Springer-Verlag, 2002.

ратов (интерферонов, аналогов нуклеозидов), воздействующих на причины некоторых заболеваний печени, не ослабило интереса клиницистов к гепатопротекторам растительного происхождения¹.

Группа этих препаратов, в том числе гомеопатических, самая многочисленная и составляет 52–80%. Это в значительной степени связано с широким спектром действия биологически активных веществ растений, доступностью их в ценовом отношении, минимальным количеством побочных эффектов².

Существуют моно-, поликомпонентные и комбинированные фитогепатопротекторы. Комбинированные препараты применяют при гепатитах и циррозе печени; два-три их компонента обычно дополняют и потенцируют действие друг друга, обеспечивая оптимальный спектр фармакологических эффектов. Поликомпонентные препараты с большим количеством составляющих, следовательно, со значительным терапевтическим эффектом, ассоциируются с высоким риском развития нежелательных явлений, непереносимостью у конретного больного. Препараты с селективным действием эффективны и имеют большую, чем комбинированные средства, безопасность³.

В различных клиниках существует не всегда правильное мнение о том, что растительные гепатопротекторы и биологически активные добавки эффективны и безопасны. Экспериментально доказано, что многие из используемых в настоящее время гепатопротекторов, в частности растительного происхождения, обладают антиоксидантными, противовоспалительными, иммуномодулирующими свойствами, а также способствуют усилению регенерации в печени и препятствуют прогрессированию фиброза⁴. В клинических исследованиях показано улучшение общей клинической картины заболевания, лабораторных биохимических

¹ Гарник Т. Гепатопротекторное действие фитосредств в комплексной терапии и реабилитации больных хроническим гепатитом // Ліки України. 2002. № 11. С. 2–5; Piannikov V. V., Akhmedov V. A., Bereznikov A. V. Therapeutic possibilities hepatoprotectors in alcoholic liver cirrhosis // Eksp. Klin. Gastroenterol. 2011. № 9. С. 45–48.

² Оковитый С. В., Безбородкина Н. Н. Гепатопротекторы. Москва: Изд-во «ГОЭТАР-Медиа», 2010. 112 с.; Mahboubi M., Hepatoprotection by dandelion (*taraxacum officinale*) and mechanisms. Asian Pac. J. // Trop. Biomed. № 10. P. 1–10.

³ Akbari-Kordkheyli V., Abbaszadeh-Goudarzi K. The protective effects of silymarin on ischemia-reperfusion injuries: A mechanistic review // Iran J Basic Med Sci. 2019. № 22 (9). P. 968–976.

⁴ Чубарова А. С., Курченко В. П. Характеристика антиоксидантной активности субстанции силимарина в составе гепатопротекторных лекарственных препаратов // Медицинские новости. 2013. № 3. С. 64–66; Rane J., Kadhari R., Bakal R. L. Liver diseases and herbal drugs: A review. // J innov pharm biol Sci. 2016. № 3. P. 24–36.

функциональных показателей и печеночных проб. Для большей части гепатопротекторов не существует достоверных убедительных доказательств улучшения морфоструктуры печени и вирусологической активности. При этом существующие в литературе противоречивые данные в отношении эффективности тех или иных гепатопротекторов объясняются методологическими недостатками исследований, гетерогенностью популяций больных, недостаточным количеством клинических наблюдений, отсутствием стандартизованных препаратов, а также нечеткостью и необъективностью исследуемых показателей.

Действие некоторых растительных гепатопротекторов изучалось в неконтролируемых исследованиях, в которых вместо объективных параметров, например, вместо проведения морфогистологического исследования, оценивалось общее состояние больного. В связи с этим клиническая эффективность известных или только что разработанных гепатопротекторов достоверно не доказана, равно как и их безопасность для пациента¹.

Поэтому в настоящее время во всех цивилизованных странах основной медицинской идеологией является доктрина «доказательной медицины», основанная на тщательно спланированных рандомизированных контролируемых исследованиях. Только они могут дать точную оценку эффективности того или иного гепатопротектора в лечении заболевания печени. При этом в отношении многих, в том числе и растительных гепатопротекторов, проведены лишь единичные рандомизированные контролируемые исследования (либо их нет вообще). При этом в этих исследованиях обнаружено отсутствие или слабое влияние этих лекарственных средств на такие важные показатели, как исчезновение вирусемии, гистологическая картина и выживаемость, несмотря на некоторое снижение активности ферментов печени и улучшение субъективных показателей. Поэтому и эффективность применения новых гепатопротекторов необходимо оценивать с позиции доказательной медицины².

Одним из гепатопротекторов растительного происхождения является глицирризин (*Glycyrrhiza glabra*) – тритерпеновый сапонин, входящий в состав водного экстракта корня солодки³. Дей-

¹ Никитин И. Г. Гепатопротекторы: мифы и реальные возможности // Фарматека. 2007. № 13. С. 14–18; Attar B. M., Van Thiel D. H. Current Concepts and Management Approaches in Nonalcoholic Fatty Liver Diseases. Scientific // World Journal. 2013. № 4. P. 818–823.

² Anyasor GN, Moses N, Kale O. Hepatoprotective and hematological effects of *Justicia secunda* Vahl leaves on carbon tetrachloride induced toxicity in rats. // Biotech Histochem. 2020. Jul. № 95 (5). P. 349–359; Alkatib SM, Ismail MK. Hepatoprotective role of Legalon 70 against hydrogen peroxide in chickens. // Int J Health Sci (Qassim). 2019. № 13 (4). P. 17–21.

³ Сизова О. С., Ших Е. В., Потекаев Н. Н. Фармакологическая регуляция активности

ствии препарата заключается в основном в противовоспалительном эффекте, поэтому гепатопротектором в обычном понимании его считать нельзя. В эксперименте на животных было подтверждено, что глицирризин обладает антиоксидантными свойствами, снижает активность печеночных ферментов и уменьшает выраженность фиброза печени¹.

Китайские врачи (Zhang's Clinic) использовали глицирризин в сочетании с другими растительными препаратами (Ligustrin и Schizandrae fructus) для лечения хронических HBV- и HCV-инфекций. Активность печеночных ферментов снизилась или нормализовалась в течение 3 месяцев в 80% случаев. Кроме того, отмечено исчезновение желтухи (через 3 недели), уменьшение слабости, тошноты, увеличение аппетита. При контрольной биопсии печени через 2 или 3 месяца выявлено уменьшение воспаления. У многих пациентов уменьшилась вирусная нагрузка, которая стабилизировалась на низком уровне. Учитывая, что продолжительность жизни печеночной клетки составляет 18 месяцев, авторы рекомендуют продолжать лечение в течение 2 лет. К 1998 г. в клинике Zhang по данной схеме пролечено 300 пациентов с HCV инфекцией, у 80% из них отмечалось улучшение биохимических и биологических показателей².

Одним из наиболее популярных гепатопротекторов растительного происхождения является препарат силимарин (силибин), который представляет собой экстракт расторопши пятнистой (*Silybum marianum*) – растения из семейства сложноцветных³. Его активные компоненты включают 4 флавоноида, основным из которых является силибинин.

Эффективность данного препарата была подтверждена экспериментально. В исследованиях *in vitro* было показано, что силимарин обладает антиоксидантными, антифибротическими свойствами, предотвращает истощение запасов глутатиона, препятствует защитному повреждению печени под воздействием различных токсинов, блокирует пролиферацию купферовских клеток, сни-

СYP3A4 гепатопротекторами как перспективный путь уменьшения гепатотоксичности противогрибковых препаратов при лечении онихомикозов // Биомедицина. 2010. № 2. С. 4–16.

¹ Guo X. L., Liang B., Wang X. Glycyrrhizic acid attenuates CCl₄-induced hepatocyte apoptosis in rats via a p53-mediated pathway // World J. Gastroenterol. 2013. № 19 (24). P. 3781–3791; Сторожаков Г. И., Байкова И. Е. Глицирризин в лечении ХВГ // Клин. фармакол. и тер. 2000. № 4. С. 39–41.

² Gillissen A., Schmidt H. H. Silimarin as Supportive as Treatment in Liver diseases: a narrative review // Ady. Ther. 2020. № 37 (4). P. 1279–1301.

³ Jindal R., Sinha R, Evaluating the protective efficacy of *Silybum marianum* against deltamethrin induced hepatotoxicity in piscine model // Environ Toxicol Pharmacol. 2019. № 66. P. 62–68.

жает уровень трансформирующего фактора роста. Кроме того, считается, что силимарин тормозит развитие фиброза в печени. Однако на сегодняшний день достоверность большинства клинических испытаний данного препарата ограничена, что связано с погрешностью дизайна исследования препарата. Так, согласно метаанализу, проведенному в Швейцарии в 2008 г., из 66 рассмотренных клинических испытаний только 19 соответствовали критериям двойного или одинарного слепого исследования. По результатам этих клинических испытаний, статистически значимых различий между показателями функции печени и параметрами коагулограммы в случаях острых вирусных гепатитов у пациентов, принимающих силимарин, и лиц, получающих плацебо, нет¹.

Несмотря на определенную популярность силимарина, из опубликованных данных можно констатировать, что его широкое применение при хронических гепатитах С и В не оправдано². Результаты некоторых проведенных исследований при алкогольных поражениях печени трудно интерпретировать вследствие гетерогенности групп пациентов и отсутствия стратификации по тяжести заболевания. Кроме того, наблюдение во многих исследованиях не предусматривает изучения биоптатов печени, как и оценки воздержания от алкоголя по объективным критериям.

В проведенном исследовании у 170 больных циррозом печени рандомизировали для получения силимарина или плацебо в течение 2–6 лет. В группе силимарина биохимические показатели не претерпели статистически значимых изменений, но выживаемость повысилась (77 vs 67% через 2 года, 58 vs 39% через 4 года), особенно у больных с печеночной недостаточностью класса «А» по Чайлд-Пью³. Другие исследования получили противоположный результат: в группах силимарина и плацебо выживаемость была близкой, 75% летальных исходов были прямо связаны с заболеванием печени. В зарубежных странах, в частности в Германии, выпускается раствор силимарина для внутривенных инъекций, успешно используемый для лечения острых поражений печени токсического характера, например, развивающихся при отравлениях бледной поганкой⁴.

¹ Ahmed-Belkacem A., Ahnou N., Barbotte L. Silybinin and related compounds are direct inhibitors of hepatitis C virus RNA dependent RNA polymerase // *Gastroenterol.* 2010. № 138 (3). P. 1112–1122.

² Jamalian M., Mahmodiyeh B. Investigating the impact of silymarin on liver oxidative injury // *J Family Med Prim Care.* 2020. № 9 (3). P. 1707–1711.

³ Guo X. L., Liang B., Wang X. Glycyrrhizic acid attenuates CCl₄-induced hepatocyte apoptosis in rats via a p53-mediated pathway // *World J. Gastroenterol.* 2013. № 19 (24). P. 3781–3791.

⁴ Gillessen A., Schmidt H. H. Silymarin as Supportive as Treatment in Liver diseases: a narrative

В основе гепатопротекторного действия силимарина лежит способность препарата нейтрализовать свободные радикалы в тканях печени и тем самым препятствовать разрушению ее клеточных структур. Помимо этого препарат обладает способностью активировать фермент РНК-полимеразу и тем самым стимулировать синтез структурных и функциональных белков в поврежденных гепатоцитах. Силимарин стабилизирует клеточные мембраны, ускоряет репаративные процессы в тканях печени¹.

И, тем не менее, имеющиеся данные доказательной медицины по эффективности силимарина позволяют считать, что накоплено достаточное количество экспериментальных данных, чтобы уверенно рекомендовать дальнейшее его применение при хронических заболеваниях печени, в том числе при жировой дистрофии неалкогольной этиологии. Однако новые исследовательские работы должны быть хорошо спланированными и рандомизированными контролируруемыми исследованиями, что подчеркивает недавний метаанализ Rambaldi et al. Кроме того, уникальная технология производства силимарина, успешный опыт применения в 40 странах свидетельствуют о целесообразности использования препарата в клинической практике².

Экстракт листьев артишока часто применяется при заболеваниях печени как гепатопротекторное и желчегонное средство. Антиоксидантный эффект растительного гепатопротектора обусловлен наличием фенольных соединений, витаминов, бета-каротина, витаминов. В экспериментах, проведенных на крысах, у которых был индуцирован оксидативный стресс, экстракт листьев артишока проявил выраженное антиоксидантное влияние. Препарат благоприятно влияет на липидный обмен, повышает антиоксидантическую функцию печени почек. Однако на сегодняшний день клинического подтверждения эффективности артишока при заболеваниях печени не получено, что ограничивает его применение у пациентов данной группы³.

Учеными Сибирского медицинского университета и Института химии нефти Томского Научного Центра СО РАН разработаны

review // *Ady. Ther.* 2020. № 37 (4). P. 1279–1301.

¹Чернова Е. М., Баранская Е. К., Лемешко З. А., Маевская М. В., Ивашкин В. Т. Возможности применения экстракта листьев артишока при функциональной диспепсии // *Клинические перспективы гастроэнтерологии, гепатологии.* 2014. № 5. С. 21–27.

²Rambaldi A., Jacobs B. P., Iaquinto G., Gluud C. Milk thistle for alcoholic and/or hepatitis B or C liver diseases—a systematic cochrane hepato-biliary group review with meta-analyses of randomized clinical trials // *Am. J. Gastroenterol.* 2005. № 100 (11). P. 2583–2591.

³Чернова Е. М., Баранская Е. К., Лемешко З. А., Маевская М. В., Ивашкин В. Т. Возможности применения экстракта листьев артишока при функциональной диспепсии // *Клинические перспективы гастроэнтерологии, гепатологии.* 2014. № 5. С. 21–27

и изучены оригинальные гепатопротекторы: лохеин (экстракт солянки холмовой) и эплир (экстракт полярных липидов высокоминерализованных озерных отложений¹). Оба препарата защищены патентами Российской Федерации и товарными знаками, зарегистрированы Министерством здравоохранения Российской Федерации в качестве БАД к пище.

Терапевтический эффект лохеина обусловлен комплексом биологически активных веществ, важнейшими из которых являются бетаин преимущественно в форме глицинбетаина, флавоноиды, кетодикарбоновые кислоты, стерины и их гликозиды, каротиноиды, высшие жирные кислоты, алкалоиды, микро- и макроэлементы. Биологическая активность эплира связана с наличием в нем фосфолипидов, сульфоллипидов и специфических каротиноидных пигментов².

Особого внимания заслуживает комплексное лекарственное средство растительного происхождения, разработанное на основе прописей тибетской медицины, условно названное полифитохол. Полифитохол получен в форме экстракта сухого из бессмертника песчаного (*Helichrysum arenarium* L.), пижмы обыкновенной (*Tanacetum vulgare* L), мяты перечной (*Mentha x piperita* L.), солодки уральской (*Glycyrrhiza uralensis* Fisch.), крапивы двудомной (*Urtica dioica* L.) и шиповника (*Rosa* sp.). Данное средство, оказывающее гепатопротекторное, желчегонное, умеренное противовоспалительное и спазмолитическое действие, рекомендовано Фармакологическим комитетом Минздрава РФ для лечения и профилактики заболеваний органов гепатобилиарной системы³.

К гепатопротекторам растительного происхождения относятся также многокомпонентные препараты из индийских и китайских трав. Эти препараты имеют сложный состав, в связи с чем их действие недостаточно изучено. В то же время имеются клинические данные, которые свидетельствуют о том, что применение многокомпонентных сборов при острой патологии печени и синдроме холестаза может усугублять выраженность цитолитического и мезенхимально-воспалительного синдромов⁴.

¹ Саратиков А.С., Литвиненко ЮА, Буркова ВН. и др. Антиоксидантная и гепатопротекторная активность комбинаций лохеина и эплира // Химико-фармацевтический журнал. 2001. №6. С. 48–50.

² Саратиков А.С., Венгеровский А.И., Чучалин В.С. Экстракт солянки холмовой (лохеин). Эффективная защита печени. Томск: STT, 2000. 113 с.

³ Николаев С.М. Растительные лекарственные препараты при повреждениях гепатобилиарной системы. Новосибирск: Наука, 1982. С. 21.

⁴ Ru Q-M, Wang L-J, Li W-M, Wang J-L, Ding Y-T. In vitro antioxidant properties of flavonoids and polysaccharides extract from tobacco (*Nicotiana tabacum* L.) leaves // Molecules. 2012. №17. P. 11281–11291.

Кроме того, с веществами растительного происхождения напрямую связана проблема генетического полиморфизма метаболизма, ассоциированная с цитохромом Р-450. Однако отмечено, что межэтнический генетический полиморфизм определяет индивидуальную реакцию организма на растительные вещества. Учитывая данный факт, можно с высокой степенью вероятности утверждать, что растения, эффективные в азиатской популяции, могут оказывать иное действие на европеоидов. Одним из представителей таких растительных гепатопротекторов является препарат ЛИВ-52 – индийское аюрведическое средство, предназначенное именно для лечения болезней печени. Он содержит ряд лекарственных растений, широко используемых в народной индийской медицине (порошок каперсов колючих, цикория обыкновенного, паслена черного, сены западной, терминалии аржуны, тысячелистника обыкновенного, тамарикса галльского, железа оксид). Доказано, что ЛИВ-52 защищает паренхиму печени от токсических агентов (за счет индукции цитохрома Р-450 и ацетальдегиддегидрогеназы), обладает некоторым антиоксидантным действием (вследствие увеличения клеточных токоферолов), нормализует активность Na^+/K^+ -АТФазы и восстанавливает соотношение отдельных фосфолипидных фракций в мембранах гепатоцитов, в частности уменьшает количество гепатотоксичного лизолейцитина. В отношении ЛИВ-52 было проведено рандомизированное контролируемое исследование ($n=188$), в котором участвовали больные алкогольным гепатитом, подтвержденным гистологически. Участники эксперимента получали 1200 мг ЛИВ-52, либо плацебо. Кумулятивная выживаемость больных в группе ЛИВ-52 составила 74%, а в группе плацебо – 86% ($p=0,06$); самая низкая выживаемость отмечена у больных с печеночной недостаточностью класса С по классификации Чайлд-Пью (53 vs 81%). С печеночной недостаточностью было связано 22 из 23 летальных исходов в группе больных, получавших ЛИВ-52, у 3 из 11 – в контрольной группе больных. Эти результаты привели к немедленному отзыву ЛИВ-52 с рынка США¹.

¹ Alkatib SM, Ismail MK, Hepatoprotective role of Legalon 70 against hydrogen peroxide in chickens. // *Int J Health Sci (Qassim)*. 2019. № 13 (4). P. 17–21; Zakaria ZA, Kamisan FH Hepatoprotective and antioxidant activities of *Dicranopteris linearis* leaf extract against paracetamol-induced liver intoxication in rats // *Pharm Biol*. 2020. Dec. № 58 (1). P. 478–489; Anyasor GN, Moses N, Kale O. Hepatoprotective and hematological effects of *Justicia secunda* Vahl leaves on carbon tetrachloride induced toxicity in rats // *Biotech Histochem*. 2020. Jul. № 95 (5). P. 349–359.

И, тем не менее, роль фитогепатопротекторов в клинической практике несомненна. Мало того, растительные гепатопротекторы имеют ряд существенных преимуществ перед синтетическими препаратами.

Во-первых, фитогепатопротекторы позволяют соблюдать основной принцип лечения патологии печени – сведение к минимуму «экзотоксических» воздействий. Фитогепатопротекторы более близки человеческому организму, поэтому обеспечивают максимальное щажение печени.

Во-вторых, фитогепатопротекторы, как правило, обладают не одним, а рядом фармакологических свойств (кроме собственно гепатопротекторного эффекта антимикробным, противовоспалительным, спазмолитическим, желчегонным, антиоксидантным, иммуномодулирующим действиями), в ряде случаев – и при сопутствующей патологии.

В-третьих, фитогепатопротекторы обладают большей биодоступностью, в связи с чем случаи передозировки, непереносимости, побочных эффектов относительно редки. В то же время максимальное накопление действующих веществ (например, силибинина) именно в гепатоцитах позволяет максимально реализовать терапевтические эффекты этих препаратов.

В-четвертых, «мягкость» действия, безопасность, хорошая переносимость позволяют назначать растительные гепатопротекторы в амбулаторных условиях, детям, пожилым пациентам.

В-пятых, биологически активные вещества в растительных препаратах содержатся в оптимальных количествах и соотношениях, потенцируя друг друга, легко усваиваются организмом, являются средством и патогенетической, и симптоматической терапии.

В-шестых, лечебный эффект при назначении фитогепатопротекторов отличается устойчивостью, хотя и достигается в течение более длительного времени, чем при терапии синтетическими средствами. Это обосновывает целесообразность длительных курсов лечения растительными препаратами (3 недели и более).

В-седьмых, фитогепатопротекторы характеризуются выгодными фармакоэкономическими характеристиками.

Таким образом, применение растительных гепатопротекторов при различных поражениях печени является оправданным и обоснованным с точки зрения патогенеза заболевания. Для препаратов этой группы характерно относительно небольшое количество побочных эффектов и нежелательных реакций, однако назначение их должно быть дифференцировано согласно той или иной нозологической формы заболевания печени. При этом необходимо

учитывать и этиологию заболевания, активность патологического процесса в печени, наличие или отсутствие холестаза, стадию заболевания, наличие сопутствующей патологии у больного. Кроме того, многие современные растительные гепатопротекторы пока не имеют подтверждений клинической эффективности с позиции доказательной медицины, в связи с чем перечень показаний к их применению требует дополнительного научно-практического обоснования.

A. N. Plekhanov

Biopharmaceutical cluster as a model for creation of new phytopreparations for pharmacotherapy of common diseases

Summary. In front of me on the table is a collective monograph prepared under the leadership of RAS Academician Boris Bazarov «The heritage of Tibetan medicine in innovative projects of Buryatia», which reveals the prospects for a wonderful idea of creating a biopharmaceutical cluster in the Republic of Buryatia, summarizes historical data and analyzes the long-term achievements of Tibetan medicine. The book indicates the prospects for the introduction of Tibetan medicine in practical health care. The natural resources of the region, the availability of a sufficient amount of raw materials, as well as fundamental scientific developments dictate the need to study the issue of the production of phytopreparations. This fact makes it possible to substantiate approaches to the pharmacotherapy of common diseases, develop experimentally to test and introduce new effective and safe drugs into clinical practice. Interesting and promising in this regard are drugs intended for the treatment of liver diseases, including both infectious and non-infectious ones.

Key words: academic B. V. Bazarov, biopharmaceutical cluster, phytopreparations, pharmacotherapy

УДК 338 (510) (470+571)
ББК 65.9 (5кит) (2Р)

Н. И. Атанов, Л. В. Потапов

Сопрягаемость «новой нормальности» Китая и стратегического планирования России¹

Аннотация. На основе сравнительного анализа стратегических документов о «новой норме» (Китай) и «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (Россия) авторы устанавливают их принципиальные сходства и различия, обосновывают причины смещения по времени сроков реализации закона о стратегическом планировании. В качестве основной причины называется профессиональная неготовность субъектов и объектов к переходу на новый уровень планирования. Авторы предлагают создать в регионах России научно-образовательные центры поствузовского обучения руководителей и специалистов из сферы бизнеса, государственного и муниципального управления, организовать массовую просветительско-воспитательную работу с населением.

Ключевые слова: стратегия, новая нормальность, устойчивое развитие, человеческий капитал, «зеленая» экономика, обучение, просветительская работа.

Эпохальным нововведением в оборот мировой политической, научной и прикладной лексики второго десятилетия XXI в. стал термин «новая нормальность». Озвучил его впервые председатель КНР Си Цзиньпин в мае 2014 г. в провинции Хэнань в ходе инспекционной поездки. Смысл «новой нормы» (синь чантай) Китая заключен в двух обоснованиях.

1. Завершается этап высокоскоростного темпа развития, во имя которого нарушались пропорции в экономике, приносились в жертву интересы населения и экологии. На смену высоким темпам роста приходит высокое качество экономической структуры, сбалансированность между отраслями и регионами, повышение энергоэффективности и снижение капиталоемкости, со-

¹ Основные положения статьи получили апробацию в научной периодике: Атанов Н. И., Потапов Л. В. Сопрягаемость «новой нормальности» Китая и стратегического планирования России // *Власть*. 2019. № 1. С. 18–24.

кращение негативного воздействия на окружающую среду. Итог – перевод экономики из высокоскоростного в средне-высокоскоростной режим с «новой нормой» умеренного роста экономики, оптимизацией ее структуры, повышением качества и эффективности.

2. Заканчивается период встраивания Китая в мировые производственные цепочки в роли поставщика дешевой рабочей силы, вложения заработанных денег в финансовые институты, подконтрольные США. Наступает время опоры на достижения отечественной науки и технологий в производстве конкурентоспособных товаров и услуг, создания независимой финансовой системы и обеспечения глобальных торговых и инвестиционных интересов Китая¹.

Емкая смысловая нагрузка, уложенная всего в два слова, соответствует духу меняющегося Китая, его росту в мировом рейтинге и символизирует вектор перемен во внутренней и внешней политике на основе обновления базовых положений экономической реальности. Можно предположить, что выход из глобальной нестабильности, кризисов, торговых войн и других потрясений страны мирового сообщества будут искать и находить, формулируя свои национальные концепции «новой нормальности».

В отечественной политико-экономической среде китайская «новая нормальность» также вошла в оборот, но в видоизмененной формулировке – «новая реальность». Но если «новая нормальность» означает некий заданный стандарт, достижение которого требует обновления базовых положений экономической политики, то «новая реальность» лишь констатирует сложившееся положение вещей. Такое различие исключает адекватность и транспарентность двух терминов. Между тем стагнация в экономике, все больше вбирающая в себя признаки советской экономики второй половины 80-х гг. XX в., требует оперативного вмешательства не столько в духе ускорения, перестройки и гласности в терминах существующей модели экономики, сколько именно в плане ее обновления. Таким решением является переход на систему стратегического управления, закрепленный законом «О стратегическом планировании в Российской Федерации»².

¹ Атанов Н.И. Концепт «новой нормальности» в преодолении экономического отставания регионов с высокими экологическими ограничениями // Развитие территорий. 2017. №2 (8). С. 62

² Федеральный закон от 28.06.2014 №272-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». URL: <http://base.garant.ru/70684666/>(дата обращения 17.01.2019).

Безусловно, китайская «новая нормальность» – из категории стратегических подходов к обновлению устаревающей модели национальной экономики и к будущей роли Китая в глобальной экономике. Подкреплением и дополнением к доктрине «новой нормальности» стала концепция «Один пояс – один путь», имеющая своей целью создание Евразийского общего рынка с помощью проектов Великого шелкового пути и Морского шелкового пути XXI в.

Отечественный подход к модернизации через законодательный акт не менее фундаментален, чем китайская инновация, более демократичен и предусматривает закладку «новой нормальности» в трехуровневых стратегиях социально-экономического развития: страны, регионов, муниципалитетов, позволяющих максимально учитывать местные условия, особенности и возможности. Одномоментность выхода китайского и российского управленческих новшеств является знаковой с точки зрения общности проблем, целей и задач в условиях не снижающейся глобальной нестабильности и стремления к совместному взаимовыгодному сотрудничеству как в целях развития национальных экономик, так и для совместного реагирования на возникающие глобальные вызовы.

Различия двух подходов наблюдаются лишь в скорости исполнения принятых решений. Если принципиальные положения, составные элементы и механизмы «новой нормы» Китая к моменту официального озвучивания уже были проработаны и с 2014 г. запущены в реализацию, то новый для российской управленческой практики документ, натолкнувшись на отечественные «риффы быта», стал терять скорость и «плавучесть». Точный и критичный анализ исполнения закона о стратегическом планировании с разных углов зрения, на наш взгляд, дал В. А. Штыров: как производитель с солидным стажем, как руководитель субъекта РФ и как сенатор Совета Федерации¹.

Между тем регионы с задержкой в 2 года подготовили субъектные стратегии со смещением периода действия с 2017–2030 гг. на 2019–2035 гг. И так же, как федеральный центр передал лидерство в подготовке документа регионам, последние аналогично поступили по отношению к муниципальным образованиям. В итоге национальная стратегия развития строится со своего основания. Если к данному демократическому подходу отнести как к управленческому нововведению, то о результатах можно будет судить

¹ Штыров В. А. Зачем России Госплан? // Аргументы и факты. 18 апр. 2018. № 16. URL: https://aif.ru/money/opinion/zachem_rossii_gosplan (дата обращения: 30.08.2020).

по итогам защиты позиций нижестоящих стратегий в иерархии перед вышестоящими в условиях жестких лимитов государственного финансирования.

Некоторые обобщения можно сделать исходя из хронологии подготовки документа. Так, в Республике Бурятия к нему приступили в начале 2016 г.

Проект проходит третью интеграцию. Главную трудность создает новизна темы и отсутствие опыта. Инерция стереотипа подготовки программ довлеет над разработчиками, а для стратегического охвата, для «прыжка» на уровень «новой нормы» нужна соответствующая подготовка и адекватная среда. К сожалению, в отечественной системе профессионального образования нет специалитета по подготовке стратегических управленцев. Даже в научной среде ученые, владеющие методологией стратегирования, – штучный товар, что же тогда говорить про управленцев-практиков. Сложность предмета подтверждает и сам текст закона о стратегическом планировании. Усвоение его положений не укладывается в привычную рамку чтения, а требует наличия базовой профессиональной подготовки, углубленного изучения с карандашом с многократным подходом.

Эти «ловушки» авторам закона следовало бы знать и проявить стратегический подход и к вопросу усвоения основ стратегического планирования, например, подготовить и выпустить практическое пособие и методические рекомендации, учебную программу и сетку часов для обучения пользователей, прежде всего руководителей и специалистов в органах государственной власти и местного самоуправления. Но перед этим следовало бы обучить самих будущих учителей, обратив взор на успешную отечественную историю ускоренной ликвидации безграмотности населения «от Москвы до самых до окраин, с южных гор до северных морей». Ясно, что владение стратегическим мышлением и действиями – достоинство эксклюзивное и уникальное. Поэтому в мировой истории имена стратегов единичны. Строгое следование определению понятия «стратегия» диктует умение выйти за пределы текущих дел, заглянуть за горизонт обыденности и найти единственно правильный «угол атаки» (по В. Квинту) на решаемые проблемы¹.

В отличие от программ, в которых проекты обычно субординируются по приоритетам, определяются размеры и источники

¹ Квинт В. Стратегическое управление и экономика на глобальном формирующемся рынке. М.: Бизнес-Атлас, 2012. С. 353

ресурсов, обосновываются ожидаемые эффекты и т.д., стратегия (по существу) представляет сверхзадачу, а если строже – то «гимн в прозе», призывающий к свершению великих дел. И этим искусством нельзя овладеть только при помощи обучения. Но владение методологией стратегирования, методикой стратегического планирования является критичным в современную эпоху 4-й научно-технической революции. При этом следует дифференцировать стратегию выбора решения и стратегию подбора механизмов и методов его выполнения.

Стратегическим считается выбор из генеральной совокупности той единственной проблемы, решение которой откроет шлюзы для последовательного выполнения следующих по приоритету задач. Такой проблемой, общей для всех континентов и регионов мира, стран и местных сообществ, является переход на принципы устойчивого развития (sustainable development).

Актуальна эта проблема и для Республики Бурятия, являющейся водосборной зоной озера Байкал – участка мирового природного наследия.

На саммите «Рио+20» (20–22 июня 2012 г., г. Рио-де-Жанейро) вновь обсуждались проблемы устойчивого развития и искоренения бедности, были выработаны методы и меры их решения¹. Сама повестка, безусловно, – из категории «новой нормы». Однако до сих пор многие представители управленческой среды отождествляют устойчивое развитие с непрерывным экономическим ростом, хотя устойчивость характеризуется сбалансированностью и пропорциональностью развития всех секторов жизнедеятельности нынешнего поколения людей в гармонии с биосферой, экосферой с таким расчетом, чтобы не лишать возможности будущие поколения удовлетворять свои потребности. Причина незнания – в пробелах обучения.

Стратегией подбора механизмов и методов перехода на устойчивое развитие является решительный перевод экономики с опоры на «физическую силу» природных ресурсов на «мягкую, умную силу» знаний, замещение «коричневой» – ресурсопожирающей и экологически пагубной экономики «зеленой» – информационной и цифровой экономикой. Начинать следует с «озеленения» и «цифровизации» сознания на основе обучения не только элит, но всего народонаселения.

¹ Конференция ООН по устойчивому развитию РиО+20. URL: <https://ria.ru/eco/20120623/679787921.html> (дата обращения: 30.08.2020).

Судьбоносным фактором подъема экономики является развитие предпринимательства в регионах. Поэтому «новой нормой» Стратегии должен быть быстрый рост предпринимательской среды: с 6–8% трудоспособного населения, которые заняты предпринимательской деятельностью в Бурятии в настоящее время, ее численность нужно довести до 35–40% в 2035 г. Одних призывов и государственных преференций будет недостаточно, чтобы справиться с этой задачей. Просветительская работа с населением, создание экспресс-курсов при бизнес-инкубаторах, при администрациях муниципальных районов позволит решить первичный слой проблемы. Долгосрочный стратегический успех в воспитании и привитии предпринимательского духа и навыков может обеспечить перевод общеобразовательных школ на практикоориентированное обучение, политехнизацию школ, чтобы дети параллельно с изучением законов физики, математики, биологии, химии и т. д. осваивали методiku их переложения в практическое русло, создавая новые и добавленные стоимости, овладевали практикой коммерции и маркетинга и реально осязали результаты своего труда. Для этого в первую очередь нужно убрать из федерального закона об образовании вредоносную норму, исключаящую привлечение школьников к труду. Видимо, разработчикам закона была неведома аксиома, что труд создал человека. Только привитие с детских лет трудовых и предпринимательских навыков способно сформировать новую генерацию рыночно ориентированного и предпринимательски нацеленного поколения россиян.

Заметим, что выходом на мировую лидерскую позицию советская образовательная система обязана именам А.С. Макаренко, В.А. Сухомлинского, К.Д. Ушинского и др., а также созданной мощной научно-педагогической базе.

По всей стране была создана сеть научно-технических обществ, центров научно-технической информации (ЦНТИ), на предприятиях действовали общества изобретателей и рационализаторов. Всесоюзное общество «Знание» вело просветительскую работу в трудовых коллективах и среди населения, в университетах марксизма-ленинизма без отрыва от основной деятельности обучались руководители и специалисты. Практически все слои общества были охвачены обучением и повышением квалификации. На наш взгляд, непростительно дорого чураться собственного отечественного положительного опыта. Нужно его возрождать, изменив фокус с идеологической плоскости на практическую.

Знакомство с зарубежной программно-проектной практикой показывает, что во всех изученных авторами страновых материалах, в проектах предусмотрена отдельная статья расходов на обучение персонала, а в отечественных программах и проектах – лишь фрагментарно¹.

Послевузовским обучением по финансово-экономической и управленческой специализации занимается Российская академия народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС). Однако для масштабов России интеллектуального капитала одного учреждения явно недостаточно. Даже выборочное и дискретное направление на курсы повышения квалификации руководителей и специалистов из регионов или приглашение в регионы специалистов РАНХиГС для проведения экспресс-курсов накладно для бюджета, а поэтому ограничено. Поэтому регионам нужна система непрерывного обучения на местах.

Казалось бы, этим направлением повышения квалификации и переподготовки кадров должны заниматься вузы в регионе. Такая работа ведется, но только по отдельным заказам. А нужно системное непрерывное и массовое обучение кадров по самым разным сферам деятельности с серьезной методологической и программной базой. Самостоятельно осилить эту задачу и работу без партнерства с органами власти и сообществом промышленников и предпринимателей вузы в одиночку не в состоянии, т.к. на протяжении последних 7 лет permanently вынуждены заниматься оптимизацией, но не качества образования и науки, а затрат: текущих и капитальных. В такой ситуации творческая энергия коллективов вытесняется отрицательной энергией депрессии. Продолжение тренда имеет одну перспективу – пространственную оптимизацию высшей школы России с известными последствиями.

Нарращивание качества человеческого капитала в регионах через систему дополнительного обучения не имеет альтернативы. Но и обучение имеет свой предел возможностей, за которым просматривается элементарный дефицит человеческого потенциала.

Для восточных регионов России при формировании стратегий социально-экономического развития дамокловым мечом выступает ухудшающаяся демографическая ситуация. Даже самые привлекательные слагаемые «новой нормы» в стратегических целевых

¹ Атанов Н.И., Семенов Ф.В. Развитие отечественной школы регионального стратегического планирования с использованием мирового опыта: монография. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского государственного университета, 2016. 160 с.

установках, имеющих высокую норму прибыли, в ряде случаев отодвигаются по срокам на последующие периоды ввиду проблемы с трудоустройством. Несмотря на многолетнюю неубывающую динамику исхода народонаселения, проблема миграции не находит системного решения ввиду недостаточности полномочий и ресурсов у региональных органов власти. Между тем «невидимая рука рынка» продолжает свое дело, оголяя без того разреженное экономическое пространство.

Территории провалов рыночных регуляторов давно нуждаются в перезагрузке институтов и механизмов управления на принципы государственного дирижирования. Стратегическим решением могло бы стать заимствование реформаторской «новой нормы» Дэн Сяопина о приживаемости в одной стране двух систем (в связи с переходом Гонконга под юрисдикцию Китая из-под английского протектората). Как видим, за 20 лет дуализм в государственном устройстве прижился: коммунистический режим Китая не рухнул, и Гонконг продолжает оставаться одним из мировых деловых и финансовых центров. Но для заимствования китайского опыта необходима глубочайшая и всесторонняя проработка вопроса политологами, социологами, демографами, экономистами, финансистами, экологами, географами, этнографами. При этом следует учитывать дихотомию проблемных зон у Китая и России: трудоизбыточность и ресурсодефицитность – на одном полюсе; ресурсодефицитность и ресурсодостаточность – на другом. Многоаспектность и многослойность темы не укладывается в регламент и рамки статьи.

Можно в этом же духе продолжать нанизывать проблемы стратегического уровня на нить логической схемы изложения материала, но основной посыл ясен.

1. По существу «новая норма» Си Цзиньпина является новой стратегией Китая, обновившей реформы, начатые Дэн Сяопином. Цель ясна и задачи определены – к 100-летию Коммунистической партии Китая достичь средней зажиточности населения (сяокан).

2. Пробуксовка с исполнением федерального закона «О стратегическом планировании» по всей иерархической вертикали есть следствие неготовности к восприятию его принципиальных положений со стороны субъектов и объектов управления. В свою очередь, причина неготовности/отторжения – в недостаточности профессиональной квалификации, т. е. грамотности.

3. Подготовленный проект Стратегии социально-экономического развития Республики Бурятия – 2035 нельзя признать пол-

ноценной стратегией. Скорее, документ представляет некую комбинацию госпрограммы и стратегии. «На высокую башню можно подняться лишь по винтовой лестнице», – утверждал Френсис Бэкон. Он же заметил, что «нововведения подобны новорожденным: на первых порах они необычайно нехороши собой»¹.

4. С опорой на отечественный исторический опыт в регионах необходимо возродить научно-образовательные центры для параллельного поствузовского обучения руководителей и специалистов из реального сектора экономики, государственного и муниципального управления, проведения прикладных исследовательских работ. С учетом актуальности вопроса и требований времени оптимальный подход видится в организованном решении из центра, исходя из российской ментальности, склонной к действиям «во исполнение». РАНХиГС возглавил бы научно-методическое и координационное руководство.

5. Не меньшим, а большим потенциалом полезности в деле прогресса общества обладает просветительно-воспитательная работа с народонаселением путем восстановления институтов просвещенческо-пропагандистской работы в регионах. Стратегическое видение и управление, стратегические подходы к действиям имманентно присущи только грамотному менеджменту и просвещенному обществу. Высказывание О. фон Бисмарка о том, что «победу в войнах одерживает учитель», в современной действительности относится и к экономическим победам.

N. I. Atanov, L. V. Potapov

Matching the «new normality» of China and Kussia's strategic planning

Abstract. On the base of comparative analysis of such strategic courses as «new normality» (China) and «On strategic planning in the Russian Federation» (Russia) the article establishes their fundamental similarities and differences. The authors substantiate reasons for the time shifting of implementation of the law on strategic planning. The main one is the professional unavailability of subjects and objects to the transition to a new level of planning. The authors propose creating in the regions

Keywords: strategy, new normality, sustainable development, human capital, green, digital economy, training, educational work

¹ Суета сует: 500 лет английского афоризма (пер. с англ. А. Ливерганта). М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 1998. С. 11,12.

Сведения об авторах

АТАНОВ Николай Иванович – доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра Института экономики и управления Бурятского государственного университета им. Доржи Банзарова

БАЛДАНО Марина Намжиловна – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.

ВАНЧИКОВА Цымжит Пурбуевна – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.

ДАМДИНОВ Алдан Валерьевич – кандидат исторических наук, депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации.

ГОЛОВНЕВ Андрей Владимирович – доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, директор Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН, Лауреат Государственной премии Российской Федерации.

ГУСЕВА Юлия Николаевна – доктор исторических наук, Московский городской педагогический университет.

ДАМЕШЕК Ирина Львовна – доктор исторических наук, профессор Иркутского государственного университета.

ДАМЕШЕК Лев Михайлович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России исторического факультета Иркутского государственного университета.

ЕРШОВ Виталий Федорович – доктор исторических наук, профессор, Центр аналитики и прогнозирования Московского государственного областного университета.

ЖАЛСАНОВА Бутит Цыдыпмункуевна – доктор исторических наук, директор Государственного архива Республики Бурятия.

ИВАНОВ Александр Александрович – доктор исторических наук, профессор Иркутского государственного университета.

КРАДИН Николай Николаевич – доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, Директор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, научный руководитель лаборатории археологии, этнологии и антропологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.

КУЗНЕЦОВ Сергей Ильич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой мировой истории и международ-

ных отношений исторического факультета Иркутского государственного университета.

КУРАС Леонид Владимирович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.

ПИВОВАР Ефим Иосифович – доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, Президент Российского государственного гуманитарного университета.

ПЛЕХАНОВ Александр Николаевич – доктор медицинских наук, профессор, главный врач ЧУЗ «Клиническая больница «РЖД-Медицина» города Улан-Удэ», заведующий кафедрой факультетской хирургии Медицинского института Бурятского государственного университета.

ПОПОВА Ирина Федоровна – доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, Директор Института восточных рукописей РАН.

ПОТАПОВ Леонид Васильевич – первый Президент Республики Бурятия (1994–2007), доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Отдела региональных экономических исследований Бурятского научного центра СО РАН.

ПСЯНЧИН Айбулат Валиевич – доктор географических наук, профессор, Директор Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН

УВАРОВ Павел Юрьевич – доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, заведующий отделом западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени Института всеобщей истории РАН, профессор Национально-исследовательского университета «Высшая школа экономики»

ХРИСТОФОРОВ Василий Степанович – доктор юридических наук, член-корреспондент РАН, профессор Российского государственного гуманитарного университета.

Содержание

<i>Вместо введения. Дело, которому ты служишь: К 60-летию академика Бориса Вандановича Базарова</i>	3
<i>Уваров П. Ю. Хартленд средневековья (особенности исторической динамики средневекового мира)</i>	16
<i>Крадин Н. Н. Гетерархия и иерархия в обществах древних кочевников Забайкалья</i>	32
<i>Попова И. Ф. Управление окраинными территориями Западного края в китайской империи при династии Ранняя Хань (206 до н. э. – 9 н. э.)</i>	57
<i>Дамешек Л. М., Дамешек И. Л. Российские окраины в системе внутренней политики империи XVIII – начала XX вв.: концепты, закон и практика</i>	83
<i>Курас Л. В., Жалсанова Б. Ц. Бурятские Степные думы в имперской системе власти и степень их изученности в современной российской историографии</i>	105
<i>Псянчин А. В. Этническое картографирование Сибири в Императорском Русском географическом обществе (к 175-летию РГО)</i>	119
<i>Головнёв А. В. Перевод кочевников на оседлость: ревизия идеи</i>	134
<i>Христофоров В. С., Гусева Ю. Н. Монголо-буддийские сюжеты в «восточной» работе советских спецслужб в 1922–1934 гг.</i>	152
<i>Ванчикова Ц. П. Религиозная политика Коминтерна в Монголии по документам РГАСПИ</i>	178
<i>Дамдинов А. В. Дело Агвана Доржиева: последние страницы жизни буддийского иерарха</i>	190
<i>Балдано М. Н. Монгольский мир: фактор китайской миграции</i>	202
<i>Иванов А. А., Кузнецов С. И. Подготовка кадров высшей квалификации для Бурятии и диссертационный совет по историческим наукам при Иркутском государственном университете</i>	214
<i>Пивовар Е. И., Еришов В. Ф. Международное взаимодействие финансовых институтов как фактор интеграции на Евразийском пространстве (1991–2019 гг.)</i>	237
<i>Плеханов А. Н. Биофармацевтический кластер как модель создания новых фитопрепаратов для фармакотерапии распространенных заболеваний</i>	269
<i>Атанов Н. И., Потапов Л. В. Сопрягаемость «новой нормальности» Китая и стратегического планирования России</i>	282
<i>Сведения об авторах</i>	291

Contents

<i>Instead of foreword. The Affair That you Serve: on the 60TH Anniversary of Academician Boris V. Bazarov</i>	3
<i>Uvarov Pavel. Medieval Hartland (about the features of the historical dynamics of the medieval world)</i>	16
<i>Kradin N. N. Heterarchy and Hierarchy in ancient nomadic societies of Transbaikalia</i>	32
<i>Popova I. F. The Administration of the Outlying Territories of the Western Regions of the Chinese Empire under the Early Han Dynasty (206 BC – 9 A. D.)</i>	57
<i>Dameshek L. M., Dameshek I. L. Russian Outskirts in the System of Inner Policy by Empire of XVIII – Beginning of XX cc.: Concepts, law and Practice</i>	83
<i>Kuras L. V., Zhalsanova B. Ts. Buryat steppe dumas in the empire's system of authorities and degree of knowledge in contemporary russian historiography</i>	105
<i>Aibulat V. Psyanchin. Ethnic Mapping of Siberia in the Imperfial Russian Geographic Society (to the 175th Anniversary of the RGO)</i>	119
<i>Golovnev Andrei V. Transferring nomads to settled life: revision of the idea</i>	134
<i>Khrstoforov V. S., Guseva Y. N. Mongolian-Buddhist Subjects in the «Eastern» Work of Soviet Security Agencies in 1922–1934</i>	152
<i>Vanchikova Ts. Religious Policy of the Comintern in Mongolia According to the Rsasph Documents</i>	178
<i>Damdinov A. V. Agvan Dorzhiev's Work: the Last Pages of Buddyist Hierarch's Life</i>	190
<i>Baldano M. N. Mongolian World: a Factor of Chinese Migration</i>	202
<i>Ivanov A. A., Kuznetsov S. I. Training of Highly Qualified Specialists for Buryatia and Dissertation Council on Historical Sciences at Irkutsk State University</i>	214
<i>Pivovarov E. I., Ershov V. F. International Cooperation of Financial Institutes as Factor of Integration in Eurasian Space (1991–2019ss.)</i>	237
<i>Plekhanov A. N. Biopharmaceutical Cluster as a Model for Creation of new Phytopreparations for Pharmacotherapy of Common Diseases</i>	269
<i>Atanov N. I., Potapov L. V. Matching the «New Normality» of China and Russia's Strategic Planning</i>	282
<i>Authors</i>	291

TERRA EURASICA :
к 60-летию академика Б. В. Базарова
Сборник научных статей
Научное издание

Издательство «Оттиск»
Лицензия ЛР № 066064 от 10.08.1998.
Подписано в печать 16.09.2020 г.
Формат 60x84 1/32.
Гарнитура Minion Pro.
Усл. печ. л. 17.02. Уч.-изд. л. 13.82.

Отпечатано в типографии «Оттиск»
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Тираж 500 экз. Заказ № 321.
664025, г. Иркутск, ул. 5-й Армии, 26.
Тел./факс: (3952) 34-32-34, 241-242.
E-mail: ottisk@irmail.ru
www.ottisk-irk.ru

